

1.

(Березень 1904 р., Чернігів.

Не сердитесь на меня¹— Я виноват только в том, что Вас люблю, горячо и искренно. Если же Вы, все таки, считаете меня виновным, я готов чем угодно заслужить Ваше прощение, только не сердитесь. В знак того, что не сердитесь, взгляните на меня. Подымите же Ваши глаза, дорогая, любимая!

2.

[Березень 1001 р., Чернігів.]

Я больше так не могу. Я окончательно измучен неизвестностью— простили ли Вы меня. Я очень сожалею, что не сдержал вспышки своего чувства — но чувство мое искренне и глубоко. Если бы Вы захотели выслушать меня, если бы Вы позволили мне встретить где-нибудь Вас — я рассказал бы Вам целую поэму — или, если хотите — драму о том, как я Вас полюбил. Я уверен, что Вы тогда иначе отнеслись бы ко мне, чем теперь. Не мучьте меня, ответьте мне, напишите хоть несколько слов: неизвестность хуже самой ужасной действительности. Не мучьте же меня.

3.

[20 березня 1904 р., Чернігів.]

Вы роковым образом ошиблись. Но так как Вы хорошее чувство мое считаете для себя оскорбительным, я никогда больше не позволю себе напомнить Вам о нем и даже о своем существовании.

4.

[Грудень 1905 р., Чернігів.]

Не выдерживаю и пишу Вам. Ведь я не могу ни повидаться с Вами здесь, ни поговорить. А, между тем, если бы Вы знали, как мне необходимо это, какую потребность я чувствую

видеть Вас, слышать Ваш голос, быть вблизи Вас. Порой мне кажется, что Вы ненавидите меня и избегаете — тогда я стараюсь не показываться Вам на глаза. Иногда же мне сдается, что такое большое и сильное чувство не может, не должно пропасть бесследно. Как мне хочется поговорить с Вами. Но я у Вас ничего не прошу. Я всецело отдаю себя во власть Вашего доброго сердца. Захотите — ответите мне, не захотите — не ответите. Если Вам неприятно, что я пишу Вам, порвите этот клочок и не отвечайте. Я больше не буду надоедать Вам.

5.

[Грудень 1905 р., Чернігів.]

Спасибо Вам. дорогая, любимая (позвольте так называть

Вас!). Нельзя ли Вам завтра в 61/г часов на длинном бульвар-

чике, рядом с усадьбой Шрага? Если нет, то где и когда?

Я хотел бы скорее. Может быть, выйдете к телефону, когда

я там буду и передадите ответ?

6.

[о січня 1906 р., Чернігів.]

Я не знаю, как мне испросить у тебя прощения, моя дорогая, моя единственная. Но я был захвачен врасплох. Я знал, что я уйду один, но в то время/ когда я выходил, мне заявили: "я иду с тобой на заседание" — и я был лишен свободы, не успев даже предупредить. Что я пережил в этот момент, как мне было досадно и больно, не буду рассказывать тебе. В это время я больше думал о тебе, о том, что ты ждешь меня и не довольна, что ты бог знает что можешь подумать обо мне. Не сердись же, голубка, на меня, прости: ведь я перемучился не меньше твоего. Теперь надо устраивать так, чтобы подобные случаи не повторялись.

Но как ни тяжела такая продолжительная разлука с тобой, я все же счастлив бесконечно, зная, что ты меня любишь. Это такое огромное, такое яркое, захватывающее счастье, что я буквально пьян от него. Ты меня любишь! Ты моя! Я могу целовать тебя, ласкать, слышать твой голос, видеть твои чудные глаза, любить тебя и отдать тебе свое сердце нераздельно. Я чувствую, что во мне что-то поет, что-то окрыляет мысль, очищает чувство. Мне хочется всем людям крикнуть в лицо: я счастлив! И я едва сдерживаюсь.

Что-то сильное и могучее захватило меня — и я никому не позволю отнять от меня мое счастье, так дорого, с такими жертвами доставшееся мне. Моя милая, моя дорогая, моя ты бесконечно добрая и ласковая голубка! Как я тебя люблю! Я весь дрожу, говоря эти слова. Как я хочу, безумно-мучительно хочу сейчас видеть тебя, слышать биение твоего сердца, почувствовать хотя бы маленькую ласку твою, еще раз услышать, что ты моя. Кет, ты должна еще сегодня, хоть на момент, хоть на мгновенье доставить мне счастье. Пусть я знаю, что ты не сердишься на меня, дорогая.

Как бы нам устроиться с перепиской? Может быть, можно класть письма в условленное место? Это передавание при всех не совсем удобно. Подумай.

Когда мы увидимся? Ведь я долго не могу выдержать. Чувствую, что не могу. Ведь я целые годы ждал. Напиши мне.

Целую тебя. Целую горячо, страстно и чувствую вкус твоих поцелуев. Сердце мое, дорогая моя, люблю тебя бесконечно.

Твой.

(Січень 1906 р., Чернігів.)

Шурок! Хотя сегодня и холодно, но все же не так жестоко. Хочу увидеться с тобой хоть на часик, хотя бы на 1 2 часа, В 6 час. буду ожидать тебя на нашем прежнем месте, ближе к тебе. Я не хочу, чтобы ты совершала такое длинное путешествие, как при последних свиданиях.

Ты не успеешь ответить мне сегодня — и поэтому я все равно приду на наше место, независимо от того, выйдешь ли ты сегодня, или не сможешь выйти. Целую тебя. Люблю горячо. До свидания!

Твой.

[Січень 1906 р., Чернігів.)

Не могу, чтобы хоть мысленно не поцеловать свою Шурочку. По утрам я ежедневно желаю тебе доброго утра, на ночь — покойной ночи. Ты наполняешь мою жизнь так, как солнце в полдень воздух. Шурочка подумала бы то-то, Шурочка сказала бы так-то и т. д. Всегда и везде Шурочка, моя дорогая, такая хорошая, светлая. Мне так хорошо сознать, что ты мой друг, верный и искренний. Мне кажется,

что хотя я мало знаю еще тебя, но я тебя чувствую и это просветленное чувство заменяет опыт. А, все таки, мне хочется чаще видеть тебя, моя голубка. Я только и отдыхаю душой, когда тебя вижу.

Не сердись, что я так часто пишу: мне хочется перекинуться с тобой хоть словом. Целую тебя, мое сердце, моя любовь, моя голубка.

Твой навсегда.

9.

{1906 р., Чернтв.]

Так и не получил вчера от тебя ничего. Хоть бы словечко. Может быть, сегодня что-нибудь для меня будет. Мне тяжело без тебя, невыносимо, милая, добрая Шурочка. Дни кажутся такими серыми, бесцветными; ночи — тревожные, со снами. Когда мы увидимся, голубка?

Меня сжигает моя любовь, мне так хочется целовать тебя, обнимать, прижимать к сердцу.

Целую тебя, моя радость.

Твой.

[1906 р., Чершпв.]

Спасибо, дорогая, за твою доброту ко мне. Я вчера возвратился от тебя очень счастливым. Одно только не дает мне покоя: не простудил ли я тебя. Я бы не простил себе этого никогда. Как ты чувствуешь себя? Успокой меня, Шурочка. Когда идешь на свидание — хочется так много передать, многим поделиться. Но за такое короткое время успеешь только приласкать (в этом я чувствую страшную потребность). Я хотел сказать тебе вчера, что и я тебя ревную. Ревную ко всем тем, с кем ты проводишь вечера, читаешь, разговариваешь. Подари мне хоть один такой вечер. Мне очень хочется почитать вместе, поговорить. Я замечаю, что у нас есть много сходного во вкусах, представлениях, мыслях.

Всякий раз, когда я сделаю такое открытие, я страшно радуюсь; ведь мы становимся от этого ближе, как бы роднее.

Когда и где увидимся? Я горю нетерпением. Долго не видеть тебя — для меня мученье и при том невыносимое. Люби меня и думай обо мне. Я вечно с тобой.

Целую, обнимаю, люблю.

Твой.

[1906 г., Чернов.]

Сердце мое, дорогая моя! Все эти дни у меня было такое скверное, тяжелое настроение, что я не мог работать. Никуда не ходил, не гулял, не писал. Все вечера просидел у себя в кабинете за книгой. Не писал тебе об этом, не хотел огорчать тебя, мое сердце. Но потом подумал: ведь в самом деле, ей нужно знать, что со мной, хорошо ли мне, плохо, — и решился. Вчера ходил на редакционное совещание в редакцию "Десны" 3. Скучища была страшная, компания разношерстная, слишком большая, громоздкая. Сегодня опять у меня заседание — общее собрание членов кассы. Я рад, что хоть насильно меня оторвут от себя, от тяжелого настроения. Почему ты не спишь по ночам, или мало спишь? Меня это беспокоит. Что с тобой, Шурочка милая? Напиши непременно, иначе буду беспокоиться. Мы оба думаем, что писать о себе неинтересно, все только хочется знать о другом. Дорогая моя, единственная, любимая! Целую тебя от всего сердца, крепко прикрепко, как люблю. Еще раз целую мою детку.

Твой.

Еще не знаю — пойду ли в понедельник на концерт.

[1906 г., Чертив.]

Доброго утра, Шурочка. ()

Я рад, что мне удалось вчера увидеть тебя хоть на мгновение. Ты вчера была такая хорошенькая, глаза блестели, тебе так идет белая блузка, ты была очень и очень интересна, и я мысленно целовал тебя. Но порой у меня сердце разрывалось от мысли, что я сижу не с тобой, не с тобой делюсь впечатлениями, не вижу тебя, не смотрю в глаза. Это страшно мучительно и я едва сдерживаю себя. Чувствую себя очень скверно. Разлука действует на нервы подавляюще. Не огорчайся, впрочем, милая. Я стараюсь владеть собой и хотя это дорого обходится, но все таки удастся.

Довольна ли ты концертом? Я доволен. Продуманное, талантливое исполнение. Благодаря хорошей игре, я мог слушать и наслаждаться не столько исполнителем, как авторами произведений.

До свидания, любимая, милая, добрая, друг мой хороший. Целую тебя и обнимаю от всей души. Люблю тебя безгранично.

Твой.

13.

[1906 р., Чернігів.]

Я тебе вчера сделал больно, мой дорогой Шурок? Прости, я не знал, что ты сделала себе прививку. Зачем ты выходишь на воздух. Не рискуй. Если у тебя будет повышение температуры, не выходи, сердце, из дому, а то я буду очень беспокоиться. Спасибо тебе за поцелуй. Я кажется, не выдержал бы, пошел бы в вашу комнату и поцеловал бы тебя при всех. Милая моя, дорогая, целую тебя. Люблю. <

Твой.

Страшно скучаю без тебя, моя Шурочка.

14.

[3 лютого 1906 р., Чернігів.]

Как ты себя чувствуешь, дорогая? Можем ли мы уви-

даться сегодня (в 61 8, на прежнем месте). () Я, хотя

знал, что вчера тебя не увижу, все таки в обычное время пошел на наше место. Думал рассею как-нибудь свою тоску на месте, полном дорогих воспоминаний. Но вышло еще хуже: без тебя это место пустынно, скучно и не успокоило меня совсем. Напиши мне, моя любимая, как твоя рука и можем ли увидаться сегодня. Если сегодня нельзя тебе, то когда. Жду тебя с нетерпением. Целую крепко мою милую Шурочку, мою жизнь. Люблю.

Твой.

15.

[1906 р.. Чернігів.]

Я сегодня не могу, голубка моя, видаться с тобой. Неожиданно у меня занят вечер. Страшно досадно и тяжело. Зато завтра, если ты согласна, постараюсь вознаградить тебя и себя за сегодняшний день. Прости, сердце мое, за такое короткое письмо. Целую крепко, как люблю.

Я совсем здоров. Не простудилась ли ты тогда?

Я очень беспокоюсь.

[іЩ р.. Чернігів.]

Ты несправедлива ко мне, дорогая: я тебя люблю всеми силами души, как только умею. Я устроился так, что нам сегодня можно увидаться. Я выйду около 6 час. (немножко позже, быть может) на прежнее место, против народного дома. Там уже условимся, где будем встречаться потом. Не сердись.

Люблю и целую.

17.

[1906 р., Чернігів. |

Доброго утра, Шурочка. (Если б сейчас хоть один маленький поцелуй).

Как это странно: я чувствую, что моя жизнь сократилась, что живу только несколько дней в течение месяца... Только те дни, когда тебя вижу. Дни без тебя—это что-то такое тоскливое, серое, длинное и скучное. Еще — если могу писать — убиваю дни. А вчера мне не писалось совсем; я вчера сильно тосковал по тебе, проклинал свою жизнь, рвал и метал. Страстно хотелось хоть на минутку увидеть тебя, хоть издали. Ты — мой воздух, безлкоторого невозможно дышать.

Как себя чувствуешь? Я еще совсем не успокоился, все боюсь, не простудилась ли ты. Чувствую угрызение совести. Напиши. Что ты вчера делала, где была? Для меня такой тяжелый был вчера вечер. Мне было бы лучше, если б я знал, что хоть тебе было весело и приятно. Когда увидимся и где? Мне трудно долго ждать, ты ведь понимаешь это, дорогая? Целую тебя, мое счастье, всю тебя целую, чтобы тебе было хорошо и тепло от моих поцелуев.

Твой.

18.

Мы сегодня увидимся, Шурочка. Как это хорошо. Нельзя ли нам встретиться сегодня недалеко от твоего дома, возле водопроводной будки, что перед белым мостом? Оттуда мы пошли бы вверх по той улице, по которой ты предлагала идти тогда, когда мы свернули в переулок. Помнишь? Это было в день твоего купанья. Видишь ли, мне в тех местах, после нашего свидания, надо быть на комиссии⁴ и если мы

встретимся где-нибудь в другой части города, я сильно запоздаю. А комиссия та, о которой я говорил тебе, значит — должен быть на ней. Напиши мне сегодня же хоть два слова — согласна ли ты встретиться в 6*/3 ч. (только не опоздай очень, голубка) у водопроводной будки, а если не там, то где? Я уже чувствую лихорадку нетерпения, так мне хочется быть с тобой и приласкать мою любимую, дорогую, добрую, бесценную детку.

Люблю тебя, голубка. Целую.

Твой.

19.

[1906 р., Чернігів.]

Доброе утро, Шурочка. Дай губки. А теперь глазки. Целую.

Как ты вчера добрела домой? Не озябла ли, не простудилась? Как спала, что снилось, как себя сегодня чувствуешь? Все это хочется мне знать, сотни мелочей, которые так соединяют людей, создают атмосферу близости. А мне хочется, чтобы мы были близкими людьми, друзьями. И каждый раз, когда ты словом или движением отстраняешь меня от себя, мне кажется, что ты покушаешься на нашу близость. Ты говоришь, что я не даю тебе привыкнуть ко мне. Наоборот, мне как раз

хочется создать эту близость, чтобы не страдать от мысли, что она мираж, что ее нет, что вместо доверия — в наши отношения вкрадывается осторожность. Любимая! Каждая встреча опьяняет меня, как весенний воздух и я бесконечно счастлив, переживая потом все детали нашего свидания. Вспоминаю каждую твою ласку, улыбку, выражение глаз — и все радует меня; слышу твой голос и чувствую теплоту твою. Как я тебя люблю! Как люблю тебя, мое сердце, моя ты маленькая. Целую и обнимаю. Жду поцелуев и ласк твоих.

Твой.

20.

[1906 р., Чернігів.)

Беспокоюсь, не простудилась ли ты вчера, милая Шурочка. Не промочила ли ноги?

Вот сейчас хотел что-то сказать, но остановился; невольно пришла мысль: Шурочка скажет, что я фантазирую, что я сочиняю — и ничего не пишу. Мне больно, если ты серьезно это говоришь. Я, право, заслуживаю большего доверия. Люблю тебя, моя дорогая, искренно и горячо. Хочешь верь, не хочешь — не верь. Целую.

Твой.

21.

[12 квітня 1906 р., Чернігів.]

Сегодня стодневный юбилей нашего поцелуя— Неужели

он сегодня останется в спокойном состоянии на губах каж-

дого из нас в отдельности? Сто дней прошло! А мне было так хорошо, что если бы так продолжалось сто лет — мне не наскучило бы, я испытывал бы ту же радость, тоже счастье, что и сейчас. С каждого свидания возвращаюсь буквально пьяным от счастья — и когда вспоминаю о тебе потом — мое сердце наполняется таким нежным чувством привязанности, дружбы, любви, благодарности—и мне еще больше хочется целовать тебя. ()

Сегодня заспал после бессонных ночей, поэтому пишу мало, но целую много. Как чувствуешь себя, сердце? Поцелуй меня.

Люблю, обнимаю и целую до смерти.

Твой.

До субботы!

22.

[Квітень 1906 р., Чернігів.)

Понимаю тебя, родная. Твое горе я переживаю глубже, чем собственное⁵. Еще больше, чем когда, хочется приласкать тебя, успокоить. Хочу видаться завтра. Не лучше ли на нашем старом месте, ведь теперь сухо везде. В 63/г часов?

Целую. Жду ответа.

23.

(Квітень 1906 р., Чернігів.)

Целую твои губки. С добрым утром, милая!

Вчера мне было так плохо, что я не мог выйти из дому и не видел тебя. Такой день, когда тебя не увижу хоть на минутку, я считаю пропавшим днем, как бы вычеркнутым из моей жизни. Я хотел бы быть вознагражденным за такие дни частыми свиданиями. Кстати, я вчера ходил на наше старое место. Дорога совершенно сухая, суше, чем где-бы то ни было. Я очень обрадовался, мы опять можем быть вместе на моем любимом, богатом воспоминаниями, месте. (. . . • .) Когда же мы увидимся? Я горю нетерпением, жизнь без тебя для меня сплошное мучение. Помни об этом, голубка, если меня любишь.

Целую тебя крепко, обнимаю еще крепче. ()

Твой.

24.

[Квітень 1906 р., Чернігів.]

Наконец сегодня увижу тебя! Ужасно соскучился. Надежда увидеть тебя не дает мне возможности сосредоточить мысли сейчас и рассказывать тебе письменно то, что расскажу при свидании. Голубка моя нежная, сегодня я буду целовать тебя, сегодня буду смотреть в твои глазки! Я так счастлив, что завидую сам себе.

Итак, на нашем старом месте, за углом, в 7 час? Хорошо? Жду вечера с нетерпением, а пока целую крепко и сердечно мою голубку.

Твой навсегда.

[3 травня 1906 р., Чернігів.

Добрый день, Шурочка!

Какая неудачная для нас неделя. До пятницы все вечера заняты. Если бы удалось, по крайней мере, хоть в пятницу! А я уже чувствую, что долго выдержать не смогу. Мне чересчур тяжело не видеться с тобой, моя голубка. Когда вчера вечером ты сидела так далеко от меня, я чувствовал себя очень одиноким и несчастливым. Теперь это прошло, сегодня третье число — такое памятное, такое дорогое для меня — и я чувствую, как бьется мое сердце, полное горячим чувством к тебе, нежностью, братскою заботливостью. Вспоминаешь ли ты каждое третье, как я? Голубка моя, люби меня, думай обо мне. Я только и живу тобой. Как себя чувствуешь? Я здоров. Очень заспал сегодня и едва успею собраться.

Целую тебя, мое сердце, крепко.

Твой.

]4 травня 1906 р., Чернігів.]

Спасибо тебе, милая, за утешения. Но я все таки скучаю, скучаю страшно, тоскую и не нахожу себе места. Мне недостает тебя — а без тебя я просто мучусь.

В пятницу тебе опять нельзя, а в субботу я, быть может, выеду по делам в Киев и пробуду там до 10-го. Опять не увидимся. Я уже боюсь предлагать тебе, у меня нет надежды на твою решимость, но все таки

скажу: голубка, поедem в Киев вместе. Проведем вместе день-два, упьемся счастьем, поживем полною жизнью!

Если у тебя сейчас нет денег — у меня хватит на обоих нас. Ведь какие счета могут быть между нами? Голубочка, милая, хорошая, дорогая моя, согласись.

Но нет, я знаю, что надежды мои напрасны, что благоразумие возмет верх — и в результате я буду тосковать в Киеве, как сейчас здесь.

Как ты себя чувствуешь, дорогая? Вчера выглядела ты утомленной, не совсем здоровой. Или мне показалось?

Я здоров, хотя 8—9 часовое ежедневное сиденье утомляет.

Ответь мне, мое сердце. Мне так хочется, чтобы мы были счастливы! (.....) Обнимаю тебя. Счастье ты мое!

Твой.

27.

[5 — 6 травня 1906 р., Чернігів.)

Целую тебя, дорогая Шурочка! С нетерпением ожидаю твоего ответа. Хотя надежды у меня мало. Ну, а вдруг! Вот была бы радость, вот было бы счастье! Как бы я был тебе благодарен, моя дорогая!

Если ты согласишься, то нам нужно будет хоть на минутку увидеться, чтобы условиться.

Если нет—придется увидаться после возвращения моего. Тогда ты сообщишь мне, когда тебе удобнее. Ты вчера не умерла со скуки? Я едва остался жив. Просто ужас!

Прости, что сегодня пишу очень мало, я так заторопился, что не успел. Я здоров, только скучаю очень. Гостей моих почему-то нет до сих пор. Как тебе живется? Нервничаешь ли? Я вспоминаю тебя не только во время грозы, а ежедневно.

Я думаю с тебе, целую тебя, люблюсь и счастлив, что мы принадлежим друг другу. Целую тебя, голубочка. Люби меня. Я люблю тебя от всего сердца. Больше не умею. Еще целую мои глазки.

Твой.

28.

7 мая, воскресенье, 5 час. дня. [Київ. 1906 р.]

Милая моя Шурочка!

Я был уверен, что сегодня получу от тебя письмо, но вот уже вечер, почту разнесли, а я ничего не получил. Может быть, завтра утром будет что-нибудь для меня и хоть отчасти утешит меня. Я до сих пор не могу примириться с тем, что я здесь один, а не с тобой. Как бы хорошо было бы вместе! Никого знакомого до сих пор не встретил, очень может быть, что и тебе никто из знакомых не повстречался бы, и мы были бы одни, понимаешь — одни, счастливые, любящие, радостные и пили бы жизнь полными глотками, а не украдкой.

Жизнь с тобой мне кажется такой полной, такой прекрасной. Но что же, поздно мечтать, случилось — и я один тоскую по тебе. Дорога была скучной, сегодня почти весь день дождь, тоскливо и одиноко. Поскорее

бы назад, поскорее бы увидеть тебя, моя радость. Ведь только там и хорошо, где ты, где милые глазки, твои горячие поцелуи и ласки.

Сегодня все магазины закрыты" ничего не успел сделать. Хотел хоть в витринах посмотреть пряжки для пояса, но все закрыто. Завтра постараюсь найти подходящую. Передам я тебе попку не в руки, чтобы не вызывать разговоров и не давать пищи для наблюдений, а опущу вместе с запиской в зонтик.

Я здоров, хотя не весел. С горя (да, с горя!) иду вечером в театр на "Дети солнца"0. Гастролирует здесь Коммис-саржевская ' — говорят, она очень хороша в некоторых ролях. И опять досадно, что мы не вместе смотрим ее, опять удовольствие не полное. Может быть, тебе надоедает, что я так связываю свою жизнь, свои радости и огорчения с тобой, моя голубка. Но я иначе не могу, ты для меня самое дорогое существо, я привязан к тебе всем сердцем и люблю тебя безумно, горячо. Мне так хочется сейчас обнять тебя, поцеловать, приласкать, тебя, мою единственную, мою хорошую, добрую

и нежную Шурочку. Целую тебя, друг мой, мой добрый-товарищ. Люби меня. Я право заслужил на это своим искренним чувством, своею привязанностью к тебе. Люблю тебя Шурочка. Жду твоего письма.

Твой.

Здорова ли ты ? Как проводишь время ? Почему я не с тобой ! Целую.

Не знаю, удастся ли мне написать еще завтра.

29.

[10 травня 1906 р.]

Пишу тебе на пароходе, моя Шурочка, и радуюсь, что сегодня увижу тебя, хоть на минутку, а все таки увижу. Соскучился ужасно. Все время думаю: как-то там чувствует себя моя голубка? Здорова ли, весела ли, не случилось ли чего-нибудь с нею? получила ли мое письмо? Когда любишь, то тысячи вопросов приходят в голову и хочется все знать о любимом человеке. О себе, о четырех днях, проведенных вдали от тебя, расскажу при зстрече. Увидимся, я думаю, не раньше пятницы (как это далеко!), если не помешает нам что-либо. Пока скажу только, что я здоров, не простудился, хотя немножко .утомила меня дорога. В Киеве я был так занят, что едва-едва успел забежать в магазин и купить тебе пряжку. Не знаю будешь ли довольна, но лучшей я не нашел, хотя покупал в самом лучшем магазине, у Рожкова.

шурочк

Голубка, как я рад, что увижу тебя! При одной мысли об этом к моему сердцу приливает горячая кровь и волнует его. Мне хочется любить тебя всеми силами души, хочется, чтобы мое чувство было похоже на пламя, яркое и большое. Целую тебя, Шурочка, обнимаю крепко, сердце мое.

Твой.

30.

[Травень 1906 р., Чернігів.)

Сердце мое, любимая Шурочка! Опять сегодня не сможем увидеться — мешает вечернее заседание 8, на котором, вероятно будешь и ты. Может быть, завтра удастся? Я едва сдерживаюсь, мне так трудно мириться со всякими препятствиями. Что с тобой, дорогая? Здорова ли, как себя чувствуешь — я ничего не знаю о тебе, а, между тем, хочу знать все. Я здоров, немножко болит горло, но это пустяк, и ничему не мешает.

После бессонных ночей в дороге я сплю так, что едва просыпаюсь в 9, прямо что-то невероятное! Заспал я сегодня и опоздаю на службу.

Прости, некогда написать подробнее, но и этих несколько слов лучше, чем ничего. Целую тебя, голубочка моя, мое счастье. ()

Получила ли ты пряжку и удачна ли?

Обнимаю тебя крепко, как люблю.

Твой.

31.

[Травень 1906 р., Чернігів-!]

Доброго утра, Шурочка!

Когда же мы увидимся? Или ты не хочешь уже видеть меня? Я так терпеливо ожидал, пока пройдет неделя, на которой, по твоему желанию, мы не должны были видеться — не надоедаю тебе просьбами — а теперь идет уже вторая неделя. Милая моя! Я так хочу видеть тебя и говорить с тобой, что не могу даже писать. Когда и где встретимся? Чувствую себя совсем скверно, не могу писать, по целым дням хандрю: мне не хватает тебя. Целую тебя, мое сердце. До свидания,

голубка.

Твой.

[Травень 1906 р., Чернігів.)

Доброго утра, Шурочка. Ну, что же, мой друг, пусть будет так, как ты желаешь — я терпеливо буду ожидать дня нашего свидания по твоему назначению.

Опять наши мысли сошлись, когда мы вчера писали друг другу, и ты ответила на мой вопрос раньше, чем прочитала его. Ты сомневаешься в прочности моего чувства. Вот тебе лучший ответ на эти сомнения: мы настолько слились духовно, что наши мысли передаются на расстоянии. Шурочка, не сомневайся во мне, пойми лучше мое чувство. Недостаточно любить как человека, как друга, товарища — это будет нелюбовь, а дружба. Недостаточно любить только за то, что предмет любви другого пола. Это будет чувственность, скоро переходящая, но не любовь. И только слияние обоих этих чувств в одно гармоническое целое — даст любовь. Я тебя так люблю: душу и тело. И если ты хочешь, чтобы по отношению к тебе я сохранил искренность, не требуй, чтобы я разъединял то, что гармонически слито. Не вводи меня в тесное русло, в котором я не мог бы поместиться со своим полным чувством.

Любовь — как цветок — ее нужно уметь сохранять, беречь. Будем же беречь наше чувство, будем любить друг друга полным чувством и бросим всякие сомнения.

Целую тебя, мое счастье, сердце мое милое.

Твой.

33.

(Травень 1906 р., Чернігів.)

Добрый день, моя голубка. Для меня вчера был настоящий праздник. Когда я прочитал, что ты счастлива, я так обрадовался, точно мое

счастье увеличилось вдвое и весь день испытывал я радостное чувство. Будем любить друг друга без сомнений, без размышлений, от полноты чистого сердца. Разве мы не имеем права на это? Ты много страдала, я тоже не мало — и вот, когда пришла светлая радость — будем ли мы отравлять ее размышлением о наших правах? Наше право — любящее сердце. Если оно любит — значит так хорошо, так нужно.

Голубка моя ласковая! Сейчас увидел тебя. Но этого мне мало. Сегодня я должен быть в твоей стороне и в 7 часов буду проходить мимо твоего дома. Я был бы очень счастлив, если бы увидел тебя хоть на минуту. Но если тебе почему-либо нельзя, мой друг, то я подожду до завтра, потерплю уже, но лее таки сегодня пройду мимо твоего дома.

Целую, обнимаю и опять целую всю мою милую, так горячо и страстно, как только умею и хочу.

Твой.

34.

[Травень 1906 р., Чернігів]

Моя ты обаятельная! Сейчас ты кажешься мне такой прекрасной, такой бесконечно нежной и доброй, что кровь живет обращается в моих жилах и я больше, чем когда-либо, хочу обнимать и целовать тебя. Всю ночь ты снилась мне, всю ночь мы были вместе, довольные, счастливые, радостные. Мы куда-то ехали, мы вместе любовались из окна вагона молодыми полями и красными маками. Мы были одни, в купе.

Так было хорошо, что когда я проснулся, я чувствовал на губах последний твой поцелуй. Ну, что же, пусть это сон, пусть и не скоро сбудется то, что снилось — я был вполне счастлив во сне и все утро нахожусь под впечатлением этого счастья.

Если бы ты знала, Шурочка, что я переживаю, как ты мне дорога, ты никогда — понимаешь ли — никогда не решилась бы сказать: "ты меня не любишь", как это ты сделала на последнем свидании нашем. Ты знала бы, что я тобой только и живу, только и думаю о тебе. Вчера, например, я ужасно тревожился, как твое горло, не заболела ли ты? Мне хочется поскорее увидеть тебя, моя голубка, я хочу видеть тебя радостной, здоровой, счастливой. В этом — моя радость. Я чувствую себя хорошо, вчера весь день работал.

Целую и обнимаю тебя, моя жизнь. Люби меня.

Любящий твой.

35.

[Травень 1006 р., Чернігів].

Доброго утра, Шурочка!

Не беспокойся, моя белая голубка, я ничего не имею против тебя, мне нечего тебе прощать. Ведь если и случится тебе сказать что-нибудь такое, что меня на время огорчит, я стараюсь скоро забыть, так как понимаю, что ты это делаешь любя. А какие же счеты между любящими друг друга.

Вот я — так не раз боюсь, не надоедает ли, не утомляет ли тебя моя любовь. В ней есть что-то очень горячее, пылкое, беспокойное, что-то порывистое и охватывающее меня всего безраздельно. Боюсь, что тебе не нравится такое чувство, что ты, мой северный цветочек, хотела б, быть может, чего-нибудь более спокойного, тихого. Напиши мне — как ты относишься к характеру моего чувства?

Сердце мое, любовь моя светлая, когда мы увидимся? Мне кажется, что прошла вечность с тех пор, как я тебя целовал. Целую тебя. (.....)
Сердце мое!

Твой.

36.

[Травень 1906 р., Чернігів.]

Целую голубку. Хорошо ли спала? Не мешала ли гроза? Здорова ли, любит ли меня моя маленькая дочурка?

Я почти всю ночь слушал гром и ливень. Заснул лишь утром и проснулся в 91/*— Едва успел написать тебе хоть пару

слов ()• Мы должны быть счастливы. Сделать тебя

счастливой — как это хорошо! Целую тебя. Итак— всю неделю я не поцелую тебя! Утешаюсь тем, что при свидании ты сама захочешь удовлетворить мою потерю. Целую, обнимаю, люблю тебя, мое счастье. До свидания!

Твой.

№ Десны не нашел, голубочка моя9.

37.

[Трэвень 1906 р., Чернігів.]

Здравствуй, мой друг! Как ты перенесла грозу? Очень ли нервничала? Я все время мыслями был с тобой, все успокаивал тебя, ласкал, все

ваботился, чтобы моей милой было лучше. Доехал я до дождя, а уже дома, под дождем, любовался грозой.

Как это странно, голубка! Когда ты заявляешь мне о своих сомнениях, когда в твоих отношениях я замечаю как бы недоверие ко мне, мне чуждо чувство досады и раздражения, я, наоборот, замечаю в сердце прилив самых нежных, самых добрых чувств к тебе, мне жаль тогда не себя, а тебя, мне хочется, чтобы ты была счастлива. Как-то мое я, мои интересы отодвигаются куда-то вдаль и я думаю о тебе.

Вчера весь день я был занят, но все таки жил тобой.

Нельзя ли нам увидеться завтра? Если не завтра, то в среду? Хорошо?

Целую и обнимаю, а люблю больше всего на свете.

Твой.

38.

[Травень 1906 р., Чернігів.]

Голубка моя, я так позорно заспал сегодня, что едва успеваю написать тебе два слова. Прежде всего, целую и благодарю за вчерашнюю записку, которой я очень обрадовался. Еще раз целую за нее. Я здоров, голубочка, голова не болит, работал. Сегодня хочу видеть тебя, если погода позволит. Если нет, то завтра. Тогда все расскажу и поцелую, как хочу, а теперь прощай, сердце, и люби меня так, как я тебя.

Твой комик10.

[Травень 1900 р., Чернігів]

Целую и обнимаю тебя, моя дорогая, счастье мое, солнышко мое утреннее! Все эти три дня я провел очень скверно. Завтра, когда увидимся, расскажу в чем дело. Все время думал о тебе, только и жил тобой, мое сердце. Если можно еще сильнее любить, то мне кажется, что мое чувство, моя привязанность к тебе увеличивается с каждым днем.

Не тревожься, впрочем, думая, что со мной случилось что-либо очень неприятное. Нет, все это пустяки, уже все окончилось. Подумала ли ты обо мне хоть раз, моя детка. Я хотел бы поселиться в твоём сердце и согревать его любовью ко мне. Я верю в наше счастье и мне хотелось бы, чтобы оно было самое яркое, самое сильное, самое большое. Увижу тебя сегодня! Эта мысль огнем сейчас пробежала во мне. Если б можно было поцеловать. Целую тебя хоть заочно, моя милая, радость моя, любовь моя, хорошая, дорогая, любимая. Люблю тебя безумно.

Твой.

40.

[Травень 1906 р., Чернігів.]

Доброго утра, моя милая! Целую. Я сейчас увидел тебя так ярко, до иллюзии. Утро. Ты только что встала и выходишь в столовую в белой утренней блузе. Ты такая свежая, розовая от сна. Смотришь на меня тем особенным твоим взглядом, который так чарует меня и подставляешь губки. Нам весело. Во мне так и поет счастье.

Да, правда: во мне все время, с последнего нашего свидания, поет сказанное тобою: вя твоя"!

Как я тебя люблю, как я счастлив, что ты моя, долгожданная, единственная, сильная и хорошая любовь моя! Шу* рочка, целую тебя больно, больно. Целую, моя ты маленькая женушка, твои милые глазки.

Я хочу тебя видеть. Когда мы будем вместе? Я хочу поскорее. Устрой это, дорогая. Напиши мне. Еще целую.

Твой навсегда.

41.

[Кінець травня 1906 р., Чернігів.]

Голубка моя, боюсь, что ты сердита на меня за то, что я не мог видиться в пятницу с тобой. Я был уверен, что ты уехала и поэтому заранее назначил свободные дни для всякого рода деловых свиданий и занятий. Уведомить всех в тот же день я не успел бы, поэтому поневоле пришлось отказаться от нашего чудного, дорогого для меня свидания. Ты не поверишь, как мне тяжело было отказываться. Все эти дни я хожу сумрачный, как ночь, не нахожу покоя и утешения. С нетерпением ожидаю вторника; ведь только ты, мое счастье, даешь мне душевный отдых и наслаждение. Дорогая, любимая, милая, единственная моя, не сердись на меня.

Ужасно плохо чувствую себя все эти дни. Нехорошо как-то, тоскливо, тяжело на душе. Чувствую громадную потребность в твоей ласке, в твоём поцелуе, хочу слышать твой милый голос. Еще до вторника! А если будет дождь или что-нибудь помешает? Мне жутко становится при одной мысли о каком-либо препятствии.

Как ты провела эти дни? Здорова ли ты, моя родная?

Чувствовала ли ты, что мне так плохо? Я по ночам, когда была гроза, все время вспоминал тебя> моя чудная.

Люби меня, голубочка моя, будь здорова и счастлива. До скорого (и все таки бесконечно далекого) свидания!

Целую тебя всю, ласкаю, обнимаю. Моя! Моя голубка! Как сладко звучат эти слова; они и до сих пор не теряют своей первоначальной прелести. Обнимаю. Люблю.

Твой.

42.

[Початок червня 1906 р., Чернігів]

Очень я рад, сердце мое, что ты завтра еще не уезжаешь и.

Благодарю тебя, милая, за обещанное завтра свидание. Это

для меня сюрприз. Если бы только ничего не помешало. Я

всегда беспокоюсь и объясняю это только очень сильным

желанием видеть тебя. Вчера я вечером был занят, не гулял,

и сегодня у меня болит голова. Но все это, конечно, пустяки.

Здорова ли ты? ()

Голубка, мне кажется, что твой адрес не полный. Разузнай, как называется деревня, в которой будешь жить, и сообщи мне. Ты знаешь, я немного боюсь твоей поездки. Теперь на селах беспокойно, возможны аграрные движения. Правда все это чрезвычайно интересно, но если бы тебе как-нибудь случайно не досталось. А, впрочем, везде теперь опасности.

Целую тебя, Шурочка дорогая. Люблю тебя, живу тобой. Ты мое дорогое счастье, пташечка ты моя. Еще и еще целую.

Твой.

43.

9. VI 1906. [Чернігів.]

Дорогая моя, милая! Я до сих пор никуда не уехал. Не получаю от друга своего ответа 12 и не знаю, могу ли поехать к нему. Быть может, придется выехать в другое место, а куда — пока и сам не знаю. Конечно, я сейчас напишу тебе, как только решу, куда поеду. Досаднее всего, что пока я не выеду из дому, не могу получить от тебя письма, т. к. это было бы небезопасно для твоего письма, оно могло бы попасть не в мои руки. Все время я бесконечно тоскую по тебе. Еще первые день-два, под впечатлением нашего последнего свидания, когда я был так счастлив, я был сравнительно спокоен. Но потом начал скучать, тосковать, мучиться. Я помню твой совет — не скучать, хотел бы исполнить твое желание, но право это не удастся мне. Я так привязан к тебе, я так люблю тебя и рвусь к тебе душой, мое солнышко! Хуже всего, что я не могу работать. Несколько раз пытался приняться за рассказ — и все не нахожу нужного спокойствия. Все думаю о тебе, как твое здоровье, хорошо ли тебе, весела ли ты, думаешь ли обо мне. Огорчает меня, что нескоро получу от тебя письмо. Не огорчайся, сердце. Обещаю тебе употребить все усилия, чтобы несколько успокоиться и отдохнуть. Дни у меня проходят пока в чтении, мыслях о тебе, в купаньи.

Как ты доехала, голубка? Поправился ли твой глаз? (Мои милые глазки, целую вас!) Весело ли тебе? Что делаешь, что думаешь, поправляешься ли? Что бы я дал за самую маленькую весточку о тебе, мой милый друг! Моя ты нежная голубка, сердце мое, чудная моя Шурочка! Целую тебя. Целую от всего сердца, так горячо и крепко, как

люблю. Я весь наполнен тобой, как губка водой, я всегда ношу тебя с собой, где бы я ни был, что бы ни делал.

Хетел бы, чтобы и ты носила меня с собой, чтобы мы были одним неделимым существом. Мечтаю о том времени, когда мы будем неразлучны. Обещаю тебе, что ты никогда не пожалеешь, что полюбила меня. Буду охранять тебя от исего неприятного, как самое дорогое, самое близкое существо. Я тебя безумно люблю, мой ты северный цветочек, детка моя

милая. Целую тебя тысячи раз. () Чувствуешь ли?

Обнимаю крепко, крепко— Жди письма. Еще целую.

Твой навеки.

44.

]7.VI Киев. 1906.

Милая моя Шурочка! Ты, вероятно, беспокоилась уже, не получая от меня до сих пор писем (я писал тебе только один раз из Чернигова, получила ли?). Но мне нельзя было часто писать тебе, голубка. Несколько дней я был болен, страшно болела голова, лежал в постели. Потом приехал ко мне гость, отнявший все время, и только вчера я вырвался из дому и проездом через Киев пишу тебе. Теперь ты чаще будешь получать от меня письма. Но мне еще тяжелее было не иметь от тебя никаких известий, не знать, здорова ли ты, не слышать от тебя твоих всегдашних ласковых, хороших, добрых слов. С большим нетерпением буду ждать от тебя письма. Как только получишь это письмо, сейчас отвечай по адресу: г. Кре —монец, Волинской губ., Земская Управа. Непременному члену Виталию Гавриловичу Боровикову 13, для меня. Я сначала заеду на два дня к брату¹⁴, в г. Острог, а затем выеду в Кременец, где пробуду, вероятно, до числа 26 — 27, а затем

поеду на дня 2 в Триполье, под Киевом. Нам надо воспользоваться этими несколькими днями и чаще переписываться. Пиши, если это, конечно, возможно для тебя, ежедневно или хоть через день. Обещаю писать тебе часто. Как же тебе живется, мое сердце, милая моя голубка? Отдохнула ли, поправилась ли, не скучаешь? Напиши мне, как проводишь дни, как себя чувствуешь, весело ли тебе. Я был бы очень счастлив, если бы увидел тебя располневшей, здоровой, веселой. Поправляйся же, мое солнышко. Никогда каникулы не казались мне такими длинными, как теперь. Я ужасно соскучился по тебе. Не могу выразить, как мне хочется хоть разок увидеть тебя на каникулах, но воздерживаюсь от всяких планов свиданий, т. к. знаю, что это для тебя вещь невозможная. До сих пор я отдыхал плохо, собственно совсем не отдыхал. Теперь употреблю все усилия, чтобы поправиться. Хочу, чтобы ты была довольна мной,

Шурочка. Здесь встречают меня так тепло и приветливо. что мне даже совестно. Ухаживают за мной, все тянут к себе, разрывают. Устраивают обед для меня, на который соберется много интересных, талантливых людей. Но все это я охотно променял бы за один твой поцелуй. Уезжаю сегодня вечером, а завтра утром буду на месте, т. к, еду курьером.

Прости, голубка, за торопливо написанное письмо. Здесь мне мешают, слишком много людей, слишком много забот обо мне. С завтрашнего дня я буду свободнее. Думаешь ли ты обо мне? Любишь ли меня? Я все время ношу твой образ з сердце и не расстаюсь с ним. Вижу тебя, говорю с тобой и целую. До следующего письма! Пиши сейчас. Обнимаю тебя крепко, мой друг. (. . . .)

Люблю бесконечно.

Твой.

Еще и еще целую. Моя ты любимая, добрая, чудная детка! Пиши же.

г. Заслав, Волыньск, губ. 20 VI 1906^.

Пишу тебе, мое сердце, с дороги. Мы с братом 31 предприняли поездку на лошадях по губернии — и я очень доволен. Вчера сделал более 75 верст, на сегодня осталось верст 80. Места здесь чудные, масса лесов, холмы, реки и пруды. Правда, устал немножко, но это пустяки. Завтра уеду в Кре-менец отдыхать и наперед радуюсь, что застану твое письмо. Как мне хочется услышать от тебя хоть слово, узнать, что с тобой, голубка, как ты чувствуешь себя, здорова ли. Целая вечность, кажется, прошла с того времени, как я тебя видел. Теперь, вдали от тебя, я еще чаще думаю о тебе, еще больше ценю тебя, Шурочка моя милая. Такая ты у меня добрая, милая, такая чудная! Каждый раз становится теплее и радостнее на сердце, когда вспоминаю о своем дорогом друге.

А как мне хочется поцеловать тебя — полжизни, кажется, отдал бы за один поцелуй.

Я здоров, хотя чувствую, что не поправлюсь до тех пор, пока мы не будем вместе. Только ты можешь дать мне здоровье, хорошее настроение, счастье.

Вот когда бы я работал с наслаждением. Чувствовать, что около тебя бьется любящее ;и любимоз сердце — ведь это,

Шурочка, редкое счастье. У меня мало было в жизни радостей и, быть может, поэтому я так сильно дорожу твоей привязанностью.

Прости, голубка, за короткое письмо. Мне хотелось хоть

несколькими словами поделиться с тобой. Все же это лучше,

чем ничего. С Кременца напишу подробнее. Пиши мне, детка,

почаще. Без тебя, без твоих писем скучаю страшно.()

Будь здорова и весела.

Твой навсегда.

Пиши же. Еще и еще целую.

46.

ШШ 1906, г. Кременец.

Я очень смущен, голубка моя, не получая от тебя ни слова. На все мои письма (а их было 4) ты не отвечаешь. Получаешь ли ты мои письма? Быть может, я пишу в пространство, благодаря тому, что адрес ты дала мне не совсем полный (я не знаю, какого уезда м. Брагин). Это было бы хуже всего, т. к. и ты могла бы волноваться и не знала бы, что думать о моем молчании. Как это тяжело и неприятно. Утешает меня только перспектива скорого свидания, т. к. 5-е уже близко. Я был вполне уверен, что застану твое письмо (или даже письма) в Кременце, но получилось полное разочарование, тревога, неприятная неожиданность. После этого письма ничего не пиши мне: я уезжаю отсюда 27-го, значит не успею получить ответа. Как ты поживаешь, мое счастье? Поправилась ли, здорова ли, не скучаешь, любишь ли меня попрежнему? Мои все мысли заняты Тобой, я не расстаюсь с тобой ни на минуту, люблю еще сильнее и испытываю самую острую жажду твоих ласк. Если бы я имел твои письма, я мог бы сказать, что хорошо провел время. Большие поездки на лошадях, перемена впечатлений, красота природы и дружеские заботы тех людей, к которым я заезжал, освежили меня. Хотя мало сплю (4—5 часов в сутки), но чувствую себя значительно лучше, бодрее. Вот если б хоть слово, хоть одно слово от тебя, любимая моя, дорогая моя Шурочка. Представь себе хоть на минуту всю тревогу и

беспокойство, наконец, нетерпение, с каким я ожидаю твоих писем — и тебе понятно будет мое состояние. Я уже серьезно начал подумывать о том, не поехать ли мне в Брагин, но меня останавливает соображение, что это будет неудобно для тебя, а я ни за что не согласился бы

доставить тебе, мое солнышко, хотя бы маленькую неприятность.

Не хочу терять надежды на два последние, быть может счастливые для меня дни — а вдруг получу от тебя письмо! Какое облегчение почувствовал бы я тогда!

Сердце мое, хочу тебя видеть, хочу поцеловать тебя крепко и нежно, от полного любовью и привязанностью сердца. Целую и обнимаю мою славную Шурочку, моего друга, любимую детку мою.

Люби меня, думай обо мне, сердце.

Твой.

47.

[4 липня 1906 р., Чернігів].

Завтра увижу тебя, голубка. Завтра раскроется загадка, над которой я напрасно ломал голову: почему ты ни разу не ответила на мои письма! Я написал тебе 5 писем, а потом перестал писать, не получая ответа, решил, что мои письма не доходят по адресу. Впрочем, чего я только не передумал по поводу твоего молчания! Очень может быть, что все объясняется очень просто—и я желал бы этого от всей души, т. к. все мои предположения одно другого печальнее. Увижу ли я тебя завтра? Любишь ли ты меня попрежнему? Хочешь ли видеть и целовать? Не стану сейчас рассказывать о себе. В письме не стоит, лучше поскорее увидимся, милая. Хочешь завтра (в среду), в четверг? в пятницу? Скажи, я приду. Как я стосковался по тебе, можешь сама догадаться. Здорова

ли ты, поправилась ли? Не случилось ли с тобой чего-нибудь неприятного? Когда любишь, тысячи вопросов приходят в голову, все интересует, все беспокоит.

Люблю тебя еще сильнее, кажется, чем прежде, разлука еще более приблизила тебя ко мне, ты еще дороже мне теперь, мое счастье.

Одна мысль о нашем свидании волнует меня так, как твой первый поцелуй и признание в любви. Сердце мое! Я тебя увижу завтра. Может ли быть большее счастье?

О себе пока скажу, что я здоров. Подробности при свидании. Целую тебя, моя дорогая, любимая, родная моя. До свидания, мой друг добрый. Обнимаю крепко, как люблю.

Ответь.

тоскливо без тебя. Я все мечтаю, как бы нам провести вместе целый день. Каким недостижимым и заманчивым мне кажется сейчас это! Конечно, если бы ты была храбрее, мы устроили бы прогулку на день-два, но я уже перестал думать об этом, т. к. знаю, что ты не решишься. Будем пользоваться хоть теми короткими мгновениями, которые выпадают на долю нам пока. Беспокоит меня твое здоровье. Берегись, сердце, не болей. Я чувствую себя не плохо, надо только вы-

спаться. () Целую тебя, родная, любимая. Увижу

ли я тебя завтра? Очень хочу. До скорого свидания.

Твой.

57.

[Липень 1906 р., Чернігів.]

Твои письма приносят мне много радости. Они такие милые, искренние, добрые — что похожи на тебя, кажутся твоим зеркалом. Твои поцелуи согревают меня и на каждый твой поцелуй мне хочется ответить сотнями.

Я вчера опять хандрил. Заседания не было, отложили на будущую неделю, значит, вечер был свободен, но работать не мог. Занимался техническим трудом — переписывал и засиделся до 3 часов ночи. Я не знаю, почему у меня испортилось настроение, к тому же я не совсем здоров эти дни. Ты не беспокойся, мое сердце, все это пройдет, я думаю, скоро. Почему ты мало спишь, дорогая? Ты выглядела в эти дни утомленной, что с тобой? Мне тоже тяжело не знать ничего о твоей жизни, такой дорогой для меня, близкой, но в то же время далекой. Напиши. Прощай. (.....) Будь здорова,

счастье мое. Люблю тебя. Обнимаю.

Твой.

Рука у меня не болит, это пустяки.

58.

[Липень 1906 р., Чернігів.)

Добрый день, мое утреннее солнышко! Я уже совсем пропал без тебя. Скучал невыносимо. Но вчера я не мог увидаться с тобой и это меня просто бесило. Свободна ли ты сегодня, голубка моя? Я очень хочу видеть тебя. Что с тобой было в эти дни, как чувствуешь себя, чем жила — все это интересует меня. Сегодня расскажешь правда, сердце?

3-ЭОЭ

Я сейчас чувствую себя не плохо— Немножко работал, купался, гулял. Нет охоты рассказывать всего в письме, когда есть надежда на свидание. Беспокоюсь только, свободна ли ты сегодня, придешь ли, не помешает ли нам погода или что-нибудь неожиданное. Пока целую и прижимаю к сердцу мой миленький цветочек. Люблю больше всего на свете, только и живу тобой. Целую.

Твой комик.

59.

[Липень—сепень (?) 1906 р., Чернігів.)

Добрый день, сердце!

Не думай, что я мало работаю потому, что ты отнимаешь у меня время. Нет, моя голубка, дни нашего свидания — лучшие дни моей жизни. В те же дни, когда тебя не вижу, я все равно работать не могу.

У меня теперь такая нерабочая полоса. Жаль, что сегодня не увидимся — но что же делать. Ты назначай сама дни свидания — это удобнее. Буду ждать, когда тебе можно будет.

Голова моя прошла, я здоров. Начал купаться. Что с твоими зубами? Ты была у врача? Напиши мне о себе, ведь скоро, вероятно, не увидимся. Целую тебя крепко, моя любимая голубка. Обнимаю.

Твой.

60.

[Липень—еерпень 1906 р., Черничв.]

Добрый день, любимая моя!

Не было ли у тебя каких-нибудь неприятностей с Сест-

рой, когда ты возвратилась домой? Довольна ли ты нашим

последним свиданием? Я очень доволен и счастлив— Вчера у

меня было такое хорошее настроение — я все время вспоми-

нал нашу последнюю встречу—и мне было весело. ()

Как ты думаешь, нельзя ли нам назначать наши встречи немножко раньше, например в 6.10, или в 6.40 м.? Ведь, в сущности, все равно в 7 ч. еще светло — и нас одинаково могли б видеть в 7 также, как и раньше. Напиши мне об этом* голубка. Напиши мне, что ты меня любишь. Я хотя и знаю

это, но мне доставляет удовольствие лишний раз слышать эти слова. Целую тебя, мое сердце, единственная моя, родная дорогая Шурочка. Люблю тебя.

Твой,

61.

[Липень—серпень (?) р Чернігів.]

Моя голубка. Все время я в очень тревожном настроении

(). Почти всю ночь не спал и чувствую себя очень

скверно, поэтому прости, что не пишу много.

Еще говорить, кажется, мог бы, но писать очень трудно. Если только все обойдется хорошо, напишу тебе много, мое солнышко.

Если можешь, пиши мне побольше, это доставит мне радость и успокоит меня. О дне свидания сообщу тебе.

Как чувствуешь себя, голубка моя нежная? Здорова ли? Мне так хочется сейчас поцеловать тебя. Целую. Люблю тебя всем сердцем.

Твой.

62.

(Серпень 1900 р., Чернігів.)

Добрый день, голубка моя!

Опять бессонная ночь после тревожного дня! ()

Спасибо тебе, дорогая, за твое милое письмо, оно доставило мне много радости. Ты умеешь придать своим письмам такой сердечный, искренний тон, в какой мне, кажется, никогда не удалось бы попасть, хотя я чувствую не менее твоего сильно. Не бойся, Шурочка, что нам

будет скучно вместе: общность вкусов только сблизит нас, даст нам возможность лучше понимать друг друга.

Я очень хочу увидеть тебя сегодня, но у меня заседание. Если заседание в 8 часов, то, может быть, ты согласна встретиться так в 6¹/*, 6. 20 минут и пробыть часик вместе. Сегодня же выяснится (и я напишу тебе сегодня же) может ли удастся такая комбинация. Может быть заседание начнется раньше.

Словом, еще напишу. Как себя чувствуешь, сердце мое? Здорова ли? Не скучаешь ли? Меня даже не спрашивай: так и знай, что я без тебя всегда скучаю.

Если не удастся наше свидание сегодня, то может быть завтра в щ% ч.? Напиши. Целую и обнимаю. Люблю тебя, голубочка.

Твой.

63.

[Серпень 1900 р., Чернігів.]

Опять твое милое письмо привело меня в восторг! Как хорошо знать, что тебя любят, что где-то есть сердце, в такт бьющееся с твоим, что о тебе думают, что тебя хотят видеть. Я поцеловал твое хорошее письмо.

К тому же оно обрадовало меня: у тебя не болит горло. Я всегда готов лечить тебя, но лучше не болей. %

Я чувствую себя не дурно, начал спать, вот уже 2-ю ночь сплю. Кашляю, но это пустяки.

Милая, я не понял одной фразы из твоего письма "может быть не писать, когда сестры нет дома, но это бывает редко". Или я не разобрал, или ты что-то пропустила.

Ну, да ты мне все расскажешь, когда увидимся. Я так хочу видеть тебя. Жду, когда ты сама назначишь день и час.

Люблю тебя. Целую, хочу сжечь тебя поцелуями.

Твой.

64.

[Сепень 1906 р., Чернігів.]

Лучше ли тебе сегодня, моя дорогая. Ты вчера имела плохой вид, заметно было, что ты в жару. Почему ты не побережешься, если уж не для себя, то ради меня. Ведь твое здоровье дорого мне. Чудная моя, любимая моя, дорогая Шурочка! Поберегись. Я и так чувствую за собой вину в том, что простудил тебя—а если ты расхвораешься серьезно, я не найду себе оправдания и буду мучиться.

Зачем ты выражала вчера сомнение в том, что я хочу видиться с тобой?

Ведь жизнь моя без тебя — это сплошное мученье, — ведь я только и счастлив тогда, когда чувствую твою близость. Тебе приходят такие мысли потому, что ты не совсем здорова, голубка моя. Отбрось их, верь мне и люби меня, как я тебе верю и люблю тебя.

Сегодня нам надо потерпеть и не встречаться.

Если тебе сегодня лучше даже, посиди и не выходи вечером, т. к. вечера сыры. Завтра (если только поправишься) непременно увидимся. Если б ты знала с каким нетерпением ожидаю я этого свидания, как я соскучился по тебе, стосковался. Мне так плохо жилось в те дни, когда я знал, что ты нездорова. Я только ничего не писал тебе об этом, чтобы не огорчать.

Сердце мое, зорька моя, счастье и радость моя единственная!

Шурочка любимая! Будь здорова, сердце! Твое здоровье не-

обходимо для нашего счастья, для нашей совместной будущей

жизни. Целую тебя, обнимаю. ()

Сегодня я иду к Шр[агу] 1в. Обещал провести вечер перед отъездом его. Любишь ли ты меня? Еще целую.

Твой.

65.

[Сепень 1906, Чернігів]

Не простудил ли я тебя, голубка? Лучше ли тебе сегодня?

А. вчера ты выглядела превосходно и была очень интересна. Я нахожу, что светло-желтое идет тебе.

Конечно, мне очень досадно, что мы сегодня не увидимся. (А, может быть, тебе лучше?). Но что же делать. Буду ожидать дня нашего свидания с большим нетерпением — и поэтому как только тебе лучше станет — сейчас сообщи мне. Завтра я не мог бы, у меня заседание.

Постараюсь писать тебе побольше, но не всегда это можно сделать. Часто что-нибудь мешает. Ты это сама хорошо знаешь, т. к. тоже изредка только пишешь большие письма. Не смущайся, что мы не очень много разговариваем на свиданиях. Надо устроиться так, чтобы свидания продолжались дольше — тогда будет время поговорить. И не только дольше, но и чаще. Мы очень редко видимся. Я с этим мирюсь с трудом. Будь же здорова, мое сердце, голубка моя милая, целую тебя всю сердечно и крепко.

Твой.

66.

[Серпень 1906 р., Чернігів.]

Шурочка, милая! Что же ты ничего не пишешь мне? Ведь ты обещала сообщить, когда увидимся. Без тебя скучно. Целую тебя крепко, мой северный цветочек. Жду тебя и поцелую.

Суббота 0-е [вересня ШЩ р-, Чернігів.]

Пишу на всякий случай, хотя сильно надеюсь увидеть тебя сегодня, моя дорогая деточка. Никак не могу помириться с мыслью, что ты серьезно больна. Впрочем, я ничего о тебе не знаю—и это приводит меня в отчаяние. Если еще сегодня не увижу (в четверг тебя напрасно ждал)—надо подумать, как получить от тебя весточку — может быть "до востребования" напишешь; но удобно ли тебе посылать письмо, передавать через чужие руки? Измучился страшно, чуть не плачу, все ночи напролет думаю о тебе, а если вздремну — ты мне снишься. Что с ней, страдает ли, не заболела ли опасно — эти вопросы преследуют меня постоянно: я сижу дома, никуда не выхожу. Здоровье мое — так себе, было бы не дурно, если бы не беспокоился. Впрочем — мое здоровье пустяки; вот если бы ты была здорова. Голубка, пусть тебе придаст силы мое чистое и сильное чувство к тебе. Согреваю и ласкаю

тебя поцелуями, мое счастье, жизнь моя. Люблю тебя. Будь здорова.
Может быть в понедельник увидимся?

Твой.

Если не застану в понедельник, приду во вторник, в четверг, пятницу
и т. д. — хочу видеть тебя!

68.

Вересень 1900 р., Чернігів.)

Как я рад, что наконец вижу тебя! Я чувствую себя хорошо. Нельзя
ли увидаться завтра, хоть на часок, дорогая? В воскресенье едва ли
удастся мне. Я вышел бы завтра в 6 ч. на прежнее место. Ответь.

69.

(Вересень 1906 р., Чернігів.)

Добрый день, моя чудная!

Спасибо тебе за твои милые письма. Они мне не только не
наскучили, но каждое из них просто чарует меня, я готов целовать
каждое твое милое слово.

Все, что ты пишешь, я сохраняю в своем сердце, бумагу же предаю
наиболее почетной и красивой смерти — сожжению.

Я чувствую себя что-то неважно, кажется немножко простудил бок,
но это пройдет. Болит голова.

Завтра я должен быть здоров, а если и не буду, то твои ласки возвратят мне здоровье.

Думал, думал — как устроиться с записками — и не знаю. Нельзя ли дожить их в том чуланчике, что в главных сенях, где архив? Я исследую сегодня чулан, сделай это и ты, а завтра условимся. Будь здорова, моя голубка, люби меня Целую тебя всю. Обнимаю.

Твой.

До скорого и такого желанного свидания.

70.

[Вересень 1906 р., Чернігів.)

Спасибо тебе, мой добрый друг, за твою заботливость обо мне. Мне сегодня лучше, чем вчера, голова и бок почти не болят. Если сегодня в 7 ч. не будет идти дождь, увидимся. Если бы дождь шел раньше и было сыро — это пустяки, мы все таки увидимся, лишь бы не под дождем.

Я радуюсь встрече с тобой, как ребенок. Больше привязанности, чем к тебе, трудно представить себе.

Вчера провел все время дома, читал и лежал все время, так нездоровилось. Но все уже почти прошло и я совсем поправляюсь, как только ты меня поцелуешь. Ты умеешь делать это так хорошо. Ни о чем сейчас не спрашиваю тебя, моя голубка, ведь мы увидимся. Я только целую и обнимаю тебя до скорого свидания. Любимая моя, сердце мое! Целую еще.

Твой.

71.

[Осінь 1906 р., Чернігів.]

Любимая! Прости, сегодня не пишу много, не успел. За то сегодня увидимся — и одна мысль об этом доставляет мне громадную радость. Если бы ты была только здорова! Боюсь также дождя.

Жди меня в половине седьмого или без 20 семь. Во всяком случае, постараюсь придти, сегодня раньше, чтобы не простуживать тебя после захода солнца, когда холоднее и сырее становится.

Зацелуй меня сегодня насмерть. Люби меня, моя голубка хорошая и нежная моя женушка. День сегодня будет казаться мне бесконечным. Целую и обнимаю.

[Осінь 1906 р., Чернігів.]

Нет, моя милая Шурочка, я не сержусь на тебя. Не думай также, что я обидчив. Я совсем не обидчив — и если обижаюсь, то только тогда, когда вижу, что меня хотят обидеть. Но ведь ты, моя милая, хорошая, любимая и любящая, не можешь же иметь намерения обидеть меня. Не стесняйся высказывать свои мысли, не обдумывай каждой фразы из боязни доставить мне неприятность. Это совершенно напрасно. Я за искренность в наших отношениях — и верь мне — не могу быть настолько мелочным, чтобы придирааться даже к неосторожной фразе. Какие между нами могут быть счеты! Я так сильно люблю тебя, что если бы ты и в самом деле обидела меня, я не мог бы сердиться на тебя, а самое большее постарался бы убедить тебя, что ты неправа или признал бы себя виновным и заслуживающим наказания. Мне смешна всегда мелкая амбиция и этим грехом я не страдаю.

Пишу тебе немного потому, что в письме все равно всего не скажешь, а, между тем, есть потребность сказать тебе хоть словечко,

моя дорогая, сказать, что люблю тебя и тоскую по тебе. Если я тебя долго не вижу, я имею такое чувство точно я потерял зрение. Все вокруг кажется мрачным и неинтересным. Меня делает счастливым только твое присутствие, я живу только мыслью о тебе, моя Шурочка. Ты наполняешь меня светом и теплом, ты одна примиряешь меня с жизнью. Люблю тебя за это. Хочу твоего счастья. Целую тебя, моя хорошая.

Твой.

73.

[Осінь 1906 р., Чернігів.]

Мое серденько, не скучай, не тоскуй. Вспоминай чаще как тебя любят, помни, что в тот момент, когда тебе грустно, где-то бьется полное сочувствия и любви к тебе сердце. Я тебя утешаю, а мне самому под час бывает невыносимо. Я имею неодолимую потребность в общении с тобой. Мне так тяжело это невольное одиночество, что я, кажется, готов все бросить на произвол судьбы и бежать с тобой куда-нибудь без оглядки.

Но пока надо нам взять себя в руки. Постараемся вознаградить себя часами свиданий, будем пить счастье полными глотками. Милая голубка моя! Сейчас ты стоишь передо мною — такая прекрасная, такая милая, добрая, благородная, вся просветленная чувством — и мне хочется целовать твои руки, твои ноги и смотреть на тебя, и молиться на тебя. Как люблю я тебя!

Здорова ли ты? не случилось ли чего с тобой? я здоров, день провел так бесцветно, что ничего о нем сказать не могу. Вообще я мог бы сказать, что вся жизнь моя ушла внутрь, что я больше живу тобой, чем собой.

Завтра увидимся! Какое это счастье. Жду с горячим нетерпением. А пока целую тебя так горячо, голубочка, радость моя, любимая Шурочка. Люби меня.

Твой.

74.

[Осінь 1906 р., Чернігів.]

Нет, дорогая, сегодня лучше не увидимся: сыро и я боюсь за твое горло. Поберегись. Почему ты не снималась¹⁹? Мне это очень неприятно. А я радовался, что буду иметь твою фотографию. Целую крепко.

(Осінь 1906 р., Чернігів.)

Как досадно! Ты не здорова, идет дождь — никакой надежды на свидание! Но я не нарекаю. Буду ждать и при первой встрече зацелую тебя совсем. Напишешь ли ты сегодня, как твое горло? Ты боялась заразить меня вчера? Ах, ты моя милая девочка! Я не боюсь ничего. Подумала ли о том времени, когда мы будем вместе — и когда нам придется ухаживать друг за другом, пренебрегая всякими опасностями.

Ты не довольна, что я не пишу о своем здоровье. Это случается потому, что помнишь о нем только тогда, когда оно плохо, а как поправился, сейчас и забыл.

Почему ты вчера не снялась вместе¹⁹? Или ты отложила это до того времени, когда мы снимемся только вдвоем, без посторонних? Мне все таки жаль.

Зачем ты пугаешь меня, что скоро все узнают о наших свиданиях? Я этого не хочу. Это было бы очень неприятно.

Когда же мы увидимся? Я хочу, чтобы ты сама назначила, а то выходит иногда так, что я назначаю тогда, когда тебе не совсем удобно, а ты деликатничаешь и уступаешь мне.

До скорого свидания, моя радость, счастье жизни моей голубка моя нежная!

Целую тебя без счету..,

Твой.

Клади записки в перчатки, я буду тоже, так удобнее.

76.

Осінь 1906 р., Чернігів.]

Как ты себя чувствуешь, дорогая Шурочка? Так тяжело не знать о тебе. Пиши мне почаще, я ужасно тоскую по тебе-Целую тебя, моя милая, мое ты сердце. Пиши.

Когда увидимся? Целую еще раз.

[Осінь 1906 р., Чернігів.]

Спасибо, милая. В субботу в 7 часов буду. Пока целую и благодарю тебя. Сердце мое, голубка моя.

Твой.

[Осінь 1906 р., Чернігів.)

Не сердись, моя голубочка, родная моя, что вместо письма пишу сегодня лишь несколько слов: я едва успею собраться, так заспал.

Хочу сказать лишь тебе, что я здоров, люблю тебя и крепко целую. До свидания. Сегодня в 6 часов. Если б только не помешал дождь!

Целую и обнимаю, и люблю.

Твой.

79.

Суббота. [Осінь її 06 р., Чернігів.]

Дорогая, милая Шурочка! Солнышко мое ясное! Недостает мне тебя, да и только. Увижу ли тебя сегодня? Хоть бы на минутку. Пишу тебе сегодня только несколько слов: хотя мы условились на четверг, но мне в этот день неудобно. Тебе же, кажется, все равно — и поэтому прошу тебя, дорогая, приходи в среду в 7 или в 7*/і. Жду нашего свидания с нетерпением. Ты выглядела веселой. Или мне показалось?

.Здорова ли ты? Я чувствую себя очень скверно, устал, плохое настроение. Вот разве ты оживишь меня, когда увидимся, но это не скоро еще будет —целых 4 дня.

Прости, что пишу мало, все мне мешают, да и занят сегодня. Целую тебя, голубка, без числа. Люблю крепко и сердечно, как и всегда.

Твой.

80.

(Осінь 1906 р., Чернігів.)

Прости, моя дорогая, я сегодня едва успею написать тебе несколько слов: ко мне пришли сегодня утром по делу и отняли у меня все время.

Мне хочется только спросить тебя, как твоё здоровье, не болит ли грудка, хорошо ли спала, моя милая? Думает ли обо мне, любит ли?

Я здоров, но скучаю без тебя. Скучаю и тоскую с того момента, когда прихожу со свидания домой и так до следующего свидания. Беспокоюсь уже о завтрашнем свидании — удастся ли, будет ли погода. Обнимаю, целую. До свидания.

Твой на веки.

'Осінь 1906 р., Чернігів.)

Как сон, как волшебный сон, прошло наше свидание и опьянило меня счастьем. Так хорошо, как вчера, мне ещё никогда не было. Я всю ночь грезил тобой, я ещё до сих пор чувствую твои поцелуи. Я не могу, не умею выразить, как я счастлив и как благодарен тебе, моя голубка.

Под утро мне снилось, что ты нездорова и я проснулся с тревогой, и до сих пор неспокоен. Напиши, голубка, как твоя грудь, не простудила ли тебя вчерашняя сырость?

Я здоров и счастлив. Хочу, чтобы ты была такой же счастливой; вся моя радость будет в том, чтобы сделать тебя счастливой. Целую тебя, целую крепко и без счёту. Обнимаю и ласкаю. Люблю тебя.

До скорого свидания, моя любовь!

Твой.

[Осінь 1906 р., Чернігів.]

Дорогая детка! Получила ли ты в субботу мою записку, положенную в рукав? Я просил свидания в понедельник, во

вторник невозможно было устроить. Конечно, в понедельник я был на месте. Сначала шел дождик, но к 6 ч. установилась теплая и тихая погода. Тебя не было. 40 минут я ждал, стемнело, и я потерял надежду увидеть тебя. Пошел к твоему дому, увидел только мягкий свет лампы из под голубоватого абажура, гардину и больше ничего. Так, казалось, у вас мирно, тепло, уютно, а мне нельзя туда. И чем больше терял я надежду увидеть тебя, тем больше хотелось мне видеть. Что тебе помешало, голубка?

Сердце мое, выходи сегодня. Я уже буду ждать тебя даже раньше б-ти на несколько минут. Так тоскливо, так мрачно без тебя, солнышко мое. Что с тобой, как провела время без меня? Хочу все знать. Целую тебя, голубочка моя, мое счастье. До свидания. Обнимаю и люблю.

Твой.

83.

[Осінь 1906 р., Чернігів.)

С добрым утром, дорогая детка. Целую.

Огорчила меня сегодня погода. С таким нетерпением ожидал я сегодняшнего дня — и вдруг, представь себе, что будет дождь. Просто не верится. На серую и прохладную погоду мы не будем обращать внимания — правда, Шурочка? Но если к 6 часам пойдет дождь и не перестанет скоро, придется отложить свидание на завтра. Ты согласна? у меня исчезает всякое терпение. Я хочу целовать тебя, хочу чув*

ствовать тебя возле себя — ведь если жить без тебя — лучше умереть.^^

Голубка моя, хорошо ли ты провела вчера время? Здорова ли?

Я здоров, но очень скучаю по тебе. До того скучаю

и тоскую, что ничто не идет на ум, ничего не делаю. Увидимся,

расскажу. А пока целую, целую и целую ()"

Люблю.

Твой.

84.

[24.X 1906 р)

Я очень беспокоился, когда не застал тебя в понедельник. Что с ней? Здорова ли? Проклятая неизвестность и не у кого спросить. Это очень тяжело, Шурочка. Увижу ли сегодня? Ведь я целую неделю не видел своей голубки и соскучился так сильно, что не ручаюсь за себя: могу подойти и при всех поцеловать. До понедельника я болел (хотя в воскресенье мог работать — и даже хорошо, так как мне казалось, что ты сидишь возле меня, а с тобой хорошо работается). С понедельника мне лучше, я здоров и хочу видеть тебя. Если тебе можно, сердце мое, приходи сегодня в 6 час. Может быть для тебя рано?

Мучит меня вопрос — застану ли тебя сегодня, получишь ли ты эту записку, или ее придется уничтожить, как письмо к тебе в понедельник?

Если бы хоть увидеть. Я так соскучился, что готов на стенку лезть. Целую и обнимаю тебя, мое счастье. До свидания. Любишь ли ты меня?

Твой.

85.

24, вторник. [Жовтень 1906 р-, Чершпв.]

Дорогая, милая моя Шурочка!

Я уже поправился и так радовался, что, наконец, тебя увижу. А, между тем, ни вчера, ни сегодня тебя нет. И хуже всего, что я совершенно не знаю, что с тобой, не могу расспросить даже у кого-нибудь и это доводит меня до отчаяния. Наконец, решил написать тебе домой. Все же легче, если хоть ты будешь знать обо мне. Впрочем, ты могла бы, если не рассчитываешь скоро выйти из дому, написать мне по адресу Бюро, с моим полным титулом по службе, но без фамилии. Я тогда получил бы твое письмо на службе.

Что же с тобой, голубка моя, серьезно ли ты больна или только нездоровится? А, может быть, у вас что-либо случилось неприятное и удерживает тебя дома. Теряюсь в догадках и мучусь.

Я болел довольно основательно, даже лежал в постели: инфлуэнца. Теперь чувствую себя не дурно, если бы только был спокоен относительно тебя, сердце, и если бы хоть на минуту увидел тебя. Слишком продолжительна разлука, слишком тревожно настроение. Соскучился ужасно. До боли хочется приласкать тебя, услышать твой голос, почувствовать вкус твоих губок. Как ты дорога мне, моя детка, родная, близкая моя!

Что-то тянет в ту комнату, где ты обыкновенно сидишь— всякий раз, когда увижу пустое место, мое сердце сжимается и мне становится

невыносимо грустно. Не могу спокойно работать. Все мысли с тобой. Все думаю, сильно ли ты страдаешь, скучаешь ли, чувствуешь ли мое отсутствие — и так мне хочется быть у твоей постели, утешить, успокоить, поцеловать мою нежную и бедную голубку. Поправляйся скорее, Шурочка. Ведь я пропадаю без тебя, расстраиваюсь. Разве ты не хочешь поскорее увидеть твоего друга, такого близкого тебе, любящего?

Увижу ли тебя завтра? Получу ли письмо? Помни, что неизвестность очень тяжела. Если долго ничего не буду знать о тебе я, кажется, заболел от беспокойства. Целую тебя, голубочка, сердце мое, милая и родная. Обнимаю от всего сердца, искренне и горячо, как люблю.

Не забывай обо мне.

Твой навеки.

86.

Среда. [25.X 1906 р.. Черн.пв.]

Моя дорогая, как я беспокоился все время, не видя моей серой шапочки. Мучительно было ничего не знать о тебе и предполагать самое худшее. Наконец, не выдержал и спросил у Зины ~°. Оказывается, у тебя инфлуэнца. Тяжелее всего думать, что это я тебя простудил, голубка моя! Поберегись хотя теперь, полечись и скорее выздоравливай, если не хочешь, чтобы и я заболел от горя. Я тоже чувствую себя не очень хорошо и, может быть, даже придется лечь на несколько дней. Не беспокойся, впрочем, ничего серьезного нет, так, легкое нездоровье.

А я уже мечтал, что хоть увижу тебя сегодня. Ты вед* знаешь, с каким нетерпением ожидаю я наших свиданий, наших милых и дорогих для меня встреч, как дороги и сладки для меня твои ласки, твой голос, как я пьянею от твоего "люблю". Любимая моя! Если бы мое чувство, моя

привязанность и дружба могли ускорить твоё выздоровление, как бы я был счастлив.

Будь же скорее здорова, сердце мое, знай, что о тебе постоянно думает твой друг, что только для тебя бьется мое сердце.

Люблю тебя, целую тебя бесчисленное число раз. ()

Не пишу много, т. к. хочется сегодня же послать письмо. Пишу его в антракте на службе.

Еще и еще целую.

Твой.

87.

[Осінь 1906 р., Чернігів.]

Не знаю, как и благодарить тебя, моя голубка, за поцелуй: он сразу оживил меня и сразу же все вокруг меня повеселело. А сегодня утром я опять в отчаянии. Если дождь помешает нашему свиданию — я не знаю, что со мной будет — так соскучился по тебе. Сердце мое! Не обращай внимания на погоду. Если днем даже пройдет дождь, а в 6—6'/г дождя не будет — приходи, моя радость. Мне страшно, до боли, хочется видеть тебя. Нам еще предстоит разлука на месяц — не будем увеличивать ее. Итак — до свидания. Милая, хорошая, добрая моя! Какое наслаждение будет поцеловать любимую, чудную мою голубку! Я сам себе завидую.

Мы поменялись ролями. Раньше ты была соней, а теперь я. Сегодня встал в 9 часов — давно уже случался такой скандал!

Обнимаю тебя, мое серденько, целую тебя, счастье мое дорогое. Люблю тебя, голубка моя. До свидания. Хочу слышать твой голос, хочу смотреть на тебя.

Твой.

[150(5 р., Чернігів.)]

Шурочка! Я не хочу, чтобы ты имела ко мне враждебное чувство. Мне от этого больно. Мне хочется видеть тебя счастливой. На собственном опыте знаю, как мало счастья выпадает на нашу долю за всю нашу жизнь — и мне так искренне хотелось бы сберечь, охранить для тебя те счастливые моменты, о которых ты упоминаешь. Пусть бы хоть любимому существу было лучше. Сердце мое! Мне очень хочется поговорить с тобой, успокоить тебя. Мы должны увидеться сегодня же. В 61.0 ч. на прежнем месте, хорошо? А, может быть, тебе опять нельзя почему-либо? Тогда назначь сама, но прошу тебя, дорогая, не откладывай на долго, не заставляй меня мучиться, если только хоть немножко любишь меня.

Я на тебя буду смотреть, моя любимая, мое солнышко! Буду смотреть, хотя бы все глаза превратились в глаза Лес-цкой²¹. Ведь это моя единственная радость за весь день. Целую тебя и обнимаю крепко, как люблю. Хорошая моя Шурочка, родная, близкая! Люблю.

Твой.

89.

[1906 р., Чернігів.]

Сердце мое, ты пишешь такие милые письма, что приводишь меня в восторг. Мне кажется никогда не удалось бы написать тебе так тепло и хорошо, как это ты делаешь. Люблю тебя за это, дорогой мой друг, моя

маленькая и бесконечно любимая детка. Я считаю себя очень счастливым, имея такого хорошего друга, зная, что для меня бьется и живет такое любящее сердце. Целую твои руки. Спасибо, что ты помнишь обо мне. Мне так хочется видеть тебя и я уже живу надеждой обнять тебя во вторник на нашем старом месте (6 ч. 45 мин.). Буду ждать с нетерпением этого дорогого для меня свидания.

Я не простудился и как-будто физически здоров. Но иногда нервы дают себя знать. Невозможность часто видеть тебя, невольная разлука и неудовлетворенность такой раздвоенной жизнью, какой теперь приходится жить мне — все это подчас страшно измучивает меня — и в этом моя болезнь. Ведь я положительно не могу жить без тебя. Все мои мысли, все чувства мои где-то далеко, около тебя, моя единственная. Я только и отдыхаю, когда бываю с тобой. Никакая логика, никакие убеждения не могут успокоить меня и сдержать чувство, которое неудержимо рвется к тебе, моя голубка. Я часто завидую твоему спокойствию, твоей способности ожидать. Я не могу ждать. Я тебя люблю больше всего на свете. Целую тебя, дорогая. Обнимаю.

Твой.

90.

[1609 р., Чернігів.]

Не знаю, как ты, Шурочка, а я очень доволен последним свиданием, очень счастлив был во время свидания и переживаю его даже теперь. Ты была такой милой, когда смеялась. Вообще, ты меня все больше и больше чаруешь. Несмотря на расстояние, ты все время со мной. Всю ночь опять снилась: будто я искал тебя по всем твоим знакомым, был дважды в твоём доме, но всякий раз тебя не заставал, ты как раз уходила

перед моим приходом. Проснулся с чувством досады, раздраженным. Успокоился тем, что сегодня увижу. Целую тебя, моя милая, моя единственная, моя любимая! Обнимаю тебя, мое

счастье. Целую. () Люблю тебя больше всех.

Когда будем вместе?

Т

е" вой.

91.

[1906 р., Чернігів.]

Ты не простудилась, голубка моя? Успокоилась хоть не-

множко? Ответь мне, сердце мое. А я сегодня заспал, проснулся

едва после девяти. Поэтому не успел написать тебе больше.

Хочется хоть поздороваться да поцеловать свою любимую

детку. После нашего свидания чувствую себя значительно

лучше, спокойнее, счастливее. Видишь, какая ты чародейка, что

ты можешь сделать с человеком. Целую тебя. Люблю безгра-

нично. Милая!

Твой.

92.

[1906 р., Чернігів.]

Как это странно! Ты опять ответила на мой вопрос раньше, чем я его задал. Какая ты чуткая, моя голубка! Я и не думал, что у тебя такая тонкая душевная организация. Это меня радует. Помни, что я хочу поскорее видеть тебя. Целую крепко.

Пиши мне.

Твой.

^ 93.

[1906 р., Чернігів.]

Что с тобой, моя дорогая Шурочка? Ты едва поздоровалась со мной. Я не могу видеть тебя такой, мое счастье. Выйди к телефону и скажи мне. Целую тебя крепко, мое ты солнышко!

94.

[1906 р., Чернігів.]

Что с тобой, мое сердце! Ты нездорова? Эта неизвестность хуже всего. Наконец, не вытерпел и спросил у сестры " Мне сказали, что у тебя болен глаз. Хотелось подробнее рас-просить, но постеснялся. Мой милый глазок! Когда я его увижу? Я готов целовать его бесконечно, лишь бы он поскорее был здоров. Скажи ему. Как невыносима такая длинная разлука. Приходи скорее, моя Шурочка милая.

Целую тебя без счету.

[1906 р., Чернігів.)

Мне совестно, что опять я пишу тебе только несколько слов—
Заспал, как сурок. Не понимаю, что со мной делается. Вчера обошлось
все хорошо. Сверх всяких ожиданий, я не имел никаких сцен. Благодаря
некоторому спокойствию я все время пробыл с тобой, переживал наше
свидание. Как я хочу вновь увидеть тебя. Сколько ты даешь мне счастья
—ты и представить себе не можешь. Я хотел бы доставлять тебе хоть
подобие моего счастья.

Будь здорова, голубочка моя, милая моя Шурочка, детка моя
любимая. Целую твои глазки, губки и ручки. Как твой⁴ глазок правый:
болит ли еще? Хорошо ли чувствуешь себя вообще? Еще и еще целую.
Люблю тебя, солнышко.

Твой.

96.

[22—23 грудня 1906 р., Чернігів]

Голубка моя, целую и обнимаю тебя. Я здоров, занят гостями. Тем не
менее скучаю без тебя страшно. Пишу тебе этих несколько слов; не
могу, чтобы не сказать тебе, что люблю тебя всем сердцем. Наше
свидание во вторник довольно трудно устроить. Это праздничный день, а
в праздники я не всегда свободен. Нельзя ли тебе в понедельник, а
затем в среду* Хоть на часок, а все таки скорее увидимся. Люблю тебя и
целую, мое сердце. Сделай для меня это—приходи в понедельник. ^

Твой.

Хорошо ли чувствуешь себя?

97.

[1906 р., Чернігів.]

Пташечка моя, моя родная, дорогая, любимая Шурочка! Чуть не умер от тоски, не видя тебя так долго, мое сердце. Проклинаю погоду на чем свет стоит; вообще нервничал. Положительно я не выношу разлуки с тобой. А, между тем. опять препятствие. Вчера получил из Киева срочную телеграмму, которой меня вызывают туда по литературным делам люди, специально приехавшие для переговоров из-за границы. Я должен был выехать вчера, но я не хотел уехать,-

не предупредивши тебя и не увидевши тебя — хоть мельком-Еду сегодня, возвращусь в четверг. Из Киева напишу тебе. Просте в отчаяние прихожу, что после такой продолжительной разлуки — 5 дней не виделись! — а теперь опять раньше четверга или даже пятницы не увидимся!

Здорова ли ты, сердце мое? Не скучаешь ли? Я здоров, но без тебя пропадаю. Ты необходима мне, как воздух. Целую

тебя, моя голубка, целую губки, глазки, ручки ().

Люблю тебя бесконечно, навсегда.

Твой.

98.

[1906 р. (?), Чернігів.]

Шурочка моя дорогая!

Прости, мое счастье, что я не написал тебе из Киева; не успел, был так занят, что даже спать было некогда. Да если бы я вчера и написал

тебе, ты получила бы письмо только сегодня; между тем, сегодня ты уже видишь меня. Не рассказываю тебе сейчас ничего, лучше расскажу при свидании. Соскучился по тебе бесконечно; сегодня трудно будет увидаться нам. Очень устал, не спал три ночи. А завтра, если ты согласна, буду с нетерпением ждать тебя в 6 часов. Здорова ли ты? Любишь ли меня? Я люблю тебя с каждым днем все больше и больше. Целую и обнимаю крепко, крепко, мое ты счастье. Я здоров, не сердись, что пишу только несколько слов.

Целую еще. ^ ^ Твой.

99.

[Січень 1907 р., Чернігів.]

Если тебе позволит здоровье и погода, увидимся сегодня, я свободен. Очень хочу видеть тебя. Целую.

100.

[Січень 190" р., Чернігів.]

Чудная моя детка, не простудилась ли ты?

Выйди сегодня, голубка (если, конечно, не будет снега), не в 8 час. как мы раньше условились, а в 6, как всегда. Очень хочу видеть тебя, моя дорогая, единственный друг мой. До свидания. Целую. Люблю.

Я здоров.

[Січень 1907 р., Чернігів.]

Целую мою дорогую детку. Завтра напишу.

102.

[Січень 1907 р., Чернігів.]

Сердце мое, Шурочка моя единственная! Ты такая добрая, такая нежная, хорошая, что у меня на сердце всякий раз становится тепло, когда подумаю о тебе. Спасибо, моя голубка, за заботы обо мне. Я совсем здоров, не простудился и все живу воспоминанием о последней встрече. Может быть, в самом деле переждем морозы, они долго не простоят. Помни только, что продолжительная разлука томит меня и мучит. Я чувствую, что не могу жить без тебя, моя ты любимая. Напиши, когда увидимся. Я хочу видеть тебя, ласкать, прижать к сердцу. Моя ты дорогая! Целую тебя также крепко, как люблю.

[Січень—лютий 1907 р., Чернігів.]

Не приходи сегодня, моя детка: жестокий холод. Может быть, в пятницу будет погода мягче. Люблю. Целую.

104.

[Січень—лютий 1907 р., Чернігів.]

Дорогая моя Шурочка! Я не хочу, чтобы ты выходила в такую стужу. Моя птичка так зябнет, что может совсем замерзнуть.

Злюсь на погоду вдвойне: эта стена холода разделяет меня с моей милой, родной деткой и я не знаю, что сейчас с ней, как она поживает и не имею уверенности даже, скоро ли увижусь. Завтра у меня заседание. Если в четверг будет теплее — выйди хоть на минутку. Не удастся в четверг — жду тебя в пятницу. Это при возможной температуре. Я то не особенно боюсь холода и одет тепло, а вот ты — одно легкомыслие. Я здоров, голубка моя. Люблю тебя, как всегда нежно и горячо. Целую губки и всю тебя. Обнимаю крепко. До свидания, голубка. .

[Січень — лютий 1907 р., Чернігів.]

Нет, Шурочка, ты несправедлива: как я хотел видеть тебя вчера, ты узнаешь из первого письма моего. Когда я не советовал выходить, я думал не о себе, а о тебе, о твоём здоровьи. Ну, хоть завтра увидимся, и то облегчение. В 6X'2 часов? Так? Целую крепко за хорошие письма, милые, дорогие.

Твой.

106.

[Січень — лютий 1907 р., Чернігів.]

Я думал, что получу что-нибудь от моего милого северного цветочка, но ошибся. А так хотелось, хоть словечко! Так досадно, что из-за какого-то глупого мороза мы не можем видеться! И только потому, что ты иначе устроиться не желаешь. Я не упрекаю тебя, моя милая, хорошая, дорогая! Мне только жаль. Ведь скоро мы будем вознаграждены? Правда? Пока целую мою Шурочку, мою любовь, мое счастье безграничное!

Твой.

107.

[Лютий—березень 1907 р., Чернігів.]

Хорошо, моя голубка: в воскресенье в 6 (или немножко позже) часов, на прежнем месте. Воскресенье для меня не совсем удобно, но я всеми силами буду стараться придти. Ты ведь понимаешь, как сильно хочу я видеть тебя после такой продолжительной разлуки. Я уже счастлив, что вижу тебя, моя милая, хорошая, добрая. Целую тебя бесконечно. Целую мои глазки.

Твой.

108.

[13 березня 1907 р., Чернігів.]

Моя дорогая, любимая Шурочка! От всего сердца поздравляю тебя, друг мой, с днем рождения²³. Чувствую, что это и мой праздник и что мое сердце живет бьется сегодня вместе с твоим. Хотя я еще не совсем здоров (о причине болезни расскажу тебе сегодня при встрече в 6 1/4 часов), но не мог выдержать и приехал, чтобы хоть взглянуть на тебя и пожать мою дорогую руку. Не пугайся моим скверным

видом: я уже на пути к выздоровлению. Хочу тебя видеть и поцеловать сегодня, поэтому не откажись придти сегодня (в твоей стороне) хоть на короткое время. Это свидание, я уверен, вылечит меня скорее и успешнее, чем врачи и лекарства.

До свидания, моя любимая крошка, мое светлое счастье. Люблю тебя еще сильнее кажется, чем всегда. Целую.

Твой.

109.

[Березень 1907 р., Чернігів.]

Шурочка моя единственная, моя горячо любимая детка! Я сам хотел писать тебе, чтобы ты не рисковала выходить теперь. Потерпим еще, но уж лучше быть здоровой. Буду терпеливо ожидать, когда ты сможешь сообщить мне о дне встречи, а пока целую тебя, бесчисленное число раз, мое сердце. Люблю тебя, дорогая моя. Еще раз целую.

Твой.

[Березень 1907 р., Чернігів.]

Лучше не выходи завтра, моя голубка. Я не хочу, чтобы ты рисковала здоровьем. Я готов потерпеть еще, лишь бы ты была здорова. Хотя, признаюсь, я очень страдаю от такой продолжительной разлуки. Целую мои глазки.

Может быть, в пятницу или субботу тебе будет лучше. Сообщи.

111.

[Березень 1907 р., Чершпв.]

Прости мне, сердце мое, если я тебя огорчил. Когда много любишь, желаешь многого и поневоле можешь огорчить. Я очень хочу видеть тебя, приласкать и отдохнуть душой-Но где? Ведь ты в такую грязь не пойдешь на прежнее место. Подумай, где тебе удобнее (я везде могу быть) и сообщи мне завтра, чтобы мы могли завтра увидаться. Люблю тебя больше, далеко больше жизни. Целую. Твой навсегда.

Может быть, мне удастся сегодня в б'/а быть у твоего дома, чтобы хоть одним глазком увидеть мою милую.

[Березень 1907 р., Чернігів.]

Добрый день, милая. Как спала? Здорова ли ты сегодня? Я все еще не успокоился на счет последствий для тебя нашего путешествия по водам. Вчера я любовался тобой— Ты была такая хорошенькая. Тебе очень идет длинная коса; я люблю тебя в косе. Впрочем, я люблю тебя во всех видах. Если хочешь меня поцеловать сегодня, выйди, когда буду у телефона. Я очень хотел бы получить хоть маленький твой поцелуй.

Очень скучаю без тебя, Шурочка. Мне только с тобой хорошо и спокойно. Когда увидимся, мой друг? Сегодня я занят.

Пиши, любимая. Обнимаю тебя. Целую.

Твой.

113.

[Березень 1907 р., Чернігів.]

Хорошо, моя голубка, я буду каждый раз писать тебе чем я занят. Но не лучше ли рассказать при встрече: ведь в письме многого не скажешь. Напрасно ты так относишься к своим запискам. Я их так люблю; каждое твое слово мне дорого и мило бесконечно. Даже когда ты упрекаешь меня. Ведь для меня нет ничего лучше моей любимой Шурочки. Хочу видеть тебя. Можно ли сегодня, в обычное время, на прежнем месте? Очень хочу. Напиши. Целую и обнимаю мою голубку, мое сердце, мою милую, дорогую Шурочку.

Твой.

114.

[20 березня 1907 р.. Чернігів.]

Сердце! Не могу помириться, нет не могу помириться с тем, что я сегодня не прижму тебя к сердцу. Как-то невольно в такие дни, как сегодня, ярче, сильнее становится желание быть вместе.

Боюсь, что вместо веселого, счастливого, сегодняшней день будет для меня грустным. Но все таки, быть может, сильнее еще буду любить тебя, мое далекое счастье. Буду мысленно целовать тебя и ласкать,

буду говорить тебе самые горячие слова любви, какие только подскажет сердце, самые искренние пожелания.

Будь хоть ты счастлива и весела сегодня, моя Шурочка любимая, и вспомни обо мне. Значит — до завтра, если только погода не помешает. Жду с нетерпением. Целую и люблю одинаково горячо.

Твой.

115.

[Весна 1907 г.]

Доброго утра, детка! Когда любимое существо так далеко от тебя, когда о нем мало знаешь—всегда живешь в тревоге. Так и со мной. Вчера ты не могла написать, а я уже беспокоюсь: не случилось ли чего с тобой, не имела ли ты какой-нибудь неприятности. С большим нетерпением ожидаю сегодняшней встречи. С самого утра воображение уже действует: я слышу твой голос, вижу твои глаза, ощущаю теплоту твоей руки. Чувствую вкус твоего поцелуя и уже заранее дрожу от наслаждения. Какой будет длинный день! Какой томительный!

Испытываешь ли ты что-либо подобное? Я очень хотел бы знать-

Как подумаю, что только сегодня до будущей недели мы можем увидеться — просто зло берет. Ну, не могу я без тебя существовать — просто сил не имею. Целую тебя, мое золотое счастье, моя радость, моя жизнь, мой воздух, без которого нельзя дышать. До вечера.

Твой.

[Весна 1907 г., Чернігів.]

Дай губки, Шурочка! Здравствуй, мое счастье. Видел тебя во сне всю ночь. Мы были в Крыму, ты на меня рассердилась за что-то и от огорчения я проснулся. Но, право, я предпочел бы быть возле тебя даже в то время, когда ты сердита, чем на таком далеком расстоянии. Хочу тебя видеть, не могу без тебя жить. Люблю тебя, моя жизнь; целую твои губки, такие вкусные.

Твой.

117.

[Весна 1907 р., Чернігів.]

Добрый день, моя радость. Так грустно, что я не могу поцеловать тебя сейчас. Нет! Долой грусть! Пока согревает мою жизнь уверенность, что ты меня любишь, я буду бодр и счастлив.

Хотя признаюсь, что не всегда бываю в таком оптимистическом настроении. Особенно за своей работой. Иногда мне так хочется услышать твое мнение о том, что я написал; мне кажется, что ты своей чуткой душой разъяснила бы мои сомнения, мои затруднения, осветила бы то, что ускользает, неясное, в моем воображении и пропадает для меня бесследно. Я уверен, что ты была бы прекрасным товарищем мне и с нетерпением, часто мучительным, жду того времени, когда мы уже неразлучно будем вместе.

Хотя вера в наше будущее счастье никогда не оставляет меня, но порой мне очень тяж[ело] лишаться твоего общества, особенно надолго. Если ты понимаешь меня, то, конечно, позволишь мне чаще видеть тебя. И сейчас я горю нетерпением. Когда же, милая? Ведь без тебя трудно, горько, невыносимо.

Целую бесконечно, но своей жажды не утоляю. Люблю тебя, Шурочка моя.

Л ^ Твой.

118,

[Весна 1907 р., Чернігів.]

Ты не сердись на меня, любимая, за короткое письмо. Я заспал. Эти два дня, как мы не виделись, прошли для меня очень скверно: все время мне не давала покоя сильная головная боль, плохо спал, едва работал. Сегодня мне лучше, и мы непременно увидимся. Приходи же, мое сердце. Вчера я поймал себя на ревности — и мне сделалось стыдно. Когда ты смеялась другому, а на меня едва взглянула, меня что-то кольнуло в сердце. Не смейся, это прошло, я овладел собой.

До свидания, единственная, любимая детка. До поцелуя, которого я так жажду. Хорошо ли ты провела последние 2 дня? Здорова ли, любишь ли меня? Мне кажется, что ты почему-то недовольна мной. Правда ли?

Целую и люблю свою голубку горячо.

Твой.

119.

[Червень 1907 р., Чернігів.]

Добрый день, моя светлая радость. Сегодня я проснулся с мыслью о тебе, дорогая Шурочка, и сознание, что ты меня любишь, сделало меня таким счастливым. Пожелаю тебе такого счастья на всю жизнь, какое я сейчас переживаю. Скажу два слова о том, как я провел время.

Суббота прошла у меня за Десной 24 и в театре; слушал оперетку. Вчера так сильно захотелось мне видеть тебя, что я дважды ходил в

город в надежде встретить тебя и похитить хоть на часок. Но, конечно, как и всегда, безрезультатно.

Чувствую себя сейчас хорошо; меня поддерживает перспектива нашего свидания в среду. Жду с нетерпением.

Писать тебе ежедневно мне не надоело. Ведь мне хочется сказать тебе хоть несколько слов о себе и узнать не случилось ли с тобой чего-нибудь особенного.

Ты, голубка моя, не стесняйся: когда можешь и хочешь, пиши больше, когда это неудобно — я буду доволен и двумя-тремя словами. До свидания, сердце мое! Любимая, славная Шурочка. Целую тебя и обнимаю, и ласкаю, и люблю крепко.

Среда. [13.VI 1907 р., Чернігів.]

Не везет мне, моя дорогая деточка! Всю неделю стояла чудная погода, а в день, когда я, наконец, мог увидеть тебя, дождь. За то тебе повезло, как всегда и во всем: ты хотела, чтобы мы увиделись только в следующий вторник (19-го) — и так оно и выйдет: раньше вторника мне нельзя будет прийти к тебе. Почему всегда выходит так, как ты хочешь, все слушает тебя, все тебе подчиняется, даже погода.

Но, право, мне не до шуток. Вообрази себе человека которому закрыли рот и не дают дышать; живописца, который ослеп, музыканта — оглохшего. Это буду я. Ты мне необходима, как воздух, как живописцу краски и музыканту звуки. А, между тем, я тебя не имею — и чувствую себя очень несчастным. Как ни стараюсь увлечься работой в надежде, что это заменит тебя — ничего не выходит: тоскую и проклиная судьбу и ничего у меня не выходит. Вот уже 2 дня по 12 часов в сутки пишу и все недоволен. Если бы я увидел тебя сегодня хоть на часик — у меня было бы совсем иное настроение, явился б подъем и работа моя подвинулась бы сразу.

А теперь жди вторника! Право я завидую твоему хладнокровию и спокойствию: ты можешь ждать, а мне тяжело. Тяжело без твоих ласк, тяжело ничего не знать о тебе. Что ты переживаешь, не случилось ли чего с тобой, здорова ли ты — и ничего, буквально ничего, не знаю и это приводит меня порой в отчаяние.

Голубка моя, хоть веселись за это время, гуляй, будь здорова. Я не хотел бы, что бы ты испытала настроение, подобное моему.

Вот сейчас пойду на почту (8 час.) и какое счастье было бы встретить тебя. Но это напрасные мечты — мне не везет, я тебя не увижу и ничего не узнаю о тебе до вторника. А если во вторник опять дождь? Что тогда? Не хочу думать об этом. Но если бы так случилось, приходи попозже, часов в 8, 9, все равно — лишь бы увидеть тебя хоть на минуту. Если нельзя будет, если весь вечер будет лить дождь, тогда я опять напишу тебе и мы условимся. А теперь до вторника, до 7 или 1х ± часов. Любишь ли ты меня? Целую и люблю и дышу только гобой, мое счастье и мое горе.

Твой.

121.

[ИЛVI 1907 р., Чернігів.]

Здравствуй, моя милая, моя весна!

Я очень был счастлив, что хотя издали увидел тебя вчера. Целых три дня я был неспокоен—все мне казалось, что ты лежишь в постели, что ты заболела. Здорова ли ты совсем, придешь ли сегодня? Я жду тебя, моя радость, моя голубка. Хочу видеть и целовать тебя, хочу услышать, что ты меня любишь. В среду и в четверг я буду занят—и если ты не придешь сегодня, мы могли бы увидеться только в пятницу, а это ужасно далеко.

Я здоров, три дня проскучал без тебя и если мне было хорошо — то только тогда, когда о тебе думал. Что ты делала в эти дни, голубка моя? Я все время провел с детьми, гулял, катался.

Увидимся сегодня? Буду ли целовать мою милую? Хочу, очень хочу. Пока целую мысленно, но не менее жарко. Обнимаю. Люблю.

Твой.

122.

(Червень 1907 р, Чернігів.)

Дорогая! Если получишь неприятное письмо, вызванное анонимом²⁵, не отвечай, не посоветовавшись со мной. Буду сегодня. Жди, если и опоздаю немного. Если мне не удастся прийти сегодня, то увидимся завтра. Хорошо? люблю тебя и целую крепко.

Твой.

123.

[Червень 1907 р., Чернігів.]

Почему вчера не пришла, мой друг? Неужели погода испугала тебя. Я прождал тебя целый час и все думал, здорова ли ты — ведь вчера ты выглядела очень плохо. Не огорчайся, дорогая, случившимся²⁰. Все это пустяки по сравнению с нашим чувством. Я вот более огорчен, что не видел тебя вчера и что сегодня и завтра опять не увижу. Приходи в пятницу, часов в 7. Хорошо? А как тебе нравится этот подлый аноним? Я уклонился от объяснений — ни да, ни нет. Так пока лучше. На все придет время. Не огорчайся же, голубочка, и будь здорова. Целую крепко, прикрепо, как люблю.

Твой.

Среда. [Червень 1907 р., Чернігів.]

Милая. Грустно мне было читать твое письмо, которого я ожидал с таким нетерпением. Я его целовал — и мне казалось, что целую тебя и хоть немного успокою. Не грусти, моя дорогая. Все будет хорошо, мы будем счастливы и вознаградим себя за все лишения — порукой тому наша любовь. Верь, что и мне не легко переносить разлуку, что и я тоскую и высчитываю дни, когда мы, наконец, увидимся и благословляю всякую минуту, канувшую в вечность, так как всякое умершее мгновение приближает тебя ко мне.

Я очень сожалел, что ты не была на вечере, который прошел очень мило — и для меня был бы великолепным, если бы ты была на нем. Знаешь, мое сердце, я только и ощущаю жизнь, когда тебя вижу, даже совестно становится уходить так в личную жизнь, в свое счастье. А, однако, сегодня я не показался тебе: у меня так разболелся глаз, что я не хотел тебе показывать его, чтобы ты не беспокоилась. Лежу и прикладываю компрессы, к пятнице, надеюсь, пройдет все.

Письма к тебе не читал, но твой ответ видел: ты написала так хорошо, что я не удержался и похвалил тебя вслух.

Болезнь моего глаза на этот раз радует меня: я имею горькое утешение, что я все равно не мог бы видиться с тобой, если бы даже все было по старому.

Хуже всего, что не могу ни читать, ни писать, ни гулять.

За то думаю о тебе, вспоминаю все наши встречи, твой

голос, твои слова и мне все кажется, что меня кто-то сейчас

назвал "комиком", кто-то бесконечно— милый и дорогой. И я

его целую за это ().

Увидимся ли во вторник? Еще целая неделя почти! Как долго, как бесконечно долго! Но все таки увидимся — в 7. Если опоздаю, подожди. Если дождь будет (сильный), приходи в среду, на другой день. Напишу еще раз, если удастся. Будь здорова и весела, мое счастье, любимая моя голубка. Целую тебя (.....) и обнимаю сердечно. До свидания, друг мой.

Твой.

125.

[Червень 1907 р., Чернігів]

Как встало сегодня мое ясное солнышко? Довольна ли вчерашней встречей? Я очень доволен, освежился, и хотя мы вели тяжелые разговоры, о которых я потом думал — все таки при воспоминании о нашем свидании испытываю глубокую радость.

А ты вчера была не права. Я докажу это тебе при встрече.

Сегодня я встал с тяжелой головной болью и чувствую себя неважно. Все таки хочу видеть тебя сегодня, хотя ты рискуешь не увидеть меня, если мне к вечеру будет плохо. Но все таки, голубочка, рискни ради меня, выйди на наше место и подожди, в крайнем случае полчаса. Сделай это для меня, родная. Конечно, если к 6 часам будет идти проливной дождь (или 6V2), то не выходи. Я очень хочу видеть тебя сегодня. А пока будь здорова, весела и счастлива нашей любовью, как я счастлив. Целую тебя.

Хочу твоего поцелуя.

Твой.

126.

26. VI 907; Киев.

Пишу тебе, сердце мое, по пути из Киева. Моя поездка, быть может и приятная сама по себе, отравляется сознанием, что мы не скоро увидимся. Последний раз, когда я видел тебя,

я так жадно впитывал в себя дорогие черты твоего лица. Я смотрел на тебя, а ты и не подозревала и не видела меня, т. к. я смотрел на тебя из соседней комнаты, скрытый соседом.

Голубка! Наше последнее свидание было так коротко и так грустно, что у меня до сих пор сжимается сердце. И я все думаю — с чем ворочусь — с победой или с поражением, вернусь ли твоим фактическим или номинальным мужем. Беспокоит меня, что до сих пор не получаю письма из Екатерино-дара. Быть может, оно ждет меня в Славуте-'.

Как ты чувствуешь себя, моя любимая детка? Успокоились ли твои нервы? Ездил ли ты в Боромыки (так, кажется?). Собираешься ли туда на время отпуска? Я ничего не знаю о тебе, а, между тем, хочется знать всякую мелочь. Напиши мне, Шурочка, сейчас, как получишь это письмо, напиши подробно: буду ожидать твоего письма с нетерпением.

Я выехал из дому страшно усталый, с головной болью. Правда, закончил свою работу и сдал на почту — и очень доволен — что наконец таки исполнил свое обещание²⁸.

Теперь несколько дней постараюсь жить чисто животной жизнью — воздух, солнце и отдых. Даже читать не буду. Хочется мне, чтобы и ты пожила такой жизнью, поправилась, успокоилась, чтобы не пришлось видеть опять на милом личике теней усталости. До чего я тебя люблю,

мое сердце! Чем была бы моя жизнь без тебя! И мне так хочется быть любимым тобой. Люби же меня, детка.

В Киеве я пробуду только несколько часов, от парохода

до поезда, а завтра утром — в Славуте. Помнишь мой адрес?

Славута, Волынской губ., Фоме Мих. К[оцюбинском]у для меня.

Сообщи свой адрес в первом же письме, а пока целую, целую

и целую, жарко, сердечно и люблю мою деточку так же горячо,

как всегда ().

Твой.

127.

*2 июля 1907, Славута.

Твое письмо, дорогая Шурочка, это пока единственная радость, которую я получил по приезде сюда. Здесь мне не повезло, погода все время стоит ужасная, непрерывные дожди, холод, и, несмотря на красоту окружающей природы, приходится томиться в комнате. Но это было бы не так важно,

если бы не огорчение, которое ждало меня в Славуте. Наконец я получил письмо от своего знакомого, с таким нетерпением ожидаемое, но не из Екатеринодара, а из под Дрездена, из больницы д-ра Лямана. Пишет, что лечится и возвратится домой не раньше середины сентября. Обещает тогда что-нибудь сделать для меня и устроить в Екатеринодаре. Таким образом печально погибли мои надежды на

скорую ликвидацию того тяжелого положения, в котором находимся мы оба. А я так мечтал о нашем уютном уголке, о том, что каждый день, каждую минуту ты будешь возле меня, моя милая, мое счастье единственное! Теперь опять приходится ждать, а мне, поверь, так трудно мириться с этим, так тяжело и горько. Теперь с каждым днем мне все тяжелее и тяжелее становится разлука. Но не огорчайся очень, любимая. Чем больше страдаешь, тем больше наслаждения доставит счастье, тем ценнее оно будет. А оно будет, я в этом уверен.

Итак ты была вблизи меня в момент моего отъезда. А я и не подозревал, что ты так близко и мысли мои были совсем не на воде, а на Петербургской улице в незнакомой, но дорогой мне комнате.

Сердце мое! Ты хочешь знать, чем я занят, что думаю, как себя чувствую. Из того, что написал раньше, ты можешь судить о моем настроении. Хочу как-нибудь успокоиться, и не могу. Такой тяжелый год выдался, столько неприятных переживаний, что я не могу успокоиться, хотя очень желал бы этого и насильно прогоняю от себя невеселые мысли. Физически чувствую себя лучше, все-таки отдых, голова не так утомлена. Хотел немножко отвлечься от мыслей и поехать к тому приятелю, к которому ездил и в прошлом году, но его, вероятно, нет дома, т. к. ничего не отвечает на мое письмо "у. Если никуда не поеду, пробуду в Славуте до 7-го июля, а затем домой. Пиши мне с таким расчетом, чтобы я получил здесь твое письмо не позже 7-го — иначе может выйти неприятность с пересылкой писем из Славуты ко мне. После 7-го пиши "до востребования М. НЛ Постараюсь писать тебе почаще, а ты описуй мне, как живешь. Чем больше буду знать о тебе, тем легче будет переносить такую продолжительную разлуку, такой томительный антракт.

Часто наедине — а я ищу теперь уединения — стараюсь восстановить в памяти все подробности наших свиданий — и если бы ты знала, как я мысленно ласкаю тебя, как горячо обнимаю, целую и прижимаю к сердцу! Как мне дорога каждая черточка милого личика, как я люблю эти глазки, губки, ручки мои милые.

Нет, я тебя люблю безумно, Шура! Пиши же мне, детка, и люби хоть немножко твоего бедного друга — он, право, заслужил это своей искренней привязанностью.

Что это с О. Д. з0.? Не могу даже представить себе причины ее гнева. Она, кажется, из тех, что всю жизнь играют в игру, в которой говорится: "а я всеми недоволен".

До следующего письма, голубка. Жду от тебя хоть словечко

и пока обнимаю и целую ().

Твой.

128. + С

ШШ 907, Славута.

Спасибо тебе, моя радость, за милое письмо из деревни, которое я получил только вчера ночью, возвратясь от знакомого, из села. Два дня провел я у своего приятеля, польского поэта, который приехал из Варшавы на лето в свое имение³¹. Хотя в числе деревенских развлечений я имел удовольствие от укуса пчелы под глаз, тем не менее провел время очень приятно, на чистом воздухе в разговорах о литературе.

Ожидал телеграммы сегодня от своего друга из Кре-менца³², но не дождался и поэтому не поеду в Кременец, а зато уезжаю завтра к одному очень симпатичному украинскому писателю и общественному деятелю Марковичу⁵³. Стараюсь отвлечься от печальных мыслей и хотя несколько успокоить нервы, освежиться. Не знаю, удастся ли мне это и в какой степени. Однако, делаю, что могу. Возвращусь в субботу утром — и того же дня уезжаю с детьми в Киев, а оттуда домой. Хоть как мне хочется получить от тебя письмо еще здесь, но было бы очень

неприятно, если бы твое письмо пришло в Славуту после 7-го, так как тогда при пересылке домой, может выйти неприятность. О твоей встрече на почте с В[ерой] И[устиновной] или о чем-нибудь подобном я догадывался еще по получении второго письма от тебя и вот почему: оба письма, с почтовым штемпелем от 28, должны бы придти в один день, между тем твое письмо я получил днем позже. Это меня очень удивило и я подозреваю, что оно побывало в руках В. И, Иначе — чем объяснить запоздание, а также

то, что после этого В. И. перестала писать мне, а посылает письма на имя сестры. Опиши, голубка, как произошла Ваша встреча, при ней ли ты бросила в ящик письмо — вообще все, как было. Я лучше знаю В. И. и думаю, что она способна на все; могла даже при помощи оплаченного чиновника пересмотреть письма в ящике—ведь это возможно.

Ну, да пусть; как случилось, так уж и будет. Мне только тяжело переносить вечную подозрительность и отслеживание.

Здесь все время идут сильные дожди, сыро, холодно, вообще со стороны гуляний и отдыха не повезло. Впрочем, и тебе не очень весело в деревне, как видно из письма, но при известной самостоятельности и уменьи оттереть от себя неприятные элементы, ты могла бы отдохнуть и поправиться, чего я так сильно желаю. Получила ли ты два письма мои? Боюсь, что отсюда это письмо будет последним, т. к. завтра уезжаю в глухой уголок губернии, да в гостях трудно будет писать письма к тому же. Быть может, удастся написать по возвращении в Славуту, в субботу, не знаю. Во всяком случае, не тревожься, если несколько дней не будешь получать от меня писем. Напишу из дому, а ты пиши мне часто "до востребования М. Н.". ^^^^

Здесь от тоски спасает меня твоя фотография, милая, хорошая и любимая головка, которую, боюсь, испорчу частыми поцелуями. Я очень благодарен тебе за то, что ты мне дала свою карточку.

Будь же здорова, милая моя Шурочка, не очень скучай, поправляйся и приезжай в Чернигов здоровой и растолстевшей. Не забывай, что я люблю тебя больше жизни, больше всего на свете. Целую и обнимаю и душу тебя, мое сердце. Голубка.

Твой.

129.

12 июля, четверг. [1907 р., Чернігів.]

Сердце мое! Только что получил твое третье письмо, такое милое, хорошее, что светлее сделалось от него на душе. Я послал тебе из Славуты два письма, но второго ты еще не получила. Боюсь, что я напрасно беспокоил тебя в последнем письме, т. к. все мои подозрения оказались напрасными. Поэтому успокойся и не будем писать по этому поводу больше.

Ты права, моя голубка, я не отдохнул как следует, а, главное,

не успокоил нервов, а теперь, вдобавок, тоскую сильно по тебе,

п-303 65

Еще кажется никогда не хотелось т.к. видеть тебя и целовать, как теперь — а всякое твое письмо, принося радость, еще больше растравляет чувство тоски.

Все мои мысли около тебя и я жду — не дождусь, когда, наконец, увижу тебя и посмотрю, насколько ты поправилась. Смотри же, не разочаруй меня! Радуюсь также, что приехала твоя подруга, только ты лучше не рассказывай ей о наших отношениях. Я понимаю, как тяжело скрывать от близких то, чем полна жизнь, чем живешь, но мне не хочется, чтобы наши положения, твое и мое, разнились. Ведь и у меня

есть близкие, ведь и мне хочется поделиться с ними всем сокровенным, однако я, до поры до времени, не делаю этого. Будем же лучше в одинаковом положении—будем существовать пока только друг для друга и больше ни для кого. А. может быть, ты уже рассказала?

Теперь расскажу тебе о себе. Отпуск мой прошел скверно, как никогда. Я скучал, злился и не отдохнул. Тем не менее все говорят, что я поправился и находят, что даже помолодел. Чувствую себя лучше, почти здоров. Сейчас ничего не делаю, не пишу и даже не читаю: разленился. Впрочем, на днях думаю приняться за работу, за новый рассказ 3 хотя буду послушным и исполню все твои желания. Не буду засиживаться поздно и переутомляться. Знаешь, я хотел бы это время до твоего приезда проспать — таким тяжелым покажется мне, чувствую это, ждать 1 или 2-го августа. Сегодня первый раз пошел на службу и даже удивился, что бюро показалось мне таким отвратительным, таким пустынным, чужим. А все потому, что тебя нет там.

Голубочка моя, скорее бы увидеть тебя! Обнимаю издали и только живу тобой, мое счастье. Пишу тебе очень неполно, тороплюсь. У нас ремонт не окончился, я не имею места и мне мешают. Скоро напишу опять. Жду от тебя письма. Люблю тебя, дорогая. Будь здорова и весела, поправляйся, отдыхай и скорее приезжай к твоему Мусе.

130.

IT. VII СЮ7 [Чернігів].

Целую тебя, детка. Начинаю с этого, так как мне больше всего хочется поцеловать тебя. Сейчас я в очень хорошем настроении, так как во >вратился из почты и получил твоё письмо, в котором столько любви, что у меня от счастья кружится голова. Верь, голубка, что я хочу отплатить тебе тем же и брось всякую мысль о разлуке. Скорее приезжай, скорее прижмись к моему сердцу, послушай как оно бьется для тебя,— и тогда ты перестанешь думать о прощальном письме. Не

для того же я полюбил тебя так горячо и верно, чтобы отказаться от тяжело добытого счастья. Меня вяжет с тобой не одно физическое влечение, а нечто более сложное и более высокого порядка, ты могла убедиться в этом со всех моих поступков.

Я теперь, голубка моя, поправляюсь, толстею, почти ничего не делаю, нервы успокоились, сплю хорошо, даже снов не вижу — не вижу и тебя во сне — и это одна лишь неприятная сторона моего здоровья. Впрочем, надо приняться за себя и сесть за работу, а то и образ человеческий потеряешь.

Как я доволен, что тебе хорошо в деревне! Это хотя отчасти утешает меня в разлуке. Я часто мыслями с тобой, мы вместе отдыхаем, смотрим на реку, ходим по лугам. Иногда я ловлю себя на этих фантазиях и смеюсь, что я такой ребенок.

Новостей не могу сообщить тебе никаких. Живу одиноким, без людей — весь внутренний мир мой наполняешь ты да соперница твоя — литература. И мне хорошо. Право. Бюро не переношу теперь, Лех[някевича]³⁵ не могу видеть, хотя, к моей досаде, приходится иметь с этим противным существом, с этим слизняком дело.

Ты не сердишься, что я пишу тебе карандашом? Не сердись также, что больше одного раза в неделю не буду писать, т. к. мне затруднительно. Да и от тебя я не чаще получаю письма. До следующего раза, сердце мое, любимая моя подруга. Дай мне свои губки, дай ручки, целую их без счета и пью из них счастье. Обнимаю сильно тебя, радость моя.

Люблю"

131.

25. VII. 1907 р., [Чернігів.]

Дорогое мое сердечко, ну и нападаешь ты на меня сразу в двух письмах, полученных в один день! А я, вместо того, чтобы оправдываться, улыбаюсь от счастья, что ты меня любишь. Неожиданный результат! Буду писать. Пишу сегодня, напишу в пятницу, если ты только хочешь. А я больше хочу говорить с тобой, видеть тебя, мое счастье, чем писать. Если ты 3-го авг. будешь еще в Чернигове, то выйдя в 71/* часов на место наших теперешних свиданий. Это будет, кажется, в пятницу. Если же не удастся тебе в пятницу, то во вторник, 7-го, в такое же время, там же.

Не знаю, право, на какой из вопросов раньше отвечать тебе и боюсь, "что опять что-нибудь пропущу, а моя милая сейчас подумает, что я люблю ее меньше. Начну с комнаты. Лучше садись, голубка, в комнате заведывающ[его]. Мне было бы гораздо приятнее видеть тебя в соседней комнате, но мне от этого житья не будет и испортят мне нервы. Впрочем, решай сама, сердце, лишь бы скорее видеть тебя уже. Теперь о детях. Взял я их раньше, чтобы не затруднять сестры при перевозке такой оравы, да им пора было и учиться музыке и языкам.

Меня уже поглотила "Просвіта"³⁵ и начались занятия, дежурства, заседания, подготовка к вечерам, хотя в июле вечеров не устраивали. Летом трудно. Ну, что еще? Да башмаки. Чистить надо лимоном (ломтиком, мякотью) и выти-¹ рать чистым полотенцем. Когда высохнут, помазать желтой мазью (если есть), не лаком, а мазью и после того, как высохнут после мази, вытереть сукном. Если нет мази, то после лимона дать высохнуть и тогда вытереть до блеска. Кажется, верно.

За эти дни я опять устал и не совсем хорошо себя чувствую. Экстренные работы портят мое здоровье. Ничего, впрочем, серьезного, не беспокойся. Занят мыслями о теме нового рассказа — ее как раз и нет! Хоть бы ты помогла. Как я рад, сердце мое, что тебе хорошо в деревне, что ты меня любишь, что ты моя, что скоро буду целовать тебя и смотреть в твои глазки! Если бы поскорее. Доследующего письма! Целую крепко, люблю безумно и все думаю, как я счастлив. Обнимаю.

Твой.

132.

27.VII 907. [Чернігів.]

Добрый день, мое счастье! Ты перестала уже сердиться на меня? Прощаешь твоего беспутного Мусю за все его грехи и прегрешения? Если бы ты скорее приезжала уже, я выцеловал бы себе прощение. Ты хочешь, чтобы я описывал тебе, как живу. Но ведь это очень трудно. Все это время с внешней стороны веду очень однообразную жизнь. Нигде не бываю, меня посещают редко; ограничиваюсь книгой, одиночеством и мыслями. Подсматриваю и подслушиваю тайны природы и все заношу в записную книжку³⁷. Не знаю, знакома ли тебе эта всепоглощающая жажда красоты, это ревнивое чувство любопытства ко всем тайнам природы, наслаждение созерцания и понимания? Не ревнуй, только; я вижу в тебе всю природу с ее чудесами и люблю тебя больше всего.

Мучаюсь также. Не могу выбрать темы для нового рассказа, из десятка сюжетов до сих пор не остановился ни на одном. А мне необходимо к 1 сентября отослать уже готовую вещь — обещал. Наступают три дня отдыха — и если за это время ничего не придумаю, приду в отчаяние. Если бы ты была вблизи меня—фантазия бы моя работала живее и тема была бы придумана давно.

Всю ночь ты мне снилась. Мы целовались где-то в обществе, украдкой — и так сладки были поцелуи и опасность. Я все хвалил тебя за то, что ты поправилась, а за это получал: "комик!". Но, к утреннему огорчению, это был сон. Действительность же без тебя мало интересна, пустынна, холодна. Так тоскливо и одиноко.

Довольно! Не буду расстраивать себя печальными мыслями.

Лучше думать о том, что свидание не далеко уже. Ты меня

зацелуешь при свидании? Да, Шурочка? Зацелуй, чтоб

захватило дыхание, чтобы я не знал, живу или умер от счастья.^^ ^

Волнует меня сомнение — получу ли я от тебя письмо, или больше уже не будет твоих милых писем? Я пишу последнее, т. к. не надеюсь, чтобы ты успела получить следующее до 1-го. Помнишь ли ты наше условие — увидеться 3-го, в 12 ч. на обычном месте свиданий? Если тебе, конечно, можно; я могу и очень хочу. Если тебе неудобно 3-го то 7-го, во вторник, в такое же время и там же.

Если бы можно уснуть до этого времени, чтобы сократить томительное ожидание. Ужасно интересуется меня, как ты выглядишь теперь, насколько поправилась, не изменилась ли в чем. Право, когда долго кого не видишь, относишься к нему как к новому человеку и всякая мелочь интересует. А пока — до свидания, голубка мот, моя милая, любимая Шурочка. Хочу, чтобы ты почувствовала всю силу поцелуя, который посылаю тебе, сердце. Обнимаю и люблю.

Твой.

133.

[2 серпня 1907 р., Чернігів.]

На меня пахнуло весной, радостной, опьяняющей весной! от твоего письма, милая! Я был так счастлив, так бесконечно благодарен тебе, голубка, за твои хорошие слова. Они согрели и обласкали меня, как солнце, Я не только счастлив, но и горжусь тобой, Шурочка. Ты для меня идеально хороша во всех отношениях. Хочется поскорее увидеть тебя и поблагодарить тебя за доброту, за твою заботливость обо мне. Хочу видеть тебя сегодня, если погода не помешает. А было бы очень досадно, если бы свидание сегодня не состоялось: завтра тебе нельзя, в четверг именины моей тетушки — и если бы я не пошел вечером, нанес

бы кровную обиду. Пришлось бы ждать до пятницы, а это сверх сил. Сердце мое! Я тоже хочу попасть в концерт — но, кажется, больше из-за тебя, чем для Лобинского³⁴. Сегодня возьму билеты. Радуюсь, что лишний раз увижу тебя, мою жизнь, в буквальном смысле жизнь, т. к. я чувствую, что мое существование неразрывно связано с твоим. Как хорошо ты пишешь, как искренне, просто, а потому красиво. Я читаю и перечитываю их с наслаждением. Спасибо тебе за это, а еще большее спасибо сказал, если бы ты могла посвящать больше времени нашим свиданиям. Мы могли бы чаще видаться, а не 1 раз в неделю.

Здорова ли ты, сердце мое? Хорошо ли спала? Я здоров, но ужасно скучаю. Хочу тебя целовать, хочу смотреть на тебя, хочу ласкать мою красивую голубку. До свидания, сердце мое, до свидания, моя душистая весна!

Твой.

134.

[3 серпня 1907 р., Чернігів.)

Большое тебе спасибо за пожелание веселиться на вечере. Веселье было на славу! У меня до сих пор болят связки от сдерживаемых зевков.

Пил за здоровье тетушки великолепное, слегка прокисшее пиво, а от цыплят отказался, т. к. не был уверен, что они не погибли естественною смертью.

Что я, впрочем, болтаю! Я в хорошем настроении сегодня— сегодня наш день. Буду ждать вечера с нетерпением, буду приветствовать всякий прошедший миг. Я так стремлюсь к тебе, хочу поскорее прижать к сердцу свою милую, свою голубку, хорошую, добрую, красивую (не сердись), интересную. Люблю тебя. Здорова ли ты сегодня? Не помешает ли погода? Не помешают ли люди? Я всего боюсь.

Целую тебя, голубка. До свидания.

Твой.

135.

[Серпень 1СЮ7 р., Чернігів-]

Добрый день, Шурочка! Давай обниму тебя и поцелую. Хорошо ли спала моя любимая деточка? Как провела эти два дня, где была, чего делала? Здорова ли? Не скучаешь? А я, моя голубка, когда мы расстались, сейчас же нашел извозчика, приехал удачно домой и остаток вечера был очень счастлив, вспоминая наше свидание. В субботу я ходил с детьми в лес, а вчера почти весь день занят был работой. Чувствую себя хорошо, почти не кашляю, принимаю лекарство от кашля, вообще слушаю тебя, моя ты родная. Довольна ли ты ? Хочу сегодня видеть тебя хоть на часок. Если тебе удобно, приходи. Конечно, если не будет в это время проливного дождя.

Скоро увижу мои любимые глазки, и это так радует меня, как ребенка. Голубка моя, люблю тебя сильно и нежно.

Обнимаю крепко, целую крепко, люблю крепко. До свидания, друг мой.

Твой.

136.

(Серпень 1907 р., Чернігів.)

Единственная, любимая, милая Шурочка ! Я вчера рзал и метал от досады и никак не мог примириться с мыслью, что не увижу тебя из-за

такого пустяка — дождя. Не смотря на дождь, я вышел было, но возвратился, т. к. знал, что тебя не застану. согласишься ли ты увидеться сегодня ? Спасибо, большое спасибо тебе, моя добрая, за хорошее, полное забот обо мне, такое нежное и доброе, такое ласковое, как моя Шурочка, письмо. Не беспокойся о месте наших встреч, мне удобно и недалеко. Впрочем, можем поговорить еще об этом. Всю неделю я не купался — холодно и ничего не писал —

тоскливо. Вот если ты меня приласкаешь и обогреешь—я переменюсь.

Сегодня увидимся. Какое счастье!

Пока целую и обнимаю, так же крепко как люблю мое солнышко, мою светлую радость. До свидания, голубка. Целую еще и еще. Хорошая моя !

Твой.

137.

27, понедельник. [Серпня 1907 р., Чернігів.]

Дорогая деточка моя, мне нельзя будет увидеться с тобой в среду — т. к. мне придется пойти на лекциюЗэ. Собственно с 6 до 1/2 8-го я мог бы придти, но ты не любишь коротких свиданий. Во всяком случае, я приду на наше место в среду к 6, если застану тебя, буду очень счастлив; если же тебя не будет, увидимся в субботу 1-го. Хорошо? Пишу тебе с перерывами, страшно мешают мне. Хочу сказать тебе еще раз, что я люблю тебя крепко, сердце мое, насколько могу. Скучаю и мучусь без тебя и думаю каждую минуту о моей любимой Шурочке. Прости, что пишу кратко, хочу сегодня бросить в почтовый ящик, чтобы предупредить тебя заранее, т. к. ты, быть может, иначе распределишь

свое время. Я все время очень занят — всякие заседания и дела. Ужасно наскучило все это и отымает время от моей главной работы.

Я здоров — хотя, в сущности, только тогда хорошо себя чувствую, когда чаще вижу тебя, голубка моя.

Будь здорова и люби меня. Целую тебя сердечно и обнимаю. >

Твой.

138.

6, среда¹. [Вересня 1907 р., Чернігів.]

Дорогая моя!

¹ Треба: "четверг". В листі далі згадано "в субботу (15-го)": це число і день; що збігаються у вересні.—Ред.

Только что возвратился после напрасного ожидания тебя и пишу, грустный и огорченный. Я был на нашем месте раньше обыкновенного на 5 минут (в 6 ч. 25 м.), прождал 40 минут и ушел огорченный и обеспокоенный. Почему ты не пришла? Может быть, заболела, помешал кто?! Я нездоров был и не выходил 3 дня, наконец сегодня почувствовал себя лучше и так был счастлив, что увижу тебя, моя голубка. Тем более досадно, что вечер был прекрасный, а, кто знает, позволит ли погода скоро увидеться нам! Жду тебя в субботу (!5-го), в 6 часов, но если опоздаю, ты подождешь меня несколько минут, не правда ли, дорогая?

Хочу бросить письмо сегодня, чтобы ты получила завтра. Спешу. Целую сердечно и крепко, крепко Люблю тебя, мое счастье и обнимаю.

Твой-

139.

[Серпень-вересень 1907 р, Чернігів.]

Целую и благодарю мою славную голубку за добрую записочку. Она меня оживила.

Неприятностей я не имел никаких, если не считать за неприятность то, что два последние дня мне очень нездоровилось: сильно болела голова и зубы. Зубы болят и сегодня, голове немножко легче. В среду я никуда не ходил, провалялся на постели, а вчера было одно заседание. Сегодня, кажется, будет другое, но узнаю про это только после обеда, 90 шансов на 100 в пользу того, что заседания не будет, и я буду свободен.

Голубочка, рискни и выйди сегодня, если можешь. Я очень и очень хотел бы видеть тебя. Рискни, сердце — 1/2 часа можешь подождать, если тебе не очень скучно будет. До свидания, серденько мое, целую, ласкаю и обнимаю. Люблю безгранично.

Твой комик.

/>Л но.

17.X среда. [1907 р., Чернігів]

Дорогая моя деточка, единственная, любимая! Такие теперь у меня грустные дни. Настроение ужасное, не нахожу себе места и так сильно чувствуется потребность в твоём ласковом слове, в твоём участии. Хотя я знаю, что завтра мы увидимся, но не выдерживаю и пишу тебе: авось почув* ствую себя лучше, когда скажу тебе хоть несколько слов.

Почему? Ты спросишь, какая причина такого настроения? Право, не умею тебе ответить, должно быть все вместе сошлось: и тоска по тебе

(решительно не могу на долго расставаться с тобой), и невозможность скоро устроить нашу совместную жизнь и перемена погоды, враждебная нашим свиданиям. Все время тяготеет над тобой опасность не увидеться — а это мучительно.

Словом, я потерял остаток терпения — и чувствую себя хуже, чем когда бы то ни было. А ведь так немного, кажется, нужно, чтобы поправить настроение: довольно увидеть тебя, услышать твой голос, пожать твою руку, дружескую, милую ручку, которую я так люблю. И сознание, что это не всегда можно, наполняет меня отчаянием.

Ну, уже легче мне, детка! Поделился с тобой — и чувствую облегчение. Хочется мне сказать еще, что люблю тебя крепко и нежно, что привязан к тебе всей душой и жду, не дожусь, когда мы увидимся. Жду и беспокоюсь: а, вдруг, завтра сильный дождь и мы встретимся не раньше Аятницы? Нет, не хочу даже думать об этом.

Хочется еще спросить тебя, дорогая, что и как с тобой, но все равно до завтра ты ничего не можешь ответить мне.

Итак — до завтра. Целую и люблю тебя. Любишь ли меня?

Не сердишься, что я пишу тебе, хотя до свидания так недалеко?

Еще целую.

Твой вовсе не комический

^ "Комик".

141.

[Осінь 1907 р].

Здравствуй, моя голубка, моя бесценная Шурочка! Скучно было не получать твоих милых писем — ведь твоя записка и беглый взгляд на тебя — это было все мое утешение за целый день. Может быть потому, что мы не переписывались, эти 5 дней показались мне 5 месяцами и я ждал, не мог дождаться сегодняшнего нашего дня. Если сегодня не увижу тебя, буду в отчаянии. Поэтому приходи, не обращая внимания на погоду; меня может задержать разве проливной дождь. Ни ветер, ни сырость, ни холод, ни даже мелкий дождь меня не испугают. А тебя? После обеда я иду к врачу. Очень может быть, что он задержит меня на несколько минут, и я могу немножко опоздать. Но этого может и не быть, так что ты приходи, сердце, в 61 ?.

Как ты провела эти дни? Что делала, думала? Ведь я ничего не знаю. Я здоров, провел время скверно, скучно, без гуляний. Увидимся — расскажу. Ты тоже приготовься рассказывать о себе. До свидания! Как сладко звучит это прощание. Дорогая моя, люблю тебя, целую и обнимаю и прижимаю крепко к груди. Голубка моя нежная!

Твой, !

142.

[Жовтень 1007 р., Чернігів.)

Мое солнышко, голубка ты моя милая! Наконец я свободен. Мой приятель уехал. Я уже мечтал о близкой встрече с тобой, мое сердце — и неожиданно заболел. Пришлось много ходить в эту ужасную погоду — и простудился. Придется 2—3 дня посидеть дома, пока пройдет опухоль и успокоится зубная боль. Сегодня выхожу только для того, чтобы просить тебя не беспокоиться моим отсутствием и хоть разок взглянуть на мою любимую, хорошую детку. Как только поправлюсь, сейчас напишу тебе и назначу свидание. Целую вечность я не целовал тебя. Здорова ли ты? Как настроение? Любишь ли меня? Я люблю тебя от всего сердца.

Целую бесконечно, люблю. Обнимаю.

Твой.

[Жовтень 11)07 р., Чернігів) Дорогая детка!

Твоя доброта меня трогает: ни одного слова упрека — так точно я ни в чем не виноват пред тобой. А мне еще больше совестно пред тобой! Голубка, я вчера беспокойно провел день: дважды был у врача, вырвал зуб и, чтобы успокоить несколько нервы, пошел слушать оперетку.

Пишу тебе только несколько слов — очень заспал и тороплюсь. Сердце мое, я хочу сегодня видеть тебя непременно. Я едва выдерживаю разлуку. Жду тебя, родная моя, а пока целую, голубочка, крепко и сладко. Любимая Шурочка, как ты мне дорога, детка моя чудная. До свидания, сердце. Еще целую.

Твой.

144.

[5—6 листопада 1907 р., Чернігів.]

Прости, милая, дорогая Шурочка. Я кругом виноват — назначил тебе свидание в такой день, когда я не свободен

и подвел тебя. Ко мне неожиданно пришли в то время, когда я собирался уходить и помешали. Я так волновался, думая о тебе, так упрекал и ругал себя, что у меня нервно разболелась голова. Прости, мое сердце, не сердись, голубка, я буду уже более осторожным в выборе нашего дня. Но мне так сильно хотелось хоть на минутку прижать тебя к сердцу, поцеловать мою ненаглядную голубку, что я рискнул и теперь мучаюсь, что сделал тебе неприятность.

Сейчас иду к врачу лечить зубы. Вообще начинаю делать все по твоему совету. Голубочка! Нельзя ли нам увидеться в среду? Сегодня мне неудобно. Я уже начинаю сильно скучать по тебе, хотя мы недавно виделись. Имей в виду, что в четверг мне нельзя будет выйти к тебе — у меня именины. Итак — до среды! Не сердись. Поцелуй меня, люби меня. Обнимаю мою голубку и ласкаю, и целую и люблю горячо, всеми силами сердца.

Не сердись, Шурочка моя.

Твой.

V +

[1907 р., Чернігія.]

Пишу, на всякий случай, хоть несколько слов тебе, моя милая. Может быть, ты испугалась погоды и, благодаря этому, я лишний раз увижу твои глазки. В сущности, я был бы очень рад, если бы застал тебя сегодня, если бы вчерашняя погода не пустила тебя. Помни, моя любимая, о вторник! Будь здорова. Целую тебя, мое счастье и обнимаю крепко. Я здоров, гулял, купался. Еще раз целую.

Твой.

146.

[1907 р., Чернігів.]

Как это грустно сложилось все, Шурочка! Была хорошая погода — и мы не виделись, а вдень свидания нам не повезло. Я жалел уже, что мы исключили понедельник. Впрочем, я и вчера вышел бы, если бы хоть малая надежда, что увижу тебя. Но небо было так безнадежно — и я остался. Досада просто душила меня.

Я стосковался по тебе, сердце мое, страшно. Хочу видеть тебя сегодня же, непременно. Нас не должна пугать погода. Разве проливной дождь — и то больше ради тебя, милая. Ведь если сегодня не увидимся, придется отложить свидание до пятницы, а мне очень тяжело без тебя. Приходи, голубочка. Здорова ли ты? Что с тобой?

Я здоров. Скучаю, тоскую, чуть не плачу, так хочу видеть тебя, мое солнышко. Люблю тебя безгранично, целую губки, глазки, ручки. Обнимаю крепко и сердечно. Люблю.

Твой.

Не пишу больше — увидимся сегодня.

147.

[1007 р., Чернігів.]

Доброе утро, дорогая! Вчера я прождал тебя целый час. Погода была не так плоха, как до обеда, но тебе, вероятно, что-то помешало. Хочу увидеть тебя сегодня непременно (в 6 ч.) Выйди, голубочка, если не будет большого дождя.

Итак—до скорого свидания!

Целую и обнимаю от всего сердца.

Люблю тебя, мое счастье!

Твой-

148.

[1907 р., Чернігів.]

Жду тебя сегодня, мое счастье. Целую и обнимаю крепко, как люблю. Сердце мое.

Твой.

149.

[1907 р., Чернігів.]

Ты расстроена, моя милая? Что такое с тобой? Ты не пишешь мне о том, что тебя расстраивает и я теряюсь в догадках и мучусь. Если нам опять нельзя увидеться — напиши что с тобой. Я когда узнал, что тебе плохо, забыл о своих страданиях и жил только твоими. Голубка моя, не принимай всего так близко к сердцу, не расстраивай себя, пожалей себя хоть ради меня. Целую тебя, мое сердце и обнимаю. Будь здорова и спокойна.

Твой.

150.

[1907 р., Чернігів.]

Доброго утра, моя милая Шурочка. Целую. Не пишу тебе больше, так как сегодня увидимся. Вчера я предложил увидеться на старом месте (возле нар[одного] дома) потому, что хорошо не понял твоего плана; я плохо знаю город и мы могли бы разминуться. Я с таким нетерпением жду свидания, что не в состоянии о чем-нибудь ином думать и едва удерживаю дрожь. До чего я тебя люблю, милая моя голубка, моя ласковая, хорошая, дорогая детка. Итак — в 6 1/2. Как долго ждать еще. Целую.

Твой.

151.

VJ01 p, Чернігів.)

Я не могу сердиться на тебя, моя голубка, ведь я тебя люблю. Буду ожидать с нетерпением, а пока целую крепко, мое сердце, хорошая моя.

Твой.

152. А

[1907 p., Чернігів.]

Я очень соскочался по тебе, моя дорогая, моя ты милая! Теперь мне еще труднее, еще тяжелее не видеть тебя долго. Я страшно сердит на свою простуду, но что же поделаешь! За то я думал о тебе все время, вызывал в своем воображении твой образ, твои (и вместе с тем мои) милые глазки и иногда это мне удавалось так хорошо, что получалась полная иллюзия. Как я целовал тогда тебя! Ты не чувствовала? Но теперь скоро уже. Скоро увижу мою хорошую детку. Скоро ли буду опять целовать? Это от тебя зависит. Помни только, что мне очень тяжело без тебе и пожалей меня, моя ты добрая. Я все время нахожусь под обаянием твоей доброты, которая так влечет меня, к тебе. Что-то бесконечно милое, доброе, ласковое смотрит на меня из твоих глаз, и я чувствую, что между нами есть прочная связь, что мы — родные.

Напиши же мне, когда можно встретиться нам и на прежнем ли месте. Мне нравится наше прежнее место. Когда же, милая? Жду. Целую тебя, единственная, тысячи раз! Люблю тебя.

153.

11007 р., Чернігів.]

Застану ли я тебя сегодня, моя голубка? Здорова ли ты? Я уже чувствую себя лучше, но все же еще сижу плохо: у меня было воспаление седалищного нерва. Очень мучительная, но, конечно, не опасная вещь-

Пропадаю без тебя. Когда, наконец, увижу тебя. Не хочу только, чтобы ты рисковала и выходила на воздух до тех пор, пока совсем не поправишься. Напиши мне о себе, голубка, чтобы я завтра мог из твоего рукава вынуть записку. Назначь когда и где увидимся. Напиши, любишь ли ты меня по прежнему? Я только и живу тобой, сердце мое. Люблю и обнимаю. Жду ответа.

Твой.

154.

11907 р., Чернігів-]

Приходи, голубка, сегодня в 6 часов. Буду ждать. Целую крепко и люблю. До свидания!

Твой.

155.

[1907 р., Чернігів.]

Голубочка! Сегодня я уже свободен и очень хочу видеть тебя. Неужели и сегодня ты будешь занята и не придешь?

Я уже едва переношу разлуку. Если сегодня что-либо помешает (недосуг твой, конечно, или погода), тогда завтра, в понедельник, во вторник — но хочу видеть тебя, мое сердце Я приду сегодня в 61/1, в твою сторону.

Целую крепко, люблю.

До свидания. Твой.

[1907 р., Чернігів.]

Милая, приходи сегодня в 6і 2 к Екатерининской церкви, у лестницы, а если не дождешься, то сегодня в 9і 2 на том месте, где встретились последний раз.

Целую, люблю, хочу видеть.

Твой.

157.

I 2-і 1908 г. [Чернігів.]

Как ни тяжело было болеть, а еще тяжелее — не иметь возможности написать тебе о себе хоть несколько слов, зная, что ты тревожишься, моя дорогая. Теперь мне настолько лучше, что скоро начну выходить. О причине своей болезни не буду теперь писать ничего; если захочешь — расскажу при свидании. Все время я особенно тяжело чувствовал твое отсутствие. Мне все казалось, что я испытал бы большое облегчение, если бы хотя на минутку увидел тебя, мое сердце. Как ты все это время поживала; что делала, чем занималась. Приготовься отвечать мне обо всем подробно при нашем свидании, которого я ожидаю с нетерпением. Я думаю, что мы могли бы увидеться в среду, 26-го, в 51/" часов на углу Ремесленной и Троицкой, где мы уже встречались как-то. Если почему-

либо не удастся в среду, то там же и в такое время в четверг-, на следующий день, а затем в пятницу и т. д. Думаю, впрочем, что ежедневно тебе не придется ходить. Как твоё здоровье? Ты что-то не совсем хорошо чувствовала себя. Я так радуюсь, что наконец увижу тебя, соскучился страшно. Думаю, что работы твои окончились и ничто не помешает тебе прийти. А, впрочем, разве я знаю что-нибудь о тебе? Это-то меня и мучает. Ну, до свидания, моё сердце. Целую тебя и обнимаю. Будь здорова и помни обо мне. Ещё целую. %

5.1 Г [1908 р., Чернігів]

Дорогая моя, чувствует моё сердце, что ты больна. Всё время не нахожу себе места, беспокоюсь, мучаюсь. Вчера тебя не было, я прождал напрасно минут 40. Это ещё больше подтверждает мою догадку.

Ужасно тяжело, тем более, что я ничего не знаю о тебе, т. к. не хожу на службу. Что с тобой, моя голубка, ненаглядная моя, моё сердце милое? Тяжело. Что у тебя болит? Скучаешь ли, лежишь в постели, хочешь ли видеть меня — ничего не знаю. Голубка моя добрая и бесконечно милая 1 Целую тебя, может быть, моя любовь хотя немножко успокоит и облегчит тебя: знай, что я люблю тебя безгранично.

Чувствую себя скверно — нездоровится что-то, НО ЕСЁ это пустяки, ведь я не лежу и могу выходить.

С нетерпением, понятным каждому, кто любит, буду ждать четверга. Если придёшь — я хотя отчасти успокоюсь. Если и в четверг тебя не будет — значит дело серьёзное, ты больна.

Впрочем, если ты поправишься к четвергу и всё таки нельзя будет прийти — жду тебя в субботу.

Как я могу узнать что-либо о тебе? Ведь это ужасно ничего не знать о любимом человеке. Я хотя могу писать тебе, а как я получу что-либо, хотя одно слово, от тебя?

Сердце мое, если не увидимся в четверг, жди от меня письма.

Целую тебя бесчисленное число раз, каждый пальчик дорогой ручки целую. Люблю тебя, счастье мое. Будь здорова, береги себя, ведь ты моя и я имею право на твое внимание к моим просьбам.

Еще целую и еще люблю. Твой.

159.

13 марта. [1908 р. Чернігів 1

Милая моя! Поздравляю и целую тебя, сердце. День твоего рождения — это радостный и светлый для меня день. Как бы мне хотелось хоть разок поцеловать тебя сегодня, хоть раз прижать к своему сердцу. Желаю, чтобы в будущем году мы могли провести и отпраздновать этот день вместе, счастливые близостью и ничем не сдерживаемым чувством. Мне так хочется поскорее увидеть тебя вполне счастливой, мне хочется и самому счастья, я измучен долгим ожиданием его. С каждым днем мне труднее, тяжелее становится ждать его, для меня невыносима просто разлука. Особенно в последнее время я страдаю, и здесь не помогают ни разум, ни логика, ни терпение. Чувство властно требует удовлетворения, сердце жаждет полного счастья — и я ничего не могу поделать с собой. Мне тяжело. Ты это прекрасно знаешь, ты такая чуткая, отзывчивая, ты так хорошо понимаешь меня, что мне кажется — мы созданы друг для друга. Как, например, ты хорошо поняла своим нежным и чутким сердцем, что в прошлом году, когда я уезжал, одиночество было для меня облегчением. Это просто удивительно, какая ты прозорливая, догадливая, чуткая. Люблю тебя и за это. Милая моя детка, хорошая моя! Голубка моя! В каждое слово я

вкладываю всю свою душу, когда говорю с тобой. Если бы ты была со мной, ты сумела бы успокоить меня своею ласкою, своею нежностью. Без тебя я чувствую себя очень плохо. Целую тебя и обнимаю со всем пылом своей любви. Люби меня.

Твой.

160.

[Чернігів, березень між 16 і 20 числом.]

Сердце моє! Чувствую себя неважно и думаю, что лучше всего отлежаться хоть несколько дней. Поэтому, как мне ни грустно, на этой неделе мы не увидимся. Ко вторнику — дню твоих именин — я, вероятно, поправлюсь окончательно.

5 303 0,

Как твоё здоровье, деточка? Чувствуешь ли и сегодня боль? Как это скучно болеть! Люди должны быть веселы, здоровы и счастливы.

Сегодня, по всей вероятности, раньше уйду домой: устаю сидеть даже.

Что твоя тетушка, не такой ли миф, как и мой братец?

Ты сегодня выглядишь прелестно в твоей белой блузке. Я готов подумать, что ты, надевая ее, хотела сделать мне удовольствие. Не приятное ли заблуждение? Пусть и так. но все же приятно. Целую и обнимаю мою любимую крошку, мою родную Шурочку.

Твой.

До свидания во вторник!

161.

[Травень 1908 р.; Чернігів]

Дорогая, милая! Неожиданно приехал брат⁴⁰ и я не могу придти сегодня. Огорчен ужасно, т. к. никогда еще не хотелось мне так видеть тебя, как сегодня. О времени, когда увидимся, напишу. Люблю тебя бесконечно, мое счастье, сердце мое, любимая моя.

Целую без конца, крепко и сердечно.

Твой.

2У, четверг [Травень 1У08 р., Київ.]

Дорогая детка! Поездка моя оказалась не очень удачной. Многие знакомые, на совет и помощь которых я рассчитывал, выехали уже на дачу или за границу, а из тех, кто остался, одни предлагают мне устроиться у них с половины июня, другие — предоставляют свои дачи на Кавказе, где, кроме сторожа, никого нет. В первом случае я непроизводительно теряю 1/г своих каникул, во втором — мне пришлось бы жить жизнью Робинзона, заботиться о предметах первой необходимости и чуть не самому себе готовить обед. Как видишь, милая, все это неудобно, все это не то, что мне нужно. Не знаю, как устроюсь в конце-концов, но здесь оставаться больше не стоит и поэтому сегодня еду домой. В субботу, если тебе можно и ты согласна, увидимся и все расскажу тебе подробно и попрошу твоего совета. Если не удастся увидеться в субботу (в обычном месте, в обычное время), сообщу письмом, когда

смогу придти. Погода здесь неважкая, после жары сильный холод и проливные дожди и поэтому больше приходилось сидеть в комнате. Я здоров, чувствую себя не дурно и если бы была удача — был бы доволен. Как ты, моя деточка? Пользуешься ли летом, гуляешь ли? Так сейчас хочется посмотреть в чудные глазки твои. На дне их лежит мое счастье, и так тепло подумаешь об этом. До скорого свидания, голубка, любимая моя деточка.

Целую тебя и обнимаю так же горячо, как люблю.

Твой.

163.

Понедельник, 2-е. [Червень 1908 р., Чернігів.]

Дорогая моя, не приходи завтра, т. к. завтра с пароходом я уезжаю. Получил только что телеграмму и вынужден сейчас же ехать⁴¹. В противном случае рискую не устроиться на лето. Как только приеду на место, сейчас же напишу тебе подробно и сообщу адрес. Как плохо вышло, что я должен уехать как раз в день нашего свидания. Это меня огорчило очень. Осталось такое впечатление, что я с тобой не простился. Прости, что пишу так небрежно: сижу на бульваре, не на чем писать. Целую тебя крепко, мое счастье, люблю тебя больше всего на свете. Будь здорова, мой друг.

Еще целую.

Твой.

164.

7 июня, 908. (Суббота.). [Кононівка.]

Дорогая моя деточка, целую тебя. Наконец я после всех мытарств очутился в деревне. Не могу сказать, чтобы здесь очень хорошо было, местность степная, ровная. Местами низкая и топкая, лесов нет (только громадный парк у дома), купаться негде, хотя пруды у самого парка. Есть лодка и красивые заросли на воде. К услугам — лошади, заботливая экономка, много молока. Солнца и воздуха — сколько угодно. Но самое главное — я буду один, т. к. семья моего знакомого живет за границей, а он сам в Киеве или другом имении, в Херсонск. губ. Впрочем, он теперь здесь, привез меня сюда, устроил и я рад, что он завтра уезжает, я остаюсь один и отдохну от людей, наедине с природой. Решил располагать временем таким образом: встаю в 6 час, до 10 гуляю и завтракаю, в 10

сажусь за стол, за работу и пишу до половины второго" затем обед и до 10 часов вечера опять гуляю. В десять — спать. Может быть, при таких условиях поправлюсь и отдохну. Впрочем, о планах следовало бы говорить тогда, когда они осуществляются, т. к. почти всегда являются неожиданно какие-нибудь помехи. Конечно, ты будешь знать, мой друг, о всех подробностях моей деревенской жизни, если только это тебя будет интересовать. Хотя все это проза и мелочи, в конце-концов.

До сих пор не могу избавиться от неприятного осадка, от чувства неудовлетворенности после того, как свидание наше неожиданно расстроилось. Мне все кажется, что я не простился с тобой, что жажда твоих ласк, твоего поцелуя осталась непогашенной. И если я теперь, после все таки недавнего свидания, испытываю тоску по тебе, то что же будет дальше? Не делаю даже попытки примириться с разлукой — ведь все мои прежние старания и попытки оканчивались полной неудачей. Я буду только тогда счастлив и покоен, когда буду иметь тебя на всю жизнь.

Чтобы успокоить меня, чтобы доставить мне иллюзию близости к тебе — ты должна чаще писать мне, моя голубка. Пиши о себе все, меня интересуют всякие мелочи, если они касаются тебя и той обстановки, в которой живет мой друг. Как здоровье, где бываешь, что читаешь — все

пиши мне. Если тебя интересует какая-либо сторона моей жизни, на которую я случайно могу не обратить внимания — напомни мне и я охотно отвечу тебе.

Постараюсь писать тебе подробнее после того, как получу первое письмо от тебя. Не медли, голубочка! Не забывай, что тебя любят, что по тебе скучают, что от тебя ждут с нетерпением писем.

Адрес мой таков: ст. Кононовка, Киево-Полтавской ж. д., имение Е. Х. Чикаленко, мне.

Будь здорова, мой друг. Целую мои восхитительные и дорогие глазки, дай губки и ручки. Еще крепко целую и обнимаю. Люблю тебя. Пиши же.

Твой.

165.

.VI (понедельник). [1908 р., Кононівка.]

Голубка! Не знаю, получила ли ты уже письмо мое, но я, во всяком случае, раньше завтрашнего дня не получу от тебя ответа. А жду с нетерпением. На расстоянии, когда знаю, что не скоро увижу тебя, ты так наполняешь все существо мое, настолько овладеваешь всеми моими мыслями и чувствами что я иногда насильно прогоняю твой образ, на время, конечно. Моя нежная, моя чудная девочка, люблю тебя.

Все чаще думаю, что мы могли бы увидеться в Киеве. Стоит только списаться, назначить день и место и ты доставила бы мне большое счастье. Хочется верить, что ты можешь это сделать и не верится, что сделаешь. А может быть? Сейчас я один в имении. Кругом — бесконечный простор полей, целый океан влажного солнечного воздуха. Представь себе меня, идущего бесцельно вдоль зеленых полей. Не

дорожу временем, пью воздух и бронзирую лицо на солнце. Со мной только что спущенные с цепи три громадные белые овчарки, злые и неукротимые: Трепов, Пава и Оверко⁴². Приятно и жутко смотреть на их дикие курбеты во ржи, зная, что, еще не освоившись, они могут броситься на тебя. Сегодня я весь день гулял, с шести часов утра.

10 (вторник). Сегодня с утра дождь. Нездоровится, болит голова, нет аппетита. Впрочем, все это пустяки, если бы не мешало работать. Собирался сегодня как раз начать рассказ — и такая неудача. Целый день сплю, читается тоже плохо. Одно утешение — возможность письма от тебя. Послал верхового на почту, что-то ждет меня — не разочарование ли, — ведь сегодня день неудачный. Шурочка моя милая, как то ты поживаешь, что делаешь, вспоминаешь ли меня и наши встречи? Я всегда с тобой в час свидания — сижу рядом, смотрю на тебя, целую губки. Как сейчас хочется поцеловать. Тебя, вероятно, возмущает мое беспокойное чувство — ведь я не могу написать и слова тебе, чтобы не проявить его. Таков уж твой друг беспокойный и горячий.

А с почты ничего нет. Когда же я получу от тебя письмо? Так огорчен, что перо валится из рук. Сердце мое, пиши мне почаще, хоть по несколько слов. Может быть, тебе неудобно получать часто письма с одной станции, может быть, лучше адресовать "до востребования". Напиши, голубка.

Беспокоит меня, получила ли ты первое письмо мое отсюда? На всякий случай еще раз сообщаю адрес: ст. Коно-новка, Киево-Полтав. ж. д., имение Е. Х. Чикаленко, мне.

Пиши, жду с нетерпением. Не забудь написать, приедешь ли в Киев и когда? Здорова ли ты, чем занята, что читаешь* где бываешь, купаешься ли. Спроси меня, что тебя интере* сует, напишу. Будь здорова, сердечко мое, целую тебя всю-

Когда думаешь взять отпуск?

Еще и еще целую. Не забывай меня.

Твой.

166.

13, пятница. р., Кононівка.]

Как видишь, голубка, я не ожидаю ответа от тебя, а пишу вновь. Как бы было хорошо, если бы и ты чаще писала! Сердце мое, не старайся писать как-нибудь особенно, не сочиняй писем, не порть бумаги, а пиши все, как взбредет на ум, не заботясь о стройности и стиле. Верь, что все, что ни напишешь, будет мне дорого и интересно. Только пиши. Прости, сердце мое, моя чудная Шурочка, что я так запоздал с первым письмом. У меня пропал день в Киеве, другой день в дороге, а на третий нельзя было послать на почту, хотя почта за 3 версты от нас. За то теперь, как видишь сама, пишу чаще. Не хочу заставлять любимую деточку ждать писем. Но только с условием: пусть мой Шурок не забывает и меня. Может быть и я тоскую, быть может и я беспокоюсь и ожидаю писем с большим нетерпением.

Теперь я, деточка, перебрался из флигеля в большой дом: один на 10 комнат, тишина полная. Впрочем, я не сижу в комнате. Вот мой образ жизни (совестно даже признаться): встаю в 6 ч., гуляю до 8. Завтрак (основательный) и опять гуляю до обеда, до 1 часу. Потом гуляю до 8 вечера, с промежутком в 4 на еду. В 8 ужин, в 10 спать. Ничего не читаю, не хочу даже писать. Читаю великую книгу природы и когда научусь кое-чему, буду писать. С тех пор как я очутился в полном уединении — чувствую как я страшно устал душой. Не физическая усталость, а душевная. Не хочется видеть людей, вести разговоры. Хочется сбросить с себя всю волну людской грязи, которая незаметно заливала твое сердце, хочется очиститься и отдохнуть. Какая чудная вещь молчание, как облагораживают и возвышают эти бесконечные пространства

земной и небесной красоты. Я просто сливаюсь с этой голубой и зеленой чистотой и сам становлюсь спокойнее и чище.

Завтра ожидает меня неприятность: сюда едет целое общество — хозяин, две барышни и еще кто-то. Впрочем, если станут посягать на мою свободу, я запротестую и буду отстаивать ее. Но все же неприятно, как всякое общение с людьми: теперь, конечно.

Здесь, знаешь, все таки хорошо. Много простору. Все больше ходил среди полей, теперь думаю провести 2—3 дня в лодке, среди зарослей камышу, водяных лилий и цветов-Кое-что прибавится в душе, кое-что попадет в записную книжку, которую я очень беспокою.

Я здоров, моя детка. Как ты? Не скучай, чаще пиши-думай обо мне и о том, что я тебя очень люблю. Сообщи мне подробнее о разговоре с Д[ядичен]ком"*З, опиши его. Что он там знает? Не преувеличиваешь ли ты? Будь здорова, солнышко мое. целую тебя крепко, обнимаю тебя от всего сердца.

Не забывай твоего.

167 ф

17. VI 908. [Коноиівка.]

Твое второе письмо доставило мне много хороших минут— такое оно доброе, ласковое, нежное, как ты сама, милая моя. И из-за строчек письма встал, как живой, милый образ моего друга, а я мысленно обнял и поцеловал его от всего сердца.

Спасибо тебе, голубка моя, за заботы обо мне. Хотя местность здесь и низкая, но все же хорошо здесь и, я думаю, здоровью не повредит. Я все время на воздухе и уже забыл, что такое пыль. Тем более, что дожди здесь почти ежедневно. Но я не смущаюсь: беру плащ или зонтик,

надеваю калоши и гуляю в дождь. Начал приобретать уже цвет лица. Возвращаюсь с поля, как библейский Исав —с запахом полевых цветов на одежде. Не стесняюсь также и присутствием гостей: девицы хнычут, что им скучно и рады бы поболтать со мной, но я ускользаю от них, как живое серебро — вот только что был и уже нет, и — в поле! Так проходит у меня весь день — в гулянии и наблюдениях, тщательно записываемых в книжечку. Больше ничего не делаю — и даже не читаю, хотя здесь есть чудная библиотека. Впрочем, собираюсь совершить несколько поездок по своему (?) уезду и по соседнему для разнообразия. Но эти поездки будут непродолжительны — день или два. Вот и вся моя теперешняя жизнь, бедная внешними проявлениями и богатая внутренними переживаниями. Впрочем, это для меня обычное явление, что я больше черпаю изнутри, чем снаружи, что даже при большой бедности и однообразии внешних условий — я все же могу сделать свою жизнь интересной, разнообразной, цветной. Следует сделать только внутренний заем — и все хорошо. Вот только тебя, голубка, недостает мне. У меня даже в груди захватывает при одном представлении—какая бы это была светлая и радостная совместная жизнь.

Беспокоит меня, что ты хандришь. Ты, вероятно, переутомилась. Я очень просил бы тебя, если только это возможно, возьми отпуск несколько раньше, чем ты предполагала, не с 1-го июля, а после 20-х чис. июня. Все таки мы скорее увидимся — да и ты не так измучишься и расстроишься до отпуска. Хорошо, милая? Ответь мне по этому поводу. Куда ты поедешь на лето? Знаешь уже, списалась? Надо нам непременно поправиться за лето, чтобы при встрече было чем похвалиться. Пиши мне, голубка, почаще. Пиши, конечно, о себе. А пока до свидания в следующем письме. Целую тебя, любимая, дорогая, единственная, сердце моего сердца. Целую и целую. Не забывай меня ^^^^

Твой

22.V1 9G8. [Кононівка.] ^

Вибачай, моя голубко и, що я не зараз одповів на твій останній лист: три дні я був у дорозі, їздив на ярмарок в Лубенщину, а звідти в Лубні. Ярмарок цей незвичайний, такого я не бачив. Місце — дике, долина серед високих гір. порослих лісом, в долині криничка. Тисячі селян з'їздяться сюди тільки для того, щоб цілу ніч не спати. Кожне село стає окремим гуртом і цілу ніч співає. Цілу ніч, до самого сходу сонця, співає долина, співають гори сотнями хорів, горять скрізь вогні і свічки на рогах волів. Щось незвичайне. Як побачусь, розкажу тобі про все. Звідти їздив у г. Лубні.. дуже гарне місце і цілий день катався по річці Сулі, такій гарній, що трудно описати. Верстов 15 проїхав водою, а може і більше. Сьогодні знов їду на один день, а завтра напишу тобі довшого листа, бо сьогодні дуже хапаюся. Коні вже стоять запряжені. Голубочка моя, дорога моя дитино! Я так скучив за тобою, щоб я отдав, щоб хоч на хвилинку притиснути тебе до серця! Ти таку приємність зробила мені, що хочеш мати од мене українські листи. Пишу їх охоче.

Я, моя дитино, почуваю себе добре, здоров, засмалився як циган. Хожу в день не менш як 8 годин, їм дуже багато, нічого не читаю, окрім газет, живу, як трава. Правда, погода тут погана, дощі, нема мого бога — сонця, а все таки свої програми не міняю. Як то ти там? Чи скоро будеш вільною, чи зможеш провести місяць у Боромиках? Торік ти дуже поправилася там. Гляди ж, щоб і сей рік не гірше було. Я, моє серце, виїду звідси 27-го або 28 до свого знайомого, в село, де перебуду днів 3. Ти пиши мені сюди з таким рахунком, щоб я дістав 28, не пізніше. Не забудь мені написати свою адресу на селі, а також — як ти будеш писати до мене до Чернигова, на яку адресу. Це конче треба нам умовитись тепер, поки я можу дістати од тебе лист. Не забудь же, голубочко. Прости, що пишу на сей раз так коротко. Завтра або позавтра дістанеш од мене знов листа, а зараз їду, подали коні. Цілую тебе міцно, міцно обіймаю свою кохану Шурочку. Ще раз цілую. Пиши про себе. Ну, бувай здорова.

Твій комік.

Коли береш одпуск? Коли поїдеш з дому на село? Чому ти не описала мені розмови з Д[ядичен]ком? Ще цілую. Не забувай мене.

169.

25.VI DOS— [Кононівка.]

Добридень тобі, моя голубко. Вчора дістав твій 4-й, а по твоєму 5-й лист і дуже дякую тобі, серце. Як тгоє здоров'я? Ти мене турбуєш, щось ти дуже часто почала слабувати. Я теж схопив бронхіт (легкий) — весь час така противна погода, холод, дощ, не трудно застудитися. Проте нічого, швидко поправляюся, бо сьогодні показалося вже сонце.

Коли то я побачу тебе, своє любе сонечко, од якого мені буде і тепло і радісно? Приїду я до дому 3-го або 4-го і коли ти ще до того часу не виїдеш, то можемо побачитись. Чи тобі можна буде прийти в суботу, п'ятого, в 6 год.? Коли б був дощ, то в понеділок, 7-го; одпуск кінчається мені 7-го.

Турбує мене, як ми будемо переписуватись. Чи встигнеш ти подати мені свою адресу? Бо ти ще сама не знаєш, куди

поїдеш. Чи їдила уже в Боромики? Дуже недобре сталося, що наш одпуск прийшовся не на один місяць. Тепер пропадає у нас ціле літо. Не знаю, як це тобі, а мені буде важко.

Чи тобі не трудно читати українські листи? Може вже перестати?

Зробив перерив, ходив по полю і мені трохи покращало. Не так болить голова після соняшної ванни. Я так люблю сонце, що готов цілий день пектись на ньому, а тут, як на злість, воно все за хмарами, та ще й ворог мій — вітер.

Як приїду до дому, то сяду за роботу, а тут спочиваю. Окрім того, я так буду скучати за тобою, моя дорога, що в роботі може знайду потіху та забуття. Трудно мені помириться, що се літо ми не будемо бачитись аж два місяці.

От зараз сталося погано: поки я писав листа до тебе, чоловік поїхав на пошту (забув зайти) і цей лист піде завтра, значить ти дістанеш його аж у суботу і будеш дивуватися, чого я так довго не пишу. Досадно.

Серце моє кохане, на цей лист я уже не дістану од тебе відповіді, бо в той день, як ти його дістанеш, мене вже тут не буде. Нової адреси подати не можу, бо сам її не знаю. Мій знайомий⁴⁵ буде проїждати через нашу станцію і по телеграмі я виїду на вокзал, сяду в один поїзд з ним і поїдемо до нього, а там пробуду так недовго, що твій лист не встигне дійти туди. Чи дістала ти попередній лист од 22 чи 21-го. Повинна була б дістати його у вівторок, або в понеділок.

Ну, будь здорова, моє сонечко, щастя моє дороге. Цілую тебе міцно, люблю тебе без краю. Обіймаю і пригортаю ще.

Твій Комік.

170.

30.Vi 90S. [Кононівка.]

Дорога моя дитиночко, пишу тобі звідси останній лист — короткий на сей раз. Скоро побачимось. Сьогодні я виїду звідси, а дома буду 3-го. Коли ми побачимось? Я дуже прохав би тебе — зроби мені велику приємність — подаруй мені п'ятницю вранці. Не ходи в той день на службу, а так в годин 11 ранку будь на тому місці, де ми стрічаємось. Не знаю, чи ти зробиш се для мене, але я прийду в п'ятницю в 11 годині ранку і буду ждати тебе. Нівже я буду ждати і не діждусь? Це ж не така велика жертва з твого боку — пропустити один день служби.

Коли не буде тебе в п'ятницю, то побачимося в суботу в 6 год., або (як буде дощ) — в понеділок у 5 1/2 год. Добре? Я писав уже про се тобі, чи дістала? Останній лист дістав од тебе, не турбуйся. А лист з 17, де ти пишеш про Д[яди-ченка] я чомусь дістав тільки 27-го. Де він пролежав — я ніяк не можу додуматись. Чи ти здорова, голубко? Чи перестала боліти голова? Я трохи застудився, кашляю. Тут така погана погода, холод, що не трудно було застудитися. Який я щасливий, що скоро побачимось. Не хочу навіть писати, лучче все розкажу, як побачимось. Цілую тебе міцно, міцно. Люблю тебе, моя квіточко. Цілую ручки.

Твій.

171.

16.VII 908. [Чернігів.]

Дорогая детка, четвертый день, как тебя не вижу, а кажется, прошла целая вечность. Я все еще живу впечатлениями последних свиданий, все еще чувствую тебя и твои ласки.

А мне не совсем хорошо в последнее время: зубы болят и не дают покоя, особенно по ночам. Сегодня опять иду к врачу. Запух и обезображен.

Как ты, голубка, доехала, как устроилась, довольна ли, не мешает ли тебе публика? Помнишь ли обещание заботиться о себе и поправиться? Я ожидаю от тебя больших успехов, смотри же.

Чтобы как-нибудь забыться и не тосковать, принялся за работу.

Еще не пишу, но привожу в порядок свои каникулярные записи и, как только зубы позволят, сейчас сажусь за стол серьезно⁴⁶. Так хочется мне, чтобы вещь вышла удачной, что я задолго до начала работы волнуюсь. Вообще — каждая моя работа выстрадана, приносит мне

больше огорчения, чем радости и подчас я удивляюсь, зачем пишу? Вот, может быть, ты внесешь новое, радостное чувство в мою работу, может быть, ты скрасишь не только мою жизнь, но и творчество. Когда бы скорее!

Сейчас у меня кипит служебная работа — и это хорошо: беспокойно и многолюдно, забываешь боль. Я все пишу о себе да о себе, а, между тем, все думаю о тебе, мое сердце; хочется мне знать все мелочи твоей жизни, как себя чувствуешь, что делаешь. Пиши мне обо всем, что касается тебя.

Всякая мелочь для меня ценна и интересна — и я всему завидую, что тебя окружает.

Пиши мне на бюро (адрес знаешь). Пиши так: текущая статистика, г-ну статистику, заведывающему отделом текущ. статистики, фамилию, конечно, не нужно. Измени только почерк и, если это возможно, употребляй конверты попроще, не очень изящные. По такому адресу можешь писать до тех пор, пока я не изменю его. Я постараюсь писать почаще. А ты не забывай меня, пиши и люби. Когда получишь это письмо — поцелуй меня мысленно, это доставит мне большое удовольствие.

Не сердись, что пишу карандашом и спешно. Сегодня нахожусь в очень неудобном положении. Здесь так тесно, что сидят сейчас возле меня и надо скрываться, чтобы не заметили, о чем пишу. Голубка моя, дорогая моя. сердце мое милое, люблю и целую и обнимаю тебя сердечно. Не забывай меня.

Твой.

172.

19.VII 908. [Чернігів.]

Добрый день тебе, сердце мое. Получила ли ты мое письмо? Жизнь течет так однообразно, так, в сущности, бедно в смысле эффектной обстановки, что нечего рассказывать. Я больше живу внутренним миром, сложным и тонким, не поддающимся часто изображению такими грубыми средствами, как слово, — и в этом моя драма, как белетриста. Вечные конфликты между внутренним богатством и внешним убожеством. Мне кажется, что когда мы будем вместе, мы скорее сумеем приобщить друг друга к нашему внутреннему, глубоко скрытому миру. И тогда мы будем богаче оба.

Жду с нетерпением весточки от тебя. Как ты устроилась, лучше ли, хуже ли, чем в прошлом году? Здорова ли, весела ли моя голубка, купается, не скучает, читает? Все это интересует меня очень и за всякое словечко буду благодарен и поцелую его.

Я, моя деточка, здоров. Лечу зубы, купаюсь, гуляю. Начал писать. Только одна работа, когда сажусь за стол, отвлекает меня от мысли о тебе, от чувства неудовлетворенности, от тоски по тебе. Все же остальное ты положительно и бесповоротно вытесняешь, т[ак] что я иногда борюсь с тобой и прогоняю твой образ, чтобы можно было сосредоточиться.

Ужасно боюсь за свою работу. Ну, а если она выйдет бледной, неинтересной, никому ненужной? Не с кем посоветываться, некому прочитать. Вот если бы ты была со мной! В тебе я нашел бы критика-друга, ты поддержала бы меня в хорошем, отбросила б плохое. Но тебя нет, ты далеко и надо мириться.

Живу воображением, как ты поправишься, растолстеешь и загорись. Так хочется поцеловать загоревшие смуглые щечки, увидеть блеск летнего солнца в моих чудных глазках. Деточка моя любимая, поправляйся и приезжай здоровая, веселая и любящая. Помни обо мне.

Из новостей могу сообщить только одну: Жук⁴⁷ на днях едет за границу на месяц писать портрет дочери Грушевского 46. Ему прислали на дорогу задаток на работу и он очень доволен. И так — круг моих здешних знакомых еще сократится — и я даже доволен, т. к. буду больше работать.

Ужасно неудобно писать. Такое густое население в моей комнате, что засматривают в письмо, иногда невольно. Помнишь ли ты адрес: бюро, тек. стат. г-ну статистику, завед. тек. ст. (фамилии не надо). Ну, целую тебя крепко, мой друг, моя любовь, мое счастье светлое. Люблю тебя верно и крепко. Обнимаю. Жду письма. ^1

24. VII, четверг, на пароходе в Киев. Письмо 3-е

Дорогая моя Шурочка, до сих пор не имел от тебя ни слова. Виню, конечно, себя да наши почты. Получила ли ты, по крайней мере, мои 2 письма? Если они дошли до тебя, то я рад хоть этому: ты не беспокоишься обо мне.

Это письмо пишу тебе на пароходе, по дороге в Киев, где я буду только проездом. Еду на 3 дня под Полтаву, к знакомому, с которым мне нужно устроить одно дело, мало интересное, но много пришлось бы о нем писать⁴⁹. Лучше расскажу при свидании. (Ужасно трясет, трудно писать).

В понедельник буду уже дома и уже наверное получу письмо от тебя, мой друг. Тем не менее очень беспокоюсь, все мне кажется, что ты нездорова, не можешь писать, что с тобой что-либо случилось или, наконец, пропали мои письма

и ты не знаешь, как писать. На всякий случай, опять сообщаю адрес — в третий раз. Пиши на бюро. Текущая статистика (крупными буквами). Г-ну статистику, заведыв. текущ. статист. Фамилии можешь не писать, хотя можешь и прибавить. Не знаю, что бы я дал, чтобы иметь от тебя

хоть словечко, знать, что ты здорова и ничего с тобой не случилось. Хоть бы это знать. Я, моя детка, здоров. Скучаю очень. Теперь, после первой, вторая разлука еще тяжелее. С радостью отмечаю прошедший день, т. к. наше свидание приближается.

Жизнь течет однообразно: лечусь, гуляю, пишу. Было бы не дурно, если бы эта поездка не выбросила меня из колеи. Я считаю ее неприятной, утомительной, т. к. почти всю время придется быть в дороге и мне жаль, что прерываю свою работу: это мне очень вредит.

Сегодня у Жука умер отец. Жаль М[ихаила] Ивановича], но я не мог даже выразить ему своего сочувствия, торопился на пароход.

Как неприятно, пришли знакомые и мешают писать тебе. Тороплюсь закончить. Завтра, в поезде напишу тебе опять. А ты, деточка, не забывай меня, люби, пиши и береги себя. Будь здорова, голубка моя любимая, сердце мое. Люблю тебя, целую бесконечно и обнимаю крепко, крепко. Задушу Еще раз.

Твой.

174.

25. VII 908. Ромодан.

Прости, мое сердце, что пишу тебе кратко и так небрежно: всю время у меня отнимают мои знакомые, у которых я теперь в гостях. Выбрал минутку и пишу на стене дома. Сейчас еду в г. Лубны, а завтра обратно в Киев. По дороге я писал тебе — получила ли письмо? Я здоров, поездка, хотя в сущности неприятная, имеет и хорошие стороны: свежий воздух, хорошие, интересные люди, красивые места. А, все таки, хочется поскорее быть дома: может быть там ожидает меня письмо от тебя, голубка моя. Может быть тебе неудобно писать по такому адресу? Напиши, постараюсь переменить. Здорова ли ты, поправляешься ли,

хорош ли аппетит? Все пиши о себе, Шурочка. Целую тебя крепко, крепко, как люблю.

Не забывай меня.

Твой.

\$0 июля 90ь. [Чернігів.]

Дорогая моя, случилась большая неприятность. В мое отсутствие бюровой сторож, не смотря на мой приказ прятать ЕСЮ официальную корреспонденцию в мой стол и никому не давать, взял твое письмо и отнес его Вере Иустиновне. Не знаю даже одно ли было письмо от тебя или несколько, т. к. я до сих пор ничего от тебя не получал. В— И. зловеще молчит, но что-то готовится. Последствий случившегося не могу пока предвидеть. Не пиши больше на бюро. Пиши до востребования М. С. Конечно, во всем виноват я, это моя вина давать такой, как оказалось, ненадежный адрес.

Очень это все неприятно, будет стоять много нервов, много напрасно истраченных сил как с моей, так, б[ыть] м[ожет], и с твоей стороны. Но не будем заглядывать вперед. Как только будут первые результаты случившегося — напишу.

О чем ты писала в первом (или первых) письме. Сообщи непременно. Прости, что не пишу больше, волнуюсь. Целую тебя сердечно.

Твой.

Приехал вчера утром.

176.

1 августа 1908 г. [Чернігів.]

Пишу тебе после объяснения, мой друг. Мне предъявлено было твое письмо с добавлением, что это письмо от тебя. Я прочитал и не отрицал. Не смотря на ожидания, — никаких упреков, никаких сцен. Наоборот — столько выказано было благородства, участия и доброты — что я был сражен. Оказалось, что В[ера] И[устиновна] очень любит меня, чего я не подозревал. Она умоляла меня не бросать семьи, не губить всех. Мне было так страшно тяжело, так невыносимо, что я плакал. Теперь у меня туман в голове. Не знаю, переживу ли я тяжелую душевную драму — этот конфликт между долгом и чувством. Что делать? Мучительно тяжело⁵⁰.

Неужели я могу приносить только одно горе окружающим

меня и себе самому!

Не могу сейчас соображать, не могу писать. Сообщаю тебе только факт и жду от тебя ответа по адресу до востребования М. С Пиши.

Твой.

9.5

5 авг. [1908 г., Чернігів.]

Дорогая моя, мне трудно собраться с мыслями, я так устал, так разбит и болен. Ты, вероятно, уже получила мои письма после случившегося. Я от тебя ничего до сих пор не имею и это меня еще больше мучит и беспокоит. А мне так нужно поговорить с тобой. Ведь в письме всего не скажешь.

Самое тяжелое — это то, что раньше, когда я рассуждал теоретически, оставить семью мне казалось делом, хотя и не легким, но

возможным. Теперь же, на практике это оказалось настолько трудным, настолько серьезным, что у меня не хватает сил.

То, что я этим разбиваю свою жизнь — это не важно. Больше всего сердце мое болит за тебя и хотя ты всегда относилась недоверчиво к возможности новой жизни — все же катастрофа не легко дастся тебе.

Если бы ты знала, что со мной было: я едва не умер. Нет, правда, лучше мне было положить конец всему, чем влачить жалкую, разбитую жизнь с вечным сознанием, что ты портишь жизнь и другим. Голубка моя, как все это ужасно, больно, невыносимо. И к чему, и ради чего? Терпеть жизнь, являющуюся для тебя хулиганом, вечно наносящим бессмысленные, жестокие удары. Я разбит окончательно, полный упадок душевных и физических сил, какая-то прострация. Не могу описать тебе всех подробностей, всего, как было: мысль лежит в голове, как тяжелое полено, которое трудно свернуть с места. Болит голова, мозг, сердце — и везде пустота, ужасная, темная и зудящая, как больной зуб.

Получу ли, наконец, весточку от тебя? Что будет с нами? Ничего не знаю. Вообще я так сильно расстроен, что не способен рассуждать, двигаюсь как автомат, по ночам не сплю, но и не думаю. Горе сковало меня, придавило.

Если бы хоть скорее несколько слов от тебя. Но нет надежды. Пиши, что думаешь. Прошу тебя, будь покойнее, не волнуйся очень, если можешь. Целую тебя крепко.

Твой.

178.

7 августа. [190\$ р., Чернігів.]

Дорогая моя. Сердце мое разрывалось от боли, когда я читал два твои письма (от 2 и 4 ав.). Ты советуешь не волно"

ваться, быть спокойным. Говоришь о возможности для меня счастья не с тобой. Разве здесь можно говорить о счастье когда жизнь разбита, когда счастье возможно только с тобой. Вопрос только о выборе между личной жизнью и долгом. Никто не требует от меня жертвы, о ней говорит только что-то внутри меня. Если бы ты могла заглянуть в мое сердце, ты не решилась бы говорить о счастье моем без тебя, ты пожалела бы меня. Я, право, не знаю, смогу ли я жить вообще, настолько чувствую себя разбитым и обессиленным. Я ничего не решал, как я могу решить без тебя, я только сознаюсь перед тобой, так же откровенно, как и перед собой, что мне трудно, труднее, чем я думал, разбить семью и что я чувствую, как обязанности тянут меня в сторону жертвы, говорят принести в жертву личное счастье. Может быть, ты осудишь меня за то, что я до сих пор жил надеждами на иное и заразил этими надеждами и тебя. Но верь, что я всегда, как и теперь, был искренним. Как мне мучительно жалко тебя, дорогая, как меня жжет каждая твоя слеза. Ты хочешь не видеть меня больше. Разве так лучше? Разве мы не имеем ничего сказать друг другу? Я хотел бы увидеть тебя. Пишу и плачу. Я, никогда не плакавший. Тяжело. Жду от тебя писем. Не могу больше писать, чувствую себя невозможно плохо. Единственное желание— утешить тебя, моя голубка.

Ужаснее всего — что жертвы никто от меня не требует, кроме моей совести.

Целую тебя, гилубочка. Пиши. Твой.

179.

14. VIII [1908 г., Чершпв.]

Не знаю, получила ли ты, дорогая моя, мое письмо в ответ на твои письма (2) "до востребования"? Если не получила, вытребуй его. Последнее письмо чрез Зину получил. Так много хотелось бы сказать — и так мало можно сделать этого в письме. Не теряю надежды, что ты согласишься на свидание, если не теперь, то потом (теперь очень трудно мне) — тогда можно будет сказать все, чем мучился за это время мозг, чем болело сердце. Тебя интересует прежде всего вопрос, что я сказал В[ере] И[устиновне]. Я ей сказал, что решил жить (я думал умереть — так сильно хотелось) и пожертвовать своим счастьем для детей. Как мне трудно и больно сейчас писать это, если бы ты знала, если бы ты знала только. Живу я не только своим горем, а и твоим — и поэтому так тяжело. Ну, да ничего.

О посещении В[еры] И[устиновны] твоих я только недавно узнал. Конечно это очень нехорошо, но поскольку я понял — тебе грозит объяснение. Да и не нужно его, следует избегать. Чтоб не забыть (очень голова болит все время и ничего не помню) — относительно моих писем. Зачем ты спрашиваешь? Если они тебе мешают, уничтожь их, сожги. Я ничего не знаю — знаю только, что мне больно, бесконечно больно и тяжело. По временам — все безразлично. Какая-то апатия и тупая боль. Боль обостряется, когда думаю о тебе. Хотел бы очень, чтобы ты меньше страдала и в моей вине перед тобою нашла хоть маленькое утешение— Вيني меня, но я и сейчас по отношению к тебе таков же, как был всегда.

Напиши мне хоть несколько слов по тому же адресу. Пиши о себе. Целую тебя крепко.

Все же твой.

19 августа. [1908 г., Чершпв.]

Что значит, что на 2 письма свои я не получаю от тебя; мой друг дорогой, ответа? Одно из моих писем адресовано тебе в Чернигов.

Дважды был на почте — и напрасно. А, может быть, твои письма до востребования пропадают? Или ты не хочешь отвечать? Последнего я не могу допустить, ведь ты мне друг? Я весь объят тревогой, все внутри у меня перегорело, измучился в конец. Я знаю, что и тебе не лучше, но из этого не следует, чтобы мы наносили друг другу еще лишние раны. И так мы несчастны. Я положительно не могу придти в себя, все время думаю о тебе и не могу успокоиться. Хоть бы я знал, что ты мужественно переносишь наше горе, что ты не очень страдаешь — все бы лучше было.

О себе я ничего не могу написать. Все мое существование — одна сплошная рана и, кроме боли, я ничего не чувствую. Не найдешь ли ты возможным написать мне хоть несколько слов, если не хочешь по почте, то хоть передай чрез кого-нибудь.

Мой единственный, дорогой, любимый друг! Ты мне столько дала счастья! Неужели в несчастьи ты перестанешь быть моим другом?

Целую тебя. Может быть, сегодня (19) ты выйдешь з парк— я буду гулять в это время — и мы встретились бы.

Твой.

181.

[2^{'''}-го серпня 1908 р.. Чернігів.]

Вот я и без тебя живу, моя дорогая. Жизнь стала беднее и печальнее. Как тело без души. Ни к чему нет охоты. Иногда по целым дням не говорю ни с кем ни слова. Так мрачно на душе. Конечно, пытаюсь рассеяться, читать, заниматься чем-нибудь. Но читаю невнимательно, чрез строчку и не живу в читаемом, как раньше. Пробовал писать — рука такая же тяжелая как и душа, все краски потухли. Нет, не привыкну я к разлуке, не утешит меня одиночество.

Иногда кажется, что все погибло, что всякие усилия бесплодны и смешны, порой же блещет где-то вдали надежда и манит.

Тяжелее всего, что я тебя не вижу, не слышу твоего голоса. Это меня укрепило бы. Из окна я иногда вижу, как ты гуляешь, но этого мало. Ты меня иногда беспокоишь, гуляя без верхнего платья. Теперь холодно, ты можешь простудиться, а я злюсь и волнуюсь, что не могу сказать тебе об этом и попросить, чтобы ты берегла свое здоровье. Как все это тяжело! Иногда радуешься, что так сильно болит голова и отвлекает от горьких и тяжелых дум.

Как было бы хорошо получить от тебя хоть несколько слов. Ты могла б, моя добрая, положить мне письмо на стол под пропускную бумагу, ведь ты ходишь рано.

Если несколько дней не будет от тебя письма, пойду на почту и там спрошу. Пиши мне о себе, о своем здоровье и настроении. Что делаешь? Хочу видеть тебя. Но как и когда это устроить, пока не знаю. Напишу. Деточка моя, ласкаю и целую тебя, прижимаю дорогую головку к моему сердцу и люблю безгранично. Еще и еще целую.

Твой.

182.

23.VIII [1908 р., Чернігів]

Добрый день, моя милая, моя дорогая. Вижу тебя только из окна, а так хочу видеть тебя ближе. Дела мои неважны. Хотел бы похвалиться тебе хоть некоторым спокойствием, хотел бы ободрить тебя, милая, поддержать, а, между тем, сам нуждаюсь в поддержке. Что ни делаю, как ни стараюсь восстановить душевное равновесие — не удастся. Не могу ни читать, ни работать, ни спать, ни есть. Ничего не хочется, жить

не хочется. Вот разве хочется твоего присутствия, твоей ласки, но порой кажется, что и это безразлично.

Главное — непрерывная, тупая боль головы и полная апатия. Узнаю ли я что-нибудь о тебе? Напишешь ли мне хоть несколько слов? Как ты себя чувствуешь? Когда можно будет увидеться?

Меня огорчает, что даже в письме к тебе я не могу освободиться от душевного угнетения и что ты получишь такое невеселое, расстроенное, как и я, письмо.

Прошу тебя, не огорчайся хоть ты, будь бодрее, дорогая моя — пусть твоим утешением будет мое преданное тебе сердце. Я, право, не могу писать сейчас больше. Что-то давит за горло. Целую тебя крепко, по дружески и люблю безгранично.

Твой.

183.

^ 129Л'Ш-1 IX 1908 р., Чернігів.] ^ ^

Спасибо, милая, за письмо. Люблю тебя и благодарю. Зачем ты утомляешь себя, поздно ложишься, много работаешь? Это огорчает меня ужасно. Ты так поправилась за лето, а теперь опять хочешь потерять все. Не делай этого, если не ради себя, то вспомни обо мне, если это еще имеет для тебя значение. ^

Я чувствую себя не важно, не могу успокоить нервов ни гуляниями, ни работой. И все таки гуляю и пишу. А больше всего тоскую, подчас даже совестно, что не умею взять себя в руки. ^

(...,...) Голубка, береги себя, свое здоровье и свои нервы.

Напиши мне, когда ты будешь свободна и когда и где мы увидимся?
С нетерпением буду ждать известий. Целую и обнимаю тебя так горячо и крепко, как люблю.

Твой.

184.

3-IX. [1908 р., Чернігів]

Дорогая, очень хочу видеть тебя, хоть на часик. Если можешь, приходи в четверг в 8 1/2 час. вечера на угол Северянской и Ремесленной — это один квартал по Северянской от того места, где мы в первый раз встретились.

Если я приду на несколько минут позже — обожди. Лучше всего зайди за угол Северянской, по Ремесленной, по направлению к церкви. Очень прошу тебя, не откажись. Погода не должна помешать нам, если будет дождь — пустяки, не правда ли?

Как ты себя чувствуешь, моя милая? Я попрежнему плохо. Целую тебя.

Твой.

185.

11 четверг. [Вересня 1008 р., Чернігів.]

Спасибо тебе, дорогая моя, за поздравление 51. Целую тебя крепко. Я сам горю нетерпением скорее увидеть тебя. Приходи в субботу, в 1 час дня, на кладбище в Березках — постараюсь непременно быть. Разве что

непредвиденное помешает. Как ты себя чувствуешь, голубка моя? Я не совсем здоров, головные боли.

Целую и обнимаю. До свидания. Если бы не удалось увидаться — хотя не думаю, напишу. Еще целую.

Твой.

3.X [1908 р., Чернігів.) ^

Спасибо, милая моя, за несколько слов. Они меня обрадовали и успокоили. Очень хочу видеть тебя. Нельзя ли тебе сегодня в 973 ч. на углу Северянской и Ремесленной, по направлению к церкви. Если не будет меня точно к этому времени, обожди немножко. Но, все таки, должен сказать, что ты рискуешь: мне может что-нибудь помешать. Тем не менее, рискни, голубка. Чувствую себя не важно, никакие средства не помогают. Очень хочу видеть тебя, может быть легче будет. Нельзя ли нам увидаться 11-го, в субботу в 91 о ч," на том же месте. Подумай. Люблю и целую. До свидания, моя дорогая.

187.

5.X [1908 р., Чернігів.]

Дорогая, милая моя деточка! Твое письмо, которое я получил вчера, терзает меня и до сих пор. Вдвое стало тяжелее после него, но все же я благодарен тебе за весточку о тебе.

Голубка моя, потерпи, может быть лучшие времена настанут. Потерпи, мое сердце, Я надеюсь, что в скором времени наши свидания будут чаще и легче их будет устраивать, а в этом уже большое облегчение. В тот день, когда ты ждала меня: я пришел после твоего ухода может быть минуты через две не больше. Когда в думе било 10, я был недалеко. Можешь представить себе мое отчаяние, когда я не

застал тебя. Я, правда, опоздал минут на 20, да еще оказалось, что городские часы против моих были впереди на 10 минут. Напрасно я метался из одной улицы к другой в погоню за тобой — я тебя не нашел, и так горько мне было, что две ночи не спал после этого. Прости, моя голубка, что так вышло. Не сердись и за передачу записки. Я искал твое пальто, но в последнюю минуту мне показалось, что я ошибся и я поступил так, что огорчил тебя.

Ты права, сердце, находя меня новым. Раньше я был иным — я был счастлив и полон надежд, а теперь чувствую себя разбитым и несчастным. Я тоже испытываю громадные лишения, мне трудно жить без твоих ласк, без твоего голоса. Твои глаза давали мне настроение и бодрость, я мог жить и работать, а теперь... Собираю все силы, напрягаю энергию, а ничего не выходит. А, все таки, не хочу отчаиваться, может быть жизнь улыбнется нам!

Старайся быть бодрой и ты, мое сердце, потерпи. Если бы мы виделись чаще—я знаю, нам обоим легче было бы переносить наше горе. Устроится, я верю в это. Как я хочу видеть тебя! У меня такое чувство, что если не увижу тебя 11-го, то сердце не выдержит. Не говори только таких жестоких слов "в последний раз". Ты такая добрая, снисходительная, терпеливая и не можешь быть жестокой со мной, таким же несчастным, как и ты. Будем лучше утешать друг друга, как истинные друзья, а не огорчать. И без того тяжело. Я не упрекаю тебя, голубка, я слишком люблю тебя для того, чтобы упрекать и огорчать. Пиши мне. Я каждый день ищу, нет ли чего. Постараюсь писать и тебе. Будь здорова, сердце мое, мой милый, единственный друг. Целую тебя горячо, целую твои глазки и всю тебя. Не забывай меня, люби До свидания. Еще и еще целую мою милую деточку, мою голубку.

[ujX 1905 p., Чернігів.]

Моя голубка! Опять неожиданное препятствие. Завтра нельзя увидаться нам. Я получил телеграмму от своего приятеля, который не приехал до сих пор, что он будет здесь в субботу.

Но я, все таки, хочу видеть тебя. Можешь ли ты сегодня? Тебе трудно будет ответить мне сегодня же, поэтому я отправлюсь на наше место непременно, если не будет боль* шого дождя. Если придешь — буду бесконечно рад и благодарен, если же тебе нельзя будет — что же делать, приходится мириться. Если сегодня не увижу тебя, то, может быть, в понедельник ты будешь в городе. Тогда в 6 час. зайди к памятнику Александра] III, у решетки позади памятника. Я там буду. Если же и в понедельник не увидимся, тогда во вторник. Мне очень тяжело будет так долго ждать свидания.

Здорова ли ты? Я здоров, но очень тоскую по тебе. Люблю тебя, мое счастье, моя голубка нежная. До свидания.

Целую.

Твой.

11 октября. [1903 р., Чернігів.]

Моя дорогая. Ты сегодня получишь дома письмо от меня по почте. Что с тобой было? Здорова ли ты? Я хотел бы хоть на минутку видеть тебя сегодня, возле памятника Александра III (сзади памятника), в 6 часов. Если тебе нельзя сегодня—как-нибудь дай знать. Сегодня мы условились бы, когда увидимся и где. Я здоров.

Целую тебя крепко.

Твой.

190.

20.XII [1903 р., Київ.]

Поздравляю тебя, моя дорогая, моя любимая с праздниками, обнимаю и целую горячо и желаю от всего моего сердца (которое стало твоим) возможно больше счастья. Живу надеждой еще раз передать тебе свои пожелания вместе с поцелуем при свидании в понедельник. Так коротко было последнее свидание наше, так хотелось и хочется все время быть ближе к тебе, как будто твои ласки и поцелуи вызвали у меня жажду, которую только ты и можешь утолить. Хочу видеть твое милое, дорогое лицо, хочу читать твои глаза и пить твои поцелуи. Как много доброго, успокаивающего в пожатии твоей руки, как хорошо мне, когда слышу твой голос, как я счастлив и горд, что ты моя. Ты мое счастье, любимая, и без тебя холодно, серо, тоскливо и неинтересно.

Думаю о тебе и хочется мне, чтобы тебе всегда было хорошо, чтобы ты весело провела праздники, чтобы была здорова и весела. А я все еще не могу поправиться. В дороге очень нездоровилось мне, вчера весь день тоже и только сегодня чувствую себя лучше. Правда, мне не дают замечать моего недомоганья, т. к. я окружен такою массою интересных, чем-нибудь выдающихся людей, что, буквально, мне не дают передышки. В общем — я доволен, это освежает, укрепляет интерес к жизни. Сегодня предстоит опять непрерывная вереница свиданий, встреч, разговоров и, хотя сейчас только одиннадцать часов и я только что встал, надо ехать, ожидают. А, все таки, я с удовольствием пишу тебе эти несколько слов и кажется мне, что я вижу твои глаза и твою улыбку. Это меня ободряет. До свидания, сердце мое, голубка моя милая. Подставь свои губки, глазки и чело. Дай твои ручки — целую их. Люблю тебя, не забывай меня и люби. До свидания в понедельник, а если что помешает — на следующий день, еще на след. и т. д. Обнимаю.

Твои.

ЧГЧ ♦ 191.

19.У 909. Львов. 58

Милая, дорогая детка моя! Все время мучила меня невозможность увидеть тебя еще хоть перед отъездом: я простудился, схватил бронхит, а холодная погода держала меня в комнате. Теперь, когда мы далеко друг от друга, будем утешать себя и поддерживать хотя перепиской. По крайней мере я нуждаюсь в такой поддержке. Сегодня уже третий день, как я за границей, и эти дни, как и все время, пока я не выеду из Австрии, наиболее утомительны. Дело в том, что я, к сожалению, пользуюсь здесь большою известностью и со мною так возятся, меня все время окружает такая масса народу, что я смущен и утомлен. Тем не менее, чувствую себя не очень плохо (физически), вероятно потому, что некогда обращать на себя внимание и если ты прочитала в прошлом субботнем №

"Киевской мысли заметку о моей болезни, то не смущайся, так как репортер преувеличил (постарался). Пока не приеду на место, буду писать тебе коротко, ты уже примиришься с этим и не сердись. За то с места буду писать часто и больше. Не могу еще дать тебе своего адреса, а, между тем, так хочется мне иметь от тебя, мое солнышко, хоть словечко: оно подбодрило бы меня, связало бы прерванную нить.

А ты, голубка моя, пиши мне обо всем, наиболее, конечно, о себе и не забывая даже мелочей, т. к. они мне дополняют представление о твоей жизни.

Хотел бы кое-что описать тебе из своих впечатлений и наблюдений, а, между тем, в соседней комнате уже ждут меня (собственно ты заставляешь ждать их, т. к. я не могу же бросить письмо, сердце мое милое).

А все таки должен. Целую, целую и обнимаю тебя, моя

милая, любимая, желанная. Не забывай. Люблю.

Твой.

23. V 909. Вена.

Дорогая, милая детка! Опять пишу тебе коротко: решительно не дают мне никакой возможности сосредоточиться и уединиться. Вчера и сегодня я окружен массою людей; послы Венского Парламента чествуют меня обедом — словом, чувствую себя неловко и утомляюсь. Думал завтра ехать в Италию, но настолько устал, что пробуду здесь еще один день. Завтра предстоит опять обед, который устраивают для меня немецкие журналисты. Моя книжка на немецком языке*¹3 создала мне известность среди немцев, появилось много рецензий и статей.

А знаешь, голубка, с каким бы удовольствием все это я променял бы на один твой поцелуй, на одно пожатие твоей руки. Лучшие минуты моего путешествия — когда я могу думать о тебе. Радует меня, что послезавтра я буду уже один, с моими мыслями о тебе. Как-то ты теперь поживаешь, думаешь ли обо мне, любишь ли меня? (Такое перо, что едва ли прочитаешь мое письмо). Целую тебя, мое сердце, люблю и обнимаю.

По дороге из Львова в Вену я заезжал в Краков. Везде возятся со мною так, что если бы у меня было сомнение, я мог бы возгордиться.

Не скрываю, что мне приятно такое внимание ко мне, но оно меня настолько волнует и утомляет, что я почти НС сплю. Тем не менее, нервный подъем велик настолько, что чувствую себя не плохо, могу много говорить (приходится) и хорошо ходить.

Жду не дождусь, когда наконец приеду на место и смогу сообщить свой адрес тебе.

Опять мешают. Прощаюсь. Целую крепко, люблю еще крепче. Дай губки.

Твой.

193.

Вена, 24Л' 00'."

Дорогая Шурочка, имею свободных 15 минут и пользуюсь ими, чтобы написать тебе хоть несколько слов. Прежде всего, целую. Тебя, вероятно, интересуется, как я себя чувствую. Сегодня — отлично, выспался и бодр. Это первый раз после выезда. Вечер провел довольно "безумно", на Пратере (парк на несколько верст с развлечениями для народа), катался на американских горках, — даже дыхание захватывало, а женщины визжали невероятно. Поднимался на колесе высоко над городом, был на грандиозном балу венской прислуги и венских подонков (очень интересно) и вообще провел вечер очень интересно.

Сегодня зато отдыхаю — вот только обед с журналистами утомит меня. Завтра утром выеду в Венецию и напишу тебе оттуда. Выбрал я дорогу чрез Земеринг — чудесные виды, которых я еще не знаю— В Венеции, Флоренции, Риме и Неаполе остановлюсь, чтобы отдохнуть и освежить впечатления. На Капри приеду, вероятно, к 1-му июня и оттуда буду писать тебе чаще и больше, а теперь прости за краткость и бессвязность, часто невольную. Посылаю тебе 3-е письмо, а ты должна не лениться и сразу написать мне много.

Быть может, тебя что-нибудь интересует, ставь тогда вопросы, буду отвечать. Как твое здоровье, нервы, хорошо ли проводишь время? У меня все время перед глазами ты на последнем свидании нашем. Чувствую твое объятие, вкус поцелуя. Голубка, люблю тебя бесконечно. Моя ты.

Звонок. Гости. Прерываю, целую и обнимаю. Люби меня.

Твой.

£3 мая 1009. Венеция.

Пишу тебе, дорогой Шурок, на площади Св. Марка. Вчера выехал из Вены. Целый день ехал чудной, новой для меня дорогой, через Земеринг. Такая красота —горы с снежными вср-шиками, что трудно описать. Приехал вчера вечером, 11 1/2 ч., выпался и сегодня люблюсь оригинальнейшим городом. Сейчас беру гондолу и совершаю путешествие по каналам.

Почему тебя нет со мной? Мысленно делюсь с тобой впечатлениями, необычайно богатыми, т. к. солнце сияет, а при солнце Венеция очаровательна. Чувствую себя хорошо, т. к. берегу себя, не переутомляюсь, по ночам сплю, еду только днем, что дает возможность любоваться дорогой. Помогает мне очень знание языка, чувствую себя как дома.^i

Везде смотрю для тебя часы, но, говорят, что в Вене лучше всего купить. На обратном пути куплю, т. к. заеду опять в Вену. Завтра уезжаю в Флоренцию, где пробуду тоже 1 день, э затем — в Рим. Буду писать хотя короткие письма, чтобы ты не беспокоилась. Здесь такая масса красивых, невиданных у пас вещей, что, кажется, все купил бы, если бы не русская таможня и необходимость за все платить пошлину, иногда более чем в 10 раз, дороже самой вещи. Как жаль, что у меня мало времени и не могу описать тебе своих впечатлений. До следующего письма! Здорова ли ты? Тяжело ничего не знать о тебе. Целую так крепко, как люблю.

Твой.

195.

2/Л7 Ш. Флоренция (Пгепге).

Опять пишу тебе, дорогая, коротко. Не сердись. Эги остановки на один день, в сущности, утомляют, т. к. желаешь как можно лучше использовать время и больше увидеть. Я совсем отказался бы от них, если бы не стеснялся нарушить данное себе обещание не ездить ночью. А как только сделаешь перерыв на ночь, хочется остаться и на день. Сегодня, впрочем, не особенно удачный день для меня, т. к. какой-то местный праздник и все музеи закрыты. Я хотя и видел их уже⁵⁴, а все же досадно. Утешаюсь разве тем, что весь город—сплошной музей. Столько здесь антикварий, скульптуры, памятников. Кроме того это "прекрасный" город — *la bella Firenze*, город цветов, садов и красивых женщин.

Чувствую себя хорошо, поездку совершаю с возможными удобствами, а все же хочу поскорее на Капри, на море, на настоящий отдых.

Не делюсь с тобой впечатлениями—а их масса — не хватило бы ни времени ни места в письме. При свидании расскажу. Думаю, впрочем, что с места отдыха мои письма будут содержательнее, не так отрывочны. Пишу с дороги, главным образом, для того, чтобы ты не была без вестей от меня, не беспокоилась, знала, что я попрежнему люблю тебя, думаю о тебе. Будешь ли ты писать мне часто? Я очень хотел бы, чтобы ты использовала время и писала почаще. Как себя чувствуешь, что делаешь, мое сердце. Пиши, люби меня и целуй, как я тебя люблю и целую.

До свидания. До следующего письма. Все ли получила? Это пятое. Еще целую.

Твой.

196.

30.V 909. Рим.

Дорогая детка! Вчера не мог написать тебе, т. к. приехал лишь в 5 часу и сейчас же пошел осматривать древности. Я так люблю и даже знаю Рим, что он доставляет мне наслаждение. Все в нем чарует— древности и настоящее, — так все тесно связанное с прошлым, что на каждом шагу видишь тысячелетнюю культуру. Что касается самого города, то могу сказать с уверенностью, что знаю его лучше Чернигова. Успел осмотреть древности и уже побывал в двух музеях—Ватиканском и Капитолийском. После обеда устраиваю себе прогулку по садам и окрестностям — и все, что можно сделать за 1 Va дня — будет сделано. Знакомство с городом облегчает мне задачу и сокращает время. Конечно, это грех — так коротко быть в Риме, но, что же поделаешь, хочется скорее на море, на отдых. Чувствую себя превосходно, хожу совсем хорошо, не задыхаюсь. Значит — все у меня на нервной почве.

Как ты, мое счастье? В лучших уголках Рима думаю о тебе и часто мне кажется, что мы вдвоем. Я мысленно делюсь с тобой впечатлениями. Прошлую ночь ты мне снилась. Я что-то рассказывал тебе и вдруг потерял голос. Через минуту это прошло и ты поцеловала меня за это.

Завтра в 7 часов утра курьером еду в Неаполь, это уже последняя остановка, значит скоро сообщу тебе свой адрес и буду иметь твои письма. Как бы мне хотелось поскорее получить от тебя хоть несколько слов. Пиши мне часто и много. Надеюсь, ты не сердишься за такие короткие, несодержательные письма, но в дороге, когда спешишь, трудно иначе.

До свиданий, моя голубка. Не забывай меня, люби как люблю тебя. Целую. Здорова ли ты? Пиши.

ТВОЙ.

197.

31.V 909. Неаполь.

Пишу тебе, мое сердце, на самом берегу моря, у Неаполитанского залива. Море сегодня грозное, ветер, но тем эффектнее на его фоне паруса. Сзади меня колышятся громадные пальмы. Слева Везувий, но он потух, "mortoe, как говорят о нем неаполитанцы. Вдали в море, точно туча на небе, подернут мглою Капри, остров, на котором буду отдыхать.

Сейчас вдоль берега (исcorso") громадное движение: все, что только может, выезжает подышать прохладой. Автомобили грохочут и дымят, тяжелые ландо полны нарядных женщин, ливрейная прислуга в цилиндрах, а дамы без шляп. Роскошная прическа черных волос — и больше ничего. Это особенность неаполитанской моды, как, впрочем, и венецианской, но что меня прельщает, так это двухколесные экипажи, очень изящные и легкие, а в упряжке ослик. Маленькое красивое животное выглядит очень изящно в особенной сбруе. Все время идет стрельба из длинных кнутов и отчаянные крики, долженствующие придать бодрости животным. А я просто думаю, что такое экспансивное животное как неаполитанец, не может обойтись без знаков проявления энергии.

Сейчас беру экипаж и еду кататься. Почему ты не со мной, почему не со мной!

Побуду в Неаполе до завтра, а завтра в 4 часа пополудни, отплываю. Теперь ближе надежда получать от тебя письма. Я, моя детка, здоров, устал несколько, и уже не спал прошлую ночь. За то скоро отдохну.

Пиши мне чаще, не забывай даже мелочей, если они касаются тебя. Меня все интересует. Ну, будь здорова. До следующего письма. Целую, целую и целую. Люблю тебя крепко.

Твой.

2. VI 909.

Наконец, дорогая детка, могу сообщить свой адрес: Italia. Napoli. Capri. Hôtel Royal, № 23. M. Kociubinski.

Пиши мне сейчас: часто, каждый день, если можешь.

Завтра напишу подробнее, а сегодня тороплюсь, чтобы успеть На почту.

Я попал, моя голубка, в земной рай. Более удачного места для отдыха не умею и представить себе.

Такая везде красота — южная растительность (апельсины, лимоны, маслина, лавры, пальмы и т. п.) соединилась с чарующим местоположением. Воздух абсолютно чистый, нигде нет пыли и так насыщен ароматом горных горьких трав, что даже опьяняет. Море великолепно, при том везде. Моя комната наполнена им.

Устроился я более чем комфортабельно, в первоклассном отеле, на полном пансионе, где кормят, как в санатории. Я очень доволен, что смогу отдохнуть как следует, насытить взор и душу красотой. Здесь так спокойно, тихо, как в деревне, а между тем все удобства самого культурного места. Дороги, тропинки словно паркет, везде чудные уголки для отдыха. Публика здесь особенная: художники со всего мира, писатели, артисты.

Сейчас иду знакомиться с Горьким⁵, у которого еще кое-кто гостит.

Пока еще не отдыхаю: столько впечатлений, глаз еще не привык ко всей этой роскоши. Поэтому прости за короткое письмо, хочу сегодня сообщить только адрес.

Пиши о себе, не забывай, что я тоскую по тебе, что здесь, далеко от тебя, я еще больше люблю тебя и живу тобой.

Целую и обнимаю. Люблю.

Я здоров, хотя устал с дороги.

НО

Capri, 4 VI. QQÍ!,

Адрес: Italia. Napoli. Capri. Hotel Rayai, № 23. M. Kociubinski. Дорогая моя! Вчера чувствовал себя очень уставшим и не писал тебе. Впечатления дороги и шум таких сумасшедших городов, как Неаполь — еще не улеглись во мне. А тут еще длинный визит у Горького, с 2 до 11 часов вечера, напряженная беседа на темы, интересующая обоих нас. Зато сегодня чувствую себя чудесно, гулял все утро, море освежало меня своими брызгами, воздух очистил и напоил меня ароматами.

Опишу тебе свои впечатления от Горького. Нечего и го-

ворить, что я был принят с распростертыми объятиями. Он

меня знает по литературе и, оказалось, ценит. Сам он живой,

интересный человек, говорит нервно, иногда слезы блестят

на глазах, когда волнуется (). Это очень интересный че-

ловек. Живет он роскошно, занимает чудную виллу в 13 комнат

с роскошной обстановкой. Народу у него масса: у жены его "

ог первого брака масса детей, есть даже женатый сын, у которого, в свою очередь, дети. Словом, семья огромная. Жена — очень образованная женщина и красавица, хотя не первой молодости. Все так приветливы и милы со мной, что даже советно. Хотели перетащить меня к себе, но я не согласился, так как при удобствах, которые я имею в отеле, я зд^сь еще совсем независим. Во всяком случае, я рад, что есть здесь интересное общество. На днях приедет сюда Амфитеатров °7, Бунин 35 и Луначарский'1 — и интересных знакомых прибавится^ Л

Но меня интересуют не столько люди, как природа. Хотел бы хотя приблизительно описать тебе остров, но еще не умею этого сделать. Дай осмотреться. Скажу только, что просто не верится, чтобы на земле было такое чудо, как Капри. После обеда беру ослика и отправляюсь верхом в д. Анакапри, на высокой горе. Эта деревня настолько была отрезана от всего мира, что там сложился даже особый язык, которого никто не понимает. Теперь только проложена дорога оттуда в Капри и люди начинают знакомиться. Послезавтра напишу тебе опять (буду писать через день). Жду твоих писем с нетерпением. Получаешь ли ты все мои письма? Целую тебя крепко, моя любимая.

Capri. 6.VI 909 p. Hotel Royal №, 23.

Моя дорогая! Буду дальше описывать тебе чудеса Капри, так как это остров чудес. В отвесных каменных стенах острова, достигающих 800—900 метров вышины, море вырыло множество поразительных гротов. Первый грот, который я посетил — это серебряный грот. Отверстие так мало, что пришлось лечь на дно лодки и только тогда кое-как влезли мы туда. Вода в гроте нежно-зеленого цвета, настолько прозрачна, что светит огнями. Но стоит взмахнуть веслом или брызнуть рукой, как след от движения становится поразительно голубым, а края волны нежно-розовыми. Сочетание этих ярких и вполне определенных цветов настолько поразительно, что трудно поверить в возможность такого чуда. Если опустить в воду весло или руки — они становятся серебряными, откуда и название грота. Второй грот — голубой. Это громадная зала с голубыми стенами и голубой водой, которая при движении играет голубыми огнями. Для того, чтобы иметь представление, воображай себе самые яркие, самые чистые цвета, цвета окрашенного (цветного) стекла против солнца. Прелестен грот зеленый и еще чудеснее грот бриллиантовый, где вода светит бриллиантами (буквально). Есть еще много чудных гротов, которые я осматривал 2 дня, а завтра еще еду. Не менее фантастично следующее явление: между двумя отвесными скалами, где вода в узком проливе темна, почти черного цвета, от времени до времени появляется поразительно голубая, светящаяся волна, производящая такое поразительное впечатление, что местные жители называют это *pikolo diavolo*—маленький черт. Нет возможности всего описать, расскажу при свидании. Вчера после обеда я ездил в дикую часть острова, на Анакапри. Там поля покрыты громадными кактусами, раза в три выше человеческого роста и со стволами, как у наших деревьев. Красота и воздух здесь поразительны, это уже не Европа, а Африка. Я все больше и больше влюбляюсь в Капри, но ты не ревнуй, так как и здесь ты для меня наиболее чудесна и наиболее любимая и желанная.

Чувствую себя превосходно, отдыхаю, наслаждаюсь. Вот если бы еще письма от тебя— и все былобы хорошо. Пиши о себе. Не скучай, люби меня, как я люблю тебя, мое сердце, моя милая деточка. Целую без конца. До следующего письма. Обнимаю.

Твой.

9.VI 900. Capri.

Дорогая детка, прости, что два дня ничего не писал тебе— я уезжал из Капри с Горьким и самым известным в России скульптором Пнцбургм60 (он сейчас лепит Горького) в Toge del Greco (город под самым Везувием) на народный праздник. Ехали мы туда на парусной яхте, что заняло почти весь день, а вечером с яхты смотрели на торжество. Это было нечто фантастическое, точно чудный сон. В городе были построены чудные строения, сверху до низу увешенные кораллами (это город кораллов), улицы полны венков и зелени. На море был сожжен фейерверк, стоимость 2000 лир (около 1000 руб.), в воздухе из огней подымались пальмы, букеты, корабли и т. подобное удивительной окраски и силы, а горы многоголосым эхом повторяли треск ракет и бомб. Весь город был иллюминирован, на массу лодок, паракоридков и яхт наводились прожекторы. Громадные пальмы, увешанные цветными фонарями, качали на лодках своими ветвями, несколько оркестров и серенад плавали по всем направлениям, лодки были сделаны в виде акул и других рыб, верхом на которых сидели люди и собаки. Было пущено 200 воздушных шаров разнообразных форм и цветов в виде чаш, медуз и пр. Тысячная толпа кричала, пела и производила ужасный шум. До поздней ночи мы любовались. Переночевавши в городе, на другой день поплыли в Соренто, прекрасный уголок Италии, а оттуда к вечеру (вчера) в Капри, где и закончили очень веселым обедом у Горького. Еще раньше, перед отъездом, я провел вечер у Горького и смотрел тарантеллу, такую особенную, какую умеют танцевать лишь 2 человека во всем мире, и они живут как раз здесь. А когда придет Амфитеатров, Бунин и др., мы поедем в Сицилию, где еще лучше чем здесь. Я загорел очень в поездке, чувствую себя бодро и не болею. Погода здесь очень

хороша, не жарко. Все было бы очень хорошо, если бы я мог увидеть тебя хотя на минуту, мое сердце. Скучаю очень, по ночам вижу тебя, слышу твой голос, а сколько раз целую мою милую! Когда же, наконец, получу от тебя письмо? Тяжело ждать.

Посылаю тебе цветок, дикую розочку, которую я целовал. Будь здорова, моя дорогая. Целую тебя крепко, прекрепко. Пиши.

Твой.

8-803 ИЗ

Capri. 12 июня, 909,

Дорогая Шурочка! Напиши мне, получила ли ты предыдущее письмо (№ 12), т. к. я бросил его в ящик не сам, а поручал. Когда же я получу весточку от тебя, мое сердце? Вот уже месяц, как я ничего о тебе не знаю. Сегодня еще не ожидаю, а завтра не буду читать, хотя бы и получилось, т. к. завтра в 5 часов утра я уезжаю из Капри с Гинцбург-гом (скульптором) на пароходе в Соренто, затем по электрическому трамваю до г. Кастельамаре (волшебная дорога), оттуда уже едем осматривать Помпею, а из Помпеи в Неаполь и оттуда возвращаюсь на Капри. Поездка так много обещает, что я уже сегодня предвкушаю ее. Здесь два дня дул сирокко— африканский ветер и было несколько душно, но сейчас опять прохладно и хорошо. Море спорит с небом о красоте, а Капри — точно тучка на небе, точно плывет по морю.

Начал купаться — и очень доволен, вода свежая, бодрящая. Перешел также в другой № (21), лучший, с очень красивыми видами и хотя плачу несколько дороже, за то имею и это удовольствие. Сплю при открытых дверях и окнах, под сетчатым балдахином, предохраняющим от москитов, которые летят на свет.

Разленился я порядочно, ничего не читаю, разве просмотрю газеты — итальянские у себя и русские у Горького. Все время на свежем воздухе, насыщаюсь и упиваюсь красотой и запахами. Я, вероятно, скучным становлюсь от восторгов, но что же делать, когда это страна, в которой даже кухарка, стоя у плиты, между одним и другим блюдом пишет стихи. ^

Моя милая, любимая детка! Пиши мне ежедневно, ведь ты можешь писать только до 20 июня, т. к. 27 утром я думаю уехать отсюда. Мне хочется еще раз побывать в Венеции, которую я так люблю, затем остановлюсь на 2 дня в Вене, если буду иметь время, заеду дня на 3 в Карпатские горы. Письмо же сюда идет, вероятно, не менее 7 дней, значит только до 20 ты можешь писать на Капри. Пиши же, голубка, о себе. Любишь ли меня? Быть может, ты уже забыла меня? Целую и обнимаю и опять целую мою милую, любимую деточку.

Твой.

Ij.VI 000 Capri.

Адрес: Италия. Italia. Napoli. Capri. Hötel Royal.

Пишу тебе и сегодня, дорогая моя, коротенькое письмо, т. к. поездку в Помпею пришлось отложить на завтра: Гинзбург не успел закончить статуетки Горького. Не могу писать сегодня больше, потому что сейчас едем на море, а в 7 ч. обед у Горького. Семья его все больше и больше нравится мне, мы сжились, сдружились на чужбине, много имеем общих интересов, много ведем бесед на близкие нам литературные темы. Гинцбург превеселый, он забавляет нас, представляет нам портного, устраивает целый цирк и по вечерам мы хохочем до упаду. Я поправляюсь, гуляю, погода стоит удивительно хорошая, теплая, но не жаркая, с прохладным морским ветром. Начались лунные ночи — это ночи безумия здесь. Остров весь благоухает, по ночам он так красив и фантастичен, что я положительно отказываюсь описать это.

А от тебя все нет писем. Так меня это беспокоит и огорчает, что и представить не можешь. Как подумаю, что ты можешь писать сюда только до 20 (т. е. еще 1 неделю), то становлюсь совсем грустным.
^W^^

Может быть, завтра получу письмо от моей милой; какой это будет счастливый день. Как я буду целовать письмо!

За мной пришли и заставили бросить письмо. Кончаю. Напишу послезавтра или 16-го. Целую тебя и обнимаю крепко. Дай губки, ручки и глазки, мои хорошие, красивые, добрые глазки. Люблю тебя крепко, мое сердце. Еще и еще целую.

Твой.

204.

Capri 15.VI 000.

Адрес: Италия. Napoli. Capri. Hotel Royal, №21.

Дорогая детка, я встревожен, не получая от тебя писем. Ведь уже мог бы получить, по крайней мере, два письма. Это так меня тревожит, что не имею сил писать тебе много. Здорова ли ты? Получаешь ли мои письма? Это было бы ужасно, если бы ты не получала моих писем, если бы они пропадали.

Вчера вечером вернулся из поездки в Помпею — впечатление сильнее. Нет, не могу ничего описывать, тревожусь, беспокоюсь и огорчен. Пожалуйста, не забывай этого и пиши ежедневно, ведь не много времени имеешь.

us

Я здоров. Если сегодня вечером не получу от тебя ничего, не знаю, что со мной будет. Как все это нехорошо выходит. Подозреваю, что что-нибудь вышло с адресом и поэтому ты меня потеряла, не знаешь куда писать. Разве написать тебе на дом? Придется сделать это, — если ты не отзовешься.

Целую тебя крепко. Беспокоюсь.

Твой.

205.

[1G. VI 909. [Capri.]

Спасибо тебе, дорогая моя, за твои милые, хорошие письма. Я уже получил 2. Теперь я спокойнее, хотя несколько тревожит меня, что ты не совсем здорова. Береги себя, мое солнышко, ведь ты не только своя, ведь ты и м о я. Мне так хорошо было читать, что ты меня любишь. Эти слова были для меня чудной музыкой и все время внутри что-то звучит у меня: она тебя любит, она любит, хорошая, славная Шурочка. Целую тебя за это. Я ужасно скучаю без тебя, и если бы ты была теперь со мной — мне казалось бы, что я в земном раю. Люби меня немножко, может быть это окрасит нам нашу все же печальную жизнь.

Я продолжаю брать от Капри все, что можно. Совершаю прогулки — вначале по морю, теперь по суше — знакомлюсь с островом. Сейчас возвратился с большого путешествия — был на наивысшем пункте острова, на монте Соляро. Сначала подымался по крутой дороге па извозчике до Анакапри, а оттуда 2 часа карабкался на гору. Устал изрядно, но за то увидел чудный вид: кругом море, в одну сторону к Африке— вдали Канабрия, весь Неаполитанский заливе прибрежными городами, острова. Здесь видишь себя на острове отрезанным от всего мира. Чем выше поднимаешься, тем природа становится оригинальнее. Древовидные папоротники и дрок, дикие розы — белые и красные,

мелкая хвойная растительность, а на самой вершине развалины крепости. Вчера осматривал развалины виллы Тиберия Щ который жил здесь во времена Христа. Сюда из Иудеи прискакал гонец доложить Тиберию, что Христос распят. Развалины сохранились, видны громадные залы, лежат мраморные колонны, мозаика полов в целости, а на стенах часть штукатурки с окраской.

Я как-то так беспорядочно описываю тебе свои впечатления, а ты не помогаешь мне, не спрашиваешь. Чувствую себя хорошо, только думаю сократить несколько и оставить

утомительные прогулки. Буду скромнее. ()

Жду с нетерпением писем от тебя, т. к. они доставляют мне большую радость. Пиши ежедневно, не забывай меня. Ведь ты можешь писать только до 21 июня. Целую тебя, моя голубка, люблю крепко и обнимаю тоже крепко.

Твой.

206.

18 июня, 1909. [Капрь]

Спасибо тебе, дорогая моя: сегодня я получил 3-е твое письмо. Что это тебе не везет, мое сердце: то нога, то глаз, то простуда. Берегись, голубка, будь здорова к моему приезду. Я тоже становлюсь все более и более благоразумным: не делаю больших прогулок, не утомляюсь. А до сих пор грешил. Все забываешь, что приехал лечиться, все думаешь, как бы больше видеть. Чувствую себя хорошо; если не потолстел, то во всяком случае окреп и лучше хожу.

Ты хочешь, чтобы я писал тебе обо всем, но всего так много; вот разве описать тебе, что растет на Капри. Прежде всего, здесь масса

виноградников. Виноград свисает с высоких жердей и дает чудную тень. Между виноградом громадные апельсиновые и лимонные деревья, на которых висят теперь спелые плоды. Миндаль, рожковое дерево, фиговое, черешня и еще плоды, которых ты не знаешь (pe5po!e). Гранаты теперь в цвету, а на сладких каштанах и оливках масса незрелых плодов. Из диких растений чаще всего встретишь эвкалипт, пальму, кипарис, лавр, уксусное дерево, итальянский тополь и пинию. В садах и в диком виде целыми рощами водятся исполинские кактусы, в 2—3 роста человеческих (опунции), цветущие теперь желтыми цветами. Великолепны африканские и американские агавы, выше человеческого роста; по скалам в цвету мирты, дикие розы, белые и красные, ломонос, глициния и всякие плющи и лианы. Масса серебристой полыни ковром покрывает скалы и дышит ароматом. Исполинский дрок золотыми, горящими на солнце, кустами свисает со скал, древовидная ев-форбия и капорцы тоже везде. Но лучший цветок на Капри — это неизвестный мне голубой цветок, сидящий большими букетами в морщинах скал. А все залито красными маками. Виллы все окутаны цветущей глицинией и розами и в садах так много красной герани, что порой кажется — горит остров. Всего я не могу перечислить, есть много великолепных растений, которых я не видел прежде. Но из сказанного можешь вывести заключение, что по растительности это рай. В другой раз опишу что-нибудь другое. Голубка моя Я еду через Вену потому, что у меня уже есть обратный билет и заехать туда — одно только удовольствие. Целую тебя крепко. Люблю тебя.

Твой.

207.

Capri. 20.VI 909.

Дорогая детка, сегодня получил твое 4-е письмо. Благодарю тебя. Досадно, что ты не получила моего письма в тот день, когда рассчитывала, но, вероятно, почта задержала. Я пишу тебе через день. Зачем ты огорчаешь себя и меня всякими сомнениями насчет нашего

будущего? Конечно, мы оба не знаем, что с нами будет, но ведь мы любим друг друга, — а это уже много. Не грусти, голубка, верь, я тебя безгранично люблю.

Вчера меня постигла маленькая неудача. После завтрака я ушел гулять, между тем получилось письмо от Горького, которым меня приглашают слушать его новую повесть. Ждали меня, ждали и не дождались, и я попал только на конец чтения. Повесть эта называется] "Лето", из быта русской деревни в последнее время и, говорят, очень удачная. Я огорчился, но Горький утешает меня тем, что скоро пришлет ее мне, так как она уже печатается. А все уже досадно. Потом мы пошли с ним на вечер к известному ученому астроному, немецкому Мейеру, где нас угостили пением какой-то певицы и немецкого художника Руданова, но все это было из оперы "заткни уши" и была такая скука, что все мухи на Капри подошли. Мы тогда давай бог ноги, и остаток вечера провели у Горького, дурачились, пели и смеялись. Вернулся домой в 2 часа ночи и сегодня хожу сонный. Голова болит. Через недельку покидаю уже Капри, а так досадно. Еще не отдохнул, как следует. Только надежда видеть тебя утешает меня. А как я хочу видеть тебя, мое счастье, как хочу приласкать мою детку. Будешь ли ты рада видеть меня? (. . . .)

Солнышко мое, светлее итальянского, приветливее и роднее. Люблю.

Почему ты не ставишь мне вопросов, которые тебя интересуют? Я охотно ответил бы на них, а то боюсь, что многого не пишу тебе, потому что в данный момент не приходит в голову.

Будь здорова, моя милая. Береги себя, свое здоровье и не забывай своего мужа. Целую тебя без числа, сердце мое! Еще и еще целую.

Твой.

Capri. 22.VI 900.

Наконец я получил твое письмо, дорогая моя, а то начинал уже беспокоиться. Последние два дня чувствовал себя не очень хорошо, почему-то болела грудь, но сегодня в 9 часов утра отправился на лодке в море и катался до 2-х; это меня успокоило и опять чувствую себя хорошо. Море сегодня удивительно красиво, голубое, с массой блестящих серебряных звездочек, а у берегов золотисто-зеленое и бирюзовое, точно громадный павлин разостлал свой хвост под скалы. А скалы горячие, раскаленные солнцем, и вода вокруг них кипит белой пеной. Теперь начались здесь лунные ночи, это какое-то безумие, а не ночи, так все красиво, если этим бледным словом можно изобразить то, что здесь творится. Гуляю и наслаждаюсь, ведь это мои последние дни на Капри. 27-го утром уезжаю в Неаполь, а оттуда в Венецию, Вену, Львов и домой. Трудно расстаться с Капри, а нужно.

Спрашиваешь, чем я питаюсь, есть ли здесь фрукты. Остров славится фруктами на весь свет. Ежедневно ем апельсины, которые подают нам прямо с дерева, с листьями на ветках, сочные, ароматные и сладкие, каких мы не едим у себя. Пожираю персики, абрикосы, сливы, миндаль (еще зеленый, но тем вкуснее), черешни. Скоро будет готов виноград, но я уже не дождусь. Словом, фруктов очень много. Вообще же кормят меня чудесно, роскошно даже, кроме того подается все очень изящно. За комнату (великолепно обставленную, с зеркалами во весь рост, мягкой мебелью и электричеством) и за полный пенсioen плачу всего 2х/2 рубля в сутки. Чистота чрезмерная даже: ежедневно меняют постельное белье, а полотенце для умывания дают по 3 на день. Вообще готель чудесный, спокойствие, порядок, любезность и предупредительность. О видах из комнаты нечего и говорить: с балкона своего вижу половину острова и море. Получаешь ли ты мои открытки? Целую тебя и обнимаю, мое сердце. До следующего письма.

Твой.

Capri. 24.VI 90Э.

Милая! Сегодня получил 2 твоих письма: 17—18 и 19-го. Благодарю тебя, моя детка. Твои письма доставляют мне большую радость. Зачем ты только огорчаешь себя и меня мыслями о разлуке? Зачем позволяешь мне "увлекаться женщинами"? Ведь я тебя действительно люблю, твой образ вытесняет все женские образы. Я не могу никем увлекаться.

Моя энергия в любви не ослабляется ни на минуту ().

Как-то ты приснилась мне, я проснулся и на мгновение увидел тебя возле себя. Меня даже в жар бросило от радости, я протянул к тебе объятия — но там было пустое место. Как бы хорошо было, если бы ты устроилась самостоятельно, как бы мы счастливы были. Не бойся разочарований, люби и береги нашу любовь. Любовь надо беречь ().

Спасибо тебе, родная, за цветочки. Я их целовал без конца, точно тебя, мое сердце, моя светлая любовь. Целую

тебя горячо, крепко (). Радость ты моя! Хорошая.

Да, ты хорошая, добрая, милая, желанная. Я всегда тебя люблю (). Буду писать тебе с дороги. Завтра получу

твое последнее письмо — как тяжело, что долго не буду иметь весточки от моей милой.

Вчера мы прощались с Горьким, он уехал на неделю с Капри. Так было жаль, я сжился с ним, привык. Все наши планы, надежды на поездку в Сицилию рухнули из-за его отъезда. На прощание мы снимались, не знаю— удадутся ли снимки, т. к. фотография любительская.

(Не знаю, писал ли я тебе, что мы с ним попали в синематограф и нас будут везде показывать: курьез! °-).

Чувствую я себя в общем хорошо, жаль только покидать Капри, я поправился бы окончательно, если бы прожил здесь еще месяц. Но зато скорее увижу тебя, — и это наполняет меня наслаждением.

Все твои письма получил. Получаешь ли ты мои открытки? Ты прости, что я не каждый день пишу тебе: мне приходится отвечать на массу писем, мои знакомые забрасывают письмами и я вынужден подолгу сидеть за столом, иногда .даже обидно, т. к. природа манит, хочется подольше и побольше увезти отсюда впечатлений. До свидания, мое сердце. Теперь уже можно так писать. Целую и обнимаю тебя.

Твой.

А от проигранных 1000 поцелуев ты не так легко отделаешься. Я не принимаю их чрез почту: пожалуйста наличностью.

210.

28.VI 009.

Пишу тебе, сердце мое, в вагоне. Еду курьером, вагон ужасно качает, и не знаю — разберешь ли. Мчусь уже 15 часов, не спал всю ночь, а придется еще не спать, т. к. в Венеции остановлюсь только на несколько часов и потом прямо в Вену. Все ближе к тебе. Боюсь, что очень устану и приеду домой в плохом виде. Вот каракули пишу, иначе

не удастся. Напишу тебе из Вены, а теперь только несколько слов. На станциях не могу писать, поезд летит как сумасшедший, и только на больших станц[иях] стоит 1—2 минуты. А тут еще тунели каждую минуту. Я теперь недалеко от Болоньи. Завтра буду в Вене: нет, положительно не удастся писать, такая качка. Но я, все таки, рад, что посылаю тебе этих несколько каракуль, где между строк вычитаешь, что я тебя люблю, не забываю и стремлюсь к тебе всем сердцем.

Целую тебя, моя голубка, крепко.

Люби меня. Жди меня, как я тебя жду, с нетерпением, с трепетом. Ну, будь здорова. Еще целую.

Твой.

211.

Бена, 30.УІ 000.

Дорогая моя деточка, я уже в Вене, значит недалеко от тебя. Пока я ехал один, не было у меня никаких приключений, а как только встретился на австрийской границе с русскими, сейчас началась история. На первой австрийской границе встретил я двух русских, врача и одного американского студента и уговорились вместе ехать до Вены. Сели в вагон и проехали одну станцию, но на следующей врач предложил мне воспользоваться обстановкой и чего-нибудь выпить, т. к. жажда мучила нас. Весь день я мчался курьером и был без воды. Но как только мы вышли, поезд перед нашими глазами умчался, увозя нашего третьего спутника и все наши вещи. Что делать? Мы даже фамилии спутника не знали. Пришлось три часа ждать другого поезда и телеграфировать на умчавшийся поезд, с просьбой разыскать русского и просить его обождать нас в Вене на вокзале. Надежды на успех было мало. Начальник станции, где мы ждали, тоже телеграфировал ка поезд, чтобы наши вещи разыскали и сбросили на станции где-нибудь по

дороге. Потерявши курьер, мы должны были делать массу пересадок, ловить поезда, делать круги, ездить в сторону и везде приплачивать, т. ч. эта история дорого обошлась. Наконец мы нашли наши вещи на одной из станций, но не все, т. к. наших вещей никто ведь не знал. Наконец после тревожной ночи приехали с большим опозданием в Вену, но и там вещей не нашли. Оказалось, что мы приехали не на тот вокзал, на который приходит потерянный поезд. Пришлось делать путешествие на другой вокзал. Но вещи разыскали. Их оставили в вагоне и кондуктор взял с собой, как забытые. Сегодня я выеду из Вены во Львов, где пробуду дня 2. В Карпаты уже не поеду, вероятно, т. к. издержался, значит скорее буду дома. Часы уже купил тебе. Выбирал их знаток часов в знакомом магазине. Должны быть не плохими. На цепочку не хватило уже денег у меня. Я пошлю тебе их посылкой (по адресу моих писем к тебе), они будут в коробочке, крышку которой надо выдвинуть с половины верха коробки и поднять вверх. Делай это осторожно, чтобы не выронить часов.

Очень устал после двух бессонных ночей, но теперь выспался и бодр. Здесь ужасная по́года, деждь, ветер. Сижу дома, нельзя выйти.

Как-то ты, моя милая? Здорова ли? радуешься ли нашей встрече, как я. А я только и думаю о тебе. Пока целую и

обнимаю (). Люблю тебя, голубка моя милая, сердце

моего сердца. Обнимаю и обнимаю.

Твой.

2.VII 000. Львов.

Дорогая детка моя, я уже совсем близко от тебя. Приехал сюда вчера и думал сегодня ехать дальше, но после бессонных ночей

решиться не спать еще 2 ночи — непрактично, поэтому остался здесь и поеду только завтра, буду, значит,

в Ч[ернигов]е в воскресенье или в понедельник ().

Здесь со мной опять возятся и—боюсь, переутомят. Люди, люди и люди! Бегу на минутку к себе, чтобы написать тебе хоть несколько слов.

Чувствую себя в общем недурно, насколько может быть хорошо человеку после заграничных железных дорог и ряда бессонных ночей. Нехорошо мне только в том отношении, что я опять отрезан от тебя, а так привык уже получать твои письма. Тебе лучше, ты чаще имеешь извещения обо мне.

Как-то ты меня встретишь?

Будешь ли любить? Может быть, я не понравлюсь тебе, такой черный, загоревший? Кто знает? (. i^/. .) Я напишу тебе на месте, когда и где увидимся. Может быть, из Киева еще получишь письмо, а, может быть, не успею написать, за что не сердись. Я буду там от поезда до парохода, а мне нужно приготовить и послать тебе посылку. Беспокоюсь, будет ли твоя подруга тогда дома, не уедет ли, получит ли она твою посылку, не уедет ли куда. Предупреди ее, пожалуйста, что если она получит посылку, то это для тебя. Кроме часов, ты найдешь там еще кое-что.

Погода все время здесь отвратительная, холод, дождь, ветер. После Капри — это дикость, с которой нельзя помириться. Как-то там у вас? Помешали мне и начал писать не то, что нужно. Зовут кушать. Будь здорова, сердце мое, голубка моя, хорошая деточка. До свидания, до свидания, Шурок. Целую твои губки. Дай ручки. Люби меня. Люблю.

Твой.

213.

4.VII 900 Киев.

Наконец я в Киеве, дорогая моя, завтра буду дома, но если не приду на службу в понедельник, не тревожься, я б. м. отдохну денек после дороги. Сейчас послал тебе посылку по адресу твоей подруги. Если бы она думала уезжать, попроси, чтобы оставила доверенность на получение посылки. Я не хотел бы, чтобы посылка возвращалась в Киев, это создало бы неудобства и даже неприятности.

Если же подруга куда-нибудь уже уехала, напиши ей, чтобы прислала засвидетельствованную доверенность. Ну, я так рад, что наконец увижу тебя скоро. Когда — напишу. Тороплюсь и потому не пишу больше. Я здоров, но устал с дороги. Целую тебя крепко, крепко, мое сердце. Люблю тебя очень.

Твой.

214.

[9.VII 1909 р., Чернігів.]

Дорогая детка, так тяжело быть близко возле тебя и не видеть; я только с понедельника могу быть свободным. Если не боишься понедельника и 13-го, то приходи в 6 ч. на то место, где мы встречались в последний раз. Если нельзя будет мне или тебе, то во вторник, 14-го, в среду и т. д. ежедневно в 6 ч., пока не встретимся. Не могу сейчас писать больше, расскажу почему. Получила ли посылку и довольна ли? Боюсь, что недовольна и ругаешь меня.

Голубка, люблю тебя очень и целую крепко. Жду свидания с нетерпением.

Твой.

215.

30. XI 1909 г. [Чернігів.]

Милая! Благодарю тебя за то, что в день выезда ты через окно показала мне свои глазки. От этого мне легче стало на душе и не так тяжела разлука. Вообще же очень трудно переношу твое отсутствие и чувствую себя прескверно. 3 дня был даже болен: нервы и боль в груди. Хуже всего, что болезнь мешает мне работать. Я уже совсем приготовился было к работе и не мог начать. Теперь мне лучше и сегодня начинаю. Боюсь за успех работы и так хочу, чтобы она удалась мне. Я уверен, что удастся, если ты будешь любить меня и думать обо мне. Жду твоего письма, но надо же дать адрес. Пиши так! До востребования. Агенту Акционерного Общества "Продукт". Больше ничего. Как ты доехала? Не простудилась ли в дороге? Хорошо ли тебе теперь, интересно ли?

Своей жизни не буду описывать, она очень однообразна с внешней стороны и вся сосредоточена сейчас на тебе и на работе. А это заполняет жизнь. Через два дня я снимаюсь для издания чешского Б Прагеи, значит ты будешь иметь мою карточку.

Напоминаю тебе твое обещание и свою просьбу: Ееселись развлекайся и поправляйся, но не забывай меня, люби как я тебя. Прости, что пишу мало и спешу. Это письмо приходится писать в неудобных условиях.

Целую тебя крепко, люблю тоже крепко.

Пиши. Твой.

216.

6.XII 909 г. [Чернігів.]

Получила ли ты, моя милая деточка, мое письмо? По моему расчету ты должна была получить его в среду или в четверг. Опять сообщаю, на всякий случай, свой адрес,— до востребования, Агенту Акционерного Общества "Продукт",— и больше ничего не пиши на конверте.

Пишу это письмо в неудобных условиях, в бюро: каждую минуту подходят к столу за всякими справками и мешают мне. Хотел бы я знать поскорее, как поживает моя милая. Я и то ежедневно мысленно переносюсь в Вильно и все с тобой, все тебя целую и все хочу просить, чтобы моя детка хорошо веселилась, не болела, не простуживалась и приехала домой веселой, жизнерадостной и крепкой. А Муся без Шурочки чувствует себя неважно. Нет настроения хорошего, все как-то серо, бесцветно и безнадежно. Правда, работаю, пишу, но все как-то без аппетита. Физически я здоров, если не считать плохих нервов, от которых плохо сплю. Что же сообщить тебе новенького? В бюро — не знаю, что творится, я ведь далеко от него да и тебе, вероятно, оно надоело порядком и мало интересует. О себе нечего сказать. Дни проходят в работе, которая, пока, не удовлетворяет меня. Может быть, распишусь.

Вчера был такой случай. Прибегает в Бюро к Е. П.63 какой-то торговец, из табачной "хатки", бывший друг, а теперь враг Ч[ернявс]кой60 и требует от Е. П., чтобы он немедленно уволил Чернявскую, иначе он донесет прокурору, что Е. П. и я подговариваем Чернявскую совершить покушение на его жизнь, что он будет писать в Киевлянин0' о нас и пр. угрозы. Несомненно, это какой-то сумасшедший, но Е. П. растерялся и взволновался. Едва его успокоил и уверил, что нелепый бред больного не может иметь для нас каких-либо последствий.

Когда же получу от тебя письмо, моя ты голубка? Как я скучаю по тебе. Как тоскую, ты и понятия не имеешь! Будь же здорова и весела, а меня все же не забывай и пиши.

Целую, целую и целую, крепко, сердечно. Люби меня.

Твой.

217.

10.XII 900. [Чернігів.]

Я получил от тебя только одно письмо,, моя милая голубка, а пишу третье. Очень радуюсь, что ты чувствуешь себя хорошо и развлекаешься. Смотри, что бы ты растолстела, непременно. В последнее время ты стала очень худенькой. Попроси от меня твоих друзей, чтобы они хорошо тебя кормили.

Пишу тебе не часто, ты не сердись на меня за это, ведь я тебя предупреждал, что писать часто не буду. Не объясняй этого в дурную сторону и не беспокойся понапрасну. Я теперь так выбился из обычной житейской колеи, так погрузился в работу, что реальная жизнь для меня почти не существует. Я весь среди своих героев, живу их жизнью, разделяю их горе и радость, говорю их языком и предан их интересам⁶⁵. Что делается вокруг меня — не знаю и, правду сказать, не хочу знать.

Одно только плохо, что без тебя мне пишется не так хорошо, как тогда, когда я имею возможность хоть изредка в твоих любимых глазках почерпнуть вдохновение. Сейчас вижу, как ты махнула рукой и пожала плечами. А между тем это правда, я имел возможность не раз убедиться в этом, мой друг.

Если великий Данте⁰⁰ имел свою Беатриче, то пусть позволено будет мне, обыкновенному смертному, иметь свою Беатриче—Шурочку, любовь которой зажигает во мне огонь и согревает сердце. Вот сейчас — мне хочется прижать твои руки к моему сердцу и с благодарностью, с глубокой радостью поцеловать их за то, что они дали мне счастье, оживили и украсили мою жизнь.

Хорошим самочувствием не могу похвалиться. С тех пор, как я простудился в первые холодные дни, до сих пор не поправляюсь, кашляю и вообще чувствую себя не важно. Только не огорчайся. Все это временное и уже скоро, надеюсь, пройдет.

Вспоминаю твое письмо. Жаль, что ты мало знакомишься с городом. Ведь это же оригинальнейший город'°. Хорошо побродить по тесным, старинным переулкам с домами, наклепленными один на другой, точно коралловый риф. Там следы жизни нескольких поколений. Это дает настроение. Как жаль, что я не с тобой, уже бы мы все осмотрели вместе.

А впрочем, так или иначе, но ты должна исполнить свое обещание и веселиться возможно больше. Пиши мне обо всем, моя дорогая. Напиши мне, что ты меня любишь. Целую и обнимаю мою дорогую, любимую, хорошую Шурочку и горжусь, что только я тебя оценил, как следует.

Дай губки.

Твой.

218.

16-го. [XII, 1909 г., Чернігів.]

Сердце мое, два твоих письма получил сразу и недавно т. к. 4 дня не выходил. Нездоровилось, что-то с сердцем было скверно и грудь болела. Теперь все хорошо. Хожу на службу, работаю. За твои письма целую. Так было странно читать в первом из них твои догадки, не забыл ли я тебя. А, между тем, мне все кажется, что я никогда так не любил тебя, как теперь. Ты только не сердись на меня за то, что редко пишу, вспомни, что, когда я мог, я писал тебе даже ежедневно. Ведь числом писем не всегда можно измерить силу привязанности.

Очень меня радует, что ты хорошо проводишь время, беспокоит только, что устаешь. Ведь ты так и не поправишься, а, между тем, за этот месяц ты должна бы сделать запас на весь год.

Работается мне плохо, я не доволен своей работой, нервничаю, сержусь, но все же аккуратно пишу. Никуда не хожу, ни в концерты, ни в оперетку, бегу от всех соблазнов. Писем набралась такая уйма, целая гора выросла на столе, а я никому не отвечаю, чтобы не отвлекаться от работы. Когда отпишу всем — не знаю,

Снялся я неудачно, не похож и вышел бледно, т. к. снимался вечером — утром нельзя было. Один из снимков вынужден был послать в Прагу, т. к. меня торопили. Теперь буду сниматься вновь, т. ч. ты получишь лучший снимок.

Деточка моя, я хотел просить тебя, чтобы последнее письмо ты написала с таким расчетом, чтобы я мог получить его не позже 23-го. Быть может, что я уеду 23-го в Киев, тогда зачем же оно будет лежать все праздники. Относительно Киева я не решил окончательно, но скорее — уеду. Буду писать тебе еще и еще, а пока целую крепко и люблю тоже крепко.

Не забывай меня, голубка. Твой.

219.

18.XII [1909 р" Чернігів.]

Дорогая моя! Целую тебя. Это прежде всего. Я уже получил от тебя 4 письма, пишу пятое. Спасибо, дорогая, за добрые советы и заботливость обо мне. Я слушаюсь тебя и все исполняю. Чувствую себя, все таки, неважно, уж не знаю, почему. Это правда, что когда ты ближе ко мне, я здоровее.

У нас никаких новостей. До того серенько, однообразно живут люди, что ничего о них не скажешь. Приехала (говорят> недурная) оперетка, но я не хожу: я вообще никуда не хожу, все время пишу. Ничего не читаю даже, так занят. Работа подвигается медленно, я недоволен, волнуюсь, а это усиливает головную боль, долго не могу уснуть и сплю плохо. Вчера вечером даже не мог работать и первый раз в этом месяце взялся за книгу. Боюсь, что издали ты все преувеличишь и создашь целую картину моей болезни, а, в общем, не так уж плохо. Попробую день-два отдохнуть и все поправлю.

Чтоб не забыть, голубка: мы увидимся 29 в обычное время на нашем месте. Если кому-либо из нас не удастся быть свободным в этот день или помешает погода, тогда 30, 31, 2, 3 и т. д., пока не увидимся. Приезжай только скорее, я соскучился страшно, порой даже тоскую.

Как я радуюсь, что скоро увидимся. Будешь ли ты и теперь такой трусихой, как до сих пор, или после отдыха поправишь нервы и станешь смелой? Я очень хотел бы, чтобы ты поправилась. Если можешь — вспоминай о моем желании и поправляйся.

Очень досадно, что мне нечего рассказать тебе о Черниговской] жизни. Вероятно мои скучные письма ты читаешь с неудовольствием.

Я мог бы кое-что интересное рассказать тебе о героях моего рассказа, но сделать это в письме и неудобно, да и не нужно. Надеюсь ты прочитаешь мою вещь, когда ее напечатают.

До свидания, моя милая: как хорошо звучит это слово — "до свидания", сколько в нем заключается. Целую тебя крепко крепко и обнимаю, и прижимаю к сердцу. До свидания, любимая. — Люби меня и не забывай; не забывай также веселиться. Будь здорова, голубка. Еще и еще целую.

Твой.

В прошлом письме я просил тебя писать так, чтобы я получил последнее письмо не позже 22, т. к., быть может, 23 уеду в Киев, хотя наверное не решил.

220.

23.XII р@9 р., Чернігів.]

Дорогая моя детка! Вчера получил твое 5-е и, значит, последнее письмо от 19-го. Это ужасно, как долго идут письма, точно ты живешь где-то далеко за границей. Пишу тебе тоже последнее письмо, иначе ты рисковала бы не получить его. Надежда на скорое свидание утешает меня и примиряет с тем, что больше я не получу твоего милого письма. Знаешь, моя голубка, я не поеду в Киев. Случилось так, что у меня нет денег (те, на которые рассчитывал, еще не получены). Может быть, это и к лучшему. так как на праздники поработаю больше. Зато досадно, что мы не можем встретиться в Крутах '% Не грусти, скоро увидимся.

Твое последнее письмо очень обрадовало меня: я очень хотел, чтобы ты поправилась за свои каникулы, отдохнула. Ты не сердись, мое сердце, что я в письмах не сообщал тебе некоторых деталей местных. Я думал, что о погоде и пр. пишут тебе из дому. У нас все время стоит такая же теплая, даже гнилая погода, как и у Вас, санного пути нет и только вчера первый раз выпал маленький снежок и с трудом ездят на санях. Тепло, 1—11/* градуса морозу, хорошая погода для наших свиданий" а тебя нет.

Статистический] съезд в Москве состоится, вопреки всяким слухам. Едут Е. П.-ч, Михайлов, Попов⁷³ и, кажется, Иудушка⁷⁴-Я думал, что тебе и об этом писали.

Чувствую себя значительно лучше, воспользовался твоими советами и почти совсем здоров. Попрежнему работаю

9-303 12д

ежедневно, ничего, кроме газет, не читаю, никуда не хожу. Веду скромную, трудовую жизнь и думаю, что Шурочка похвалит меня за прилежание.

Хотелось бы, чтобы праздники прошли для меня радостно, чтобы хорошо работалось и ничто не мешало.

От души желаю, чтобы ты провела их весело, бодрой, здоровой.

Дети здоровы, принесли хорошие ведомости и веселы. Хотя есть недовольство, что я на долгое время потерян для них, занят.

Из твоего письма вижу, что раньше 30-го, в среду, мы не увидимся. Значит — так и условимся, в обычное время на нашем месте 30-го, а если нельзя будет, 31, 2, 3 и т. д., пока не увидимся.

Целую тебя, моя единственная, дорогая, милая моя подруга, мое ты счастье. Люблю тебя и хочу, чтобы и ты меня любила. Еще и еще обнимаю и прижимаю крепко к сердцу. Дай губки.

Твой.

221.

19. V 910. По дороге в Одессу в вагоне7'.

Мой Шурок, милый, любимый! Пять дней пробыл в Киеве и все время проболел, возился с врачами, было очень скучно, досадно и не хотелось даже тебе писать. Уже на пароходе я расхворался (гастрическое заболевание), а в Киеве первый день лежал даже в постели. Теперь мне лучше и я уехал в Одессу. Сегодня в 3 часа дня буду на месте, а в

пятницу уезжаю дальше. Как невесело, скучно, с чувством досады провел я эти дни в Киеве! Врачи (специалисты) огорчили меня, нашли у меня болезнь сердца, запретили много приятных вещей: волноваться, купаться, много ходить и утомляться. Но, конечно, я не очень послушен. Лишь бы только очутиться мне на воле, вырваться из объятий вагонов и пароходов — забуду о всех болезнях. А уже хочется. Все таки в Киеве сутолока, возня, много людей, давно видели меня, каждому хочется что-нибудь оторвать от меня, что-нибудь рассказать мне свое — получается угарное настроение. Нет, скорее на свободу, в одиночество, к природе. Может быть, после этого опять захочется сутолоки.

Ш

А меня в Киеве утомили. Таким вниманием, такую заботливостью окружили меня, столько сердечности, чуть не самопожертвование, что, право, приходится верить в людскую доброту. Конечно, это трогает меня, но все это я охотно отдал бы за твой один ласковый взгляд, за одно доброе слово. Все время думаю, как ты переносишь разлуку и хочется, чтобы она прошла для тебя легко. А мне уже не легко, что же будет дальше? Более чем грустно, что я получу твои письма не раньше 1-го июня, т. к. едва ли раньше доберусь до Капри. По дороге буду писать и от тебя жду побольше. Не скучай, моя детка, но и не забывай меня, помни своего друга, который на всю жизнь хранит твой милый образ в своем сердце, любит тебя. До следующего письма, моя радость. Обнимаю и целую без счета. Пиши мне подробно о себе.

Еще целую.

Твой.

222.

20. V 910— Одесса.

Пишу 2-е письмо, мой милый Шурок, но буду краток, т. к. я еще не на свободе, мне мешают, кругом люди. Уже с утра меня заманили к знакомым на дачу, верст 15 отсюда лошаадьми, над лиманом; едва к 12 час— ночи возвратился, устал и опьянел от воздуха, едва держу перо в руках.

Завтра в это время далеко буду от Одессы, т. к. в 4 часа итальянский пароход Ёеуопго покидает порт и я не смогу раньше написать тебе как из Константинополя. А завтра много работы, надо побывать у турецкого консула, разменять деньги на турецкие, греческие, итальянские. Сделать мелкие покупки.

Чувствую себя очень неважно и это меня тревожит. Плохо в дороге болеть, но, авось, все будет хорошо.

Сейчас я очень плохой имею вид, похудал, потянулся, невесел и наверное не понравился бы тебе. Но ты не беспокойся. Врачи обещают, что Капри поправит меня больше, чем всякие лекарства. Да и я надеюсь на это. От тебя тоже много зависит. Если будешь помнить обо мне и почаще писать, я не буду так одинок, мне будет веселее и легче будет разлука.

Мысль о тебе и сейчас согревает мне сердце, это лучшее лекарство больному сердцу.

Целую тебя мысленно много, много раз, а твою фотографию прижимаю к сердцу и опять чувствую облегчение.

Деточ; <a, боюсь, что мои первые письма не удовлетворят тебя. В голове у меня как-то пусто, впечатлений почти не воспринимаю; мне легче будет писать, если ты сама наметишь, что тебя больше интересует. Это — пока; потом, восстановив равновесие, я и сам сумею выбрать из окружающего наиболее интересное и важное. А сейчас — усталость, усталость и усталость.

И даже безразличие какое-то. Не думаю, чтоб диагноз врачей (они, кроме того, что мучили меня осмотром, еще составили консилиум) обескуражил меня. Не скрою от тебя, что болезнь моя серьезна: у меня порок сердца и астма на сердечной почве. Я все думал, что только нервы, а вышло нехорошо.

Известие это я принял совершенно спокойно. Ведь это в тысячу раз лучше, чем какая-нибудь чахотка. С плохим сердцем все таки можно жить хорошо. Однако, довольно о себе. Мне хочется знать о тебе побольше, но это будет не скоро; ты же все время пиши, не огорчай меня молчанием и люби попрежнему, как я тебя люблю, ^^в^

Поцелуй меня на дорогу. Дай твои губки и глазки, мои любимые глазки. Будь здорова, Шурочка. Еще целую и обнимаю.

Твой.

223.

23Л' 010. Константинополь.^^ ^^г

Голубка моя! Все время ты стоишь перед моими глазами, как я видел тебя на последнем свидании и теперь грустно мне, что так мало целовал тебя. Впрочем, мне всегда мало; но этот же раз перед разлукой — и совсем горько было короткое свидание.

В последнем письме, из Одессы, я, кажется, огорчил тебя своей болезнью. Теперь мне гораздо лучше. Как только сел на пароход (итальянский, Беуопго), сейчас почувствовал себя превосходно. Море спокойное, голубое, пароход идет, как паром, спокойнее, чем речной. Я уже двое суток на море, сегодня утром приехал в Константинополь. Что за чудный город! Такую красоту не легко отыскать. С обеих сторон Босфора чудные дачи по горам, сады, кипарисы; дома такой причудливой восточной архитектуры, что кажутся кружевными,

сотканными из мрамора. Константинополь — лес минаретов, мечетей и дворцов. Утром я взял себе проводника и отправился на берег (пароход наш остановился на море, на рейде).

Сначала я побывал в европейской части города, на Пера; грязная, узкая улица, смесь Европы и Азии, экипажи и ослы, цилиндры и арабы в белых одеждах, негры, турки, дервиши, персы, армяне, греки, все это пестро, красочно, в национальных костюмах. Блестит роскошный магазин и рядом издает чад жарящееся на улице мясо баранье. Поскорее отсюда! Надеваю феску (купил) и отправляюсь в Стамбул, в старый мусульманский свет, где поражает своим величием Ай-София. Хотя я не однажды видел ее, тем не менее производит на меня сильное впечатление своей грандиозностью, чудными мозаиками, архитектурой. Оттуда еще по мечетям, а затем в старинную кофейню. Ложусь на диван, подают мне сладкий ароматный кофе, горящий уголь для папирос. Лежу и наблюдаю эту своеобразную азиатскую жизнь, при чем делаю приятное открытие, что я еще не забыл турецкого языка⁷⁶, чем вызываю удивление правоверных. После обеда отправляюсь на маленьком пароходе вдоль Золотого Рога за город, взбираюсь на окраине, где нет уже домов, на верхушку горы, покрытой надгробными памятниками и люблюсь такими видами, каких обычный турист, толкущийся в центре и боящийся забираться так далеко за город, никогда не увидит. Вечером — домой, т. е. на пароход. ^

Здесь у меня общество небольшое. Грек, старый и малоинтересный, красивейшая итальянка с двумя чудными девочками— Эльза и Норина — и еще несколько французов и итальянцев. Ближе сошелся с итальянкой — синьора Бианка и с капитаном — симпатичный, любезный итальянец. Синьора так ухаживает за мной, кормит меня, развлекает— Мы едем вместе до Неаполя.

Кончаю. Постараюсь написать из Салоник еще или из Афин. Как-то ты поживаешь, мое сердце, любишь ли меня по-прежнему. Хотелось бы услышать хоть один раз — люблю. Пиши мне. Целую и обнимаю тебя так крепко, как люблю.

Твой.

224.

27.V 010.

По дороге из Салоник в Афины.

Дорогая моя, милая, любимая! Вчера не успел написать тебе, т. к. весь день ушел на осмотр Салоник. Еще по дороге я любовался величественным,

но диким Олимпом, покрытым вечными снегами, но с тех пор, как боги покинули Олимп, там уже никто не живет, а я и богам не завидую, настолько сурова и дика природа этих красивых гор.

Салоники — большой торговый порт, где восток опять перемешан с Европой. Здесь столько национальностей, сколько их есть на свете, везде звучат языки всего света, костюмы и цвет кожи пестры, как стеклышки калейдоскопа. Сажусь на электрический трамвай и отправляюсь на конец города, где в отдельной вилле живет бывший султан Абдул Гамид. теперь пленник нового режима. Мрачный, серый двухэтажный дом среди парка, кругом белые стены, точно в тюрьме. Везде солдаты, не допускающие никого к воротам. Ставни ЕСЕ закрыты и я напрасно ожидаю увидеть в окне мрачную фигуру недавнего деспота.

В трамвае у меня завязалось одно из тех любопытных, подчас курьезных, знакомств, которые возможны только в пути. Я познакомился с местным богачем и фабрикантом—Фернандесом, который вызвался показать мне город. Это такой любезный итальянец, что я все время чувствовал неловкость, т. к. он не позволял мне малейших расходов—экипажи, кофейня, ресторан — все это он брал на себя. Впрочем, я ему очень обязан, т. к. увидел много интересного, осмотрел город,

старинный храм св. Софии, а особенно сильное впечатление произвела на меня мечеть, бывший храм св. Димитрия. Там такие чудные мозаики первых веков христианства, такие удивительные мраморные коллоны с ажурными капителями, что я пришел в восторг.

К вечеру я пригласил Фернандеса к себе на пароход, на обед и только в 11 часов расстались. Сегодня мы плывем в Афины. По дороге масса островов, высоких, диких скал, изредка покрытых снегом. Погода великолепна, море тихое и ослепительно синее. Отдыхаю. Так хорошо сделал, что поехал морем. Жалею только, что тебя нет со мной, моя голубка. Я уверен, ты была бы довольна. Пиши мне, по крайней мере, как поживаешь, что делаешь, любишь ли меня попрежнему. Я все тот же, твой верный друг. Живу воспоминаниями о тебе, о твоих поцелуях и ласках, к

с каждым днем все больше, все сильнее чувствую потребность в них.

Я здоров, забыл все предосторожности, все советы врачей. Море меня освежает и успокаивает. Будь здорова, мое сердце, не забывай твоего Муси...

Это письмо пошлю из Афин. Следующее — из Сицилии.

Целую.

225.

30.V ею.

По дороге из о. Крита в Сицилию-пароход "Беуопго".

Мой дорогой Шурок! Как видишь, я не забываю тебя, пишу каждый раз, как только представляется возможность послать письмо. На этот раз я пошлю его из г. Катанья в Сицилии.

По дороге я остановился в Афинах, обвороживших меня не только современной красотой, но и античными памятниками. Пароход наш остановился на рейде. Пришлось лодкой подъехать к Перею, мало интересному городку, расположенному на серожелтых голых холмах. Афины совсем скрыты ими со стороны моря. По железной дороге чрез полчаса я доехал до Афин, взял извозчика и, прежде всего, отправился за город, в Акрополь. Что за чудное зрелище! На высокой дикой скале высится стройный Акрополь, с сохранившимися до сих пор пропилеями Портеноном, храмом победы и другие чудные, величественные сооружения из античного мрамора. Внизу храм Тезея, древние греческие театры и пр. Вид с высот не поддается описанию. Вдали море, широкий амфитеатр холмов и справа весь город, как на ладони. Просто жутко попирать ногами эту землю, видевшую жизнь древних героев, замечательных людей.

Чувство это я не могу тебе передать в коротких словах.

Из Акрополя я отправился осматривать город, прекрасный, светлый, красивый и уже европейский город. Солнце здесь ослепительно-яркое, белый и желтый мрамор так сияют, что больно глазам. Особенно красивы здания университета и академии, в античном стиле с дорическими и ионическими колоннадами, с наружными стенными фресками на золотом фоне. Много построек в стиле барокко. Улицы (широкие, мощенные асфальтом) — обсажены все мимозами, любимым деревом в Афинах. Вообще здесь много садов, а черные кипарисы особенно подчеркивают сияющую белизну зданий. В Афинах, к сожалению, провел я всего 8 часов, т. к. пароход стоит здесь недолго. На другой день утром, после ряда островов Архипелага, пристали мы к берегам о. Крита, у г. Канея. Это опять восточного характера городок. Дом высится над домом, везде мечети и минареты, фески, чалмы и живописные костюмы греков-критян. Но здесь мы стоим едва 5 часов. Теперь мы в открытом море и 48 часов не увидим земли. Первая остановка завтра в 11 часов утра в Сицилии, в г. Катанья. Отсюда я думаю сделать прогулку в Теормини, прекрасный уголок Сицилии. Езды

по железной дороге всего 2 часа, значит— успею. Ночью мы выедем в Мессину. Но довольно о путешествии.

Чувствую себя недурно, отдыхаю, весь день на солнце, загорел, сплю не только ночью, но и днем. Ем много, т. к. кормят отлично, дают больше, чем нужно. Капитан по знакомству отвел мне отдельную каюту, чем вызываю зависть пассажиров. Скучно только, тоскливо без тебя, моя любовь. Если бы хоть минуту даже плохого твоего настроения, я уже был бы счастлив. Пиши о себе. Еще 4 дня и я б. м. буду иметь письма от моей любимой деточки. Не забывай.

Люблю тебя, обнимаю и целую.

Твой.

4.VI 910. Capri. Hôtel Roya!, X? 26.

Дорогой Шурок, я уже на Капри, как видишь. Доехал хорошо, устал меньше, чем в прошлом году, чувствую себя не плохо. Теперь пиши уже по адресу Hôtel Royal, Кя 26.

Занял я комнату на первом этаже, без лестницы, прекрасно обставленную, большую и светлую, с отдельной террасой яа море, декорированной бамбуковыми кустами, агавами и цветами. Терраса мраморная и такая большая, что я гуляю по ней, а после обеда нежусь в удобном раздвижном кресле. Но эти удобства заставляют меня лишний раз жалеть, что я один, что тебя нет со мной. Вечно в зеркалах отражается все одна и та же моя надоевшая мне фигура. Но, в общем, я доволен готелем, хотя плачу в этом году дороже... на 17 коп. в день (лучшая комната). Кормят настолько хорошо, вкусно, красиво и гигиенично, что нельзя желать ничего лучшего. Все здесь прекрасно, все удобства, электричество, ванна, чистота и спокойствие. Думаю, что отдохну и поправлюсь. Здесь прохладно, часто идут дожди, но Капри в полном цвету и роскоши. Осмотрел близкие знакомые места и пошгл к

Горькому. Здесь встретили меня как родного. Мы так долго целовались и обнимались, что даже наскучило. Боюсь, что это знакомство нарушит несколько мой покой— У Горького гостит писатель Пятницкий и еще один грузинский писатель. Сегодня я обедаю у них. Вот мои первые впечатления. Теперь расскажу о двух днях, проведенных в Сицилии (последнее письмо мое ты получила из Катаньи). В Катанью мы прибыли в 7 часов утра. Я сейчас щ§ объехал город, побывал в знаменитом парке Villa Bellini и осмотрел собор, где похоронен композитор Беллини ту, его памятник, развалины древнего гре-ческого театра, побывал и в новом и в старом городе, а потом на вокзал и по железкой дороге поехал з Теормину, куда надо ехать 2 часа, а потом еще 1 час на извозчике. Дорога все время восхитительна, с одной стороны Этна, с другой — море. Везде потоки застывшей лавы разных времен, но в большинстве старой, разработанной и сплошь засаженной апельсиновыми и лимонными розами, точно волной залившими все берега. Идет как раз сбор лимонов и воздух насыщен их ароматом. В садах целые горы лимонов, везде песни рабочих. Проехавши 5 — 6 станций, вылез я на ст. Giardini-Taormina, пообедал по сицилийски с прекрасным местным вином и сырами, взял экипаж и поехал в горы, все выше и выше по дороге петлями, на каждом повороте открывавшей все новые величественные виды. Везде масса дорогих отелей, где проводят зиму американцы, германский император и проч[ая] шваль, извини за выражение. Теармина действительно один из прекраснейших уголков Сицилии. Здесь я осмотрел развалины греческого театра, громаднейшая и прекраснейшая постройка, насчитывающая 500 лет, затем готель S.-Dominico, переделанный из католического монастыря, с чудными залами, резьбой, мраморами, садами и древними картинами. Это не наши монахи, грязное, невежественное племя, а культурные люди с удивительной любовью к искусству и древности. Насмотревшись и налюбовавшись вдоволь, поехал я обратно и к V'2 восьмого был уже на пароходе, к обеду. После обеда, весь вечер, провел в Катаньи, интересном своеобразном городке, вторым после разрушенной Мессины. В 12 часов ночи мы отплыли в Мессину, а в 7 ч. >тра были уже там. Какая картина! Всю жизнь не забуду. Весь город—развалина. Улицы загромождены камнями и всякими предметами, под которыми и сейчас

похоронено 40 тысяч человек. Везде торчат расколовшиеся стены, готовые обрушиться на голову, обнажая внутреннюю часть домов с оставшейся мебелью и посудой, с занавесами на окнах, картинами и украшениями. Некоторые здания — груда обломков, где удивительно спрессованы камни, доски, вещи, люди. Идут сейчас раскопки. На горах из муссора сидят городовые. Но вот видишь, как городской встает и делает под козырек: это отрыли человеческое тело. При мне извлечена была какая-то женщина. Сначала из-под камней оторвали голову и положили в таз. Потом одну руку и другую. Потом вытянули рубахи, а затем наполовину сгнивший корпус. Я уже не смотрел. Пошел далее, по улице-кладбищу. Но вдруг — ужас. Почва заколебалась подо мной, развалины двинулись, раздался треск. Землетрясение. Оно продолжалось один момент, секунды 3—4, но люди онемели. Прошло — и все попрежнему. Я думал, что уже конец мне. Упрямые люди строят на ряду с разрушенными домами смешные двухэтажные деревянные домики, живут в них и торгуют. На улицах движение, но в глазах у всех ужас, женщины в глубоком трауре; мужчины все в черных галстуках. После осмотра развалин отправился я в новую Мессину, отстроенную за старой, на конце города. Все здания построены на пожертвования различных народов и представляют ряд маленьких одноэтажных деревянных домиков, тонких, без окон и неудобных, напоминающих коробки из-под макарон. Как здесь живут, как не ссорятся в этой тесноте, где слышно, что делается и говорится у десятого соседа — не знаю. Поселок напоминает наши военные поселения, все домики одного типа, вытянулись в одну линию, как солдаты на учении. Готовят еду на улице, на жаровнях. Теснота и скученность '9. В 5 часов дня мы отплыли в Неаполь, т. к. началась буря. Всю ночь качало невероятно, на пароходе стоял стон и плач. Я не боюсь морской болезни и буря внесла в мое путешествие только приятное разнообразие. Но довольно на сегодня, я верно замучил тебя длинным письмом, хотя о виденном мог бы написать очень много. Как видишь, я не боялся новых стран,

подобно нашим пассажирам, и поэтому видел больше, чем другие.

Голубка моя! Получил я сегодня 2 твоих письма, от 22 и 27 мая. Спасибо. Твоя заботливость обо мне тронула меня очень. Я дорожу твоею любовью и тебя тоже люблю от всего сердца. Послушаюсь всех твоих советов, а ты исполни мою просьбу, не скучай, развлекайся, пользуйся летом, но мне все же пиши. Я очень тоскую по тебе. Береги свое здоровье. Целую тебя тысячу раз и обнимаю крепко и горячо, мой единственный друг. Еще и еще целую.

Твой.

227.

mi 910. Capri, Hotel Royal, № 2G.

Дорогая деточка, я что-то перестал получать письма от тебя. Было до востребования только два и больше ничего. Маловато. Начинаю беспокоиться, здорова ли ты, не случилось ли чего. Поневоле становишься мнительным, когда жизнь наша так беспокойно течет, вечно что-нибудь чуждое ей и ненужное вторгается.

Все четыре дня на Капри, которые я здесь прожил, уже прошли недурно. Больше всего, три дня кряду, провел вместе с семейством Горького; гуляли, удили рыбу и говорили, говорили без конца на разные литературные темы. Ходили даже в гости вместе. Я, признаться, несколько избегаю частых посещений Горького — все таки после них чувствуется усталость, как после всякого нервного напряжения. Сегодня уже не пошел, хотя и получил приглашение на чай, а это заманчиво здесь, т. к. хорошего чаю нигде не дают. За то целый день гулял, лежал у самого моря, так что оно обрызгивало мне лицо, взбирался на горы, нарвал букет дрока — целый шар ароматных желтых цветов, которыми в это время покрыт остров. Но, в конце-концов, устал порядочно и сейчас, хотя еще всего 9 часов вечера, глаза слипаются. Ты, верно, не одобряешь меня за такую праздную жизнь. Но дай срок, отдохну и

возьмусь за работу. Хочу заняться итальянским языком и сделать записи своих впечатлений от Капри, быть может пригодятся для работы.

Прошлою ночью ты очень странно снилась мне. Будто я возвратился уже из заграницы и сижу на крыльце в бюро. Ты тоже там сидишь вместе с другими. Ты вся в белом, лицо у тебя удивительно белое, без кровинки и у рта две глубокие болезненные складки, видно, что очень страдала. И когда я взглянул на тебя — я сразу вспомнил, что за все время моего отсутствия я не написал тебе ни строчки и совсем забыл тебя; вспомнил, что я раньше срока пришел на службу, что ведь еще продолжается мой отпуск. Вообще твой вид сразу возвратил мне память, которая совсем было изменила мне, так что я все время был как бы в забытьи. Очень неприятный сон. Казалось бы — каприйское солнце и голубое море должны бы стереть впечатление от сна, а он, как на зло, гляди и вспомнится.

Однако перехожу к действительности— Меня угнетает, что

я так мало знаю о тебе — почему ты не пишешь? ()

Ведь я написал тебе уже не менее десятка писем, а от тебя едва 2.

УЮ ТЄОЯ К|

Чувствую себя не плохо, но еще не совсем хорошо. Пока приду в равновесие душевное и физическое, минет еще несколько дней. Пиши, голубка. Не забывай, что тебя любят, тоскуют, скучают по тебе и каждое твое слово приносит облегчение. Будь здорова. Целую тебя крепко, как люблю и обнимаю еще крепче.

Твой.

8.VI S10. Capri. Hôtel Royal, № 2Q.

Милый Шурок, целую тебя! Вчера получил твое 3-е письмо и пришел в ужас: ты представляешь себе меня таким больным, что хоть в гроб клади. Ну, дело еще не так плохо обстоит, чтобы мне даже любить тебя нельзя было. Конечно, все мне можно, лишь бы не злоупотреблять. Я, положим, сейчас не пью вина и кофе, но это только потому, что в моем отеле вина не дают (это исключительный отель), надо покупать каждый раз, а кофе я заменил какао, который здесь удивительно вкусно готовят. Вот и все. При случае буду пить и вино и кофе, а любить не перестану никогда.

Вообще, не надо преувеличивать, друг мой. С каждым днем чувствую себя лучше, бодрее, начинаю понемножку присматриваться и заносить впечатления в книжку. Пригодятся. Больших усилий стоит мне отстаивать свое одиночество от добрых знакомых, но, все таки, не всегда удастся. Вчера, например, после обеда я думал совершить прогулку на

Анакапри, но мою комнату вдруг наводнили, взяли меня в плен и увлекли на лодку удить рыбу. Провел, впрочем, время хорошо, морской ветер освежил меня.

Температура "у нас" умеренная, совсем не жарко, в тени едва 17°, с моря легкий бодрящий ветерок. Теперь чудные лунные ночи. Ты не знаешь, что это такое лунная ночь на Капри. Напрасно описывать. Это волшебно, это сон, а не действительность. Вообще же красота умопомрачительная и чем больше всматриваюсь, тем больше начинаю любить этот уголок земли. Очень может быть, что я последний раз здесь, поэтому мне дорог каждый камешек на Капри. На следующий год, если буду жив, а жив-то я буду непременно, поеду — в Африку, в Египет, но уже, конечно, с тобой. Один не хочу. Так и знай и готовься к путешествию.

Что-то меня не радуют планы твоего братца. Столько их было, что я изверился. Так мне и кажется, что мама твоя будет сидеть на месте, что все надежды на твое освобождение из плена домашнего — останутся только надеждами, как это было уже неоднократно. Впрочем, нет, хочется мне верить, что в предстоящую зиму мы будем иметь кров. Только ты, голубка моя, пораскинь умом, напряги всю твою практичность, дальноркость и умение и устрой так, чтобы из одного плена не попасть в другой, чтобы Зина не мешала нам. Знаю, что трудно, но стоит постараться.

Хорошо, что ты выходишь в свет, гуляешь. Развлекайся, мое сердце, поправляйся, возьми отпуск, используй мое отсутствие, ведь было бы невыносимо, если бы я тебя не застал, если бы наша разлука продолжалась на счет твоего отпуска. Пиши мне, моя единственная, дорогая, милая и любимая Шурочка!

Как беден человеческий язык, как мало нежных слов, которые мне хотелось бы сказать тебе. Вкладываю всю любовь и всю нежность в поцелуи, которые и посылаю тебе.

Обнимаю. Твой.

229.

10.VI 910, Capri.

Дорогой Шурок, сегодня получил твое письмо от 5 го. Как медленно идут письма! Пишешь, что отвечаешь на мое письмо из Афин, а это, бог знает, как давно было и сколько уже писем я написал тебе с тех пор!

Боюсь, что мои письма мало дадут тебе интересного, особенно с Капри. Здесь у меня тоже мало впечатлений, по крайней мере я стараюсь, чтобы их было возможно меньше и для этого избегаю общества, хотя это удается мне с трудом. День я свой располагаю (если

удается нормально прожить его) таким образом: встаю в 7 или 6^{1/2} завтракаю и отправляюсь сейчас же гулять. Лежу где-нибудь над морем и[ли] взберусь на высокое место, в живописный уголок, лежу, наслаждаюсь, думаю, порой записываю в свою книжку наблюдения над природой, изредка читаю. Здесь у меня под руками роскошная библиотека (у Горького). Так проходит время до 12^{1/2}, когда завтрак. После завтрака пишу письма (это очень тяжелая обязанность, т. к. кроме писем, которые мне хочется писать — именно тебе — приходится отвечать знакомым. А они меня и здесь нашли, так что ежедневно пишу не менее 5). В 3 часа опять отправляюсь уже в далекую прогулку, часа на 4—4^{1/2} до обеда. После обеда опять гуляю, потом в 10 или 10^{1/2} иду спать. Впрочем этот нормальный образ жизни, наиболее полезный для меня, часто нарушается приглашениями в гости. Вообще ожидают интересных гостей, о которых напишу тебе. Здоровье мое постепенно улучшается, я уже лучше хожу, меньше задыхаюсь.¹

Зачем ты пишешь, что мои впечатления отдаляют тебя от меня? Мне это неприятно. Ведь среди моих впечатлений, как бы они не были интенсивны, ты, неблагодарная, все же всегда и везде занимаешь первое место. Это уже нехороший пессимизм у тебя; он дошел до того, что ты начала сомневаться, захочу ли я видеть тебя по приезде домой. Нехорошо, Шурок. Я, кажется, ничем особенно не провинился перед тобой и не заслужил такого обидного предположения.

Ну, вот. Так и не дали окончить письма. Пришли и увлекли на море удить рыбу. Представь себе — и я ужу. Сначала мне было совестно подсекать клюющую рыбу, ей это больно, а теперь озверел и вхожу в азарт. А рыба здесь! Мы собираем букеты, а не рыбу, настолько она ярко, удивительно пестро и сказочно окрашена. После уженья поели ухи и засиделись до 12 часов ночи. Литература, литература и литература. Мой отельный хозяин сердит, что я где-то обедаю вне отеля. Завтра или послезавтра Горький будет читать мне свою новую пьесу, котор[ую] он написал для немецкого театра⁸⁰. Интересно.

Напишу тебе. У нас с ним устанавливается тесная дружба, мы

полюбили друг друга. () Целую тебя, голубка моя,

мое счастье единственное> любимая моя Шурочка.

Твой Муся.

230.

12.VI 910. Capri. Hôtel Royal, № 26.

Уже два дня нет от тебя писем, дорогая моя. А они как раз наиболее пригодились бы мне, так как уже второй день у меня скверное настроение. Не хочется никого видеть, не хочется гулять. Прекрасно знаю, что все это пройдет, что опять я буду наслаждаться природой и хорошими людьми, но сейчас скверно, тоскливо и мрачно. Твое письмо сразу бы подняло настроение, но его нет. Право, я думаю, что я больше люблю тебя, если только можно вывести такое заключение из сравнения количества получаемых и посылаемых писем.

Рекомендую себе терпение, но остаюсь в скверном настроении. Вчера меня звали на Анакапри, на праздник Ивана Купала (S.-Giovani), здесь он обставляется очень торжественно, декоративно, с ношением грубо размалеванных идолов, с массой цветов, музыкой, процессией, пением и т. п. атрибутами религиозных торжеств итальянцев, видящих в религии прежде всего забаву, развлечение. Но я не пошел, остался у себя в комнате, наедине с книгой. Сегодня тоже никуда не хочется, разве насильно вытянут. А тянут. Сосед по готелю —ученый доктор зовет на какой-то сеанс удивительного гипнотизма; какое-то польское семейство из Герцоговины, узнав мою фамилию, жаждет познакомиться со мной, т. к. это мои поклонники, читавшие меня в польском переводе, и дама все ахает от восхищения и просит познакомиться с ней. Но бог с ними. Скучно. Больше всего меня прельщает перспектива работы. Хочется сделать как можно больше записей, собрать возможно больше материала, ведь все это пригодится. Я в этом отношении — Плюшкин⁸¹.

Все хочется собрать целую кучу наблюдений. Но для этого нужно спокойствие, душевное равновесие, а его все нет и нет.

Одна встреча с тобой, один твой поцелуй, одно слово — "люблю" —ах как бы я возродился, как посвежел! Хоть пиши почаще. Странно: я только что приехал, а уже мечтаю о возвращении. Не знаю еще — поеду ли в Стокгольм или Карпаты

() — и туда и сюда зовут, хочется побывать и там и там,

но ведь это несовместимо, т. к. пути разные. Посоветуй. Ты умница моя, ты всегда хорошо советуешь, если захочешь, конечно.

Как-то ты поживаешь, мое счастье, хоть бы одним глаз-

ком взглянуть. Когда берешь отпуск и уезжаешь? Ты ничего

не пишешь о своих планах — и это огорчает меня, дружок.

Досадно будет, если твой отпуск совпадет с моим возвраще-

нием, тогда разлука протянется, а это невыносимо. Я пропа-

даю, буквально, без тебя. Не хочу тебя упрекать, но как

было бы хорошо, если бы у тебя была смелость поехать со

мною за границу. Не ежечасно, а ежеминутно я представляю

тебя рядом с собой и все представляю себе, как бы я за-

ботился о тебе, что бы я показал тебе, как бы мы разде-

ляли с тобой восхищение и все радости прекрасной земли.

Молчу. Чувствую, что ты сердишься и чтобы не дать тебе

наговорить мне много неприятных слов—закрываю твой ротик

поцелуем. ()

Твой Муся.

14.VJ 010. Capri.

Дорогая, милая, любимая моя, как ты потревожила меня своею грудною болью! Быть может, это нервного характера, а, быть может, и что-нибудь другое. Во всяком случае, если еще не прошло, обратиться к врачу. Прошу тебя об этом во имя нашей любви, для моего спокойствия, наконец. Береги себя, голубка; от твоей боли и я почувствовал боль и сейчас у меня болит грудь. Целую тебя в больное место, целую с любовью и полным желанием помочь тебе. Но помогут ли поцелуи на расстоянии?

Посылаю тебе цветок из целого куста, круглого, горячего и солнечного, как само солнце. Я его целовал, мысленно целую тебя, моя любимая, моя красивая, обаятельная Шурочка.

Счастлив, что часто вижу тебя во сне и хоть во сне ласкаю тебя. Ничего мне не надо так для хорошей жизни, для удачной работы, для счастья — как твоих поцелуев и объятий.

Не смейся надо мной, я говорю правду.

Я, .моя детка, берегусь и забочусь о себе, но люди портят несколько мои заботы и подчас чувствую усталость. Я рано встаю, привык уже и когда поздно приходится ложиться,

чувствую, как это нездорово. Вчера засиделся в гостях. Горький читал мне новую свою вещь, веселую драматическую вещицу⁸⁰, а потом рассказывал эпизоды из своей жизни. Он такой удивительный рассказчик, что я заслушался и незаметно просидел до 1 часу ночи, а лег в 2. Сегодня чувствую усталость.

Утром отправился я на берег моря и, сбросив с себя одежду, лег у самой волны. Но и здесь не было у меня спокойствия. Из воды вылезла дама, в более чем откровенном костюме, и с криком — Вы такой-то! — подает мне руку и садится рядом. Я не привык к такой удивительной интимности, к такой простой близости полов, но здесь это принято. Оказывается— это и есть та самая полька (польская писательница), которая так жаждала познакомиться со мной. Начались разговоры о польской литературе, она все время восхищается моей книжкой*2, я скептически отношусь к этой экзальтации и помалкиваю, но оказывается, что дама читала меня хорошо, как следует, помнит все вещи и удачные места. Все это пустяк, но хуже всего, что она просит прослушать ее последнюю вещь, а это мне не улыбается, т. к. опять сиди в комнате и на людях. Подходит ее муж, врач из Герцоговины, знакомимся быстро, как это бывает на чужбине. Оба довольно симпатичны, молоды. Тут же завязывается знакомство с ан" гличанином и итальянским князем. В общем, я не люблю случайных знакомств, т. к. они растут, словно грибы. К нам присоединяется оперный певец, делающий концертное турнэ по Европе. Целое общество. Главное, оно посягает на мою свободу и уединение, которое для меня дороже всего. Ну, да бог с ними, как-нибудь отвяжусь. Боюсь, что мои описания мало интересны и утомляют тебя. Ты напиши мне, о чем хотела бы ты знать, тогда я буду выбирать темы своих писем и они будут более интересны. Голубка моя, не болей, не тоскуй, жди меня, помни, что все сердце принадлежит тебе, детка. Целую тебя. Целую и целую.

Твой Муся.

232.

16.VI 910. Gapri. Дорогая моя!

Не знаю, что со мной, но у меня прескверное настроение, с трудом даже пишу тебе. Может быть, это от усталости, т. к. я начал брать солнечные ванны. Лежу раздетый на берегу моря и греюсь, а потом чувствую усталость от чрезмерного обилия свежего воздуха и солнца. Надо будет сделать антракт. Кроме того, сегодня из дому получил письмо со странными намеками и с известием о болезни сестры. Что за намеки? Может быть, ты что-нибудь объяснишь мне. Получаешь ли ты все мои письма? Я пишу тебе отсюда аккуратно через день, по числам ты можешь установить, не пропадают ли мои письма. По моему расчету ты могла бы уже ответить мне на мое первое письмо отсюда от 4-го июня, а, между тем, почта ничего не принесла мне. Я беспокоюсь, думаю, представляю себе бог-знает что, а это вредит мне, сердце плохо действует от всякого неприятного волнения.

Напиши мне.

Как ты поживаешь?

Не сердись, что сегодня я ничего не могу написать тебе более интересного, не могу сосредоточиться. Какой-то туман в голове и апатия. Никуда сегодня не пойду, буду лежать у себя в комнате. Я слушаюсь твоих советов, берегусь, но бывают внешние обстоятельства, независимо от моих желаний действующие на меня.

Целую и обнимаю тебя крепко, моя деточка.

Следующее письмо будет большим и не таким беспорядочным. Не забывай твоего.

233.

21.VI 910. Capri.

Сегодня, моя дорогая, я успокоился, получив твое письмо, из которого видно, что ты получила мои письма с Капри. Мне казалось, что ты их не получаешь, что мы оторваны друг от друга и было мне так скверно, что я даже похудел за эти дни, не спал, не ел, вообще впал в меланхолию и в мрачное настроение. Теперь я доволен и спокоен, тем более, что здоровье твое поправляется. Прежде всего, отвечу на твои вопросы т. к. я действительно рассеян и могу опять забыть удовлетворить тебя.

1) Никакого ужаса в своих глазах от Мессины я не замечаю. Впечатление, правда, было интенсивное, но краткое, при чем я знал, что подобные толчки Мессина переживает чуть не каждую неделю. Почему ты думаешь, что я не пережил бы столько ощущений новых, если бы ты со мной поехала? Мы испытали бы их вместе.

2) Ванны мне можно брать и я уже начал купаться у себя в отеле. Ванная комната в моем коридоре.

3) На почту ходить мне не приходится, т. к. почтовый ящик у нас в отеле, затем другой в двух минутах от отеля; почта — в пяти минутах ходьбы. Я только однажды был на почте, где заявил, чтобы письма до востребования присылали мне в отель. Здесь все учреждения в высшей степени аккуратны и предупредительны. Почтовые чиновники, однажды увидав меня на почте, уже запомнили меня и считают своей обязанностью даже кланяться при встрече.

4) О. Капри невелик, но все же на нем могло бы поместиться с десяток таких городов, как Чернигов. Поселений здесь 2: Капри и Анакапри, населения в обоих насчитывают 5 тысяч. Но культура здесь, как в столицах, электричество, магазины, экипажи, мостовые (еще

лучше, чем в столичных городах, т. к. здесь полное отсутствие пыли). Железной дороги, конечно, нет, т. к. остров маленький, но подъемная железная дорога (фуникулер) от пристани на Капри все же есть. Все это элегантно, как игрушка. Вообще жизнь здесь обставлена не только удобствами, но и полным комфортом, невиданным в России. Благодаря тому, что население невелико и культурно, каждый, кто живет больше недели на Капри, становится известным городу. Здесь уже известно, что я писатель, а для итальянцев писатель (глИогe[?]) нечто священное, поэтому мне кланяются и тепло приветствуют даже незнакомые люди. Правда, как это необычно, если сравнить с нашими нравами?

Кажется, на все вопросы ответил. Теперь расскажу тебе о грандиозной рыбной ловле, устроенной Горьким специально для меня. В час ночи рыбаки закинули в море, на дно, на глубине 600 аршин веревку с крючками. Веревка такая длинная, что легла на дне на протяжении 5-5 х/г верст. В 6 часов утра мы были уже на море— на 3-х громадных баркасах. 10 рыбаков и наша компания начали вытягивать веревку. Море спокойно, как зеркало. Сначала начали попадаться морские звезды, ежи, летучие рыбы — ласточки, но вот видно, как серебряной змеей что-то извивается в воде и скоро вытягивают морского угря, величиной выше моего роста и толщиной в 2 человеке[ские] ноги. Он бьется и трепещет, но его оглушают железным крючком и бросают в лодку. Вот опять тянут рыбу-чорта, всю красную и странную, похожую на Мефистофеля в красном плаще 83. Затем опять угры, рыба-черт и др. удивительные громадные рыбы. Наконец начинают попадаться небольшие, аршина по 1'а акулы. Мы тянем веревку непрерывно уже целых 4 часа и забрасываем лодку рыбой, при чем одна страннее и цветнее другой. Наконец, веревка рвется, что-то тяжелое порвало ее. Долго мучаются рыбаки и вытягивают чудовище-акулу, в 31/-* аршина, 9 —10 пудов весом. Она жива, не может только освободить рот от крючка и все старается перевернуть лодку. На нее накидываются, бьют ее железом, но она обдаёт нас брызгами, дышит тяжело и открывает рот с тремя рядами зубов, в котором с удобством могли бы поместиться две человеческие, даже дамские, в модных шляпах, головы. Самое удивительное у акулы — это глаза, громадные, без зрачка, зеленые,

ярко-зеленые и самосветящиеся, как драгоценный камень. Они кажутся такими глубокими, что из одного глаза можно бы видеть другой. Воображаю, какой ужас испытывает встречающаяся ей рыба, видя сияние этого глаза в морской глубине. С акулой 10 человек не могут справиться, ее поранили, но она жива. Ее привязывают, наконец, веревками в лодке, окутывают канатами, и мы плывем дальше. Шесть часов вытягивали веревку, весь баркас нагружен рыбой. В 12 часов заехали в грот и в дикой обстановке первобытных людей устроили завтрак. Пели песни, пили вино и торжествовали победу над акулой, привязанной к лодке, как пленник. К 7 часам вечера возвратились домой после целого дня, ярко проведенного на море. Потом я отправился к Горькому на обед, ел акулу (здесь их едят) и угрей и просидели до 12 ч. ночи.

Чудесная была рыбная ловля! Боюсь, что я утомляю тебя длинными письмами и поэтому кончаю, хоть мог бы еще и еще писать. Благодарю тебя, дорогая, за фотографии. Мне так приятно было увидеть тебя. Позволь задержать их несколько дней.

Самочувствие у меня сейчас поправилось, а было неважное. Люди утомляют меня письмами, приходится много времени терять на корреспонденцию. Будь здорова, не забывай меня, пиши чаще, хоть несколько слов. Не заботься о красоте писем, как это делаю я. Напиши, получила ли ты это письмо. Целую и обнимаю мою голубку крепко и сердечно.

Твой Муся.

М. К он ю (> м іі с іі к іі Гі на пляжі О. Капрі

23.VI 910. Capri.

Два дня не имел я от тебя писем, Шурочка, но сегодня непременно получу. Хочется верить в это, иначе настроение будет испорчено на весь

день. А надо, чтобы настроение было хорошее—сегодня чудная погода после двух дней бури и дождя. Было холодно, приходилось одевать пальто, а в холод я чувствую себя прескверно. Досадно, что все утро уйдет на прозу: заказал себе белый костюм, придется идти к портному на примерку, потом он ко мне, потом надо купить белую обувь и т. п. Словом — жестокая проза и не смогу взять солнечную ванну: чтобы ты видела как я их беру (пока в рубаше) — посылаю тебе фотографию. Место действия — *Piccola marina*. На первом плане — я (без объяснения, пожалуй, не узнаешь), в своей константинопольской феске. На заднем — немецкий художник с датской собакой; за датской собакой — польская писательница, за ней расставил ноги итальянский князь, далее — адвокат австрийский, лежит англичанин и стоит, заложив руки, американец. Целый зверинец, как видишь. Но главные действующие лица — солнце, море и скалы, все остальное только обстановка. Фотографию оставь у себя, если хочешь.

У меня был большой соблазн укатить сегодня с Капри на материк и дня два-три поблуждать вдоль неаполитанского залива при помощи железных дорог, пароходов и извозчиков по обе стороны Неаполя. Но чувствую маленькую усталость и поэтому отложил поездку на позже. А этот план очень улыбается мне, т. к. трудно представить себе что-нибудь более прелестное и интересное, как берега с чудными местами, с историческими памятниками и чудесами вулканов — Везувия, Сульфатори и Ипомео.

Вместо этого буду ловить рыбу (странно, что я превратился в рыбака) и греться на солнце над морем. На днях собираюсь с рыбаками на ночную ловлю (с огнями) сепии моллюска, из которого получают тушь — это очень интересно и я опишу тебе свою охоту.

Вероятно, все мои "занятия" напоминают тебе нечто первобытное и ты только пожимаешь плечами и говоришь: "однако". Ну, так знай же, что от этих занятий у меня уже слезла одна кожа со лба, а другая, надеюсь, еще слезет. Солнце здесь нешуточное.

Боюсь, что часто пишу тебе и, быть может, надоедаю своими однообразными письмами. Ведь, все таки, живется, в общем однообразно, больше для здоровья. Ты напиши мне откровенно, тогда я буду писать реже, но содержательнее. Тебе это удобнее, кажется.

А твоего письма жду с нетерпением. Хочется, чтобы ты поцеловала меня в нем (мне сегодня снились твои поцелуи). Будь здорова, голубка моя, не забывай меня, люби, пиши, что любишь, пусть это возможно чаще утешает меня.

Поехала ли уже твоя мама? Или это опять только беспочвенные планы? Пиши. Обнимаю и целую тебя, Шурок мой единственный, крепко.

Твой Муся.

235.

25.VI 910. Capri.

Дорогая моя! Получил я твое 9-е письмо. Пришло очень кстати, поправило настроение и я опять сегодня чувствую себя хорошо. Вчера весь день просидел у себя в комнате, погода была ужасная, дождь, холод, ветер. Писал письма знакомым — правильнее сказать отвечал на письма; и здесь нашли меня, и отсюда каждый требует чуть ли не немедленного ответа. В общем— я пишу ежедневно несколько писем, не меньше 4 — 5 и посвящаю этому занятию несколько часов. Подчас тяжело, особенно когда солнце греет и манит на простор, но ничего не поделаешь.

Прежде всего, отвечу на твои вопросы, чтобы не забыть: плачу я за комнату и полное содержание—71/2 лир в день. Это около 2 р. 70 к. Как видишь — очень недорого, если принять в расчет то, что дают мне за эти деньги. В сущности — здесь можно устроиться за 1 рубль в день очень удобно, даже дешевле, но ведь я позволяю себе роскошь.

Относительно планов на будущее еще хорошенько не знаю. Пробуду здесь еще 1 месяц, а потом думаю поехать в Швецию, в Стокгольм и оттуда на шхеры. Меня соблазняют

обществом А. Стрин[д]берга^{8*}, которое я могу иметь. ()

Путешествие в Стокгольм утомительно, это единственный минус. Все зависит от того, как буду чувствовать себя под конец своего пребывания здесь.

Интересно, что ты посоветуешь мне, я это всегда принимаю в расчет. Из дому пишут, что там все здоровы сейчас, недавно только болела сестра.

А с твоей мамой — я угадал, что никуда она не поедет и перспектива блужданий зимою опять перед нами. Да, нечего сказать, мы с тобой поистине "лишенные крова".

С сердечною болью отсылаю тебе твои фотографии. Так трудно было расстаться с ними, но ты просишь их обратно. Пришлешь ли ты свою фотографию мне, как обещала? Получила ли ты мою в предыдущем письме?

Возвращаюсь к своим планам. Из Капри я все таки (непременно) побываю в итальянских городах, на что уйдет дней 10—11. Буду в Неаполе, Риме, Флоренции и Венеции. Хочется попасть мне и в Вену. Если же поеду в Стокгольм, то заеду в Париж, Берлин и Копенгаген, а на обратном пути осмотрю Финляндию. Тоже интересный маршрут. Мне неприятно, что ты пишешь: одним все, другим ничего, подразумевая меня и себя. Голубка моя, как бы я хотел, чтобы это "все" досталось тебе именно, а еще лучше обоим нам, но при условии, чтобы мы оба были здоровы. С каким удовольствием я отказался бы от "этого всего", лишь бы быть здоровым. Не нарекай, голубка, твое еще впереди, я верю в это. Пока ж целую тебя и обнимаю без числа и так крепко, как люблю.

Не забывай твоего Мусю.

27. VI 910. СарН.

Спасибо тебе, дорогой Шурок, за письма. Вчера вечером опять получил твое письмо (от 20). Ты не сердись, что я хотел бы иметь их больше, это так естественно, когда находишься где-то за тридевять земель и тоскуешь по любимом друге. Я вовсе не хочу сказать, что я лучше тебя, чаще пишу, больше помню о тебе; не думаю и упрекать тебя, а просто у меня иногда вырывается естественный крик души, страдающей в разлуке. Не сердись же и ничего не думай дурного обо мне. Если я иногда и делаю сравнения, то только потому, что ты лучше меня вообще и я привык во всем видеть доказательства этого мнения, даже в переписке.

Промежуточный день между двумя письмами (вчера) провел я довольно удачно. Утром лежал над морем (если бы ты знала, как это хорошо, просто чудесно), после обеда ловил рыбу. Почти каждый день, часа в 3, моя комната наполняется людьми — это заходят ко мне Горький с семейством и мы вместе отправляемся на море. После рыбной ловли был я у Горького на маленьком балу, он принимал 54 учителей — экскурсантов. Были, между прочим, и украинцы, сделавшие мне маленькую овацию (что очень некстати в чужом доме) и заставившие меня говорить приветственное слово. Когда гости разошлись, мы набросились на газеты, а потом—слушай и удивляйся и возмущайся: я первый раз в жизни играл в карты! Каково? Научили меня какой-то оригинальной игре "в тетку" (конечно, без денег) и я "резался" до 1 часу ночи.

Игра сложная, головоломная, с математикой и рядом комбинаций, развивающих память. Поэтому я и позволил себя развратить. Но все же очень странно, когда солидные люди, жрецы литературы и жрецы философской мысли (были и такие) говорят "пас" или берут взятки. Смейся, Я тоже смеялся, в том числе и над собой.

Сейчас кончаю письмо и иду в гости к художнику Прохову. Меня так постоянно ангажируют мои знакомые, что я еще ни разу не был у Проховых. Тороплюсь ускользнуть из дому, чтобы меня не застали и не увлекли опять на море.

Ужасно досадно, что мои письма так однообразны. Ты, зерно, зеваешь над ними. А всему причиной этот удивительный остров, имеющий свойство поглощать у праздных людей все время. Ничего, кажется, не делаешь, а все некогда, все куда-то спешишь, все не можешь сосредоточиться. Хотя ты имеешь основания сомневаться, но все же я думаю, что мне удастся заполнить пробелы в письмах рассказами. До послезавтра, моя любимая, дорогая моя Шурочка. Целую твои губки, шейку и руки. Поцелуй меня. Не забывай меня, пиши, ведь уже скоро я начну странствовать и тогда ты не сможешь писать, т. к. трудно будет изловить меня. Еще и еще целую тебя, голубочка моя.

Твой Муся.

237-

ШШ 910. [Капрі.]

Дорогой Шурок, много заставила ты меня пережить своим последним письмом. Прежде всего я сильно встревожен твоим недомоганием. Неужели и у тебя сердце не в порядке — или это только нервность? Ты бы успокоила меня, если бы посоветовалась с врачом. Быть может, все это пустяки; если же нездорово сердце, то еще есть время бороться и побороть болезнь, нужно только обратить серьезное внимание на себя. Успокой меня, обратись к врачу. Возможно, что наша беспокойная жизнь всему виной, тогда это еще тяжелее для меня, т. к. вина падает и на меня, а этого я себе простить не могу. Ты предлагаешь о чем-то поговорить серьезно. Если чувствуешь потребность — говори. Я же серьезно могу сказать одно: люблю тебя. В этом вся моя программа, вся моя вина и все оправдание. Не знаю, мог ли бы я сказать больше при

всем желании. Разлука для меня (и для моей болезни, если хочешь) была бы тягостнее, чем такая жизнь, какую мы ведем. Думала ли ты об этом? Впрочем, я все предоставляю тебе, все будет зависеть от твоего желания. Я это всегда говорил, повторяю и теперь.

Ну, и зачем мы ведем эти грустные разговоры, не лучше ли радоваться надежде на встречу, на то, что, быть может, удастся нам лучше обставить наши свидания. Хотя мне не верится, что твоя мама уезжает и что вместо одного препятствия не встретятся два новых?

Жизнь научила меня осторожности и недоверию, этим двум врагам непосредственной радости. Но опять таки — все будет зависеть от тебя, моя дорогая, моя умница, и изобретательница. Старайся, сколько возможно, устроить все так, чтобы нам лучше было, удобнее. Впрочем, мне нечего напоминать тебе об этом, ты сама все устроишь лучше, чем я могу посоветовать.

Одна только просьба: позволь мне писать не по твоему адресу, а по адресу твоей подруги. Эта осторожность не мешает. В письме неудобно распространяться об этом, лучше расскажу при встрече. Конечно, буду писать и по твоему адресу, если ты напишешь, что иного нет.

В последние дни чувствую себя хорошо. Гуляю много (это не вредит мне, даже полезно, надо избегать только лестниц и крутых подъемов), записная книжка понемногу заполняется. Алексей Максимыч⁸³ завтра уезжает дней на 10, значит

буду это время относительно одинок. () Если хочешь,

я никогда не бываю одинок и в одиночестве никогда не скучаю. Природа дает так много, а в себе самом я нахожу неиз* сякаемый источник развлечений и интересов.

Человек в себе имеет всегда так много интересного, что хватило бы не на одну, а на несколько жизней, надо уметь только извлекать и пользоваться.

Читала ли ты мою последнюю вещь^{^*}? Впрочем — она разбита на 2 книжки журнала и пока не будет напечатано окончание (в июле) читать не стоит. А интересно, что ты скажешь. Хотел послать тебе в корректуре, но послать отсюда — это значит переходить чрез цензуру, которая задержит несколько дней. Будь здорова, моя голубка, береги себя, люби меня и думай о встрече, как я думаю с нетерпением. Целую и обнимаю горячо.

Твой.

238.

J.VII 910. Capri.

Милая! Ты все сердишься на меня, все подозреваешь, что я что-то утаиваю, не хочу говорить и т. п. Нет, моя голубка. Если не говорю чего, то разве мелочей. Мои подозрения основывались вот на чем: я очень долго не получал ответа на первые свои письма с Капри. Домой я написал позже, чем тебе, а ответ получил 2 раза. Между тем, мне пишут из дому, что не получили одного моего письма, так как я, вероятно, послал его по ошибке кому-нибудь другому (далее следует красноречивое многоточие). У меня было основание предполагать, что письма к тебе перехватываются (меня ничем не удивишь) и если я близко принял свое подозрение к сердцу, то не только из-за собственных неприятностей, но, главным образом, из-за твоих. Мне странно писать это, я все думаю, что ты не считаешь меня холодным эгоистом, думающим всегда только о себе.

Подозрения мои не оправдались, ну, вот и все. И поставим точку. Не надо думать обо мне очень плохо. На счет того, чтобы "расстаться", я

уже ответил тебе в предыдущем письме и ничего нового написать не могу. Хотя ты и успокаиваешь меня относительно своего здоровья, но я все же не успокоился. Очень мне грустно, что ты плохо выглядишь что ты переживаешь разлуку с мамой так тяжело. Я понимаю это и, сочувствуя, крепко целую тебя. Не скучай, голубка. Я почему-то думаю, что мама возвратится скорее, чем ты рассчитываешь. И вы опять заживете все по-старому.

Теперь несколько слов о себе. Самочувствие у меня не плохое. Знакомые говорят даже, что я очень поправился, глаза, будто, стали живее, бодрее, а усталость всегда у меня смотрит из глаз.

Веду жизнь попрежнему, весь день ничего не делаю и в то же время мне ужасно некогда. Как это случается — не знаю. Должно быть от лени и от того, что я стараюсь как можно меньше быть в комнате, я вечно на воздухе, на солнце. Похож я теперь на араба, чернотой перещеголял даже местных жителей, а белый костюм и красная феска еще более оттеняют загар. При встречах на меня оборачиваются.

Дней десять буду вести жизнь еще тише прежней, т. к. Горький выехал к своим детям в Геную и я остаюсь в уединении. Правда, молодое поколение обещало заходить ко мне, но я увильну как-нибудь. Все таки для меня тяжело часто быть в обществе. Три последние дня я, например, не обедал дома. Хозяин гостиницы даже в претензии на меня за это.

Спасибо тебе за известия. Я хотя и читаю газеты, но все же твои сообщения перечитываю с интересом. Очень хотелось бы мне, чтобы ты в письмах спрашивала меня обо всем, что тебя интересует. Боюсь, что многих вещей, обыденных для меня потому, что я уже сзыхся с ними, но интересных для тебя по новизне, я не отмечаю в своих письмах. Я охотно буду удовлетворять твое любопытство, только спрашивай.

У нас дома прибавление семейства. Мою тетю перевезли из Винницы и она поселилась у нас. Она очень стара и, как будто, не совсем нормальна, была в полном уединении у себя. Теперь поправляется.

Как же тебе живется в новой обстановке? Удобно ли? Не скучай только, мое сердце, помни, что я тебя люблю и живу надеждой на наши встречи. Целую тебя, дорогая. Обними меня заочно и подумай обо мне иногда немножко. Я буду счастлив от этого. Еще целую. Не забывай твоего Мусю.

239.

3.VII 910— Capri.

Дорогой Шурок! Что ты выдумала, будто пишешь мне часто что-то неприятное, злое, а я сержусь. Ничего подобного! Если ты бываешь иногда в скверном настроении и это

настроение отражается в письмах, я нисколько не удивляюсь и совсем не сержусь. Напротив, мне только бесконечно жаль тебя и всякий раз после этого хочется обнять тебя, утешить, успокоить. Ведь я знаю, какая ты хорошая, нежная и деликатная. Знаю это лучше, чем ты сама.

Обо мне не беспокойся. Я чувствую себя хорошо, солнечные ванны помогают мне. Скучно только беречься солнцг. Оно здесь предательское. Кажется ласковым, не горячим, а только зазеваешься, сейчас обожжет, сделает раны, которые трудно залечиваются и вызывают лихорадку, от которой так нездоровится, что приходится лежать в постели. Я берегусь, но все же сегодня так нагрело меня, что все тело горит и покалывает мелкими уколами. Но это ничего, ожогов нет. Я хотя не купаюсь, но моюсь весь морской водой, что очень приятно.

Досадно, что мне осталось жить на Капри еще 17 дней. 20 я выеду отсюда и ты имей в виду, что письма можешь писать сюда не позже 13-

го, если, конечно, бросишь 13-го письмо так, чтобы оно з тот же день пошло. Потом начнется для меня тяжелый, почти месячный, перерыв: я не буду получать твоих писем! Это ужасно. Писать тебе я буду, но ответа ты не успеешь дать, т. к. я все время буду в дороге.

Напиши мне еще раз, что я должен купить тебе на твои деньги. Золотой цепочки ты уже не хочешь. Если я не найду хрустальной, то что вместо нея: какого запаха духи? Пожалуйста, не забудь ответить подробно на эти вопросы и вообще пиши подробно обо всем. Я великолепно разбираю твои письма и все читаю без всякого затруднения. За то сам пишу неразборчиво, но, быть может, ты уже привыкла к моим каракулям. Беспокоит меня эпидемия холеры.

Ты, смотри, берегись, не употребляй зелени в сыром виде и часто мой руки. Прости, что я занимаю твое внимание такими мелочами, это от беспокойства.

У "нас* никаких эпидемий нет, да и вообще их здесь не бывает. Это одно из самых здоровых мест на свете. Здесь умирают только от старости — и то в январе. В другие месяцы, как здесь говорят, не услышишь похоронного звона.

Здесь сейчас не жарко, все свеж [о], точно весной. Как у нас?

ш

Будь здорова, мое солнышко. Целую тебя, любимая. Получаешь ли мои письма, а также получила ли мою фотографию (над морем).

Еще и еще целую. До следующего письма.

Твой.

240.

7.VII 910. [Капри.]

Добрый день тебе, сердце мое. Наконец получил от тебя известие, что мои письма сразу вместе дошли до тебя. Где они были? Не читает ли их кто-нибудь? Ведь это очень странно, что они так получаются. Я так беспокоился, что ты не получаешь моих писем, что три дня не писал тебе — зачем, думаю, писать, если не ты их читаешь, а кто-нибудь другой. Так было и в период от 16 по 21 — я тоже тогда не писал. На проверку выходит, что хотя со странностями, но мои письма доходят. Спасибо, что ты пишешь мне, какие письма получаешь, то есть от какого числа. За это время, если не считать понятного тревожного настроения, я чувствовал себя недурно. Брал солнечные ванны, гулял, отдыхал. Правда, солнце не совсем деликатно поступило с моими ногами и спиной, обожгло их так, что я вынужден был сделать перерыв но теперь опять все хорошо. Опишу тебе кратко местный религиозный праздник, который был здесь в воскресенье. Но прежде должен сказать, что религиозность итальянцев — не больше, как любовь к театру. Актерами являются попы. Каждый поп — это не больше, как актер, холостой бритый мужчина, который для успеха должен обладать голосом, даром слова, ораторскими приемами и умением исполнять свою роль в религиозных драмах и комедиях.

Празднество происходило над морем, в части острова, который называется Grande marina. К вечеру набережная вся украсилась арками, на вершине каждой — толстый нагой ангелочек, похожий на купидона, улыбался откормленному голубю, изображавшему св. духа. Арки убраны красной материей с золотой бахромой, а под каждой канделябр из старинного хрусталя на 6 ламп. В конце улицы была сооружена часовня, вся из красного шелка, золота и белых верхушек, вся уставленная цветами и растениями, а дорога к ней усыпана лимонными листьями. Посреди улицы эстрада для оркестра, убранная зеленью. На балконах вывесили кто что имел, летние и зимние одеяла (конечно, пестрые), кружевные мантильи, цветные платки, шарфы, ленты, даже клеенки со столов. Все время взад и вперед ходят по улице музыканты в красивых мундирах с малиновыми воротниками, в шапках, шитых золотом и

играют на своих трубах, кларнетах и барабанах. Под навесами— сладости, пряники, с запеченным внутри образком святого, четки из зерен орехов, чтобы и желудок не забывал молиться. Жители одеты парадно, везде на балконах синьоры без пиджаков и синьорины в тюлевых платьях декольте.

Но вот на скалах начинают трещать петарды, синий дым, красивый как море, которое плещется у самых ног, закрывает дома и из дыма появляется процессия. Впереди музыканты и певцы, затем несут громадное знамя, голубое в золотых цветах, достигающее 2-го этажа домов. Впереди 2 шнурка от вершины, его несут маленькие мальчики, сзади — 2 разрезные конца — опять мальчики. Затем попарно идут мужчины с толстыми восковыми свечами и между собой за руки ведут крохотных мальчиков в костюмах купидонов, амуров и др. фантастических]. За ними—девицы, масса девиц, все в белых кисейных платьях, с голубыми поясами, с серебряными медальонами на синих лентах, а голову и лицо покрывает им голубой газ. Каждая пара ведет за руки маленькую девочку в таком же костюме и в венке. Далее — дама несет меньшее знамя, тоже голубое, и 4 веревки от древка поддерживают 4 девочки. Затем целая толпа поющих женщин, а за ними 20 попов, в фиолетовых мантиях и пурпурных мантильях. Наконец шествует главный жрец, ведомый под руки двумя попами а над ним 12 человек несут такой балдахин, что можно покрыть им полострова. Дым вьется, петарды трещат, морс плещет, музыканты играют, толпа поет, попы режут и так они гуляют взад и вперед, а с балконов все время сыплют на них цветы, цветную бумагу и пр. Вот тебе и вся комедия. Вечером были фейерверки, петарды, музыка, вино и веселье.

Прости, что я так кратко и бледно описал тебе праздник так как спектакль все же был интересный.

Сейчас 4 часа, должен бросить письма и успеть сходить до обеда (обедают здесь в 8 ч.) на Анакапри, а это не близко. Вчера вечером от 5 ч. до 11 был на море. Остров при лунном освещении — поразителен, грандиозен, точно Миланский собор из резного белого мрамора.

Страшно эффектно свечение моря. От каждого движения весла, руки, волны —сыплятся тысячи, миллионы искор, точно ивановских светлячков и вода вся горит огнями, как небо звездами. Особенно интересны пещеры. На барке я и обедал.

Ну, будет. Целую тебя, голубка, и все время не перестаю жалеть, что тебя нет здесь со мной. Пиши мне, уж не долго буду получать твои письма. Еще и еще целую.

Твой.

241.

9.VII 910. Сарп.

Дорогая! Ни вчера, ни сегодня письма от тебя не было. Жаль, потому что не много писем придется уже получить мне от тебя, т. к. 20, т. е, через 11 дней, я уеду отсюда. Чувствую себя сравнительно хорошо, знакомые говорят, что я поправился. Да и я чувствую, что окреп и отдохнул. Иногда только люди злоупотребляют моим временем и нервами, пользуясь моей деликатностью. Так и вчера: у меня не только пропал чудный летний вечер, но я утомился также. Здесь живет редактор сборников "Знание"87 писатель Пятницкий-Он познакомил меня с каким-то молодым польским поэтом и пригласил послушать вчера вечером его поэму. После обеда, в 9 часов, я отправился — и увы! Что это было! Битых 4 часа терзал мой слух юный графоман своей поэмищей, своими жестокими чувствами и все уверял, что он перестал быть уже человеком, что он теперь бог, выше бога и что все, написанное им — гениально, что все великие поэты человечества — щенки перед ним. Пятницкому хорошо, он не понимает по польски и только таращит глаза, но я потел и варился и отдыхал только, когда этот "бог" требовал себе вина и пил, сколько влезет, конечно, за мой счет, т. к. бог презирает монету и за него платят смертные люди ("заседание" было в каком-то красивом кабачке).

Наконец я не выдержал и сказал свое мнение — за что удостоился замечания, что боги презирают критику людей (но вино от них принимают, подумал я). Одному только радуюсь: в другой раз "поэт" не пристанет ко мне со своими поэмами. Больше ничего "замечательного" со мной не случилось, если не считать того, что солнце заставляет меня менять кожу, так обожгло меня. Я, впрочем, рад, что сброшу черниговскую и надену каприйскую.

Посылаю тебе изображение готеля, в котором живу. Я живу в меньшей вилле (*villa moreska*, т. е. мавританская), дверь от моей комнаты над крестиком (X). В прошлом году я жил как раз над моей комнатой, во 2-ом этаже, но в этом году предпочел комнату без лестницы, при чем у меня теперь лучшая обстановка. Колонада, соединяющая оба дома — это наша столовая. Нижний этаж большого дома занят столовой (на случай непогоды) и 2-мя залами для чтения, приема гостей и концертов, если кто из нас захочет устроить их. Вверху — номера. За большим домом — опять столовые. Очень шикарная гостинница, лучшая на Капри.

Как ты себя чувствуешь, моя дорогая? Прошла ли боль в груди? Как самочувствие? Пиши побольше о себе, не утомляйся, поправься, а то я только и читаю, что ты выглядишь плохо. Когда берешь отпуск? Не забывай меня, любимая. Я очень тоскую по тебе, иногда по целым дням думаю о тебе и вспоминаю.

Целую тебя, милая, крепко, от всего сердца. Не забывай.

Твой.

П.УП 910. [КапрЦ.

Дорогой Шурок! Грустно, что я пишу уже письма тебе, на которые ты уже не успеешь ответить мне: 20 или, самое позднее, 21 утром я выеду отсюда. Начнутся мои странствования из города в город, из одной

страны в другую — изловить меня трудно, т. к. нигде подолгу останавливаться не буду. Еще и до сих пор не решил куда поеду. Сейчас списываюсь со своим стокгольмским знакомым и от его ответа будет много зависеть. Последнее твое письмо, полученное мною вчера, помечено 4 июля. Ты так хорошо описала свое хозяйство, свое помещение, всем там есть место, только обо мне не вспомнила, а, быть может, и не подумала: будет ли там и мне место? Если же подумала, но не написала, извиняюсь и радуюсь. Жалею тоже, что снялась поздно, теперь я получу снимок только по возвращении. Я, конечно, чувствую свою

її-"

£ o її

В з? в' 8

га и

■ ^

вікно кімнати в якій він жив.

вину, не исполнив обещания, но у меня есть маленькое оправдание: первый снимок неудачен, а второго не успел сделать, т. к. был очень занят своей работой. Впрочем, это дело поправимое и надеюсь со временем получить прощение.

Живу я попрежнему недурно. Тот же режим, те же солнечные ванны, после обеда прогулка. Чувствую себя лучше, сердце реже болит и нервы спокойнее. Здесь все новые и новые гости. Приехал Иорданский⁵⁸ с женой (бывшей женой Куприна)—оба фактические редакторы "Современного] мира"⁶⁰, писательница Никифорова. Вместе совершаем прогулки, катаемся на лодке. Все это народ столичный, далекий от

природы, все их утомляет — солнце, море, дорога, хотя они много здоровее меня. Раздражает всякая живая, сильная южная краска — и лучшее время для них, это сумерки, когда нет солнца, когда все бледно и серо. А я попрежнему солнце и огнепоклонник и в своих вкусах не нахожу сочувствия.

Вчера, например, наша прогулка на море удалась только наполовину. Условились выехать в 3 часа, пообедать где-нибудь на скалах и возвратиться к 12. Между тем, публика раскиселилась от жары, едва выехали в 6, а пришлось возвратиться к 10 ч., т. к. дамы страдали от морской качки, которой я даже не замечал. Да и то, после поездки, петербуржцы заявили, что они "очумели" от всех впечатлений и идут спать!

Вот тебя бы сюда. Мы бы с тобой побили рекорд, не правда ли?

Грустно мне покидать Капри. Я еще не дочитал этой сказки, этой волшебной сказки, которая так захватывает и которая еще тем хороша, что конца-то, пожалуй, и не имеет. Все здесь бесконечно прекрасно и увлекательно, и чем больше пьешь красоту природы, тем большую жажду испытываешь. Не знаю, как мне прощаться с Капри, с чего начать. Кто знает, быть может никогда уже не увижу любимого уголка. Хотел бы все запечатлеть, запомнить, записать, но удастся ли? Трудно, слишком много всего.

Пиши мне, голубка моя! Впрочем — да, это просьба к прошлому. А все же я был бы счастлив, если бы чаще приходила от тебя весточка. До следующего письма.

Целую тебя, мое сердце, моя добрая Шурочка, люблю тебя попрежнему крепко. Не забывай, подумай иногда обо мне.

Твой.

13.VII 910. Capri.

Милая моя! Шесть дней я не имел от тебя писем, наконец только что получил (10 часов вечера) и сейчас отвечаю. Нумерация писем нарушена: 15 (от 1 июля) и затем 17 (от 7-го). Ошиблась ли ты или пропало письмо — не знаю и не узнаю до встречи, т. к. не получу ответа. Хотя ты и отвечала на мои вопросы прежде, чем я успел задать их, все же я до сих пор не имею ответа, что мне купить тебе вместо золотой цепочки. Будет очень досадно, если я так и не получу ответа, хотя имею еще целую неделю впереди. Быть может, напишешь, но все же беспокоюсь.

Здоровье мое неплохо, но самочувствие сегодня совсем неважное. Весь день я грустный, не знаю по какой причине, не разговорчив, никуда не пошел в гости и даже, встретившись со знакомыми, не мог разговаривать. Конечно, это пройдет, но все же неприятно, особенно в последние дни на Капри, когда больше всего хочется наслаждаться красотами. Даже теперь пишу письмо это без всякого настроения и, главным образом, для того только, чтобы ты не беспокоилась, не получая от меня писем. Очень меня радует (хоть одна радость сегодня), что ты поправилась. Смотри же поправляйся и впредь, чтобы я порадовался еще больше, когда увижу тебя.

Сегодня здесь холодно, ветер, б. м. это он так влияет на меня; я не переносу холода, а особенно ветра и с ужасом думаю о зиме. Но, опять таки, и в зиме есть утешение: буду работать, а это наполняет меня и радостью и страхом, который я всегда испытываю, принимаясь за новую работу. Ты, верно" смеешься надо мной, но что же делать, таков я. Вечное желание работать, порыв — и вместе с тем неудовлетворенность, стыд перед собою за плохую работу. Столько лет работать и не создать ничего порядочного, ничего, что бы удовлетворяло тебя, отвечало твоим художественным запросам и вкусам — ведь это же ужасно, ведь в этом целая драма. Если бы не какая-то неведомая сила, вечно толкающая тебя вперед, вечно приказывающая: пиши! — я бросил бы перо и искал

бы применения сил на ином поприще. А, может быть, уже поздно.
Прости, что я все письмо наполнил собой. Но мне хочется поделиться с тобой всем, что я думаю и испытываю. Я знаю, что ты поймешь меня, мой дорогой друг.

Следующее письмо, надеюсь, продиктует мне лучшее настроение, а пока будь здорова. Целую тебя сердечно и горячо, любимая Шурочка. Вспоминай меня иногда. (.....)

Твой.

244.

16.VII £10. [Капрі.]

Дорогой мой Шурок! Сегодня получил твое письмо от 10-го. Благодарю. Я уже, по обыкновению, начинал беспокоиться, не имея известий от тебя 3 дня. Боюсь, что ты не ответишь мне на мой вопрос относительно покупок на твои деньги. Что я тогда буду делать? А вдруг я не найду цепочки из горного хрусталя. Какие духи купить? При чем, все это праздные вопросы сейчас, так как ты все равно на это письмо ответа не пришлешь. Буду надеяться, что еще получу не одно письмо здесь, хотя у меня осталось еще только 4 дня. Если бы ты не стеснялась хоть несколько дней ходить к твоей знакомой за письмами, ты получала бы мои аккуратно и смогла бы во время ответить. Как только выеду отсюда, буду писать по твоему адресу. Отсюда напишу еще одно письмо, а затем придется писать не так часто и не так подробно: в дороге, в вечных передвижениях, заботах и при осмотре городов трудно быть аккуратным.

Я очень счастлив, что ты чувствуешь себя хорошо. Поправляйся, моя любимая, не скучай. Не огорчает меня даже то, что ты пишешь о наших свиданиях. Я верю в нашу счастливую звезду и в твою находчивость. Все будет хорошо, люби только меня, остальное неважно.

О себе почти нечего сообщать. Последние дни отравляются мыслью о том, что они последние, блуждаю и прощаюсь с каждым уголком и порою грущу. Увижу ли когда-нибудь опять? Чувствуется, что едва ли. А впрочем...

Физически чувствую себя хорошо — хотя это и скучно, но я все же забочусь о своем здоровье. Не всегда это удается, впрочем: два последние вечера я засиживался подолгу в гостях и поздно ложился, вчера лег в 21,2 часа и не выспался, т. к. привык вставать рано. Не сердись. Ведь это последние дни, хочется побыть дольше с интересными людьми, ведь не часто встречается подобное общество, а скоро я опять буду одинок. Продолжаю делать заметки в записной книжке.

как пчела собираю мед с Капри. Сделал уже 80 заметок, пригодятся. А, кроме того., в голове и в сердце у меня целый клад. Плохо быть писателем. Вечно чувствуешь какие-то обязанности, вечно имеешь широко открытые глаза для наблюдений, вечно натягиваешь струны сердца и настраиваешь их для мелодий природы. И все тебе мало, все кажешься сам себе бедным, недостаточно тонким, ленивым, небрежным — вечно недоволен собою. Хотелось бы весь свет обнять и заключить в сердце, собрать все краски и все лучи, накопить материал для работы, а вместе с тем с грустью чувствуешь, что ты плохой аппарат, несовершенный и не можешь выполнить своей задачи. Пишу тебе все свои сокровенные мысли и чувства, т. к. знаю, что только с тобой я могу поделиться своими радостями и горем, что ты поймешь меня. Будь здорова, голубка моя. Целую тебя и обнимаю крепко и тоскую по тебе, мое сердце.

^^^L Твой.

245.

18.VII 910. [Капри.]

Милая моя Шурочка! Сегодня получил два твои последние письма от 12 и 13-го. Так грустно! Целый месяц не буду иметь твоих милых писем, не буду знать, что с тобой, как ты поживаешь, здорова ли ты. Ведь это целая пытка, я не могу себе представить, как перенесу эту неизвестность, но средства нет. Краткие остановки в разных городах не дадут мне возможности указать тебе адрес, по которому я мог бы получить твое письмо. По всей вероятности, письма пропадали бы, а это ни тебе, ни мне удовольствия не доставит. Я решил еще раз поблуждать по Италии, в Париж не ехать, а в Вену, а там уже посмотрю: если не очень устану, то поеду на Берлин и Копенгаген в Швецию на несколько дней, а оттуда чрез Финляндию и Петербург домой. Если же буду чувствовать себя неважно, то не рискну делать такое утомительное путешествие и поеду отдохнуть в Карпаты. Вот, главным образом, то обстоятельство, что я еще сам не знаю, как устроюсь, что я в зависимости от своего здоровья и это не дало мне возможности наперед точно сообщить тебе план своих передвижений. Постараюсь удовлетворить твое желание насчет покупок, боюсь только, что не сумею справиться с поручением.

Купленное пошлю тебе посылкой из Киева и одновременно напишу. Приеду домой, по всей вероятности, 15-го утром

не раньше, а, может быть, и 14 или 16-го, лишь бы успеть на службу.

Это последнее письмо с Капри, следующее напишу из Неаполя, хотя ты не сердись, что теперь буду писать не так часто и кратко. Хотя ты, верно, с недоверием улыбнешься моему обещанию пополнить письмо рассказом, но все же я надеюсь, что при встречах мне удастся сделать это. Обещаю также исполнить все твои наставления насчет здоровья, буду беречь его, не утомляться и постараюсь приехать в лучшем виде. Сейчас я, все таки, поправился, чувствую себя бодрее, гляжу веселее, часто смеюсь и шучу, а это хороший признак у меня.

У меня остался только один завтрашний день для здоровья, послезавтра будут сборы, прощание, хлопоты — а там дорога.

Очень я рад, что ты поправилась. Прошу тебя, деточка моя, заботься о себе как можно больше, я тоже хочу видеть тебя в хорошем состоянии.

Такая досада — нужно уезжать, а виноград только что начал зреть, арбузы уже готовы, а они здесь великолепны.

Жаль мне покидать остров, а ничего не поделаешь. Новостей у меня никаких, жизнь тихая и скромная. Ну, будь здорова, любимая. Целую мою голубку (), обнимаю и прижимаю к сердцу, верному и горячему. Помни обо мне.

Твой.

Следующее письмо пошлю по твоему адресу.

246.

22 .VII 910. Неаполь.

Два дня я не писал тебе, дорогая детка; так был занят прощанием со знакомыми и с островом, что положительно не было свободной минутки. В отеле не знали, где я пропадаю, т. к. я приходил поздно ночью, а утром же уходил.

Горький и его семья просто не выпускали меня из своих рук, вторично, на прощание, устроили большую рыбную ловлю, и вчера я весь день, с 6 час. утра, был на море. Признаюсь, положительно устал, но не мог же я огорчить людей, так хорошо относящихся ко мне. Я думал

уехать 20. но меня взяли в плен и я, сверх ожидания, просидел до 22-го. Сейчас сижу в ресторане, обедаю и пишу тебе. Все утро ушло у меня, до

2-х часов, на осмотр грандиозного национального музея. Уже шестой раз осматриваю его. а все мне мало— Утомился ужасно, сейчас физический отдых доставляет мне удовольствие. Для того, чтобы не застрять здесь, должен себя ограничивать-держаться в руках: уж очень интересный город. Посмотрю еще. пожалуй, аквариум, поброжу по городу, впитаю в себя весь гам. все сумасшествие этого города — и завтра, в 3 ч., в Рим.

Поздравь меня с маленьким успехом: петербургское издательство "Знание"90 (помнишь "Сборники" и изд[ание] лучших авторов?) купило у меня право на издание всех моих произведений в русском переводе— Первый том должен печататься в конце этого года. Я уже подписал соглашение на довольно выгодных условиях. Это очень кстати, т. к. деньги нужны и нужны. Кроме того приятно, что издает солидная, хорошая фирма. Почти одновременно с таким же предложением ко мне обратилась московская фирма "Польза", но я, конечно, предпочел "Знание", да и условия в последней выгоднее. Прости, что занимаю твое внимание такими мелочами. Хотел бы написать тебе сейчас что-нибудь интереснее, но так сильно устал и к тому же спал мало, что голова отказывается работать.

Не знаю, когда удастся написать следующее письмо, в Риме или где-нибудь дальше. Радуюсь, что приближаюсь к тебе, моя голубка. Целую тебя крепко, как люблю. Не забывай меня, береги себя.

Еще целую, ♦ Твой.

Ч^^ 247.

25.VII 910. Венеция.

Дорогой Шурок! Только что приехал в Венецию. Поезд страшно запоздал, приехал поздно, но все же спешу написать тебе несколько слов в кафе. После бессонной ночи в вагоне, среди массы богатых, жирных иностранцев (удивительно, что славян, в том числе русских, не встречаю совсем), среди прекрасной обстановки площади св. Марка — все как-то идет кругом и трудно сосредоточиться. Одна только мысль ясна и определена: я уже ближе к тебе почти на всю Италию. Север Италии; как-то сразу дал себя почувствовать. Венеция, один из любимейших моих городов, приветствовал меня прохладой, незнакомой мне более двух месяцев. Сегодня даже дождь шел. А уж того мягкого, теплого воздуха, который так характерен для Капри, не видать мне. Чтобы несколько поднять упавшие от утомления нервы, пью сейчас кофе. Голуби летают вокруг и садятся на мой столик подбирать крошки. Как здесь все таки хорошо: собор св. Марка своими мраморными кружевами и золотыми мозаиками, палаццо Дожей с его розовыми стенами и ажурными колоннами, даже английская речь и воркование голубей — положительно пленяют. Всякий раз, когда вижу что-нибудь красивое, переносусь мысленно к тебе и жалею, что ты этого не видишь. Как бы хорошо и полно было с тобой! Представляю тебя на другом конце столика и разговариваю с тобой. Все мне хочется показать тебе, поделиться впечатлениями, пережить вместе все прекрасное, что дает искусство и старина. Но кругом чужие, в большинстве противные люди, от скуки приехавшие в Венецию показать свои костюмы и каждая фигура точно говорит: "посмотри на меня" и только одною мыслью занята, как-бы лучше носить свой костюм. Наблюдаю и вижу, что почти никто не любит красоту зданий, все заняты собой. А костюмы действительно убогомурачительны, точно здесь бал, а не музей (все здания, окруж[ающие] площадь, действительно музейные вещи). Пробуду здесь еще завтра, а потом — в Вену. Из Вены напишу. Там определится* куда поеду, хотя склоняюсь в сторону Карпат, а не Швеции; там я больше отдохну. Увидим еще. Ну, будь здорова, целую тебя крепко, крепко, как люблю. Скоро увидимся.

Твой.

30.VII 910, По дороге в Карпаты.

Дорогой Шурск, я уже совсем близко к тебе, т. к. еду не в Швецию, а в Карпатские горы. Случилось это по двум причинам: 1) иодсчілїгл, что не хватит денег и 2) устал в дороге, за то радуюсь, что, б. м., получу от тебя письмо. Если успеешь, до 5-го августа пиши мне по адресу: Австрия. Oester reich, Galizien p., Jasienow Gorny (Ясенів Горішний), Криво-рівня, для меня. Но с условием, чтобы письмо пошло не позже 5-го. Жду, не дождусь, когда получу от тебя весточку, моя дорогая. Напиши, получила ли ты мои письма последние с Капри и с дороги. Хотя я и делал остановки, но

спал все время очень мало и чувствую себя разбитым; я в общем здоров. Моя голубка! Ты будешь сердиться на меня, но я тебя не послушал, купил тебе именно золотую цепочку. Хрустальной нигде не нашел, а покупать дешевую нет смысла. Не сердись, пусть она будет отчасти моим подарком, мне это приятно. Духов купил, но только фиалку, других не нашел ни в Риме, ни в Вене, как это ни странно. Просили обождать, обещая выписать, но ведь я не мог. Мне очень неприятно, что я так плохо выполнил твои поручения, но ты добрая и простишь. Утешаюсь, что хотя тебя не послушал, покупая цепочку, но все же ты будешь иметь вещь, а не нечто лишнее и неизящное. Я очень хотел в точности исполнить твои поручения (за исключением того, что ты написала насчет подарка, т. к. это мое право), но мне не удалось. Не сердись же на меня. Купленное pošлю тебе посылкой из Киева. Ты заяви на почте, чтобы тебе не доставляли на дом, а прислали повестку, тогда почтальон не будет искать тебя в бюро. Как же ты поживаешь, здорова ли, что делаешь?

Пиши обо всем. Боюсь, что ты не разберешь моего письма, в вагоне очень неудобно писать, трясет. Я мечтаю о красивых горах, об уединении и солнечных ваннах. Имею дерзкие намерения собрать и в Карпатах кой-какой материал для своих будущих работ, думаю об отдыхе после дороги, а наиболее о том, что скоро увидимся. Напиши мне. Кончаю.

Целую тебя крепко, милая, и обнимаю еще крепче. Помни обо мне.

Твой.

249.

7.УШ.[19]

Дорогая, любимая, хорошая моя! Как я благодарен тебе за твои 4 письма, полученные здесь: это, в некотором роде, сюрприз, т. к. я не имел надежды получить их. За то ты, вероятно, негодуешь, не получая от меня писем, а это объясняется довольно просто: почта далеко и я мог послать только один раз на почту. Кроме этого письма, пошлю еще одно из Киева уже, где буду скоро, вероятно 12-го. Прежде, чем описать тебе свое времяпрепровождение (какое ужасное слово!), должен пожурить тебя немножко: как тебе не стыдно писать мне о возврате денег за подарок! Ведь ты обижаешь меня. Разве между нами могут быть какие-либо денежные счета. Не огорчай меня, голубка. Мне очень и очень тяжело было читать твое письмо. Мне показалось, что его писал кто-то чужой, а не близкий человек. Ну, довольно. Поставим точку и не будем об этом говорить.

Живется мне очень хорошо. Здесь так красиво, что я не могу досыта налюбоваться. Целая сеть высоких гор, покрытых прекрасным лесом, вдали снежные вершины; между горами в долине вечно шумит горная, прозрачная река, по которой живописные гуцулы сплавляют свои "дарабы*". Полное отсутствие пыли, воздух мягкий и прозрачный, в лесах масса ягод: малины, ежевики, черники и брусники. Я живу в самой красивой местности, а об условиях жизни нечего и говорить: обо мне заботятся, как о каком-нибудь принце и только придумывают, какое еще удовольствие можно бы сделать мне. Здесь много моих знакомых, между прочим Франко91. Позавчера, впрочем, сделал глупость и раскаиваюсь: взобрался на высокую гору, 1200 метров, шел 4 часа, устал и вчера и сегодня чувствую себя даже плохо. Сейчас, однако, лучше.

Погода здесь непостоянна: было очень холодно, на горах выпал большой снег, что было очень эффектно. Сегодня дождь. О солнечных ваннах нечего думать.

По дороге сюда устроили мне торжественный прием, с речами, песнями и факельцугом. Празднество описано в газетах, к моему полному неудовольствию.

Здесь тоже я на расхват, а это утомляет. Скорее, чем думал, приеду домой, вероятно 14-го, а, может быть, 13-го, скорее даже 13-го. Посылку pošлю тебе 12-го, значит ты получишь 13 или 14.

Я как-то плохо понял твои слова: "после 20 не назначай". До каких пор? До 30-го, до 1-го? Неужели ты будешь занята долго? До 20 едва ли увидимся. А впрочем, может быть и увидимся, если удастся. Я сообщу тебе письменно. Как я соскучился по тебе, ты и представить себе не можешь! Просто устал от долгой разлуки. Хочу видеть тебя скорее, хочу целовать мою милую, дорогую детку, обнять горячо и прижать

к груди крепко, крепко. Будь здорова, сердце мое. ()

Твой.

12ЛЛІІ Я!0. Кие..

Дорогая моя! Наконец я приехал и завтра буду уже хоть в одном городе с тобой, хоть близко, если не с тобой. Доехал я хорошо, хотя бессонные ночи несколько утомили меня. Пишу очень коротко, т. к. располагаю всего несколькими минутами, так много у меня здесь дела. Посылаю тебе посылку, ты должна получить ее завтра. Самое позднее послезавтра. 14-го. Не сердись, голубка, за такое короткое и несодержа-ельтное письмо. Постарайся увидеться со мной 19-го, в 6 или 61/* ч. на том месте, где мы встречались в последнее время. Если не удастся 19-го, то в такое же время 24, 25, 26 и т. д. Делаю промежуток

между 19 и 24 потому, что ты писала, что бы после 20 не назначать, но до какого числа — не написала.

Прости, мое сердце, что кончаю письмо. Я не верю своему счастью, что скоро увидимся и что я буду целовать мою дорогую, мою любимую деточку. Пока целую крепко, крепко.

До свидания.

Твой.

251.

18.XI [1910 р., Чернігів.]

Милая, как ты доехала⁹²? Я все беспокоился, что мятель занесет тебя в дороге и ты где-нибудь застрянешь. Не забудь написать. Ну, как же ты чувствуешь себя, моя дорогая? Весело ли тебе, интересно ли? Обращаюсь со скучнейшей просьбой— беречь силы и здоровье. Я хотел бы, что бы ты этот месяц провела как можно интереснее, интенсивнее, чтобы вывезла впечатлений и воспоминаний на целый год. А для этого нужно быть здоровой— Я все время очень грущу без тебя. Не хватает мне чего-то. Впрочем, ты хорошо догадываешься, чего именно, так что и упоминать не нужно. Грусть моя усугубляется еще и тем, что никак не могу взяться за работу. Кажется совсем был готов, сюжет обдуман, тема есть, а теперь все мне не нравится, нужно брать что-нибудь другое ⁹³. В общем не важно чувствую себя, хотя и здоров. У нас большие холода. Доходят до —12°, днем 8—7°, а при сильном ветре, кажется, и всех 15°.

Пишу обо всем, а о главном чуть не забыл: адресе. Ты пиши мне (по вторникам, помнишь) так: предъявителю почтовой квитанции № 298. Значит, по субботам я буду иметь от тебя весточку, хотя, вероятно, тебе не до меня. Воображаю" как ты занята и поглощена новой жизнью и обстановкой. Смотри же, не забудь музеев, академий, зоологического]

сада; не мешало бы съездить на взморье, может быть море еще не замерзло.

Я тебе, моя дорогая, не обещаю очень часто писать. Не по лености или почему-либо, что можно бы объяснить не в мою пользу, а просто потому, что мне редко удастся быть в одиночестве, всегда мешают. Но чем реже буду писать, тем более буду любить мою дорогую, мою единственную, тем больше буду думать о ней. Не забывай и меня, удели мне хотя бы минутку ежедневно.

Новостей у нас никаких. Впрочем, быть может, и есть, но ты знаешь, что я всегда узнаю последним, или даже совсем ничего не узнаю. Живу я всегда в своем мире, если окружающий мало интересен.

В другой раз постараюсь написать больше, а теперь прощаюсь — до следующего письма и целую крепко, крепко, как люблю. Не забывай меня. ^

Твой.

19. Не успел вчера сдать письма. Добрый день, дорогая. Радуюсь, что сегодня тоже могу передать тебе поцелуй и привет. Крепко и горячо обнимаю. Люблю тебя. Будь здорова, веселись. Пиши обо всем! Еще целую.

252.

25.XI [1910 р. Чернігів.]

Как скучно и грустно так долго не слышать твоего слова, дорогая. Но нет, не буду употреблять слов "грустно" и "скучно", они должны быть вычеркнуты из твоего словаря теперь, когда ты веселишься. Да и я не без надежды, скоро услышу мою милую.

А я успел прихворнуть немножко. Так, пустяки, легкая простуда, дома не сидел, но из-за головной боли не мог работать и это меня раздражало. Не огорчайся. Мне все кажется, что я тебя постоянно огорчаю дурными вестями. Но, так и быть, еще огорчу. Умерли Устименко (отец) и Николаев (старик) °4.

Дописываю на почте. Мешают ужасно, письмо, чувствую выйдет никуда негодным. Но не в том дело, ты простишь

Вероятно, тебя интересует моя жизнь. Но знаешь ли, дорогая, редко когда выдается такая серая полоса жизни, как сейчас. Это все потому, что голова не свежа, плохо работает. А ведь я живу больше внутренней жизнью, чем внешней. Внешняя, впрочем, все таки вторгается: сейчас больна Оксанка 95, ангина и нарыв в ухе. Мучительно и для нее и для окружающих. Нег покоя. Я нервно настроен и как-то невольно (и не критически, конечно) все ставлю в связь с твоим отъездом. Пока ты была возле меня, все было хорошо. Теперь тебя нет здесь и всякие невзгоды наваливаются.

Жду от тебя письма, ты, верно, получила мое с адресом (до востребования предъявителю почтов. квитанции № 298). Пиши подробно, как себя чувствуешь, где бываешь, что видела.

Видела ли ты мою книжку (изд. "Знания"95) в витринах книжн[ых] магазинов? Если ее еще нет, то на днях появится: она уже вышла. Интересует меня, как я буду встречен русским читателем и критикой 97. А вдруг провал? Увидим.

Сердце мое, любимая моя деточка, целую тебя крепко и горячо. Береги свое здоровье и веселись как можно больше. Ведь часто ездить в Петербург не будешь. Кончаю. Публика ждет пера.

Еще целую и бесконечно целую.

Твой.

253

30.XI 910. [Чернігів.]

Получил твое первое письмо. Очень обрадовался, что с тобой все хорошо, что ты здорова и веселишься. Думаю, что и обо мне вспоминаешь реже теперь, но я не сержусь; у меня только одно желание, чтобы тебе было хорошо, чтобы твои каникулы не пропали.

Я все же еще раз напоминаю, береги здоровье. Тебя интересует, как идут вечерние работы. Знаю я об этом мало, но все же слышал, что неважно, зарабатывают мало, все перессорились, упрекают друг друга в жадности, днем — сцены. К твоему приезду, верно, все успокоится и будет лучше. Я все пишу, а до сих пор и не поцеловал тебя, хотя все время хочется. Целую тебя, моя радость (.....). Целуешь ли ты

меня, или м. б. уже забыла, разучилась целовать? Мне, мое сердце, живется неважно, все не могу поправиться от легкой

простуды. Погода отвратительная, слякоть, переход од холодов— резкий. Ничего не пишу, головные боли. Зато занимаюсь всякими "делами". Моя русская книжка уже вышла. Недавно получил с Капри от Пятницкого (издатель) письмо. Он пишет: "Получил корр[ектурные] листы Вашей книги. Читаю с великим наслаждением. Книга должна иметь большой успех"— и просит немедленно приготовить к печати 2-й том.

Я уже списался и 2-й том готовится. Не скучно ли тебе, что я все пишу о всяких литературных делах, да еще о своих? Но что же делать, моя голубка, если как раз все мои интересы сосредоточены возле этих дел?

Спрашиваешь, не кашляю ли я. Мало. Разве от временной простуды. Но все это пустяки, лишь бы было настроение работать: ты и работа — это вся моя жизнь.

Я очень тоскую по тебе, жду не дождусь, когда уже увижусь. Ты приедешь 15-го? А 17—18, может быть, увидимся — на тротуаре возле нар[одного] дома? Хорошо?

Целую крепко, люблю, люблю и люблю.

Твой.

254.^^

7.XII 910. [Чернігів.]

Дорогой, любимый Шурок!

Спасибо тебе, сердце, за твое 2-е письмо. Твои письма успокаивают меня, я знаю, что с тобой ничего не случилось, что ты здорова — и легче становится разлука. Но уже скоро увидимся. Пишу тебе последнее письмо и в субботу получу последнее от тебя.

Я поправляюсь, начинаю чувствовать себя лучше, хотя еще не пишу. Много читаю, а еще больше пишу писем, все деловых.

Недавно получил от Амфитеатрова приглашение сотрудничать в большом журнале "Современник" 9в, имеющем выходить с нового года в Петербурге. Судя по составу сотрудников — журнал обещает быть очень интересным. Готовы печатать даже по-украински, лишь бы писал. Это результат ознакомления с моей книжкой в изд. "Знания".

Другая приятная для меня новость. Профессор Пражского университета по кафедре славянских литератур так увлекся моей книжкой (в чешском переводе б4), что после рождества посвящает мне одну лекцию в университете — будет читать о моем творчестве п Готовится перевод на чеш[ский] язык второго тома моих рассказов. Как видишь, мне начинает везти (в литературе, конечно, больше ни в чем).

Мне не хочется писать тебе, хочется скорее увидеть и все рассказать. Значит — до 17-го, на тротуаре Народн. Дома? Если не 17, то 18, 20 и т. д.

Новостей местных не знаю. Слякоть, тепло, грязь — вот какова у нас декабрь [екая} погода. До свидания, голубка. Жду тебя. Люблю крепко и целую крепко.

Твой.

255.

14 февраля 911 г. [Київ] ^

Дорогой, милый Шурок! Как только попал я в новую обстановку, сейчас почувствовал себя гораздо лучше, несмотря на то, что жизнь веду не очень правильную и мало сплю. Так кстати, что я приехал сюда раньше. Вчера чуть не весь день посвятил частному совещанию членов жюри (киевских), вместе осматривали проекты памятников, делились впечатлениями. Конкурс и на этот раз нельзя назвать удачным, хотя есть несколько проектов, достойных премии. По всей вероятности, придется заказать памятник какому-нибудь известному скульптору, не воспользовавшись проектами, присланными на конкурс. Впрочем, это только первые впечатления и предположения. Возможно, что завтра, в полном составе жюри, будет принято иное решение. Ходил, конечно, к знакомым, вечером слушал концерт. Как редкого гостя, меня разрывают на части, сегодня должен бы был обедать в трех местах, но так как я

ничего общего с духовенством не имею (попы, говорят, могут обедать несколько раз в день), то придется ограничиться одним.

Завтра у меня самый тяжелый день—заседание жюри и

парадный обед. Авось, как-нибудь вынесу всю эту тяжесть.

Приеду домой, вероятно, в четверг, 17-го, а 18-го хорошо бы

увидеться нам. Это будет в пятницу. Если почему-либо не

удастся (очень огорчился бы), то в субботу, воскресенье

и т. д., до встречи. Конечно, в наше обычное время. ()

Милая моя! Как я был доволен последним (хотя очень коротким) свиданием нашим. Ты меня согрела и обласкала и хорошо [мне было с тобой. Чувствовалось, что ты родная мне, что ты меня любишь, вся доброта твоя и ласковость еще и теперь согревает меня. Ты была очень интересна в твоём капоте, он очень идет тебе. Скоро ли опять увижу тебя такой же и в той же обстановке? Как бы хорошо было!

Сейчас до боли в сердце хочется прижать и поцеловать тебя долгим, долгим поцелуем, от которого мы оба перестали бы дышать. Жду твоего поцелуя. Люблю тебя, мое сердце, сердце моего сердца и целую крепко.

Будь здорова, щади себя, не очень уставай.

Твой.

256.

24.Ш 1911.

Дорогая моя, милая голубка! Хотя ты и советовала мне забыть о тебе на эти несколько дней разлуки, но это для меня вещь невозможная. Я все время думаю о тебе, живу воспоминанием нашего последнего свидания. Сейчас сижу у врача и у него пишу тебе. Как ты там поживаешь, мое сердце, не простудилась ли, успокоилась ли, думаешь ли обо мне?

Я себя чувствую неважно. Примусь за себя после совета врача. Хотя я убежден, что только один врач может помочь мне — это ты, мое счастье. Мое настроение, нервы, здоровье, спокойствие—все это в твоих руках, Шурочка.

Только ты можешь сделать меня счастливым и здоровым. Только твоя любовь, твоя доброта—могут восстановить душевные силы, подломленные продолжительным страданием. Люби только меня так, как я тебя люблю. С каким нетерпением ожидаю я следующего вторника, если бы ты знала?

Особенно сильно я чувствую разлуку теперь, когда знаю, что несколько дней не увижу тебя. Мне все же легче, когда я знаю, что хоть на минуту увижу мою милую Шурочку. Я иногда сам восхищаюсь полнотою своего чувства; здесь все есть—и нежная и вместе с тем пламенная любовь, и дружба, и родственная привязанность к тебе. У меня нет более близкого существа, чем ты, сердце мое.

Сейчас хочу, до боли хочу, увидеть тебя и поцеловать. Вызываю в памяти твой образ и ты стоишь у меня перед глазами, как живая, с своими бесконечно милыми и добрыми глазами и теми складочками возле губ, которые придают тебе столько обаятельности, что я теряю самообладание и мне ужасно хочется целовать их.

Не надоел ли я тебе? Любишь ли ты меня?

Целую тебя, голубка моя, и обнимаю. Не пишу больше, так как сейчас позовут меня к доктору.

До свидания, до скорого и радостного свидания. Еще целую и еще раз — люблю.

Твой.

257.

ІЗ.VІ 911. Симеиз. [Крим.]101

Дорогая моя, любимая, голубка моя! Только теперь нашел свободную (от постороннего глаза) минутку, чтобы написать тебе. Все время я ужасно скучаю по тебе и даже крымская природа не может изгладить из моей памяти хоть на минуту твой образ, такой милый, такой любимый, такой прекрасный для меня. Ужасно, да просто ужасно, что я не скоро еще узнаю, как тебе живется, чем ты занята, здорова ли. Уеду я, вероятно, отсюда не раньше, как через 2 недели. Но ты будешь знать об этом заранее и сможешь писать мне, т[ак] ч[то] я застану на месте твои письма. Из Крыма смогу писать не чаще, как один раз в неделю, ты уже не сердись. Ведь ты знаешь, что я аккуратен и не забываю тебя. Не брани и терпеливо жди писем.

Я, моя голубка, здоров. Беру солнечные ванны, вот уже 2-й день. До этого времени мы все были в дороге. Начать с того, что погода не пустила нас выехать из Чернигова раньше воскресенья. Затем мы делали дневную остановку в Харькове, затем почти три дня в Севастополе и сутки в Ялте. Ужасно трудно было устроиться здесь, все дачи переполнены, дорого везде и неудобно. Едва удалось найти помещение у татарина, правда с чудным видом и рядом с парком, близко от моря. Дети, признаюсь, надоедают порядком. Все для них ново, все вызывает восторг, а я, засыпанный вопросами, едва успеваю отвечать. Словом, мне не удастся остаться наедине, всегда на глазах. Думаю, что

в таких условиях едва ли отдохну как следует и даже начинаю сожалеть, зачем согласился поехать вместе. Но иногда приходится жертвовать своими удобствами. Я уже успел загореть, приобретаю черноту каприйскую. Озабочен, как бы воспользоваться лучше Крымом, чтобы привезти домой тему для рассказа. Думаю ездить по ночам в море с рыбаками. Интересный народ! Опять начался у меня период жизни, подобный жизни растений или диких

животных. Ничего не читаю, даже газет не вижу. Может быть, на свете совершается нечто важное, а я в стороне. Словом — сейчас мне приходится завидовать тебе, культурному человеку.

И опять мои мысли возвращаются к тебе, моя единственная. Сейчас чувствую, как целовал тебя на последнем свидании, вижу твои глаза, твои губы, все подробности нашей встречи и дорого дал бы, чтобы хоть раз обнять тебя и по-целовать горячо, мое сердце. Вспоминаешь ли ты меня? Любишь ли? Хорошо бы услышать "люблю"! Дорогая, береги свое здоровье, поправляйся, уже я тебя зацелую за это, когда увидимся. Не увлекайся велосипедом, у тебя сил немного, не уставай. Помни, что я прошу об этом. (.... .) Крепко обнимаю,

так крепко, как люблю. Еще и еще целую. Не забывай. Напишу.

Твой.

258.

20.VI. [1911 г., Симеиз.]

Здравствуй, мое сердце. Мучает меня, что ничего о тебе не знаю. Ты счастливее меня, хоть изредка получаешь письма" знаешь, что со мной, услышишь " люблю", а у меня ничего этого нет. Есть только тоска по тебе и беспокойство. Провожу время скучно, больше в заботах о своем здоровье, а что может быть досаднее этого! Ежедневно часами лежу на

берегу моря, беру солнечные ванны и думаю о тебе. Чтобы меньше скучать, я вспоминаю все наши встречи, твои глаза, слова, голос. Помогает. С выездом моим отсюда маленькая задержка. Мой знакомый, с которым я условился съехаться в Карпатах, ничего не пишет. Я уже 2 письма послал ему и жду ответа¹⁰². Возможно, что это задержит меня здесь еще дней 8—10. Если же не получу ответа, придется ехать на Капри. Пишу тебе об этом потому, что меня беспокоит опасение долго не получать твоих писем, т. к. пока не могу дать тебе адреса. Как только адрес будет известен мне самому, сейчас сообщу тебе. Меня страшно тяготит разлука с тобой, моя голубка, невозможность получать от тебя писем.

Никого из знакомых здесь нет у меня. Я одинок, вот разве дети, те не оставляют меня ни на минуту. Дважды ходил с ними в Алупку — чудное место!

Я здоров. Если бы не скучал по тебе, мог бы сказать, что мне хорошо, но ведь я ужасно тоскую и за одно наше свидание готов отдать все свои каникулы и все красивые места.

Как ты живешь? Пишу этот вопрос—и горько улыбаюсь: ведь все равно не получу ответа. Но не будем, впрочем, впадать в пессимизм, уже скоро буду один и буду получать от тебя длинные, пространные, подробные письма. Ты обещаешь? Будь только здорова и люби меня. Помни, что ты мое счастье, моя жизнь, мое единственное утешение. Люблю тебя крепко. Какая у Вас погода? Здесь очень жарко. Сегодня 32° в тени. Мне это ничего, а дети страдают. Все время безоблачное небо и чудное спокойное море.

Будь здорова, мое солнышко. Люблю тебя крепко, целую.

() Не забывай меня.

27.VI 911. [Крим.]

Здравствуй, дорогая! Пишу из Крыма 3-е письмо и последнее отсюда. В субботу напишу тебе из Одессы по дороге за границу.

Прежде всего сообщаю свой адрес: Австрия. Галиция. Oestereich Galizien, Jasienow Gorny. Ясенів Горішний, Криворівня Володимиру Гнатюкові — для меня.

Как только приеду на место, опять напишу. Как же ты поживаешь, любимая? Здорова ли? Не очень скучаешь? Чем и как развлекаешься? Я часто вижу тебя во сне — и рад хоть такой встрече. Физически чувствую себя хорошо, благодаря солнечным ваннам окреп. Почернел так, что ты не узнала бы меня. Хожу по горам без особой усталости. Словом, гоюсь на работу, а ведь мне нужно быть готовым, т. к. я должен поработать в Карпатах и непременно вывезти оттуда тему ,оЗ.

Здесь все время жарко и сухо, только в последние дни холодный ветер и то по вечерам. А в Чернигове, я думаю, частые дожди, погода неважная.

Скучаю я, Шурочка, по тебе. Ничто не может вытеснить мыслей о тебе, воспоминаний о наших встречах, погасить жажду новых встреч. Скорей бы к тебе. Хорошо с тобой.

Не пишу тебе сегодня много и подробно, мешают. Обещаю подробнее писать из за границы. А ты пиши сейчас, как только получишь это письмо, тогда я скорее буду иметь весточку о тебе. Целую крепко, люблю тебя, моя голубка. Не скучай и помни, что ты имеешь любящего тебя друга. Еще целую. Не забывай.

Одесса. 2 июля [1911 г.]

Дорогой Шурок! Вот я уже и "на свободе". Только что приехал в Одессу пароходом и, прежде всего, хочу поцеловать тебя. Давай же губки! Ехалось неважно, переполнение парохода, теснота, кормят скверно, а берут дорого. К тому же пароход опоздал на целые 3 часа, а я опоздал к консулу. Приходится ехать за границу без визировки паспорта, на авось. Может быть, удастся всю эту скучную и ненужную процедуру проделать на границе.

В прошлом письме (№ 3) я уже сообщал тебе свой адрес; повторяю его на всякий случай: Австрия, ОезіегеісЬ Саіігіеп, Јазіепу Соту. Ясенів Горішний, Криворівня. Волод. Гнатю-кові — для меня.

Кстати: не могла ли бы ты дать более удобный адрес для писем к тебе. Может быть, опять через подругу? Напиши об этом и сообщи. Итак, о делах покончено. Теперь о себе. Чувствую себя сравнительно хорошо. Поправился. Конечно, дорога утомит меня (сегодня вечером выеду), а на месте предстоит работа. Но все же мне значительно лучше. Хотя и очень страдал нравственно, не получая так долго писем от тебя, тем не менее месячное пребывание в Крыму, южное солнце, которым я пользовался при всяком удобном случае, оздоровило меня.

Как ты? Это более интересно. Мучительно жду твоих писем, в которых ты должна описать мне все, что с тобой было со дня нашего свидания. Я проводил время очень однообразно, больше лежал на берегу моря, купаясь в солнечных лучах. Знакомств не завел, ничего особенно интересного, невиданного не наблюдал — словом, жизнь была бесцветная, зато кожа моя сделалась цветной.

Не думай, что я брюзжу. Нет, я не из тех, кто вечно всем недоволен, наоборот — я везде и всегда со всего собираю самое красивое и интересное и если бы покопаться в моей душе, то даже бесцветная жизнь наверно отложила в ней много интересного, что когда-нибудь, при случае, неожиданно всплывет.

Голубка моя! Пиши. Напиши также, что тебе купить, т. к. от подарка, сделанного мне тобой, останется много денег. Непременно напиши. Сейчас пишу тебе в невозможно скверной обстановке: в кофейне, на улице. Извозчики трещат, люди шумят, ветер несет кучи пыли и дыма от асфальта. Плохо соображаю. Из Криворивни напишу больше, а теперь только целую и обнимаю тебя, сердце моего сердца. Будь здорова и не скучай. Люби меня, не забывай.

Твой.

261.

11 июля 1911. Криворівня. Австрія. Галиція. Ясенів Горішний.
Криворівня. Волод. Гнатюкові для

Дорогая моя! Спасибо за твои письма (2). Я отдохнул душой, когда узнал, что ты здорова, услышал дорогое для меня "люблю".

Очень рад, что ты взяла отпуск летом, отдохнешь, поездишь по Волге, будешь иметь впечатления. Желаю тебе, сердце мое, полной удачи и удовольствия.

Пиши мне почаще, хотя последний раз не позже 23 июля, т. к. 31 или 1-го я выеду отсюда и неприятно было бы, если бы твое письмо дослало мне в Чернигов.

Чувствую себя хорошо, хотя с самого выезда из Крыма не спал ни одной ночи хорошо. Вчера первую ночь уснул и, вероятно, буду уже спать. Я уже успел сделать одно небольшое путешествие отсюда, ездил на 2 дня в горы в далекий, глухой угол гор. Завтра беру верховую лошадь и проводника-гуцула и еду на 3 дня на вершины гор, где нет дорог, а только горные тропинки, доступные немногим. Хочу увидеть жизнь гуцулов-номадов, живущих все лето на горных пастбищах со скотом своим и не сходящих в долины с гор до самой глубокой зимы.

Вообще надо сказать тебе, что это край первобытный, дикий, с дикой величественной природой, с языческим народом, который живет особой, оригинальной жизнью. Хочется вывезти мне отсюда какую-нибудь тему, а для этого нужно поработать. К сожалению, я лишен буду возможности из-за выездов в глушь писать тебе так часто, как бы это хотелось мне.

Устроился я великолепно: имею прекрасную, спокойную и чистую комнату, кормят меня знакомые и кормят хорошо. Здесь много знакомых, проф. Грушевский, Франко и др. литераторы. Однако вижу редко, т. к. занят делом.

Голубка моя! Напиши мне непременно, что купить тебе на оставшиеся деньги. Часы я уже купил, самые лучшие, стоили 35 руб., значит твоих осталось 15. Кроме того, напиши, что мне купить тебе в подарок. Хотя об этом не спрашивают, но между нами такая откровенность уместна* ты только облегчи/а бы мне выбор.

Береги свое здоровье, милая моя Шурочка, горячо любимая детка! Ты приедешь, вероятно, 10—11 авг., значит, на 2 — 3 дня позже меня.

Ожидаю твоих писем, боюсь только, что дорога займет у тебя много времени и я долго не буду получать вестей от тебя.

Целую тебя, сердце мое и прижимаю к груди. Люблю тебя крепко, живу тобой и еще бесконечно целую. Не забывай твоего.

262.

14. VII 911. Криворілля.

Благодарю тебя, милая моя, за письма. Я получил их три, все еще из Чернигова. Напрасно ты нарекаешь на свои письма, считая их сухими. Они приносят мне такую глубокую радость, так оживляют меня. Между строк я читаю в них всю нежность твоей души, все то прекрасное,

которое ты не выражаешь даже словом. Пиши мне. С грустью думаю, что я получу их немного, ведь последнее ты напишешь не позднее 23, т. к. около 1-го я выеду отсюда и пробуду дня 2 в Львове, а дорога займет остальное, до конца отпуска-

Я уже предупредил Ник[олая] Ник[олаевича]1С4о своем уходе со службы105 и буду в бюро не больше 3 — 4 дней только для того, чтобы сдать дела. От кого ты слышала, что я зимой собираюсь на Капри? Я еще не решил, хотя если зимой мне будет плохо, поневоле придется поехать туда на 2 самые холодные месяца. Впрочем, все это еще в проекте и ничего определенного нет. Через полчаса уезжаю на 3 — 4 дня в горы верхом. Придется ночевать у костра, питаться скудной пищей горных пастухов, жить среди стад и полудиких пастухов. Предвкушаю всю прелесть первобытного состояния. Если бы только удалось мне собрать материал! А буду я в очень диких местах, где все оригинально, особенная флора, холодный горный воздух, на вершинах снег и примитивное существование. Придется переплывать вброд реки и горные потоки, бродить едва заметными тропинками, доступными только гуцульскому коню.

Не беспокойся, я не переутомлюсь, я помню твои наставления и желания. Возвращаясь, отдохну несколько дней и опять уеду из цивилизованного края. Чувствую себя хорошо, чувствую силы рискнуть на такое путешествие. Вообще здесь так заботятся обо мне, что мне даже совестно, какой-то спорт сделали себе люди для доставления мне всяких удобств и удовольствий. А я охотно все это заменил бы за один взгляд твоих глаз, за одну твою улыбку, одно слово твое. Ничто в свете не доставляет мне большей радости, как твоя ласка, твоя любовь, моя дорогая, любимая, хорошая моя! Если бы я мог обнять тебя сейчас — все, кажется, отдал бы за это.

Пиши мне. На могу больше сегодня писать, конь стоит оседланным и ждет меня. По возвращении сейчас напишу тебе, а пока целую крепко, как люблю, ласкаю и обнимаю. Сердце мое, люблю тебя. Будь здорова, береги себя, поправляйся и не забывай твоего...

263.

10.VII 911. Криворівня.

Дорогая моя! Шурок мой милый!

Только что возвратился из поездки в горы и застал твое первое письмо из Рыбинска. Спасибо, моя голубка, целую тебя и еще благодарю, мое солнышко: очень уж обрадовало оно меня в нашей разлуке.

Ездилось мне очень хорошо. Провел я в горах 5 дней, утомился, но доволен и чувствую себя недурно. Поехал я в село Головы, интересное тем, что в нем оканчивается дорога, как на краю света. Отсюда можно ехать только верхом, горными и лесными тропинками, иногда с риском для жизни. Но мой конь-гуцул удивлял меня своей отвагой и ловкостью: он сходил в такие пропасти, влезал на такие скалы, что я, потом, оглянувшись, не хотел верить, что был там. А конь ступает, как балерина, легко и грациозно, не руководимый мною, а руководящий.

Много я видел. В селе попал на оригинальный обряд. Ночью умерла где-то старуха — и вот из далеких изб (здесь изба от избы на несколько верст) сошлись люди. На скамейке под стеной лежит покойница, горят перед ней свечи, а в избе поставлены лавки, как в театре, и на них сидит масса людей. Тут же, у покойницы в сенях, собралась повеселиться молодежь. И каких только игр не было! Смех раздавался непрерывно, шутки, поцелуи, крик, а покойница скорбно сомкнула уста, и теплятся похоронным блеском свечи. И так всю ночь. Такой сильный контраст, что я и на следующую ночь не мог уснуть под впечатлением сцены³⁰⁰.

На следующий день я поехал в "полонину" ш. Не слезил с коня весь день и половину ночи, наконец добрался до горных пастбищ, где гуцулы проводят лето со своими стадами. Когда подымался на вершину горы, горы обступали меня вокруг, как взбаламученное море с гигантскими

волнами. На Черногоре—снег. Лето, солнце, а меня обнял такой резкий холод, что пришлось надевать шубу, которой снабдили меня на дорогу. Здесь все первобытно, люди, скот, пастбища, обычаи. Пришлось жить кукурузным хлебом, молоком, брынзой, как и пастухи. Не буду описывать тебе своих впечатлений, слишком их много для письма. Скажу только, что я доволен и собираюсь еще через несколько дней, после отдыха, в горы. Хочу собрать материал. Не думай только, что я забываю твои советы. Не утомляюсь слишком, не работаю, живу впечатлениями и кое-что записываю в книжку.

Все таки — это каникулы, отдых, а работа предстоит дома.

Вообще, я имею очень хорошую обстановку для отдыха и для наблюдений. Все заботятся о моих удобствах, все наперерыв стараются доставить мне удовольствие. А я мечтаю скорее увидеть тебя. Как ни интересна жизнь здесь, как бы ни хорошо было мне среди чудной природы — я не могу отделаться от тоски по тебе, мне хочется твоих объятий, твоих глаз, твоего голоса. Когда ты возвратишься? Хорошо было бы увидеться нам в день твоего приезда. Не удалось бы увидеться утром до обеда, как ты думаешь? Напиши. А, тем временем, поправляйся, отдыхай и веселись. Я очень хотел бы, чтобы тебе было хорошо, чтобы ты была довольна. Не забудь написать, что тебе купить, иначе мне придется везти твои деньги обратно. Целую тебя, солнышко мое, мой северный цветочек. Люблю. Если часто не смогу писать, не сердись: я должен выезжать в горы.

22. VII 911. Крипоріня.

Дорогой Шурок! Вот положение! Пишу тебе, а не знаю, когда пойдет письмо. Вот уже 5-ий день непрерывно идут дожди, день и ночь, горная река Черемош, за которой я живу, разлилась, бушует и нет смельчака, кто решился бы перебраться на другую сторону. Перед моим приездом сюда—было половодье, река снесла все мосты и переправы и мы все время переправлялись через реку на маленьких плотах, иногда с риском для жизни. Теперь мы отрезаны от почты, от лавок, от всего света.

Хорошо, что успели запастись провизией, иначе нам грозил бы голод. Возможно, что на почте лежит письмо от тебя, но я не уверен, что получу его завтра, послезавтра. Впрочем, сейчас тучи разрываются, дождь перестает на 5—10 минут, а это хороший знак. Если погода установится, дня через три какой-нибудь отважный гуцул переплывет реку и доставит почту. А, может быть, и раньше, ничего не известно. Если бы ты видела, какая оригинальная картина получается здесь в горах, во время дождя. Тучи плывут низко, цепляются за горы, сосновые (собственно еловые) леса, кажется, дымят. Точно горные потоки кипят и поднимают облака пара. Вот туча закутала вершины, вот уже исчезла целая гора, наконец вся долина (котловина), как горшок до краев наполняется тучей, ничего не видно. Наконец из тучи показалась где-то вершина, плавающая в туче, как по морю. Я не раз испытывал такое чувство, точно вся Криворивня поднялась в небо и плывет среди туч, как аэроплан.

Красиво, но досадно. Ничего не делаю, по целым дням беседуем и шутим, благо товарищ у меня веселый 108.

Погода испортила все мои планы. Думал уехать в горы на работу, а теперь не уверен, удастся ли. Пробуду здесь еще 10 дней.

Голубка моя! Ты будешь дома 8, я тоже приблизительно приеду к тому времени, значит мы могли бы увидеться на обычном нашем месте 9 или 10-го в 61 /й. Я, кажется, в одном из писем нафантазировал, предлагая увидеться утром, забыв, что первые дни я буду еще ходить на службу, значит несвободен.

Чувствую себя недурно, здоров, злюсь только на погоду и тоскую по тебе, мое солнышко. Я очень рад, что тебе хорошо, что ты отдыхаешь, но все таки больше был обеспокоен твоими зубами, чем очаровательным дантистом.

Если не успею завтра сдать письма на почту, припишу еще. На всякий случай — целую крепко мою голубку, мое единственное и

дорогое счастье. Так хочу тебя видеть, так мне плохо и одиноко без тебя. Не желал бы тебе такого состояния, в каком бываю без тебя.

Еще и еще целую, голубка моя!

Твой.

265.

27.VII. Криворівня.

Мой милый и дорогой Шурок!

Не писал я тебе 3 дня, был в горах, где нет почты. Не везло мне, все время дожди, горы покрыты тучами. Вчера возвратился и не мог даже переправиться через реку домой, и ночевал у священника. Сегодня мне принесли твои письма. Выходит, что это мое последнее письмо, после. 27 просишь не писать тебе. От тебя жду еще одного, тоже последнего, письма. Голубка, напрасно ты беспокоишься. Я все куплю, привезу в Киев и отошлю посылкой на твое имя. Возвратившись в Чернигов, ты получишь посылку.

Увидимся, как ты того желаешь, 11-го в 7 часов, а если не удастся, то на следующий день в (7) и т. д., пока не увидимся. Я выеду отсюда 1-го, а приеду домой 6 или 7. Дело в том" что пока доберусь до Львова, придется быть в дороге дня два, придется ночевать. Дороги так испорчены наводнением, что сообщение по обычной дороге совершенно прервано на 2 месяца и мне придется ехать простым возом, верхом и автомобилем, пока доберусь до железнодорожной станции. Начал писать тебе это письмо в Криворивне, а заканчиваю его в м. Жабе., куда должен был поехать за покупками. Вообще— жизнь здесь настолько своеобразна, дика, лишена нашей культуры, что ты и представить себе не можешь. Иногда нечего бывает есть, живешь на картофеле и молоке. Однако я здоров, сердце молчит, усталости нет. В Крутах мы не

увидимся потому, что моя дорога лежит на Киев, оттуда поеду пароходом. Если бы знал, что наверное встречу, поехал бы из Киева на Круты, но уверенности нет—значит рисковать и утомляться не следует.

Очень жалею, что погода мешала мне собрать столько материала, сколько хотелось, но что делать.

Радуюсь, что скоро возвращаюсь и увижу тебя, и поцелую тебя и прижму к сердцу, бьющемуся только для тебя, живущему только тобой. Я так часто думаю о тебе, что не бывает ночи, когда бы ты не снилась мне и во сне я так часто ласкаю тебя, что проснувшись чувствую на губах вкус поцелуев.

Поправилась ли ты, отдохнула ли порядком? У меня сердце болело смотреть, как ты переутомляешься, как ты худеешь и теряешь жизнерадостность.

До скорого свидания, сердце мое любимое, мое счастье,

радость жизни моей. ()

Твой.

266.

16.IX р.

Не сердись на меня, детка, за короткое письмо. Здесь я так атакован, что, буквально, нет у меня свободной минуты. Пишу тебе этих несколько слов, чтобы хоть поцеловать крепко и сказать, что я все думаю о тебе, даже среди суеты, что я всегда и везде полон тобой. Ты, конечно, знаешь это и без слов, новее же мне хочется говорить тебе самые теплые, самые сердечные слова, какие находятся у меня в глубине сердца.

Не знаю даже, как себя чувствую, кажется недурно, настолько мало у меня времени, настолько много всяких впечатлений. Радуюсь, что скоро увижу тебя, мое счастье, а ты расскажешь мне, что было с тобой, что ты за это время пережила и передумала. Пока ■—целую и обнимаю без счету — и люблю, как любил, если не больше.

У меня в груди неиссякаемый родник чувства—и это доставляет мне болмное счастье. Будь здорова, голубка. Еще целую.

Твой.

267.

12.XI 1911. Львов к*.

Наконец, дорогая моя, могу писать тебе. Выехал я 8-го во вторник, но после нашего свидания совсем не выходил, чувствовал себя плохо и кашлял, значит, если бы мы даже условились увидаться, едва ли я смог бы придти на свидание. За это время я успел уже поправиться и сейчас чувствую себя недурно. Правда, в Киеве утомили меня люди, обеды, встречи и театр, зато я поумнел и здесь сижу incognito, без людей, значит спокойно. За окном бушует буря, дождь идет уже двое суток непрерывно, а я веду тихие беседы со своими приятелями и не показываюсь в обществе. Завтра утром уезжаю в Вену и к вечеру буду уже там. Остановка в Вене будет непродолжительна, всего один день и две ночи, а следующую остановку сделаю в Венеции, во Флоренции и в Риме. Со всех этих городов буду писать тебе, а тем временем пиши мне по следующему адресу: Италия Italia, Capri (presso Napoli). Ferma in posta. M. Coziubinski.

Смотри же, голубка моя, не забывай меня, пиши чаще, помни, что я скучаю по тебе и все время буду скучать. Не описываю тебе сегодня своих впечатлений, так как их очень мало и незначительны они, потом, надеюсь, будешь получать более содержательные письма. Вообще

дорога — самый неблагоприятный период нашей разлуки. Я все стремлюсь вперед, меньше обращаю внимания на окружающее, да, сказать правду, и нет возможности за такое короткое время. Хочется поскорее доехать и сесть за работу, которая становится все более и более привлекательной для меня, хочется работать— а все остальное (путешествие и внешние впечатления) только придаток.

Все время я вспоминаю тебя и проверяю свои чувства к тебе, все мне хочется знать, насколько сильна моя любовь и всякий раз прихожу к заключению (собственно чувствую), что люблю тебя сильно и безгранично, что моя привязанность, быть может, даже прочнее теперь, чем в первый период нашей любви. Однако, боюсь распространяться на эту тему, чтобы вновь не заслужить упрека, что я только и пишу тебе о своем чувстве. ^^ ^

А, все таки, трудно мне скрыть, насколько тяжело мне без тебя и как живо чувствую я одиночество.

Конечно, постараюсь, насколько удастся, подавить это чувство, развлечься и хочу просить тебя не скучать без меня и не беспокоиться мною. Прошу только, пиши почаще. До следующего письма, моя милая. Целую тебя крепко. Любящий тебя всем сердцем.

Твой.

268.

16.XI 911. Венеция.

Дорогой Шурок! Из Вены так и не удалось мне написать тебе. Был там всего один день и две ночи, захватался, торопился, покупал пальто — и сам не знаю, как ушел день, даже совестно, что растерял время. Вчера выехал из Вены утром через Земеринг в Венецию. Если бы ты могла представить себе, какая это чудная дорога! Все время в горах,

верхушки которых покрыты снегом и ослепительно блестят на солнце (день был прекрасный, светлый и теплый); масса зелени, ярких лугов альпийских, хвойных лесов, а покрасневшие лиственные деревья горят, как кораллы. Везде шумят зеленые реки, пенятся потоки и водопады, а в вагоне докучно трещит немецкий язык, которого я не понимаю. Единственные мои разговоры — с кондукторами, да и те по необходимости кратки; впрочем, некогда заниматься людьми, природа приковывает внимание и я весь день у окна. Наконец — Понтэба, и мы въезжаем в милую Италию. Тут я первому встречному пассажиру радостно кричу; добрый вечер, судары и мы увлекаемся разговорами. Однако теперь разговоры с итальянцами однообразны и мало интересны — все приходится говорить о войне с турками, а это меня не так уж сильно задевает. В 11 часов ночи приехали в Венецию. Небо мрачно, все в тучах, туман и сыро. Дует сирокко, а тогда нет ничего сухого, все влажно, воздух, люди, улицы, табак, простыни и т. д. Сажусь с вокзала в гондолу и маленькими каналами отправляюсь в готель Luna, прекрасный готель, устроенный с большим шиком. Черная вода плещет в гондолу и сырость вызывает кашель. Ложусь во влажную постель (сухих нет во всем городе). Сегодня все серо и неинтересно. Проблуждал весь день по городу" но было скучновато без солнца. Если бы ты. мое солнышко, была со мной, мне везде было бы хорошо.

Сегодня в 11 часов ночи уезжаю прямо в Рим. Не хочу останавливаться по дороге, все же здесь не юг, хотя не холодно, 10 — 11°, розы и др. цветы цветут и люди носят их. Даже я соблазнился и хожу в твою честь с гвоздикой. В Риме пробуду дня 2 и оттуда напишу тебе. Ожидаю твоих писем на Капри, где буду около 20. Я, моя детка, здоров, хоть кашляю, но это не трудно при сырости. Как же ты себя чувствуешь здорова ли, что делаешь, вспоминаешь ли меня? Люблю тебя милая, крепко и целую. Пиши на Капри. Italia Италия Capri (presso Napoli) .Ferma in posta. M. Coziubinschl.

Целую еще.

Твой.

ічХі \$1.1 Рим.

Дорогой мой Шурок! Целую тебя, сердце!

Ты уже, вероятно, получила мое письмо из Венеции.

Вчера приехал в Рим, а завтра буду на месте вечером. Измучила меня дорога, особенно бессонная ночь по дороге в Рим, но все же много было приятного. Чем ближе к Риму, тем больше оживает природа. Сначала все еще напоминает осень, а дальше постепенно превращается почти в лето. Пожелтевшие листья сменяются зеленью, порой такой свежей, как у нас в августе. Огороды еще не убраны, косят траву, везде цветут розы, гвоздики и др. цветы, не только в цветниках, а и на лугах. В Риме уже так тепло, что никто не ходит в пальто и только я составляю исключение. Вчера с трех часов блуждал я по паркам и остался очень доволен. Ничто не напоминает осени, декабря, который уже вот-вот приближается. Дети играют в парках в летних платьицах, с голыми ножками. Дамы

в одних летних костюмах— Везде оживление, солнце, зелень, цветы и цветы. Даже странно. Воображаю, что будет еще южнее. Решил я пробыть сегодня в Риме, а завтра утром выеду в Неаполь и оттуда на Капри, значит буду на месте 19-го вечером. Здесь я встретил знакомого профессора университета, который занимается в Ватиканских архивах и сегодня весь день будем вместе. Я здоров, моя голубка, хотя и устал. Но ато неизбежно бывает при такой долгой дороге. На Капри отдохну уже. Сейчас очень меня раздражает плохое перо (пишу в кофейне), а карандаш забыл в отеле. Такая мелочь, а портит настроение и письмо выйдет менее полным, чем могло бы быть. Успокойся, с Капри напишу больше. Не забывай меня, пиши о себе часто, моя голубка, ведь я буду очень тосковать без твоих ласк, без твоих поцелуев, милых глазок. Как ты себя чувствуешь, здорова ли, чем занимаешься, вспоминаешь ли меня часто? Я очень всем интересуюсь

и хотел бы получать от тебя письма возможно чаще. Нет,
положительно не могу писать этим пером, теряю мысль, при-
том такой крик кругом, толкотня, что не можешь себе пред-
ставить. Целую тебя, голубка моя, горячо и обнимаю. Пиши,
не забывай меня. Твой.

Пиши, пока не сообщу адреса: Italia, Capri (presso Napoli). Ferma in
posta. M Coziubinschi.

Еще целую. Твой.

270.

23.XI 1911. Capri, Villa Serafina.

Моя голубка! Спасибо за первое письмо, полученное сегодня. Я так
обрадовался, что даже ожил, как будто. Уже два дня, как я приехал
сюда, а не мог написать тебе, так меня задержали знакомые. Не мог
выбрать свободной минутки. Тебе странно будет читать, что я сейчас в
стране, где днем на солнце до 20 градусов тепла, где все зелено, цветут
в диком состоянии нарциссы, а в садах и цветниках ирисы, розы и др.
цветы. Сейчас у меня в комнате роскошный летний букет.

Поселился я у Горького. Он не пустил меня в чужой дом. Отвели мне
комнату в одной из двух вилл, которые они занимают. У меня чудный
уголок, красивый, чистый и даже роскошно обставленный. Вся мебель
белая, картины, фарфор, три электрические лампы, отдельный ход,
терраса, комната на юг и когда есть солнце, оно весь день светит в мою
комнату. Передо мной всегда море, даже когда лежу в постели или сижу

за столом. Терраса выходит в чудный цветник. Обедаю и завтракаю тоже у Горьких. Одно неудобство—в комнате нет печи и если не поставят мне железную печь или переносной камин — придется переменить жилье. Вчера подул здесь сирокко, принес грозу и дождь и не совсем приветливо стало. Но это не надолго. На воздухе + 11°. Утешают, что в январе и феврале будет теплее.

Здесь живут из писателей Бунин и ГаннейзерИо, я уже познакомился с этими милыми людьми. Кроме того, здесь мой приятель, украинский писатель111, о котором я тебе говорил. Пока — все кажется хорошо здесь, а, между тем, чувствую себя совсем неважно.

Устал с дороги и от вечного общения с людьми. Сплю плохо и нервы не в порядке. Но скоро все войдет в колею и я смогу исполнить все твои добрые советы. Верь, что я и сам более всего желаю вести тихую, нормальную рабочую жизнь. Конечно, все было бы лучше, если бы ты была со мной, но я уже устал надеяться на это, ожидать солнышка в своей жизни. Начинаю уже надеяться на возвращение домой,

г-бо****-** /-г-**^/. &&/*чие*~і, г^г-^-г,гі*****. у Яг*пф

Друга і третя сторінки автографа листа М. М. Коцюбінського до О. 1. Аплаксіної

від 27.XI—1911 р.

■0 —

чтобы опять хоть видеть тебя. Не тоскуй, моя милая. Разве ты не чувствуешь, что все мои мысли и сердце все —с тобой?

Пиши мне, голубка, пока так: Capri (presso Napoli) Villa Serafina.

Прости за краткое и беспорядочное письмо. Скоро напишу. Целую тебя и обнимаю горячо. Люблю тебя. Пиши.

Твой.

271.

27.XI 911. Capri (villa Serafina).

Добрый день, милая. До сих пор имею только одно письмо от тебя и уже начинаю беспокоиться. Всегда вдали от тебя воображение разыгрывается и хотя отгоняешь от себя грустные мысли, а все же невольно кажется, что с тобой что-то не ладно. Пиши мне чаще, не бери примера с меня, т. к. пока я живу в несколько ненормальных условиях — вожусь со своим приятелем¹¹¹ и не имею достаточно свободного времени. Сегодня приятель мой уезжает и начнется более нормальная и более спокойная жизнь. Пока же я устал, мне не дали отдохнуть от утомления дорогой и от дорожных впечатлений. Хотя, в общем, я здоров. День начинаю рано, отправляемся обычно куда-нибудь в большую прогулку, к часу возвращаемся на обед и в 2 Va ч— опять до вечера (7 ч.) блуждаем по острову. Ужинаю я у себя, т. е. с Горьким и уже весь вечер до 12 или часу проводим вместе. Здесь собирается очень интересное общество, большею частью литераторы и ведутся оживленные споры и разговоры. Но все таки лучшее время дня — прогулки. Вчера я был в Анакапри, местечко в самой высокой части острова и переживал впечатление весны. Многие фруктовые деревья в цвету, в траве много нарциссов и альпийских фиалок, всходят бобы и фасоль, зеленеет пшеница, которую будут собирать в марте, крестьяне обрабатывают огороды и поля, засевая их на зиму, солнышко греет по-весеннему, птицы поют и раздается везде первобытная музыка пастухов из Абруццы, которые пред рождеством славят Христа. Единственное огорчение — мое пальто, слишком тяжелое для каприйского климата, а шить летнее — не хочется. Принимают меня здесь более чем хорошо, все говорят мне комплименты, восхищаются моими работами, чем не мало смущают меня. Я не привык играть такой роли, мои

соотечественники ведь не балуют меня таким вниманием. А мне хочется замкнуться в комнате, уйти в себя и работать.

Как ты поживаешь, мое счастье? Мне так хочется хоть на минутку твоего общества, которого ничто и никто заменить

не может. Хочется прижать тебя к сердцу (). До

следующего письма, голубка. Люблю тебя— Не забывай твоего.

272.

30.XI 911. Capri, villa Serafina.

Спасибо, Шурок мой единственный, за милое, теплое письмо, согревшее мне сердце на чужбине. Ты сама не замечаешь, сколько нежности таится в тебе, как ты добра и благородна. Я это давно и хорошо знаю, а все же мне приятно лишний раз иметь доказательство этого. Не беспокойся, сердце, обо мне. Я здоров и начинаю приходить в себя после дороги и первой усталости на Капри. Кашель почти совсем прошел, только по утрам кашляю, но это не надоедает мне, я даже не замечаю. Доктора, хотя их много на Капри — пока не нужны мне и, будем надеяться, не понадобятся вовсе. Но если бы и понадобились, то я живу в такой обстановке, среди любящих меня людей, что позаботиться обо мне будет кому. Тебя интересует мое пальто — знай же, что оно теплое и легкое, все на шелковой подкладке и на шелковой вате, материал тоже легкий и теплый. Боюсь только, что не придется мне носить его здесь, т. к. даже в самые холодные дни не бывает на Капри дневных морозов. Редко по утрам температура в январе падает до — 10, но к 8 часам утра уже тепло, а днем 15 — 16 градусов тепла. Наоборот, я огорчен, что не взял с собой летнего пальто. Чтобы покончить с прозой, повторю, что комната у меня прекрасная, солнечная, с террасой, с цветниками пред ней и видом на море и горы, одним из красивейших на острове. Кормят меня великолепно. Вчера

привезли для меня 'из Неаполя керосиновую печку без запаха, очень изящную, словно игрушка, которая дает мне возможность повысить температуру в комнате в любой момент до 15—17 градусов. Вообще же здесь тепло, скоро будем иметь молодой картофель, артишоки и др. огородные овощи, зреют некоторые фрукты. Всю зиму цветут здесь на открытом месте цветы.

До сих пор я вел жизнь, не удовлетворяющую меня, гулял, забавлялся, все время был на людях, но с завтрашнего дня перехожу на рабочий режим. Твой сон в руку. Да, милостивая государыня, у Вас имеется соперница. Блондинка она или брюнетка — решайте сами, но соперница несомненная: этот m-lle Литература, ревнивая и страстная особа. Но мы сумеем помирить ее с Вами и будем жить вместе в любви и согласии. Не правда ли?

Ты напоминаешь мне о каких-то неприятных, по твоему, минутах во время наших свиданий, а я забыл о них. Помню только хорошее, приятное, помню только твой дорогой для меня образ, ТѣОи ласки и доброту. И этим живу. Мысленно целую тебя и согретым любовью сердцем обнимаю тебя, мою светлую радость. Не страшат меня предсказания о твоём замужестве. Когда любишь хорошо и беззаветно — ничего не страшно. С первого же дня нашей разлуки жду нашей встречи, твоих ласк, твоего взгляда и слов. Что значит любить! Большая сила.

Как-то ты будешь выглядеть в новых кофточках? Интересно. Боюсь, что я утомил тебя словами любви, в другой раз буду посдержаннее, скупее и тем искуплю свои грехи. Целую твои ручки, целую губы и глаза. Не забывай.

Твой.

4.XII 911. Capri, villa Serafina.

Дорогая детка! Я думал, что ты чаще будешь писать мне, а, между тем, чаще пишу я. Впрочем, не будем считать, я только просил бы тебя не забывать меня. Очень уж тоскливо мне без тебя, особенно обостряется чувство тоски под вечер, в часы наших свиданий. Мне все кажется, что я должен идти к тебе, я думаю о нашей встрече — и вдруг все эти мечты расплываются — и я одинок, страшно одинок тогда бываю.

Правда, меня отвлекают от подобных мыслей, отвлекают подчас до утомления. Не могу понять, почему моя особа вызывает такой интерес у Горького и вообще у здешней публики, но это факт, от которого подчас я буквально страдаю. Ты знаешь, я не люблю возбуждать большого внимания к себе, это меня стесняет — и быть в центре целого общества очень неудобно и утомительно. Относительно свободой пользуюсь только до 1 ч. дня, т. е. до обеда, а потом начинается. После обеда меня увлекают в кабинет — где время проходит в бесконечных разговорах до ужина (7 ч.), а затем собирается литературная компания, читаются произведения, только что написанные, обсуждаются и опять разговоры затягиваются до 1 часу ночи. Таким образом, я 12 часов в сутки на людях, среди облаков дыма, возбуждения и без движения. Это не хорошо для меня, чувствую, что ты ругаешь меня, ругаю себя и я. Но успокойся: сегодня я начал писать и теперь имею предлог уклоняться от бесед, чем и думаю воспользоваться. День свой я думаю устроить таким образом: к 9 часам утра я буду совершенно готов и сажусь за работу до 1 часа. После обеда гуляю, читаю газеты, книги, а также пишу письма, от 7 до 9 — обед и общество, а затем от 9 до 11 опять работа — и спать. Сегодня я совсем не гулял, не дали, а очень досадно, т. к. погода чудесная. Солнце такое жаркое, что я даже загорел, краски удивительно по-весенни яркие, масса цветов. Дверь на балкон открыта весь день, я сегодня сидел часа 2 на балконе в одном костюме, без шляпы и все таки было жарко. Не могу себе представить, что у Вас морозы, снег вообще зима. Наш садовник старается и ежедневно ставит в моей комнате по два букета. Как жаль, что тебя здесь нет ты так любишь цветы. Посылаю тебе фиалку, я ее предварительно поцеловал. Хотел бы послать больше, даже целый букет — но увы! Через неделю —

рождество (у итальянцев, конечно), но я буду его праздновать вместе со всеми: говорят эти праздники проходят здесь интересно, я тебе опишу их.

Как бы хотелось получить от тебя хоть несколько слов сегодня вечером или хотя завтра утром (почта приходит 2 раза в день). Может бы я почувствовал твой поцелуй, посланный в письме. Но я могу поцеловать тебя и авансом.

Будь здорова, мое сердце, пиши мне и люби меня. Обнимаю тебя горячо. Не забывай.

Твой.

274.

3.XII 911. [Капри.]

Сердце мое Шурочка! Я получил твои письма, 4 и 5-е. Свои начинаю нумеровать с первого №, т. к. забыл, сколько уже выслал. Твои письма доставляют мне искреннюю радость, без них было бы мне очень тяжело. Прежде всего, отвечаю на вопросы, чтобы не забыть. Кашляю я меньше, хотя уже два дня как слегка простудился и опять кашель. Было так жарко, что я сбросил пиджак и так сидел у себя на веранде, а этого зимой не следует делать, вспотел — обвеял ветер и опять немного кашляю. Впрочем, такие пустяки, что и писать не стоит. Сердечные припадки отошли в область преданий. Я не волнуюсь, бросил пить кофе и вино, нет холодов — значит нет причин для сердечных страданий. Наши домашние живут, кажется, неплохо, все здоровы, из детей пишет только Оксанка — и пишет очень милые письма. Карточку свою я уже показывал здешнему фотографу, но он меня огорчил, сказав, что она очень бледна для переснимка и не выйдет. Не огорчайся. Кажется дома есть у меня другая, такая же, лучше сохранившаяся, надо только поискать, что я и сделаю в свое время.

Ты мне напомнила о 3 числе и я загрустил. Как мне

тяжело будет в этот день здесь. () ^

Последние два дня я никуда не выходил, хотя погода была совершенно летняя. Пришла литературная новинка — роман Андреева "Сашка Жигулев"¹¹² и мы компанией читали ее. Очень слабая, плохо сделанная вещь. Затем Бунин читал свои новые рассказы, особенно удачен один: "Хорошая жизнь", будет напечатан в "Современном мире".

Сегодня вышел гулять и принес цветущих миртов" — они вновь зацвели. Вообще здесь везде цветы и цветы. Я теперь пишу: заявил, что не могу много уделять обществу времени—и правильно. Сажусь за работу¹¹³ по утрам и вечером от 9 ч. К сожалению, очень мало времени у меня, мало читаю. А читать есть что: газет больше 20, все журналы, даже второстепенные и все последние новинки в области литературы. Словом—столько книг я давно не имел под руками. Кроме того, книги на иностранных языках. Итальянской литературой я непременно займусь. Радует меня" что ты поправляешься. Пожалуйста, не останавливайся, полней, сколько можешь, тебе это надо и мне наверное понравится. Зато я очень огорчен, что ты скучаешь. Старайся развлекаться, голубка. Вот и я стараюсь утешить себя работой, ведь мало радостей здесь у меня без тебя, конечно.

Сижу и работаю, нервы успокаиваются, вокруг тишина, чистота и красота. Надо мной острят, уверяя, что у меня комната как у невесты, а, между тем, это сущая правда. Только море шумит да солнце передвигается по комнате (оно весь день гостит у меня), а в передней ругаются попугаи или смешно поют модные арии, передразнивая старух. Пора

кончать, зовут обедать. Целую тебя, голубка ()-

Твой.

275.

12.XII 911. LKanpi.]

Как ты меня испугала, дорогая моя, своим письмом, только что полученным мною (№ 6)! Мне и сейчас жутко, когда подумаю, что ты подвергалась такой опасности. Успокоилась ли ты? Я, право, начинаю бояться за тебя.

А у нас все проходит мирно. Вчера началось рождество (сочельник). Еще за несколько дней перед рождеством знакомые стали обмениваться подарками. Подарки эти ставятся на стол на видном месте и стоят все праздники. У моих хозяев все столы завалены ими. Стоят пышно разодетые куклы, в шелковых вышитых платьях, а под платьями у них полно винных ягод или фиников. Бутылки вина, малые и ведерные, вышитый бархат для тувель, подсвечники, кольца, фрукты, салфетки и цветы, цветы без конца. Ко всему прилеплена поздравительная карточка. Даже я получил букет роз и фиалок (от кого — не знаю) с поздравлениями: "Molti felici angurii e bon Nótale!", много хороших пожеланий и доброго рождества. На сочельник собрались к нам гости: Бунин с женой (красивой дамой, племянницей Муромцева) и с взрослым племянником (переводчиком Диккенса), поэт Черемнов с матерью, один начинающий писатель с невестой. Вся комната, буквально, завалена была букетами, посреди стола возвышалась огромная бутылка с каприйским вином, окорок под турецким флагом и индюшка под италийским, ну и пр., как полагается на званном ужине. Было весело, оживленно, сначала писатели поругали всех отсутствующих собратий, потом похвалили друг друга, ну, все, как следует быть. К 12 часам мы отправились в церковь. Ночь удивительно тихая и теплая, небо парадное, праздничное, звезды все в сборе. В церкви полно людей, орган играет оперные вещи, б ксендзов режут по-латыни, а тут же, среди молящихся, маленькие собаченки вычесывают блох. С улицы, с гор доносятся непрерывные взрывы петард, с ружейным залпом палят петарды и на пороге церкви, и дым от них смешивается с дымом камильниц. В 12ч/2 часов толпа выходит из церкви на площадь и тут

начинается праздник. Взрослые и ребяташки бросают в воздух сотни петард, которые с ужасным треском лопаются в воздухе и окруженные снопами искр, как золотыми кудрями, падают на землю, кружатся и стреляют. Ребяташки бросаются на огонь, в самое пекло и мелькают в огне черными силуэтами. А петарды вспыхивают по горам, с шумом и треском, бесконечное число раз повторяемым эхом, летят у тебя над головой, стреляют под ногами, пугая женщин. Уже не сотни, а тысячи выстрелов и огней окружают тебя, все исчезает в дыме и трудно дышать, как на войне. Этот шум, крики, огни и выстрелы продолжаются целый час и слышишь возле себя какой-то наивный голос русского обывателя: "Ах, боже! и ни одного городского!". Толпа веселая, визгливая, шумная. У мужчин в петлицах цветы, у женщин — букеты. Но вот среди этого гвалта слышится музыка. Из узкой улички со сводами, как из катакомбы, выползает светящийся хвост, целая цепь фонарей на высоких шестах. За фонарями идут "дзампоньяры" (пастухи из Абрुццы), играющие пастораль (новены) на первобытных инструментах — волынке и деревянных дудках. На ногах лапти, высоко перевязанные по ноге ремнями, черные плащи, головы обнаженные и сухие, строгие лица. За ними маленький мальчик, кудрявый, как херувим, в белой рубашке, несет корзину цветов, среди которых голый ребенок — христос. Над мальчиком несут египетский зонтик, круглый, с длинною бахромою. А дальше толпа. Идут и исчезают в церкви. Через несколько минут другая такая процессия с музыкой и пением, но Христа благоговейно несет старик, самый старый киприйский столяр, изображающий Иосифа. Ого! думаю себе: здесь дева Мария родила сегодня двойни! Процессия среди треска петард, шумих и клубов дыма ходит по улицам с пением, иду за ней и я. Весело! Думаешь как это все старо, старше Христа. Когда-то люди носили так идолов, затем Христа, (. . — . . .). И чувствуешь себя одним из звеньев большого кольца человеческой жизни. В 3 часа ночи расходимся по своим комнатам.

Что-то я расписался сегодня, боюсь, что утомил тебя, голубка.
Прости, если так.

Чувствую себя неплохо, пишу понемножку, читаю еще меньше, но ведь теперь праздники, гости и т. под., мешающие правильно работать. Кроме того, публика донимает меня письмами и приходится немало уделять времени на коррес. понденцию. Как это ни странно, все некогда.

Сегодня у нас скверная погода. Я даже не пошел в синематограф, хотя меня и тянули туда смотреть Триполи и какую-то очень комическую обезьянку, как пишут в афишах.

Ну, будь здорова, сердце мое, береги себя, не рискуй, гуляй и думай хоть изредка обо мне. Авось скорее пройдет нам время разлуки. Целую крепко, обнимаю и прижимаю к сердцу.

Твой.

276.

17.ХП 911. [Капрк]

Ей богу, не знаю, дорогой Шурок, правильно ли я нуми-рую письма, третье ли это письмо с тех пор, как завел нумерацию, или четвертое. Ну, да это неважно. Напиши мне, не пропадают ли письма, все ли получаешь. Я только что получил твое № 7. в котором ты нарекаешь, что родилась 13-го. И как тебе не стыдно! Я обиделся даже. Когда я вспоминаю о дне своего рождения, я благословляю его, т. к. если бы я не родился, я не встретил бы в жизни тебя, мое счастье и радость моя. Все таки хорошо жить, когда среди невзгод и тяжести жизни цветет любовь, прекрасное, божественное чувство, со всем примиряющее и все оживляющее. Семь лет я люблю тебя, а мне кажется, что не прошло и семи часов, так мое чувство свежо и ново. Разве это не чудо, разве это не радость. Если ты не ощущаешь этой радости, мне жаль тебя. Ведь так редко встречаешь человека, которого можно долго любить. И не только долго, но и свежим, вечно новым чувством согревать сердце. Может быть, это лежит в нас самих, может быть, это особый дар, но я

благодарен судьбе за него. Целую тебя и поцелуем закрепляю свое чувство радости и благодарности.

Не помню, моя голубка, хвалился ли я тебе в прошлом письме, что уже закончил свой рассказ п4. Помнишь—пасха? Отложил его в сторону, не хочу никуда сейчас посылать, пусть полежит, тогда исправлю, переделаю а, тем временем, буду писать другой¹¹⁵. Мне немножко мешают работать. Завелись у меня поклонницы, какие-то молодые дамы с мифическими мужьями, которые где-то, в каких-то странах живут, но к женам не приезжают. Носят мне цветы (не мужья, конечно, а дамы), ахают и умоляют ездить с ними по гротам. А я должен огорчать их

отказом— хотя цветы и ахи приходится принимать, ничего не поделаешь. Часто испытываю чувство досады: по утрам солнце греет и светит, море удивительно сине, а я должен сидеть лучшую часть дня за столом, за работой, только изредка бросая взгляд на красоту эту, — глядящую на меня из стеклянной двери. Нет. надо сделать хоть небольшой перерыв и погулять на воле. Может быть, солнце посеет что-то в душе, а я использую, собираю жатву.

Я здоров, сердце мое. Кашляю меньше. Не хватает только мне 24 часов в сутки, весь стол завален книгами, а успеваю читать немного. Сейчас, когда пишу тебе, так обворожительно хорошо, тепло и светло, что я еще больше, еще сильнее чувствую, как люблю тебя. Целую тебя, мое счастье, обнимаю и жму крепко, крепко. Будь здорова, голубка. До следующего письма. Пиши.

Ч

Твой.

277.

23.XII 911. [Капрі.]

Дорогая моя! Нет от тебя писем и нет. Последнее было уже давно (№7) и я начинаю беспокоиться, не случилось ли чего. У меня всегда в разлуке бывает несколько тревожное настроение, а отсутствие писем дает ему пищу, усиливает.

С грустью думаю о завтрашнем дне. Почти всегда мы в этот день встречались, не смотря ни на какую погоду,— а теперь так далеко друг от друга. Скоро и другой день наш, еще более памятный —нет, просто невыносимо становится думать об этом. Целую тебя заочно, но ты должна бы почувствовать все тепло и силу моего поцелуя.

Живу я, моя дорогая, как это ни покажется тебе странным, очень однообразно. По преимуществу, работа. Она, кстати, идет в последнее время не очень успешно, благодаря плохому настроению. Краткие прогулки после обеда — часа на 1х/2—2 и время на еду. Иногда бывают литературные вечера и тогда я сержусь, что не работаю. В гостях нигде не бываю, хотя на меня за это в претензии, т. к. есть здесь у меня несколько старых знакомых. Читаю мало, все нет времени. Вероятно я не умею использовать времени, мне постоянно некогда, а. между тем, результатов работы как-то не видно. Погода у нас в общем, сносная, а сегодня даже теплая, но были холодные дни, когда ветер дул с севера и я даже не мог гулять. На прогулках стараюсь быть в одиночестве: сажусь где-нибудь и смотрю, как море разбивается об скалы и слушаю вечный шум его у берегов. Скалы так красиво освещены солнцем, зелень ярка, по улицам стучат деревянные башмаки ребятишек, а на виноградниках работают всей семьей. Женщины и дети убирают с них огородную зелень, а мужчины тяжелыми кирками взрыхляют землю. Где-то кто-то поет, крестьянка несет на голове большой мешок с сеном, кричит осел, а громадные кактусы, точно в ужасе, поднимают свои колючки. А все горит на солнце, море, скалы, зелень деревьев, дома и красные береты на головах каприйцев. Так тихо, спокойно, что все окружающее тебе кажется скорее картиной, чем действительностью.

Как же теперь в Чернигове? Снег? Мороз? Ветер? Я хотел бы (эгоист), чтобы все это было, может быть легче

смог помириться с тем, что уехал в Италию. Голубка! ()

Пиши мне. Ведь я очень скучаю. Как ни креплюсь, а должен признаться, что скучаю. Поцелуй меня крепко в письме и напиши, все ли письма мои получила, хотя я уже спутал нумерацию. Еще целую и обнимаю мою любимую деточку.

29.XII 911. [Капри.]

Пишу это письмо с таким расчетом, чтобы ты, дорогая моя, получила его в наш день, 3-го, если, конечно, зайдешь в свое время за ним.

Целую тебя в наш день и в поцелуй этот вкладываю всю душу, всю мою любовь и благодарность за то счастье, какое ты все время давала мне. Не знаю, ответишь ли ты мне на него таким же радостным поцелуем, но хочу надеяться.

Пишу эти строчки и мысленно оглядываюсь на все время нашей любви, я помню только хорошее, светлое; все пятна, все тяжелое, что пережилось, исчезли куда-то — я это забыл и не хочу помнить. Чувствую в душе праздник, мне светло и хорошо от того только, что мы любим друг друга. Ответь же мне поцелуем, моя голубка, он даст мне силы пережить нашу разлуку и сохранить надежду на долгое, все новое и новое счастье с тобой. Когда будешь читать это письмо, то вспомни, что при встрече нового года, ровно в 12 часов, я жил только тобой, думал о тебе и посылал мысленно тебе поздравления и самые лучшие, какие только нашлись у меня, пожелания. Также я буду думать о тебе в наш день, в час нашего первого поцелуя.

Да, буду встречать новый год далеко от тебя. Встретим его семейно, в кругу добрых знакомых, тесно связанных литературными интересами. Будет, конечно, много хороших пожеланий, над которыми посмеется новый год, как он всегда смеется. Но это ничего, хорошее всегда останется внутри нас, а это главное.

Напиши, как тебе удалась встреча. Вообще пиши о себе помни, что это меня интересует.

О себе — нового мало. Не хватает дня — вот мое вечное горе! Так много надо сделать — жизнь коротка, не успеешь — а время мчится с поразительной быстротой. Держу сейчас корректуру своего нового (гуцульского) рассказа¹⁶, который должен появиться в 1-й кн. "Вістника". Кроме того, надо послать сейчас рукопись его для перевода на русский язык для январьской книжки одного нового толстого журнала в Петербурге¹¹. Вообще, меня атакуют со всех сторон не только украинские, но и русские издательства. Даже сюда приезжали издатели и редакторы с просьбой сотрудничать, но я отказываюсь, не желая связывать себя, так как боюсь обязательных, спешных работ, что всегда связывает и понижает качество работы. Что же, будет меньше денег, но лучше работа. Как ты думаешь на этот счет, мое сердце? Вообще беллетрист теперь в большом спросе — т. к. затевается несколько новых журналов^к ^

Я, мое сердце, здоров, хотя не очень. Кашляю меньше, но почему-то устал. Надо сделать перерыв и погулять. Это будет даже кстати, так как хочется написать кое-что об острове. Ты знаешь, одно письмо твое пропало (8-е) или ты забыла нумерацию. Я уже забыл свою и не нумерую.

Будь здорова. Люблю тебя и целую. Поправилась ли ты? Целую еще.

Твой.

279.

3.1 912. [Капрі.]

Не знаю, дорогая моя, получила ли ты сегодня мое письмо с двойным поздравлением. Быть может, не догадалась и не зашла за ним. Я так хотел, чтобы ты была довольна "третьим" и не думала, что я забыл о

нем. Ждал и от тебя, но ничего не было, вероятно, письмо опоздало вследствие снежных заносов на русских дорогах. Как же ты встретила новый год. весело ли тебе было и вспомнила ли обо мне?

У нас встреча нового года вышла не очень удачной. В этот вечер Бунин читал нам свой рассказ, довольно большой и едва кончил, как надо было торопиться пить шипучку, т. к. было 12 часов. Поздравили друг друга, поболтали вяло и разошлись к часу. Не было ни оживления, ни особенно интересных разговоров. Я пил за твоё здоровье и мысленно целовал тебя. На другой день я получил подарок от моих "почитательниц" (неправда ли, как это великолепно звучит!) горшок цветущих орхидей при трогательном письме. Но у меня болели зубы и мой восторг был довольно умерен. Никаких визитов, конечно, не делал, за что и здесь в претензии люди, но что же делать, не люблю я визитов да и некогда мне. Сегодня кончаю второй рассказ¹¹ и думаю изменить на некоторое время режим — буду гулять по утрам и изучать остров. Не помню, писал ли я тебе об этом (боюсь повторяться), но мне хочется собрать с острова мед и перенести, как сумею, на бумагу. Конечно, буду гулять в солнечные дни, а в непогодные (ветреные и дождливые) буду работать. Вечера тоже для работы. Не думай, детка, что я утомляюсь: я так привык к работе, что если даже нездоров, забываю об этом, как только сяду за стол.

Должен тебя утешить: кашель прошел совершенно. Я полечился, попринимал эмских лепешек и перестал кашлять. Надолго ли, не знаю. Зато вожусь для разнообразия с зубами, но и с ними уже лучше. Здесь тепло. Был один холодный день, температура понизилась до 9° тепла, мы очень зябли, нарекали и кутались, но сейчас опять хорошо. На новый год хотели обедать на террасе и только из-за моих зубов не решились. Прошлую ночь спал плохо: не закрыл вечером своей двери и комары забрались в комнату и кусали меня. Говорят, что самое холодное время уже прошло, что февраль (сегодня за границей 16-е) будет теплее. Но тогда, позвольте, зачем же я покупал теплое пальто, которое висит у меня в шкафу без употребления! Караул..— Верно завтра будет от тебя

письмо. Жду с нетерпением, а пока целую. Боюсь опоздать на почту, иначе письмо может пойти только завтра.

Целую тебя, Шурок. () Будь здорова, любимая, не

скучай. Пиши чаще, не забывай, что мне скучно и тяжело без писем.

Твой.

280.

9.I 912. [Капрі.]

Здравствуй, мое сердце! Позавчера получил твое письмо от 30-го. Хочется мне опять написать тебе, ответить на твои вопросы. Начинаю с самого скучного" здоровья. Кашель прошел, но возжусь для разнообразия с зубами. Простудил щеку и ломит, правильно в 12 часов ночи каждый день. Если не пройдет скоро, пойду к врачу. Но все это пустяки, работать не мешает, — а это главное.

Я уже закончил второй рассказ, который называется "Именинный подарок". В двух словах содержание такое: В семье полицейского надзирателя (околодочного) готовятся праздновать завтра именины единственного сына — гимназиста первого класса. Этот сын — гордость семьи, "ученый" с перспективой, которая рисуется в воображении родителей в блестящих красках. Мать купила сыну в подарок игрушку, пароходик, и накануне именин родители мирно обсуждают предстоящее торжество. Но отец не удовлетворяется незначительным подарком. Он так любит сына, что хочет сделать ему значительный сюрприз, чтобы мальчик мог вспоминать завтрашний день и доброго отца долго, на всю жизнь. Он сообщает жене, что повезет сына завтра посмотреть казнь. Вешают девушку. Мать это вначале пугает, но потом нравится идея и она завидует сыну, т. к. и сама хотела бы посмотреть, как вешают. Сына укладывают спать рано, а на другой день будят на рассвете и отец его

везет, не говоря, куда. Приезжают. Мальчик остается с извозчиком, над обрывом, а отец отправляется вниз, на службу. Сначала мальчик, которому все видно, не понимает, что это такое, но извозчик объясняет ему и приводит его в трепет и ужас. Когда уже собираются вешать, мальчик бросается вниз и с криком: "не надо! не дам!" обнимает колени девушки. Конечно, замешательство, испуг, гнев, отец оттаскивает сына и тащит его на прежнее место, сын умоляет отца остановить казнь, но, ничего не добившись, бросает ему ругательство: хулиган, селедка, за что его бьют.

ЇГГ**ЇУ АГ £~^~СХУЪУ. —^Ю Л^У-Л* —

Перша сторінка автографа листа М. М. Коцюбинського до О. І. Аплаксіної від 9.1—1912 р.

Едут обратно домой. Отец мрачен, подавлен, думает о неприятностях по службе, о возможности увольнения сына из гимназии и все же чувствует вину перед сыном. А мальчик всхлипывает и думает отцу отомстить: "постой, будешь ты знать, когда я тебе повешусь".

Конечно, это грубая схема, а ты все же напиши мне, удачно ли я выбрал ее. Я так расписался о своем рассказе, что занял весь листик. Но, пожалуй, это самое важное в моей жизни здесь; больше всего впечатлений за столом. Два дня я не гулял из-за зубов, да и сыро, все время дожди, грозы, но тепло. Еще не было холодов, надеюсь и не будет уже. Остров попрежнему цветет, никакой разницы с тех пор, как я приехал. Только новые цветы зацвели: канны, резеда, хризантемы (в цветниках, конечно), да лимоны начинают обильно цвести. На обед всегда подают зелень, молодую фасоль, горошек, салат, цветную и обыкновенную капусту — словом, как летом. Даже скучно, что не увижу настоящей зимы, снега. А все это я охотно отдал бы вместе с островом за одно, единственное, пятиминутное свидание с тобой, за один поцелуй твой. Не надоело ли тебе, что я тебя люблю так долго? Я хотел бы, чтобы ты меня вечно целовала, оттого и пишу в письмах "поцелуй". Будь

здоровая^ любимая моя, сердце мое Шурочка, люблю и целую тебя и обнимаю.

Пиши, не забывай твоего.

281.

14.І 1912. [Капрі].

Дорогая детка! Прежде всего, чтобы не раздражать и не сердить тебя, сообщаю: чувствую себя хорошо, не кашляю, зубы не болят. Это все верно. Довольна ли ты? За то ты меня огорчаешь. Зачем ты волнуешься и раздражаешься? Не надо, моя милая, ведь ты так никогда не поправишься, не пополнеешь, а ведь я хочу встретить тебя здоровой, бодрой, спокойной. Как это мне не грустно, раньше весны не приеду. Если будет хорошая погода в Чернигове на пасху, постараюсь приехать в конце марта, если же нет — то не раньше начала апреля. Словом — до нашего свидания еще так далеко, что я с ужасом думаю, как я выдержу такую мучительную разлуку. Ты, кажется, меньше страдаешь, чем я, и это меня утешает — а я в часы наших свиданий ежедневно испытываю

такое чувство, как мотылек, которому пришла пора вылететь

из куколки, а он не может прогрызть отверстие.

На днях собирается сюда Якубович¹¹⁹ — а мне так тяжело,

что вот же может приехать посторонний, чужой человек, —

а самый близкий не решится на это. Не упрекаю, а только

отмечаю, что мне грустно без тебя, дорогая, что я страдаю

от твоего отсутствия.

Нет, лучше молчать, не надо расстраивать ни тебя, ни

себя. Потерпим. Обещай мне только, что при первой встрече ты меня поцелуешь так горячо, как никогда раньше. Должен же я иметь хоть какое-нибудь вознаграждение.

Со времени моего последнего письма никаких перемен не произошло. Вот разве в погоде: уже три дня идут дожди, но такие теплые, летние, что все благоухает после дождя, а от земли поднимаются испарения и текут реки, совсем как летом. Если солнце блеснет — становится весело, радостно на душе. На днях я видел цветущую яблоню—и это было очень приятно. Жаль только, что не увижу снега в этом году, как-то странно совсем потерять зиму. За эти три дня мало гулял, дожди мешали. Сажу в комнате и пишу (впечатления от острова) или читаю. Весь стол и все полки завалены книгами — все интересные новинки. Не помню, писал ли я тебе, что один из своих написанных здесь рассказов я послал в "Раду" (обещал, ничего не поделаешь 120). У вас в бюро получается "Рада", значит ты прочтешь его, напечатают в январе, вероятно. Напиши мне свои впечатления от рассказа, хотя наперед приготовлен к тому, что будешь меня ругать, т. к. вещь незначительна и сделана неудачно.

Из дому пишут мне, что все здоровы. Не знаю, успокаивают ли только меня или в самом деле Бее благополучно. А ты пиши о себе больше, любимая моя, у меня только и

радости, что твои письма. Целую крепко, а люблю еще крепче.

Твой.

282.

20.1 912. [Капръ] , " " 1Г1 ,

Дорогой мои Шурок!

Ты недовольна, что долго не получаешь моих писем, а

я не раз беспокоюсь, не имея известий от тебе. Мне кажется,

что я чаще пишу тебе. Не ленись, моя голубка: я всегда жду

твоих писем, как праздника. Они так милы, что при чтении

их я всегда вижу твои глаза, мои любимые черточки около губ — и мысленно целую их.

Ты ждешь — не дождешься, когда я напишу, что здоровЕе мое в хорошем состоянии. А я уже писал об этом и еще раз пишу: теперь мне хорошо, не болею, перестал кашлять. Довольна ли, голубка? Конечно, на основании здоровья ,:дамык нисколько не повлияли, хотя они не только не отстали, но как будто возбуждены моим равнодушием. Ничего против них не имею, очень они приятный народ, только мне некогда любезничать с ними — мне и без них не хватает 24 часов в сутки. Надо писать, надо много читать, занимаюсь переводами с итальянского, изучаю язык, гуляю (непременно в одиночестве, т. к. тогда обдумываю свои работы). Не говорю уже о корреспонденции и о литературных беседах и вечерах, о которых уже писал тебе.

Как видишь — занятий по горло, едва хватает времени на сон и на еду. В добавление ко всему приедет Якубович и предъявит на меня свои права черниговца. Надо будет ходить с ним и знакомить с островом.

Последнее твое письмо обрадовало меня: ты поправилась, пополнела. Как это приятно мне. Если можешь — постарайся еще пополнить — мне нравится, когда ты полнеешь. Не скучай только,

сердце мое, ведь скоро увидимся. Постараюсь приехать на пасху или в самом начале апреля. Раньше трудно собраться. После привычки к теплу попасть в холодный климат было бы очень уж вредно, я наверное простудился б сейчас и мы, все равно, не могли б видеться. Почему ты, Шурочка, так мало задаешь мне вопросов? Я всегда боюсь, что в письмах пропускаю интересное для тебя только потому, что мне оно кажется обычным, что я уже привык. Пожалуйста, не стесняйся ставить мне всякие вопросы, охотно и добросовестно буду на них отвечать.

Погода, в общем, сносная. Сегодня только большой ве-

тер и начинает покрапывать дождь. Цветет миндаль. Сейчас

пойду на почту, сам отнесу это письмо. Конечно, я не желаю,

чтобы ты при свидании устраивала мне сцены (скажу по

секрету — я их не люблю) и потому буду писать возможно

чаще и подробнее, ты только спрашивай о том, чем инте-

ресуешься. () Много, много и сильно целую

мою любимую, мою единственную, добрую, несравненную Шурочку.

25.1 912. [Капрі.]

Дорогой мой Шурочек! Твой № 14 шел очень долго, я его получил только сегодня. Получил и поцеловал, так я стосковался по твоему письму. Не нарекай, голубка, что я пишу реже, чем в прошлые годы. Видишь ли, раньше, уезжая за границу, я не имел никакого дела, не читал даже. Весь день, все время предназначалось для отдыха и для писем. Теперь иное. Я работаю, читаю, меня отвлекают люди, т. к. живу

не в отеле, а в семейном доме. Поверишь ли, часто у меня не хватает времени для самого необходимого. А все же мне кажется, что я не так уж редко пишу. Интересно, сколько я написал тебе писем за все время (с ноября) нашей разлуки до 25 января. Посчитай (если только хранишь их у себя) и сообщи мне. Твоих было 14. Мне кажется, что моих больше. Но, право, не в этом дело. Дело в том, что я тебя люблю, думаю о тебе, живу тобой, голубка. Вот что важно. Ты, надеюсь, простишь мне, если я иногда не аккуратен в переписке.

В одном месте последнего письма ты меня огорчила. Тебе что-то надо купить, а ты скрываешь от меня из-за каких-то денежных расчетов. Не надо этого, Шурок. Если не хочешь, чтобы я остался обиженным, напиши мне, что тебе купить. Ведь все равно я буду покупать что-нибудь для тебя — это неизбежно и ты должна будешь примириться с этим. Так не лучше ли облегчит мне задачу? Напиши, голубка, и то непременно, в ближайшем письме, иначе мне очень будет неприятно. ^к

Чувствую себя, моя детка, довольно хорошо, не болею, но рвусь к тебе. Соскучился страшно. Мне кажется, что когда я увижу тебя, то съем, задушу или что-нибудь в этом роде. Живу очень однообразно. Такое горе, написал рассказ, а он мне не понравился и я должен был наново его написать¹²¹. Сегодня оканчиваю. Теперь перерыв на 2—3 дня и опять за работу, но что буду писать—еще и сам не знаю. У нас начинается весна, все оживает, погода переменная, как в мартег то дожди, то ветер, то солнце и жара.

Хочу опять побродить по острову, может быть солнце сделает новый посев в моем сердце, а я потом у себя в кабинете соберу жатву. Если что выйдет, напишу тебе о своих планах. Что ты теперь читаешь, чем увлекаешься? Я хотел бы знать о тебе все. Мне не надобны черниговские новости, я хочу знать о тебе, что ты думаешь, чем живешь. Пиши. А теперь давай твои лапки. Чувствуешь ли поцелуй? Нет? Быть может, это потому, что я разучился уже целоваться и тебе придется учить меня этому искусству. Ну, целую, как умею, и люблю горячо.

Твой.

284.

4.II912. [Капрі.]

Дорогой Шурок, я уже начинаю беспокоиться, не получая от тебя так долго известий. Последнее твое письмо (№ 15) было помечено 21 янв. и с тех пор ни словечка. Может быть, сегодня получу что-нибудь. Здорова ли ты, не случилось ли чего-нибудь? Я всегда живу в страхе и беспокойстве, все ли хорошо, не приключилось ли тебе какой беды.

В последние дни я был очень занят. Дело в том, что в Москве с февраля, кажется, начинает издаваться большой русский журнал "Заветы"¹²² и редакция его взяла у меня рассказ, который теперь печатается в "Літ[ературно]-Науко-[вому] Вістн[ику]". Переводить послали в Лондон¹²³, откуда я получил на днях первую половину рассказа. Но рассказ для перевода чрезвычайно труден, благодаря сильному местному колориту (гуцульскому). Мне пришлось много поработать над ним. Только сегодня отослал рукопись в Москву. А тут еще мне мешали.

Пришлось мне побывать и на свадьбе. Женился наш садовник и пригласил. Свадьба происходила в кафэ, было так тесно и душно, что я едва вынес. На коленках у меня сидела своей половинкой какая-то девица, ухаживавшая за мной, и мы превесело сплетничали и угощались. Смешно было, когда она успокаивала меня, стеснявшегося от такого близкого соседства: "не беспокойтесь, ведь это мои плечи, а это моя нога", и, чтобы удобнее ей было сидеть, клала свою руку мне на колено. И это с такой деревенской простотой, что я примирился и охотно отвечал на ее вопросы, нравится ли мне ее имя (Олимпия) и нравится ли она мне. Танцевали тарантеллу, к которой так не подходят европейские костюмы, пили вино и пели по 18 раз солисты одну и ту же песню захрипшими голосами. Было неудобно и жарко.

Не успел дописать письмо, как получил твое от 28, а на почту сданное 30-го. Почему ты всегда сдаешь письма на день-два позже? Я это замечал. А все же успокоился несколько. Неприятно только, что ты худеешь, ты знаешь, как я хочу застать тебя полной и здоровой. Твой знакомый и прав и неправ. Он, верно, имел в виду северную Италию. На юге теплее и зеленее. Некоторые деревья действительно голы зимой (до начала марта), но их здесь так мало, что просто не видишь. Все же остальное зелено, как летом. Зимой цвели лимоны, апельсины несполи (не знаю, как по-русски) сейчас отцветает миндаль. Это все фруктовые, а дикие (например мимозы) цвели и цветут вот уже 3 месяца.

Я, мое сердце, совсем здоров, чувствую себя хорошо. Только много работы. Думаю приехать или на пасху (если будет тепло) или в начале апреля. Ну, будь здорова, голубка моя любимая, люблю тебя независимо от того, похорошела или подурнела ты. Целую крепко и горячо. Пиши.

Твой.

285.

9.11 912. [Капрі.]

Дорогой мой Шурок, давай губки, целую тебя горячо и вкусно. Поцелуй и меня, если еще не забыла целовать. Сегодня получил твое 17-ое письмо, написанное 2-го и посланное опять на 2 дня позже, т. е. 4-го (штампель почты). Как же прошла твоя масляница? Я веселился, как умел. Здесь недели три ходили по улице маски, львы, рыцари и др., а последние два дня по вечерам на площади устраивались большие маскарады. Было масок не менее 200. Лодки с рыбаками и с лампами, на которых рыбаки трезубцами ловили рыбу, китайцы, негры, английские лорды, мужчины, переодетые женщинами, букеты, огороды, рыбы, птицы и тому подобное, не перечесть.

Вся площадь превратилась в один большой зал, в громад-

ный маскарад под открытым небом. Крик, шум, веселье и тантелла. Везде стучат кастаньеты и деревянные башмаки, горят огни, море ритмично шумит, звезды дрожат на весеннем небе — и всем радостно и хорошо. Я кутил. Зашел с компанией в кафэ и выпил огромную кружку настоящего мюнхенского пива, а потом пошел в синематограф. Вот как я кутил.

Да! Еще были у нас блины с гостями ()

Приехал Якубович — и я пустился во все тяжкие.

Ежедневно совершаем большие прогулки (после обеда, от 2-х до 6 часов), ездим по морю, осматриваем гроты, ездили на Анакапри, смотрели тантеллу, а сегодня отправились под парусом в море, по направлению к Африке, поднялся ветер и мы не могли долго пристать к берегу и я, кажется, простудил зубы. Вообще он меня утомил, но, откровенно говоря, я рад прогулкам, хотя бы вынужденным, т. к. стоит поразительно чудная весенняя погода. Порой кажется, что сейчас лето и Якубович только смеется, когда его уверяешь, что еще зима. И, правда, это слово звучит здесь комично.

Вчера вечером моя комната заполнилась людьми: Бунин читал свою повесть "Суходол", которая будет напечатана в "Вестнике Европы"¹²⁴. Очень красиво написанная вещь, хотя философия для меня неприемлема, и мы вчера долго, до 2-х часов ночи, спорили. Накурили так, что целый час не мог избавиться от табачного дыма.

Но все это, погода, маскарад, Бунин, гроты и Якубович,— все это только более-менее наркотические средства, которыми я стараюсь заглушить тоску по тебе. Ничто не может заменить мне тебя, а с тобой мне хорошо было бы и в аду.

Любимая! Напиши, наконец, что ты хочешь поручить мне купить. Принимаю всякие условия, напиши только. Вот разве ты поручишь что-нибудь слишком дорогое — и у меня не хватит денег — вот будет скандал! Во всяком случае — напиши. Значит, подарок — отдельно. Что же делать! Пусть будет так, как ты хочешь, я уже привык все делать так, как тебе хочется. Но все ли хорошо выходит в конечном результате?

Голубка моя, не раздражайся, не злись. Все это от переутомления. Характер у тебя прекрасный, не клевети на себя, вообще я считаю тебя прекрасным человеком, не оцененным другими по заслугам.

Будь здорова, сердце мое, люби меня хоть немножко, ведь я тебя очень люблю, Шурочка. Целую крепко, очень крепко.

Твой.

286.

10,11 912. Capri.

Дорогой Шурок, добрый день, моя голубка. Только что прочитал твое 19-е письмо и как-то легче на сердце. Точно поговорил с тобой. Напрасно ты только думаешь (на основании, верно, моих неудачных писем), что мной кто-то увлекается, что я нравлюсь. Едва ли это верно, по крайней мере, я ни —кого не подозреваю в этом. Относятся ко мне вообще хорошо., это правда, в этом отношении я считаю себя очень счастливым, т. к. люди всю мою жизнь относились лучше ко мне, чем я того стою, и я большею частью встречал хороших людей, а дурных —

реже. Но из этого ничего не следует, выводов в мою пользу сделать нельзя.

Чувствую себя, дорогая, хорошо, не болею, работаю. Мешают мне только. Якубович отнял у меня довольно много времени. На свою беду я познакомил его с Горьким и потом сам пожалел, т. к. Якуб[ович] внес диссонанс в наше общество своим черносотенством, и только конфузил меня. Евреев, по его мнению, надо стеснить еще больше, всяких сектантов умирять при помощи полиции и т. под. Было дико и неловко слушать его, и было мне стыдно и досадно за такое знакомство. Ну, да бог с ним! Уехал — и слава богу. На другой раз буду осторожнее.

Ты, конечно, об этом никому не говори, т. к. я писал об этом и домой, но меньше, чем тебе.

Теперь появилась новая знакомая, претендующая на мое время и внимание — симпатичная барышня, моя давняя знакомая, очень милая девушка. Просто беда! Думал, что, уехав так далеко от Чернигова, освобожусь от обязательств к знакомым и буду свободнее для работы, а выходит еще хуже. Ты как будто насмехаешься надо мной, когда пишешь, что я много сделал за зиму. А, между тем, я очень мало написал, всего два небольших рассказа и думаю закончить третий 125.

Для четвертого же успел только собрать материал¹²⁶. Это очень мало, поразительно мало и я краснею, когда вспомню о такой слабой производительности. Кажется в бюро Вы получаете журнал "Современник". В I кн. напечатан перевод моего рассказа и помещена рецензия на II том моих рассказов в русском переводе¹²⁷. Если тебя интересует, взгляни. Этот рассказ так понравился моим хозяевам №, что они оба плакали и всем расхваливают напропалую мою вещь. А мне стыдно за нее, настолько плох перевод Щ, Я уже, голубка* скоро собираюсь домой. В середине марта выеду, по всей вероятности. Хочу поехать от Неаполя до Одессы пароходом удобнее, спокойнее и интереснее, т. к. опять побываю

в Сицилии, в Греции, на О.Крите, в Турции и даже в Аравии, ибо пароход на двое суток заходит в Смирну и я рассчитываю на два дня отправиться из Смирны на верблюдах в пустыню с арабами. Конечно, морем долгое путешествие, но дешевле и удобнее: не надо гостинниц и ресторанов, все тебе есть и можно во время переезда даже писать. Голубка моя! У меня сердце замирает от радости, когда подумаю, что скоро увижу тебя и поцелую. Ведь я тебя так безумно люблю! Почему ты не напишешь, что я должен купить тебе, ведь я согласился на все, лишь бы сделать тебе приятное. Напиши, сердце мое. Береги себя, поправляйся и не скучай. Помни, что я тебя люблю и постоянно думаю о тебе. Ну, до свидания, в следующем письме.

Твой.

287.

25.11 912. [Капри.]

Моя милая и дорогая! Отвечаю тебе на письмо твое № 20. Только сегодня его получил. Каждый раз, когда из письма твоего повеет любовью, тем милым запахом, который присущ твоей нежной натуре — я оживляюсь и хожу такой веселый, что меня спрашивают, что случилось. А я должен выдумывать какой-нибудь пустяк и мне опять весело, что есть у меня такая хорошая тайна. Конечно, я куплю тебе блузку, прошу только — определи цвет. Я остановился бы на белом, как наиболее идущем тебе, но право не знаю, понравится ли и лучше будет, если ты сама скажешь, какой цвет выбрать. Спасибо тебе, моя голубка, за твое дружеское предложение, но денег мне не присылай. Я получил известие, что мне вышлют сто рублей авансом на одну из моих вещей, которая будет печататься в апреле. Собственно я заработал довольно, но мне еще не высылают денег, отговариваясь тем, что сейчас не могут выслать. Думал я выехать отсюда в середине марта, но выходит так, что выеду с Капри 20, а из Неаполя пароходом 23, значит буду дома не раньше 8 апреля. Как раз на пасху буду на море. Дело в том, что из-за войны итальянские пароходы не ходят чрез Турцию, русские ходят раз в

месяц и неправильно, а немецкие два раза в месяц: в марте 1-го и 23-го. На первое марта я не успею, остается пароход 23-го. Живу я недурно, здоров, загорел, работаю, но мне мешают. Здесь живет одна моя знакомая баришня.

Прожила месяц на Капри и не знала, что я здесь. Наконец разыскала меня, теперь заходит ежедневно, а я должен гулять с ней. Очень милая, умная барышня. Скоро, чрез три дня уезжает, но приехал сюда один мой земляк и опять предъявляет на меня требования. Просто беда, отбою нет от знакомых, так тесен свет. Чрез недельку я думаю бросить всякую работу (буду писать только по вечерам) и употребить все время для общения с природой. Хочу поправиться на солнышке, чтобы ты была довольна мной. Поправляйся и ты. Погода здесь стоит сейчас хорошая, теплая, весна. Впрочем и всю зиму была весна.

Возвращаюсь опять к блузке. Пожалуйста, не забудь прислать мерку и приблизительно опиши какой бы ты хотела фасон, цвет и пр. Думаю купить в Неаполе, в других итальянских городах я не буду, т. к. поеду морем, через другие края. Впрочем, буду в Афинах, а там тоже роскошные магазины, и гречанки умеют одеваться. Ну. будь здорова, моя милая Шурочка. До следующего письма. Спешу отнести его на почту, твоих писем я никому не доверяю. Целую тебя

крепко, крепко (

2.III 912. [Капри.]

Твой.

Дорогой мой Шурок! Письмо №21 (с 22 февр.) получил, а обещанной мерки твоей груди в нем не оказалось, вероятно ты думала вложить—и не вложила. Пришли непременно и не забудь написать о цвете блузки. Можешь даже несколько цветов написать или наложить на некоторые запрещение, тогда мне легче будет выбрать.

Ты меня будешь ругать, родная, но я не могу ничего скрывать от тебя. Мне не повезло: простудился, прохватил меня где-то сквозной ветер и я пролежал несколько дней в постели, а теперь хотя и выхожу уже на воздух, но еще никуда не го" жусь, устаю страшно, исхудал и едва держусь на ногах. Не тревожся только, моя дорогая, ведь я поправился уже, начал работать и сегодня закончил даже рассказ¹³-. Остается мне прожить здесь недолго, до 20 и я решил днем ничего не делать, а поправляться, гуляя и греясь на солнышке. Буду работать только по вечерам. Я уже писал тебе о плане своей поездки по морю. Повторяться не буду, т. к. надеюсь, что ты получила предыдущее письмо. Одно только добавлю: последнее твоё письмо должно быть сдано на почту не позже 12 марта, чтобы я мог его получить. Письмо идет 6 дней, но бывают и задержки, на которые я прибавляю 2 дня. Если пошлешь позже, то письмо может попасть куда не следует, т. к. ЕСЮ корреспонденцию, какая получится после моего выезда отсюда, будут посылать в Чернигов и она дойдет раньше, чем я приеду. Еще лучше бросишь последнее твоё письмо 11-го марта, тогда уж я наверное его получу. В последнем письме ты напиши, что оно последнее. На попутчика рассчитывать не могу, поеду, вероятно, один. Все мои знакомые, приезжавшие на Капри, уже разъехались и я теперь наслаждаюсь одиночеством, насколько оно, конечно, возможно для меня при наличии местных знакомых.

Так досадно! Вчера здесь был в самом лучшем отеле костюмированный бал, на котором, говорят, была масса публики и чудесные туалеты, но я не мог пойти из-за проклятого нездоровья. Одно утешение, что светит и греет солнце, полная весна, виноград даже распускается и остров теперь очень красив, т. к. цветут персики и абрикосы. Деревья стоят точно коралловые ветки.

Итак, мое сердце, скоро увидимся. Правда, это "скоро" не очень скоро наступит, а все же ближе уже к тебе как будто. Я очень соскучился без тебя, мне эта разлука показалась вечностью. Так хочу тебя целовать и ласкать, моя ты. любовь светлая. Пока целую только в письме.

Не забывай меня. Пиши, голубка моя.

Твой.

289.

6.III 912. Capri.

Не знаю, удастся ли мне. моя милая, дорогая Шурочка, расчет мой, но мне очень хотелось бы, чтобы это письмо ты получила 13-го, в день твоего рождения. Мне так хочется в этот день горячо прижать тебя к сердцу и поцеловать таким поцелуем, которым передается вся сила чувства, вся моя любовь и бесконечная, нежная благодарность за данное мне счастье. Этот день — мой праздник, он дорог мне, как нечто символическое. Мне кажется, что ты родилась для того, чтобы наши души могли встретиться на нашем земном пути и слиться в одном большом чувстве, самом прекрасном и светлом, в любви, сильнее которой ничего ведь на свете нет.

Целую тебя, голубка моя, мое солнышко яркое, моя добрая и нежная подруга, поэзия моей жизни. Я знаю, ты сегодня ответишь мне таким же чистым, таким же искренним поцелуем. И если только наши пожелания имеют какое-либо значение, желаю, чтобы этот день мы никогда больше не праздновали врозь, а всегда вместе. Постарайся быть веселой и полной надежд сегодня, я буду в этот день еще больше думать о тебе, буду жить только тобой и нашим счастьем, помни об этом.

Грустно мне, что скоро уже не буду получать твоих писем, но ведь я приближаюсь к тебе и это сменяет грусть радостью. Конечно, я все время с дороги буду писать тебе напишу из Одессы и из Киева (если удастся) и условлюсь о нашей встрече. Теперь еще рано говорить об этом, точно не могу установить дня приезда; знаю только, что это должно быть между 6 — 8 апреля. Вероятно, дороги к тому времени подсохнут и мы не будем испытывать особых неудобств.

Как же ты поживаешь, моя дорогая? Впрочем, бесполезно задавать какие-либо вопросы, ты ведь уже не успеешь ответить на них. Я уже писал тебе, что последнее твое письмо должно быть опущено в почтовый ящик не позже 11, в крайности 12 марта, т. к. я к 20 уеду отсюда. В последнем письме отметь, что оно последнее.

Я, моя детка, здоров, поправился, даже не кашляю и все время гуляю, но опять не один (судьба преследует меня!). Познакомился случайно с одним украинцем миллионером, который провел зиму в Египте, а теперь переехал на Капри. Хороший человек, образованный, но не умеет сдерживать своих чувств ко мне и надоедает тем, что каждый день приходит и просит гулять с ним. А я, по своему "непротивлению злу" не протестую и хожу вдвоем, хотя в одиночку это делать полезнее. Беда, что погода непостоянная, то дождь, то ветер, то отчаянная жара и не знаешь, как одеваться. Ну, до следующего письма. Люблю тебя, Шурочка, так сильно люблю, что и сказать не умею.

Целую крепко.

Тl.III. 912. Capl. 290.

Не думай, моя дорогая, что если я не часто пишу, то

это значит, что я меньше люблю тебя. Ты же по себе знаешь, что это не так. В последнее время, действительно, не так часто писал, а все потому, что хвораю. Только что было поправился несколько, как опять простудился, — где и как — не знаю. Опять пришлось слечь в постель, припадки астмы, кашель и повышенная температура. Вчера встал с постели но еще не выхожу, очень слаб и измучен. Но мне уже легче, надо только поберечься, а то пропущу еще пароход (23 марта) и тогда придется или опять отложить выезд, или ехать по железной дороге. Но я обещаю тебе скоро поправиться, т. к. лечусь всевозможными средствами. Досадно, что не могу гулять: все время стоит пасмурная и ветреная погода, холодная по ночам. Я думаю, что на солнце скоро бы

поправился. Однако, довольно уже о своем здоровьи, это может тебе надоесть так же, как и мне,

Конечно, меня развлекают: все время приходят гости и сидят порой чересчур долго, чем утомляют. В одиночестве лучше провожу время, читаю Ибаньеса¹³¹ и журналы. Сегодня получил твое письмо от З/Ш (№ 22)— и оно доставило мне большую радость, хотя в нем не мало упреков, к тому же несправедливых. Как тебе может придти такая мысль: "видно разлюбить меня думает". А я только и думаю и надеюсь и живу нашей встречей. Скоро уже перестану получать твои письма, последнее ты опустишь, как мы условились, 11 марта. Утром 20 я уже уеду отсюда в Неаполь. Повторяюсь на всякий случай, если бы предыдущие письма пропали. Кстати, получила ли ты письмо к 13, ко дню твоего рождения? Еще раз крепко целую тебя в память об этом дне. Вот пишу это письмо и думаю: что подумает обо мне Шурочка, ведь письмо такое безалаберное и неинтересное: у меня сейчас после хинина в голове шумит и все мысли куда-то сбежали. А если не пошлю сегодня, милый Шурок опять обвинит меня в чем-нибудь нехорошем. Пусть уж лучше будет и бледно, но своевременно. Я тебе, голубка, буду писать с дороги, где только будет возможность бросить письмо. А ты не беспокойся обо мне и все же люби меня хоть немножко я так хочу быть любимым взамен за мое чувство.

Целую тебя, сердце мое. () Твой.

14Л11 912. Саргь

Поздравляю тебя, моя голубка, с именинами. Целую, обнимаю и люблю так же горячо, как и всегда. Если бы я мог, я подарил бы тебе сегодня единственное, достойное тебя,— мою любовь, но ведь ты уже имеешь ее. Откладываю именинные поцелуи до свидания с тобой, быть может более скорого, чем ты ожидаешь.

Возможно, что я не смогу поехать морем. Турки минировали Дарданелы и при том так скверно, что мины взрываются и грозят

опасностью проходящим судам. Со дня на день ожидается даже, что Дарданелы будут закрыты — и тогда нечего думать о морском пути. У Смирны, куда должен зайти наш пароход, стоит итальянская эскадра и каждый день может начаться бомбардировка города, а попасть в военный огонь у меня нет особенного желания, хотя это было бы интересно. Выеду отсюда в назначенный раньше срок, но предварительно хорошо распрошу в Неаполе в пароходной конторе и, в случае каких-либо осложнений, поеду по железной дороге. Очень мне не хочется этого, так как путь утомителен, но тогда приеду домой раньше, вероятно к 1 апреля и мы увидимся скорее. С дороги все напишу подробно и ты будешь знать и о моих планах и о дне нашего первого свидания. Жду с нетерпением твоего письма с меркой груди, которую ты забыла вложить в письмо.

Чувствую себя недурно, хотя хорошим здоровьем не могу похвалиться. Март здесь был до сих пор неудачен и я дважды простудился. Сейчас стоит летняя погода, жара, все цветет. Абрикосы, персики и черешни уже отцвели, цветов такая масса, что остров благоухает, как кадилница. Цветут положительно все наши летние цветы и много таких, каких у нас нет. Я бездельничаю (чтение нечего считать делом), гуляю и загорел. Но ведь это мои последние дни на Капри и [я] стараюсь успокоить этим нечистую совесть. В сущности, надо работать, все время работать, жизнь коротка, а сделано мало. Ужасно жаль, что ты уже не можешь отвечать на мои вопросы, а мне как раз хочется много задать их тебе. Отложим до свидания, которого я жду с понятным тебе волнением, даже с трепетом. Почувствовать вкус твоего поцелуя, сжать тебя крепко и замереть, услышать любимый голос.

До свидания, мое сердце, как хорошо звучит это слово! Люблю тебя.

Целую горячо, мое сердце. Твой.

ЩШ 912. [Капри.]

Твое последнее письмо, дорогой мой Шурок, я уже по* лучил и пишу тебе тоже последнее письмо с Капри. Завтра уезжаю в Неаполь, где пробуду день или два и уезжаю по железной дороге домой, с остановкой в Вене, Львове и в Киеве. Если успею, напишу еще из Неаполя, если же нет" не сердись на меня. Из Вены обязательно напишу, из Львова тоже, а, может быть, и из Киева. Предупреди свою подругу, что будет из Киева посылка, пусть она знает, что это тебе. Так же насчет писем; она привыкла к заграничным, а в конце моего пути" может быть, и из Киева. Не беспокойся мной, моя голубка, я уже чувствую себя лучше и, чтобы не утомляться, всю дорогу сделаю во втором классе. Дорого это будет стоить, но что же делать.

Не знаю, выпустит ли меня погода завтра с Капри. Вот уже сутки дует сирокко, дождь, буря на море, но, может быть, завтра утихнет. Я то не боюсь моря, но в бурю пароходы не пристаю к острову, т. к. мола здесь нет и суда останавливаются на рейде.

В сильную же бурю невозможно бывает спустить шлюпку и случается, что пароход подойдет к Капри, а потом со всеми пассажирами назад уйдет в Неаполь.

Ужасно тоскую; зная, что уже не буду получать твоих

писем. Так в неизвестности и пробуду еще больше 1/2 месяца.

Ты счастливее, ты все время будешь все знать обо мне.

Очень бы я хотел застать тебя поправившейся и пополневшей,

но боюсь, что праздники с их возней и хлопотами утомят

тебя. Береги свое здоровье, дорогая. Ждешь ли ты меня с

таким нетерпением, как я тебя? Я очень радуюсь, что с завтрашнего дня начну приближаться к тебе, но последние дни, в сущности, самые скверные, т. к. всегда охватывает нетерпение. Но все же хорошо, что могу теперь писать: до свидания! Целую тебя, моя горячо любимая Шурочка. Получила ли ты письмо 20-го, на свои именины? Еще и еще крепко целую и крепко люблю. Твой.

25.11! 912. Вена.

С праздником, дорогой мой Шурик! Целую тебя крепко и желаю всего хорошего, моя милая! Провожу первый день Пасхи в немецкой семье, при чем с хозяйкой дома, не говорящей ни на каком, кроме немецкого, языке, разговариваю или мимикой или при помощи переводчика. Очень выходит смешно. Но это нам не мешает и даже забавляет. Если погода позволит, поедем в окрестности Вены и будем развлекаться. Я еще никогда не проводил праздников в такой обстановке. Завтра утром выеду во Львов и, если успею, напишу тебе. Но, возможно, что это последнее письмо, тогда давай условимся, где и когда встретиться. Приеду домой около 1 апр[еля], т. е. или 29—31 марта или 1—2 апр. Скорее раньше. Давай, встретимся третьего (3, апр.), в 61Д часа (. . .), а если нам не удастся в этот день, то 4, 5, 6 и т. далее, пока нб встретимся, в тот же час, т. е. в 6'/а-

Из Киева я пошлю тебе посылку, предупреди подругу. Извиняюсь, что блузка будет в невозможном виде, измята, т. как придется провозить ее в кармане через вторую таможенную. Через австрийскую я уже перевез в кармане. Ты ее разгладишь и все будет хорошо, если

только понравится. Купил я ее в Неаполе, брал то, что теперь в моде. К сожалению, она очень недорогая, т. к. на дорогу не хватило денег. Посылаю тебе еще брошь с изумрудами — именинный подарок. Носи ее с таким чувством, с каким я покупал ее для тебя. Боюсь только, что не понравится, но уже таков у меня вкус.

Ехалось мне хорошо (всю дорогу еду во втором классе, в поезде, где есть ресторан, еду со всеми удобствами и так роскошно, как никогда). Из Неаполя до самой Вены просто летел в поезде-экспрессе, много быстрее нашего курьера, доехал за 36 часов и без всяких пересадок, в одном вагоне. Чудеса! Благодаря этому не устал, выспался и чувствую себя недурно. Здесь так ухаживают за мной, точно я бог знает кто. Вообще балуют меня люди, уже не знаю за что. Ну до свидания, мое счастье, целую тебя крепко. ()

30 апреля. [1912 р., Черн.пв.]

Неприятная история случилась со мной, дорогой мой Шурок: неожиданно схватил плеврит и вот уже три недели не выхожу из комнаты, а в первое время пришлось лежать даже в постели. Но самое неприятное — это невозможность известить тебя. Это меня измучило больше болезни. Я все думал о том, что ты беспокоишься и страдаешь от неизвестности. Теперь мне лучше уже, но все же выходить можно только в солнечную, хорошую погоду. Думаю сегодня бросить тебе это

письмо, а уверенности что брошу нет, т. к. на дворе сильный ветер сегодня.

Думаю, что увидимся мы не раньше пятницы (4 мая), в 61/± часов, на том же месте. Если почему-либо не удастся увидеться в пятницу, то на следующий день, в субботу и т. д. ежедневно, пока не увидимся. Целую тебя, голубка моя дорогая. Соскучился страшно, просто сил нет.

Твой.

2 мая.

Чертовски не везет! Два дня была такая погода, что я не решался выйти первый раз на воздух при сильном ветре и поэтому письмо лежало. Сегодня тоже холодно и сыро, но ветер меньше и думаю рискнуть отнести письмо на почту. Голубка моя! Значит мы увидимся не в пятницу, а в понедельник 7 мая, в 6г/4 ч. на том же месте. Делаю отсрочку потому, что не уверен, получишь ли своевременно это письмо. Целую тебя, мое сердце, люблю и очень тоскую. Я хотя и поправился, но не совсем.

Твой.

Если не удастся в понедельник, то во вторник и т. д., до встречи.

295.

22.У1 912, с. Кривор1вня.

Дорогой мой, милый Шурок! Целую тебя бесконечно и горячо, с такой же силой, как люблю. Как только выехал из Чернигова, сейчас же с болью в сердце почувствовал, как тяжело мне лишаться тебя на короткое даже время и до сих пор не могу примириться с разлукой. Порой так горько и одиноко, так не хватает мне тебя и твоих ласк.

Сдерживаю себя, стараюсь урезонить, что иначе нельзя было устроиться, а сердце, наперекор всему^ сжимается от тоски и несогласно с рассудком. Я как будто обессилел без тебя и чувствую, что в тебе я черпал энергию, в твоём чувстве находил я ту силу таинственную, что даёт возможность жить и работать. Целую тебя хоть в письме, мое сердце, моя единственная и дорогая. Целую и люблю тебя, мой друг.

Приехал я на место только вчера вечером. Ехалось, как всегда, довольно плохо: я не умею спать в дороге и вот уже неделя, как я сплю не более 4—5 часов в сутки. Устал, конечно, и недоволен погодой. Особенно наскучили дожди и холода в горах. Вчера и сегодня все время льет и температура не выше 6—7 градусов. Еще в начале, по выезде из Ч[ерниго]ва, было недурно, тепло и не очень влажно, т. ч. во Львове я с удовольствием ходил по улицам, делал покупки и посещал знакомых. А потом все испортилось и день кажется годом. Даже красотой Карпат не могу любоваться: тучи закрыли горы, еловые и пихтовые леса кажутся мрачными, суровыми и неприветливыми. (,)

Если бы не холод и не дожди, у меня было бы лучшее самочувствие, сейчас же головная боль и недовольство. Конечно, погода должна поправиться и все будет иначе, т[а]к [что] я смогу приступить к своей работе.

Поселился я на прошлогодней квартире, но в комнате было так свежо, что пришлось топить печи. Из знакомых почти никого еще нет и хорошо было бы, если бы никто не приехал; боюсь, что могут мешать мне, а я хочу поскорее собрать материалы 132 и возвратиться к тебе.

Я почему-то ждал, что застану твое письмо здесь, что ты сделаешь мне сюрприз, а, между тем, почта ничего не принесла, Я буду писать тебе чаще, чем посылать письма: придется разъезжать по глухим местам, где нет почтовых контор. Во вся* ком случае раз в неделю ты будешь получать от меня вести.

Хотел бы я увидеть тебя сейчас: хорошо ли выглядишь, не очень ли устала. Сделай себе летний отдых и не работай по вечерам. Боюсь, что усталость незаметно проберется к тебе и испортит мне мою милую детку. Обещаешь? Очень прошу. Пиши мне обо всем. Мой адрес таков (он есть у тебя): Австрія. Галиція. Oesterreich, Galizien. Jasenow Gorny. Ясенів-Горішний, с Криворівня.

Целую тебя, моя любимая Шурочка, обнимаю и люблю по-настоящему, в чем ты, конечно, сомневаешься часто, как незерныЗ Фома. А все таки люблю. Не забывай меня.

Твой.

296.

2ЩІ 012. Австрія. Галиція.

п. Ясенів • Горішний, с. Криворівня.

Дорогая деточка! Я был уверен, что ты напишешь мне, не ожидая от меня письма: ведь адрес мой тебе известен еще с прошлого года и отыскать его было возможно. Теперь придется долго ждать вестей от моей милой, дорогой Шурочки, которую я с каждым днем все больше и больше люблю-Пишу тебе второе письмо и надеюсь, что ты не будешь сердиться, если на этот раз письма не будут так часты. Два затруднения мешают чаще писать: 1) далеко ходить на почту (около 3-х верст), 2) я очень занят собиранием материала, мне некогда даже почитать газету. Тороплюсь, чтобы поскорее закончить работу и поскорее увидеть тебя, моя единственная.

Живется мне хорошо, несколько напряженно и нервно, но это пустяки. Вначале я плохо спал, теперь уже сплю хорошо, должно быть устаю после работы. С самого утра я уже отправляюсь в гости к знакомым гуцулам или завожу новые знакомства при всяком удобном случае: на дороге, у реки, в лесу и т. п. Народ очень словоохотлив и моя записная книжка быстро наполняется. Выписал сюда из далеких сел двух давних знакомых, могущих быть полезными мне, а с воскресенья, т. е. с 1-го июля начнутся мои разъезды верхом. Если припоминаешь, мне хочется познакомиться со своеобразной философией гуцулов, с их взглядами на жизнь и любовь. Уже теперь чувствую под собой почву, т. к. оправдывается то, что я предполагал раньше в виде догадки. В свободные часы отправляюсь в горы или вдоль реки для знакомства с природой и опять заносу свои впечатления в записную книжку.

Хожу в одиночку. () Знакомых пока немного, но и

наличные претендуют на мое общество, но я не поддаюсь: без церемоний заявляю всем, что я приехал сюда не для личных удовольствий, а на работу.

Погода поправилась. Дожди выпадают реже, тепло. А при хорошей погоде и я чувствую себя здоровым, имею великолепный аппетит и работоспособность моя повышается. С внешней стороны жизнь моя очень однообразна. Вечно возвращаюсь в кругу своих интересов

специальных: все интересное, что дает поездка, ты узнаешь из повести, если удастся ее написать¹³³.

Как же ты живешь, моя любимая? Не утомляешься ли слишком? Гуляешь ли, купаешься? Я хочу знать. А как я хочу видеть тебя и целовать, мое сердце. В те немногие минуты, когда я свободен, мои мысли с тобой, голубка. Каждый вечер перед сном целую тебя, каждое утро — спящую целую.

И сейчас тоже целую крепко-накрепко. Люблю тебя.

Твой.

297.

З.УН 912. Кривор[^]ня.

Голубка моя! Наконец, я получил твое первое письмо. Я так обрадовался, так повеселел, что даже выразить не сумею своего удовольствия. Спасибо, мое сердце. Каждый раз, когда я переживаю такие минуты, для меня даже яснее становится вся сила моей любви — и, право, я невольно усмехнулся, когда прочитал твои сомнения. Нет, моя любимая, мы уже не можем сомневаться друг в друге, настолько тесно связаны наши сердца, настолько близки мы друг другу.

Очень меня обрадовало известие, что ты поправляешься. Ты знаешь, я всегда хотел видеть тебя полной, здоровой. Полнота тебе идет, решительно утверждаю.

Я тоже, кажется, растолстею здесь: ем непомерно много, как нигде и никогда. Кормят 4—5 раз в день, при чем аппетит возрастает соразмерно количеству блюд. Здесь очень много земляники, мы поглощаем ее в невероятном количестве; кроме того, имеем ежедневно свежую чернику, которую приносят корзинами. Скоро поспеют черешни

(здесь все поздно зреет) и малина лесная, а также ягода, называемая здесь "гогозы", очень вкусная и красивая.

Приходится расписывать прелесть ягодного сезона за отсутствием других утешений, т. к. погода положительно невозможная: вот уже две недели почти непрерывно падает дождь, со всех гор рынут в долину потоки и водопады, все горы шумят и поют, а река Черемош просто ревет и с такой быстротой несет мутные воды, что вся покрыта пеной, словно кипит в своем каменистом русле. Холодно, сыро, нет солнца, я почти не гуляю и до головных болей беседую с гуцулами. Но беда в том, что выбор собеседников ограничен ближайшими соседями и не всегда интересен. Я не могу выехать никуда и ко мне никто не решается приехать. Боюсь, что погода задержит меня на несколько дней здесь больше, чем я предполагал, а я этого совсем не желал бы, т. к. всей душой стремлюсь к тебе. Я ведь тоже не удовлетворен нашими краткими свиданиями, не насладился тобой. Возможно, что на днях, если погода позволит, отправлюсь в оригинальное путешествие на "дарабе" (длинный плот) вниз по реке на Буковину. "Дараба" мчится по вспененной реке с удивительной быстротой среди скал и порогов. Это восхитительное, хотя немножко опасное путешествие, т. к. раньше как через 7 часов остановиться нельзя и бывают случаи, когда дараба разбивается о скалы. Но волков бояться — в лес не ходить. Надеюсь быть целым и невредимым и, кроме того, с запасом впечатлений. Но все зависит от погоды. Постараюсь скоро написать еще, а теперь бесконечно целую, обнимаю и прижимаю к сердцу.

Люблю тебя, мой Шурок. Пиши. Не забывай твоего.

Еще и еще целую. ^^^W

Í2.VJl 912. [Криворівня.] ^

И второе твое письмо получил я, дорогая моя детка. Спасибо тебе, целую и благодарю. Жду с нетерпением третьего и последнего уже, т. к.

на это письмо ты не успеешь ответить. Думаю уезжать отсюда через недельку, а, может быть, и раньше, не собравши всех нужных мне материалов. Выгоняет отсюда невозможная погода: вот уже скоро месяц, как здесь и днем и ночью льют дожди, часто холодные, осенние. Сырость такая, что одежда никогда вполне не высыхает, мы все тут кашляем, сердимся, даже болеем. Сегодня я не выхожу даже из дома, т. к. вчера, а может быть и раньше, не знаю, схватил жестокий бронхит, мучивший меня всю ночь и не дававший уснуть. Да и, вообще, сплю я очень плохо, мало, страдаю бессонницей и не знаю причин.

Вообще — малоудачная поездка. Из-за погоды расстроились многие мои планы, я почти никуда не ездил, за исключением поездки к "богу", земному, конечно. Нечего было думать о каких-

либо поездках, спасибо, если удавалось погулять часок, запасшись калошами и зонтиком. Я, конечно, мог бы считать эту поездку полным минусом, если бы не тот материал, который, все таки, не смотря на помехи, удалось собрать. Приходилось выписывать различных нужных мне людей из далеких сел и от них я записывал все, что мне было нужно. Не знаю, хватит ли материала на большую повесть; небольшая — кажется, обеспечена. Теперь задача — счастливо удрать отсюда. Беспокоит меня, что я простудился, а условия жизни (опять таки дожди) не могут благоприятствовать скорому выздоровлению. Ну, — да пустяки, не беспокойся, сердце, скорее зато увидимся. Я еще напишу тебе отсюда или из Львова, ведь надо условиться о дне и месте встречи.

Относительно места можно и теперь сговориться: на прежнем, хотя и день приблизительно можно указать: от 27 с. м. ежедневно. Впрочем, я еще напишу.

Давай поцелую тебя за то, что ты поправилась. Смотри же, не испортишь ничего до моего приезда, чтобы я мог оценить результаты твоих стараний. Очень я тоскую по тебе. Кажется, нет времени, занят, много всяких интересов, а, тем временем, тоска пробирается во все дела и

тянет к любимой. Целую тебя, мое сердце, моя голубка светлая. До скорого свидания.

Обнимаю и целую опять.

Твой.

299.

23.VII Львов. [1912 р.]

Дорогая, прости, что пишу всего несколько слов. 4-е письмо твое (от 15-го) получил. Получила ли ты мое 4-е письмо, в котором просил не писать больше и встретиться в обычном месте 27-го. Мне очень не повезло, я простудился, схватил бронхит, осложнение с сердцем и так было плохо, что едва выехал, рассчитывая сегодня лечь во Львове в больницу, пока не вылечусь. Но, не смотря на плохую дорогу и бессонные ночи, чувствую сегодня себя лучше и, может быть, завтра выеду домой. Если останусь, завтра же напишу тебе.

Во всяком случае, едва я смогу 27 увидеть тебя, лучше с 30-го или даже с 1-го. Постараюсь 30 выйти.

Не беспокойся очень, мне лучше и не придется, вероятно, лечь в больницу.

Целую тебя и люблю крепко. Твой.

300.

14 августа (вторник). [1912 р-, Чернігів.]

Дорогой Шурок! Ну, и штуку удрала моя болезнь с нами. Ты, вероятно, беспокоишься, а я не имею возможности даже написать тебе. Едва доехал домой (в дороге было очень плохо) и сейчас же слег. Три врача лечили меня, а толку и до сих пор мало. А ведь ничего опасного, в сущности. В горах я простудился и в добавление к инфлуэнце схватил грипп желудка. Кажется, пустяк, а оказалось, что далеко не так. Эта болезнь вызвала асгму и сердечные припадки, т[ак] что за li % месяца я едва спал спокойно 2 ночи — и даже сейчас, когда, как будто, идет уже на поправку — ночи у меня мучительны и приходится просиживать их в постели, т. к. лечь не могу. Кроме того, полная диета истощила меня очень, я исхудал и на себя не похож. Вот каковы мои дела, голубка. Истосковался я по тебе страшно, а это еще ухудшает мое состояние. Так давно ничего не знаю о тебе, здорова ли ты, не случилось ли чего с моей любимой деткой, помнит ли еще обо мне. Голубка! Как я хочу видеть тебя. Через неделю, т. е. к 22 ав[густа], может быть, поправлюсь настолько, что смогу выйти к 6 час. на наше обычное место. Если не застанешь, выходи 23, 24 и т. д. Знаю, как это неудобно тебе, но что же поделаешь, сердце, когда у меня нет полной уверенности, что к тому времени я смогу выходить. Сегодня делаю попытку отнести это письмо, но еще не знаю, хватит ли сил.

До свидания, надеюсь, скорого. Целую тебя, мое сердце, моя любимая голубка, единственная любовь моя.

Твой.

(С/ 301

23Лail. Четверг. [1612 р., Чернігів.]

Что же это значит, моя дорогая, что ты вчера не вышла? Получила ли ты мое письмо (через подругу) или ты нездорова? Я обеспокоен очень. Тяжело мне было, но все же я добрался вчера до места наших встреч, ждал, ждал и не мог примириться, что ты, такая храбрая, быть может

испугалась дождя (даже дождика). Если погода позволит, выйду сегодня (к 6 час), завтра, в субботу и в понедельник. Авось таки встречу тебя. Здоровье мое поправляется очень даже чрезвычайно

медленно, очень мало сил, т. к. не сплю по ночам и почти ничего не ел. Но все же надежда на поправку есть. Хотел поехать в Киев, чтобы лечь в больницу к хорошему врачу, но Утевский 131 не советует, надеясь на свои и мои силы, и пока я оставил мысль о поездке. Разве если через несколько дней не буду чувствовать себя лучше, придется поехать. Жду тебя, любимая. Соскучился, страдаю от разлуки и имею такое впечатление, что ты дашь мне здоровье.

Целую крепко. Приходи. Твой.

302.

29.VIII. Среда. [2912 р., Чернігів.]

Дорогая моя!

Два дня мне было так плохо, что я не мог видаться с тобой. Поэтому я решил сегодня же поехать в Киев посоветоваться с хорошим врачом — профессором. Ведь надоело же болеть. Думаю пробыть в Киеве 3 — 4 дня, если не скажут мне остаться там дольше. В последнем случае напишу тебе из Киева. Но скорее всего к воскресенью—понедельнику я уже возвращусь и тогда письмом извещу тебя о дне нашей встречи. Надеюсь, что 5-го IX мы таки увидимся, как всегда. Прости, милая, что из-за меня тебе пришлось 2 раза выходить понапрасну, но я, право, не очень виноват в этом.

Лежал и мучился из-за тебя. Сегодня мне несколько лучше и надеюсь доехать хорошо.

Не могу больше писать — мешают. Жди еще письма, а пока крепко целую, крепко люблю и крепко обнимаю тебя, мое сердце, моя единственная и дорогая.

Еще целую. Твой.

303.

4 сентября] Киев. [1912 р.]

Дорогая моя, сердце мое! Сегодня еду уже домой, пароходом, значит завтра буду дома, но увидеться едва ли удастся завтра. Если 6-го будет хорошая погода, без ветра и дождя, то постараюсь выйти в 51/я час* Если нельзя будет, то 7-го в такое же время. 8 и 9 праздники, значит пропустим, а с понедельника ежедневно можно видаться, если погода позволит.

Я чувствую себя неважно. Устал, не сплю и в добавок — кашляю. После нескольких визитов проф. Яновского и различных анализов я убедился, что ничего серьезного у меня нет. Нужно только время и терпение, а есть надежда на поправку. Расскажу все подробно, а теперь пишу только несколько слов, чтобы ты не беспокоилась.

Целую тебя крепко, любимая моя. До свидания.

Твой.

304.

17.IX 912. [Чернігів.]

Сердце мое! Опять я засел дома, опять чувствую себя так, что лучше некоторое время не выходить совсем, или выходить на короткое время,

лишь бы не забывать наружного воздуха. Всю неделю после нашего свидания я проболел и не могу сказать, чтобы мне сейчас было лучше, но должно же быть лучше, врач уверяет и особенно надеется на подкожные впрыскивания, которые теперь мне делают. А я как вспомню что ты, вероятно, не раз выходила, ждала напрасно и беспокоилась, еще хуже становится на душе. Потерпи, мое сердце еще несколько дней, я поправлюсь и тогда все пойдет хорошо Я думаю, надо обожждать дней 10. Давай условимся встретиться 27, в 51 о, только не на прежнем месте (далеко), а гденибудь поближе. Например, у входа в Воскресенскую церковь только не со стороны народа, дома, а у главного входа, с другой стороны улицы (забыл, как называется, в эту улицу упирается Ремесленная). И так, до свидания, голубочка моя. Если бы почему-либо нельзя было 27, то 28 и т. д.

Целую тебя крепко, люблю и обнимаю. Потерпи.

Твой.

305.

[IX 1912 р.. Черні

Моя голубка! Я все время проболел и пока боюсь выходить на холодный воздух. Теперь мне лучше уже. Увидимся лучше не раньше четверга, на старом месте и в то же время. Если не в четверг, то на следующий] день и так далее. Как ты, голубка? Целую крепко и обнимаю. Скучаю страшно.

Твой.

306.

[IX 1912 р., Чернігів.)

Дорогая моя деточка! Так не повезло нам. Я еще и до сих пор плохо чувствую себя и боюсь выходить на холод, но все же мне лучше. Очень соскучился по тебе, милая, так соскучился, что не нахожу слов выразить. Хочу увидеть тебя скорее, но раньше понедельника не рискну, да и то, если не будет такого холода. Приходи в понедельник в 6 часов без четверти на то место, где мы условились увидеться в последний раз. Если почему-либо нельзя будет, то во вторник там же и в такое же время. Мучительно хочу видеть тебя. Целую тебя и люблю. Как ты? Но ведь мы все расскажем друг другу при встрече. Еще целую.

Твой.

307.

19.X [1912 р., Чернत्व.]

Пишу, а когда брошу письмо, не знаю. Вот уже 3 недели не выхожу. Всякие болезни цепляются за мой ослабленный долгим недомоганием организм и не пускают меня выехать в Киев, где я думаю лечь в лечебницу. Чрез 2—3 дня, не смотря ни на что, поеду в Киев. Кроме физических страданий, бессонницы, астмы и пр. прелестей, мучит меня невозможность послать письмо тебе, узнать что-нибудь о тебе. Я не знаю даже, уехала ли ты или еще дома, не знаю, когда уедешь и как писать тебе. На всякий случай брошу в ящик 2 письма одновременно: это — на твое имя и другое на имя подруги, с просьбой передать или переслать тебе по адресу. А ты мне напиши (в г. Киев, Главный Почтамт, Крещатик, до востребования, мне), сообщи свой адрес, которого я, к сожалению, не взял у тебя при встрече. Уж если не везет, то не везет.

В Киеве я поступаю в ведение врачей — друзей, хороших специалистов, кот[орые] обещают поставить меня на ноги. Я, вероятно, к твоему возвращению домой тоже буду дома и постараюсь увидеться с тобой.

Как твоё здоровье, голубка, как поживаешь? Не забыла ли ещё меня? А я только и думаю о тебе. До свидания. На всякий случай напиши мне и местное письмо (до востребования, предъявителю почт, расписки № 170) и сообщи свой тепер[ешний] адрес. Целую крепко.

308.

19.X [1912 г., Чернит]

Одновременно бросаю письмо и по твоему адресу: если одно не дойдёт до тебя, то м. б. другое будет счастливей.

Я писал тебе о своих неудачах, о том, что уже 3 недели не могу выйти на воздух, что болезнь моя разлучила меня с тобой и я ужасаюсь, что ничего не знаю о тебе, не знаю даже, где ты и куда тебе писать. Через несколько дней (2—3) я непременно уеду в Киев, в больницу, где будут меня лечить врачи-специалисты, мои друзья. Вот ты и напиши мне о себе (сообщи свой петербургский] адрес) в Киев, (Крещатик, Главный Почтамт, до востребования, мне) и ещё на всякий случай, местное письмо, до востребования, предъявителю почтовой расписки №170. В этом письме тоже сообщи свой адрес, чтобы мы были связаны, наконец. К твоему приезду из П[етер]-бурга я буду, вероятно, здесь и постараюсь увидеться, а теперь отчасти рад, что ты меня не видишь, так я похудал и изменился. Не забывай меня, я уверен, что всё будет хорошо и все временные невзгоды пройдут бесследно, лишь бы мы любили друг друга. Целую тебя крепко. Желаю в[е]сёлой поездки. Ещё целую.

309.

1 ноября 1912. Киев.

Наконец-то, дорогая моя, радость ты моя, получил я вчера вечером твоё письмо из Петербурга. Оно лежало здесь почти 5 дней, а я не мог

его получить, а почему, сейчас увидишь, как только начну рассказывать все по порядку.

Выехали мы из Чернигова, кажется, в один день, 21 в воскресенье. Я только пароходом. Чувствовал себя настолько плохо, что пришлось взять отдельную каюту 1-го класса, но все же доехал с трудом, промучившись от астмы, кашлю и более всю ночь. Остановился я в гостиннице и сейчас же пригласил на консилиум трех известных врачей. Мучили они меня больше 2-х часов, осматривали, выслушивали и пришли к заключению, что все мои болезни происходят от плохого сердца, слишком переутомленного и не желающего работать. И все вместе настаивали, чтобы я избрал для лечения не частную лечебницу, а университетскую клинику. По счастливой случайности там теперь как раз заинтересованы сердечными болезнями — и проф. Образцов и ассистент его Стра-жеско¹³⁵ — вот только попасть туда трудно, редко бывает место. Однако мои друзья — врачи устроили меня в клинику и на второй день после приезда в Киев я туда переехал. Сначала поместили меня в одной комнате с другим больным, что было неприятно (свободной комнаты не оказалось), но через три дня перевели меня в чудную, светлую, совершенно отдельную комнату. Как только осмотрели меня в клинике, сейчас же уложили в постель — и вот уже 9 дней лежу пластом, не смея вставать, а сколько еще придется провести в постели, не знаю. И здесь говорят, что сердце у меня очень плохое, но обещают исправить его.

Ежедневно меня посещает проф. Образцов, его помощник Стражеско, ординатор Рафиев (турок), последний 2 — 3 раза в день и еще 2 моих знакомых врача. Таким образом, я более чем обеспечен медицинской помощью. Мои литературные] занятия первый раз, кажется, сослужили мне службу, т. к. здесь все гордятся, что лечится у них писатель — и все, начиная с прислуги, сестры милосердия и кончая профессором, бесконечно внимательны ко мне и добры, мне даже неловко, так заботятся обо мне, выдумывают (против клинич. правил) всякие блюда, ухаживают за мной и т. под. Здесь очень дешево; я плачу только 3 руб. в сутки за все (врачи, лекарства, уход, пища и даже белье).

Самочувствие у меня лучше, уже 4 ночи спал понемногу и хотя на шестой день своего пребывания здесь потерял в весе 13 фунтов (l), но меня успокаивают, что это хорошо, т. к. почти совсем сошли отеки ног. Теперь меня отпаивают молоком и иодом. Ежедневно, от 3 до 6 —у меня прием гостей. И кого только не бывает! Знакомые и незнакомые. Приносят книги, весь стол завалили, цветы, розы, хризантемы японские всяких цветов—превратили комнату в цветочный магазин. Я уже смеюсь: хоро[шо] порой болеть, когда тебя так балуют. Но все это, конечно, я охотно променял бы на возможность хоть разок увидеть тебя, пускай даже в неудобных условиях, поцеловать, прижать к сердцу и с обновленными силами приняться за работу. А работать как раз и не могу — чувствую общую усталость. Так вот почему я не мог также получить здесь твое письмо: лежу. Наконец нашел такого человека, которому доверил получить письмо. Ты отвечай мне сейчас по прежнему адресу (Крещат. Главн. Почтамт, до востреб.) с таким расчетом, чтобы письмо получилось здесь не позже 9—10, т. к. 10 на несколько дней приедет В[ера] И[устиновна] и будет неудобно получить при ней. Надеюсь успеешь, т. к. письмо идет сюда, кажется, дня 4, не больше. Только отвечай сейчас же, как получишь мое. Устал. Трудно писать больше. Прости, что описывал скучнейшие в свете вещи — болезни, но этим письмом я ввел тебя в курс моей жизни, а теперь буду писать о чем-нибудь поинтереснее.

Если меня любишь, голубка, не беспокойся мной: мне уже значительно лучше и я надеюсь скоро поправиться и увидеться с тобой. Пожалуйста веселись в Петербурге сколько возможно, и за себя и за меня. Мне будет приятно думать об этом. Скоро напишу опять, а теперь крепко от любящего сердца целую и обнимаю. Люблю.

Твой.

310. А

4.XI 912. Киев. Университет, клиника.

Дорогой мой, любимый Шурокі В газетах пишут, что здоровье мое улучшается и на этот раз известия довольно правдоподобны. Мне, действительно, лучше, моя голубка. Астма почти оставила меня, аппетит улучшается и я с гордостью сообщаю врачам, что выпиваю до 7 стаканов молока в день. Сердце спокойнее и охотнее принимает мелкие радости жизни; луч солнца в окне, букет цветов, принесенный друзьями, человеческую ласку и внимание. А на отсутствие последнего я не могу пожаловаться. Все так нежно, с таким вниманием относятся ко мне, не жалея ни времени, ни средств даже, что я вечно пребываю сконфуженным и готов порой провалиться сквозь землю. А, все таки, врачи держат меня в постели, запрещают волнения, движения — все, чем проявляется жизнь. Начинаю понемногу спать. Работать еще не могу, но много читаю. Знакомлюсь с новым для меня писателем Джеком Лондоном³⁶, американским Горьким, работавшим в качестве чернорабочего на золотых приисках в Аляске³⁷. У нас Лондону сделали рекламу Андреев¹³⁸ и Куприн¹³⁹ и, по моему, совершенно напрасно. Это писатель типа Брет-Гарта¹⁴⁰, только без его таланта и поэтичности. Порой удастся написать ему удачный рассказ, интересный по своей экзотической обстановке, но в романах он скучен, однообразен. Вокруг меня лежат новинки книжного рынка и я предвкушаю много удовольствия от ознакомления с ними. Хочу воспользоваться также университетской библиотекой и почитать по ботанике и зоопсихологии, т. к. в последнее время я совершенно отстал в этих любимых мною науках. Не подумай, однако, что я собираюсь лежать здесь всю зиму. Как только позволят мне встать с постели, укачу домой—и за работу. Планов относительно поездки на юг не имею еще, как-то трудно мне теперь вообразить, что будет. Во всяком случае, мы увидимся еще не раз по возвращении нашем домой.

Получила ли ты мое первое письмо отсюда, в котором, между прочим, я просил тебя сейчас же мне ответить по тому же адресу, т. е. Киев, Главн. Почтамт, Крещатик, до востреб., мне, с таким расчетом, чтобы твое письмо было здесь 9, 10, не позже. Потом ты сделаешь перерыв, пока я не сообщу тебе. Постараюсь писать тебе почаще, хотя по моему почерку ты видишь, до чего безобразно писать лежа.

Голубка моя! Веселишься ли ты, здорова ли ты? Я очень хотел бы, чтобы ты от души веселилась. Не думай о моей болезни, мне ведь легче. Не забывай только обо мне. Целую тебя крепко, как люблю, моя детка, моя родная, мой милый друг. Еще и еще целую. (. . . •••)^ ^ ♦

Твой.

12 XI 912. [Київ.]

Спасибо тебе, дорогая, милая, за все три твои прекрасные письма. Целую за них каждый твой пальчик. Не писал долго потому, что не мог и даже не хотел. Не потому, чтобы состояние здоровья ухудшилось, а потому, что самочувствие, в зависимости от способа лечения, было невозможно плохо, и я боялся огорчать тебя. Врачи прекратили все сердечные средства, чтобы дать отдых сердцу и посадили меня на иод, а потом три дня на каломель. Ну, и мучился я все время. Насморк, боли горла, боли за ушами, бессонница, тошнота, а от кало-меля кроме того боль зубов и гланд. Словом, нервы так натянулись, так испортились, я так ослаб и отощал (неделю почти ничего не ел), что просто доходил до отчаяния, не смотря на то, что понимал же я, что это временно и необходимо. Со вчерашнего дня меня опять перевели на сердечные средства и я понемногу прихожу в себя. Но еще очень плохо сплю, страдаю всякими болями и отсутствием настроения. Даже читать не могу, а (публика, посещающая меня част[о] в неумеренном количестве, просто раздражает. Видишь, голубка, какой я скверный, но странно, что субъективные ощущения расходятся с объективными наблюдениями врачей: они утверждают, что мне лучше, сердце работает успешнее, а это главное. Посмотрим. Как бы я хотел, мое солнышко, увидеть тебя у себя, здесь, но не знаю, где я буду около 1-го декабря. Может быть, к этому времени меня отпустят домой. Я еще напишу об этом. До 20 я, во всяком случае, буду лежать здесь и ты пиши мне до 20 (так, чтобы письмо последнее пришло сюда не позже 19—20), лучше даже 19 (по адресу: Бибиковский бульвар, 17. Университетская клиника проф. Образцова, палата № 9, мне).

Надеюсь скоро написать тебе более веселое письмо, но прошу тебя, моя голубка, если любишь меня, не огорчаться этим, т. к. причин нет, тон письма больше зависит от плохого настроения, чем от ухудшения здоровья. Мало писал тебе, а устал.

Веселись, сердце мое, и отдыхай. Ведь это только 1 месяц в году! Не забывай меня, люби. До свидания письменного. Целую крепко, крепко, люблю тоже крепко.

Твой.

16.XI 912. Киев.

(Бибиковский бульвар, 17. Университетская клиника проф. Образцова, палата № 9, мне).

Сердце мое, Шурок! Не писал тебе так долго—да и теперь пишу коротко — т. к. чувствую себя прескверно: не спал по ночам, страдал очень от последствий, какие оставил по себе в организме каломель. Я принял в течение трех дней 9 порошков и вот уже неделя, как все во рту у меня распухло, болит, превратилось чуть не в сплошную рану. Полоскания ничего не помогают. Все время принимаю только жидкую пищу, уснуть, конечно, боль не дает, усталость такая, что не только читать, разговаривать не могу. А мой профессор, хотя и сочувствует всем моим бедам, но, видимо, очень доволен результатами своего лечения и все утешает меня. Впрочем, с минувшей ночи мне немножко лучше: я спал часа 3—4, а это много. Сегодня клонит ко сну весь день, но заснуть не удастся, не умею спать днем. Все еще я лежу и до сих пор не знаю, когда мне разрешат пройтись по комнате или даже посидеть, хотя я последнее делаю тайком почти ежедневно, в общей сложности ОКОЛО 1/2* [ч,3"

Неприятно писать такие письма; ведь я знаю, что они тебя огорчают. Надеюсь, однако, что скоро тон писем будет гораздо бодрее, т. к., не

смотря ни на что, здоровье все же идет на поправку. До конца ноября меня отсюда не пустят, могу сказать почти с уверенностью, разве чудо какое свершится. Возможно, что нам удастся увидеться здесь. Как бы я хотел этого. Я еще напишу тебе об этом. Получила ли ты мое письмо, голубка, в кото/-ом я просил тебя писать мне по адресу, поставленному вначале письма! Я тогда просил писать мне сюда до 20, теперь, конечно, можешь писать и позже, напр , до 27 — 26.

Как ты проводишь время? Довольна ли Петербургом? Здорова ли? Пиши, голубка, моя дорогая, не обращая внимания на мрачный тон моих писем. Все это временно, я уверен, что вскоре все будет хорошо.

Целую и обнимаю тебя крепко, моя единственная, солнышко мое. Люблю тебя верно и сильно, как всегда, тоскую по тебе.

Не забывай тв[оего].

313.

19.XI 912. Киев.

Дорога[я] моя, единственная и добрая Шурочка! Только что получил твое милое, дорогое для меня письмо (от 17-го). Спасибо тебе, сердце мое. Мне сейчас очень неприятно, что я, быть может, расстроил тебя своим последним письмом, своими жалобами. Здоровье мое опять поправляется; я сплю, чувствую аппетит, которого, впрочем, не могу удовлетворить из-за боли зубов после каломеля. Если бы не эти проклятые десна, наскучающие день и ночь жестокими болями, я чувствовал бы себя совсем хорошо. Вот только лежать наскучило. Прошу своих врачей разрешить мне прохаживаться по комнате, но они и слушать не хотят. Обещают, что если все пойдет хорошо, через несколько дней, б. м., разрешат мне сидеть. Итак — вижу, что мне еще долго придется побыть здесь что меня мало утешает. Я, моя детка, похудел, конечно, но не очень. Выгляжу приличнее, чем месяц тому

назад, свежее, веселее. Все таки, здоровье восстанавливается. Ты могла бы, сердце мое, обрадовать меня очень, заехав на обратном пути в Чернигов хотя бы на один день в Киев. От 3-х до 6 часов вечера ко мне можно заходить всем (ежедневно), но о дне посещения я хотел бы знать немного раньше, чтобы предупредить возможность встречи с черниговцами, посещающими меня ежедневно. Ведь тебе было бы неприятно встретиться с кем-нибудь из знакомых у меня. Я думаю, что ты успеешь еще предупредить меня своевременно о дне приезда в Киев. А как бы я хотел прижать тебя к сердцу, поцеловать тебя, моя единственная радость!

Я теперь по целым дням читаю — вот и все мои развлечения. Проглотил массу книг, а все же не удовлетворен, чувствую тоску по работе. Так хочется сесть за стол и взять перо в руки. Лежа я не могу работать, голова не свежа и фантазия потеряла крылья. Если нам не удастся увидаться в Киеве, я буду очень огорчен, но, скрепя сердце, придется ждать свидания в Чернигове, а это может быть не раньше половины декабря, т. к. едва ли меня выпустят отсюда раньше. Жду от тебя писем. В[ера] И[устиновна] пробыла здесь 3—4 дня и опять приедет около 5 — 6 декабря. До следующего письма, моя радость. Будь здорова, веселись и помни, что я люблю тебя больше всех— Целую крепко, крепко. Обнимаю.

Твой.

21.XI 912. Киев.

Дорогой Шурок! Это последнее мое письмо в Петербург, ведь ты позволила мне писать тебе до 23. Я понимаю это так, что мое последнее письмо должно придти уже на место 23-го. Затем буду писать по черниговскому адресу.

Я рад, моя голубка, что могу сообщить о себе более утешительные вещи. Я поправляюсь, в этом нет сомнений. Сплю больше (часов 5—6) и

днем дремлю, чего со мной никогда не бывало. Это, вероятно, сама природа вознаграждает себя за 4-х месячную бессонницу. Появляется аппетит, я съедаю весь свой обед, завтрак и ужин, кроме того выпиваю стаканов 4—5 молока в промежутках. Боль зубов проходит и сегодня я даже мог есть виноград. Словом, я молодцом и меня похвалил только что доктор Фаворский, который по знакомству навещает меня, а ему я верю, как очень опытному и добросовестному врачу. Я думаю, что когда ты придешь ко мне

а палату № 9 — ты останешься довольна мной. Пока что я, как и всякий больной, в достаточной мере несносен: половину письма исписал о себе и своей болезни. Не буду, дорогая, не сердись.

Получила ли ты своевременно мое последнее письмо от 19-го? Я ждал сегодня ответа на него, но утренняя почта ничего не принесла мне.

Я по целым дням читаю и, вероятно, очень поумнею за это время. При свидании ты мне скажешь, заметно ли это?

А что с тобой? Воображаю. Потеряла не менее 20 фунтов, глаза большие, щеки запали, вид запойной театралки. Не правда ли? Но я не осуждаю. Вероятно, и со мной было бы то же в большом городе. Боюсь только, что ты совсем не отдохнула физически, а впереди целый год работы. Напиши мне, милая, больше про себя. А еще лучше, если бы ты заехала в Киев и мы смогли увидеться. Возможно ли это? Домой я рассчитываю попасть не раньше середины декабря. Впрочем, я еще и сам не знаю, все зависит от того, как я буду вести себя здесь. Мне еще не разрешают сидеть, я все время лежу. Говорят — это необходимо для переутомленного сердца. Голубка моя! Я знаю, что помогло бы моему сердцу — но это средство как раз недоступно для меня. Ты поставила бы меня своей любовью и нежностью скорее на ноги, чем все профессора и лекарства. Я это чувствую.

Будь здорова, любимая. Мне хочется сказать — до свидания. Целую и обнимаю тебя крепко, крепко и прижимаю с любовью к сердцу.

Целую еще и еще. Твой.

315.

30.XI 912, Киев.

Вчера вечером получил твое письмо от 27, моя дорогая. Благодарю и целую. Жаль только, что меня нет с тобой, некому надоедать тебе, ты ведешь себя неблагоприятно, а мои просьбы и внушенья на расстоянии не действуют. Твои же — наоборот, стоит лишь раздаться команде из Петербурга — как я сейчас же подтягиваюсь, стаю во фронт. Вот и теперь — не успел получить наставлений, а уже поправился. Плеврит прошел совсем, температура нормальная, боли проходят и я начинаю спать, есть и поправляться (чуть-чуть не написал веселиться). Но до веселья еще далеко, кажется. В перспективе улыбаются мне две приятные возможности: встреча с тобой и возможность писать.

А пока я даже сильно огорчен: в Киеве мы с тобой не увидимся — 5-го приедет В.[ера] И[устиновна] и пробудет здесь до 10-го. По крайней мере пока еще нет перемены проекта. Жаль, что не увижу тебя, мое сердце. Отложим на будущее (б. м. на рождество). В предыдущем письме своем, от 27-го, кажется, я просил тебя писать мне из Петербурга последний раз 2 декабря, так, чтобы я получил твое письмо 4-го. Потом сделай перерыв до тех пор, пока я не уведомяю тебя в Чернигов. Я, конечно, еще напишу раза 2 в Петербург.

Ты просила меня, деточка, порекомендовать тебе литературные новинки. Но я сам не в курсе, никуда не выхожу. Могу рекомендовать, впрочем, последнюю новость. Горький. Сказки, Москва, ц. 85 к. (они очень интересны)¹⁴¹, а из переводной литературы Джека Лондона (теперь выходит несколько изданий). Он хоть и не первоклассный

писатель и много грехов у него (да простит аллах Андрееву и Куприну за рекламу, создавшую успех этому американцу в России!), но все же попадаются талантливые вещи и интересен неизвестный нам экзотизм описываемой обстановки и типов. Вот, пока и довольно, много не купишь.

До свидания, голубка. Так как-то неудобно писать, что

и ты не разберешь, да и у меня устала рука и голова от

напряжения. Любишь ли ты меня? Или уже совсем наскучил

тебе, больной, неинтересный, ненужный? Я попрежнему горячо

люблю мою милую. ()

Твой.

316.

2.XII 012. Киеа.

Дорогой Шурок!

Есть анекдот про цыгана, который утверждал, что его отец умер голодной смертью "между двумя хлебами". Как так? А очень просто: старого (прошлогодного) уже не было, а новый еще не поспел.

Вот нечто подобное и с моими впечатлениями: внешних я еще не получаю, а для того, чтобы жить запасами, черпать из себя, нет еще надлежащей свежести организма. Вот и я чувствую себя в этот неблагоприятный период особенно бедным и всем моим корреспондентам отвечаю на письма краткими открытками, дающими мне возможность

скрыть эту бедность впечатлений. От тебя не скроешься, детка, хотя я, рассчитывая на большую снисходительность твою ко мне, меньше рискую. А все же, после каждого моего письма к тебе я невольно воображаю себе тебя за чтением его и вижу пренебрежительную гримасу: как неинтересно! Да, неинтересно. Вот и сейчас должен обратиться к скучнейшим подробностям; поправляюсь (осторожнее — поправляюсь), но сплю и ем еще плохо. За последнюю неделю прибавил к весу 534 ф., а это нехорошо. Утешают меня, что я могу пролежать и до нового года, все зависит от того, будут или не будут осложнения. Теперь мне еще досаднее, что не увижусь с тобой при возвращении твоём из Петербурга. Судьба так часто и жестоко колотит меня в последнее время, что я вынужден для примирения с жизнью вспоминать и все доброе, когда-нибудь подаренное ею.

А теперь я благодарен ей, когда она приносит мне письмо от тебя, луч солнца или цветок.

Я еще удивляюсь, как я не сделался брюзгой, раздражительным, мрачным. Все таки, я в снисходительно-благодарном настроении и часто подсмеиваюсь над всем своим злополучием. Ничего! Когда-нибудь будет и лучше! Пустяки. Врачам это особенно нравится. Завтра—послезавтра ожидаю твоего последнего письма из Петербурга. Затем перерыв — и будешь писать из Ч[ерниго]ва. В[ера] И[устиновна] пока не изменила своего решения приехать 5-го и пробыть до 10. Позавчера был у меня Евгений Пантелеймонович Добровольский. Он приезжал делать заказы какой-то типографии и в тот же день должен был уехать обратно. Бодрый, здоров, выглядит хорошо. Он тебя скорее, счастливый, увидит, чем я. Как ты себя чувствуешь, отдохнула ли, переварила ли впечатления? Будь умницей и береги себя. А то некому будет любить меня. Целую тебя, мое счастье, люблю тебя, мое сердце.

317.

5. XII 912. Киев.

Деточка! Так грустно было прочитать в твоём письме от Г XII — "последнее"! Не люблю этого слова в наших отношениях с тобой.

Как только возвратишься домой, сейчас же напиши мне, а в дороге берегись, не простудись— (ведь зима). И старайся меньше утомиться. Очень ты обрадовала меня, голубка, надеждой на возможность увидаться в Киеве. Мне даже не верится, чтобы ты решилась нарочно приехать в Киев. Во всяком случае, я воспрял духом и телом от одной надежды. Мне кажется, что самое удобное время для свидания — воскресенье—16 декабря. В субботу ты могла бы выехать на ночь, воскресенье перебыть здесь и в воскресенье же на ночь выехать обратно. Только это очень утомительно не спать 2 ночи кряду. А, может быть, у тебя иная комбинация. Думаю, что после 16-го труднее будет, наступает рождество и кто-нибудь из домашних приедет ко мне. Меня, кажется, в этом месяце не отпустят из клиники. После неожиданных заболеваний, о которых я тебе писал, я поправляюсь (ел уже куринную котлету, а сегодня ветчину даже), но все еще не возвратился к тому состоянию, в котором был до заболевания. Тогда дело шло уже на поправку, а теперь я хотел бы одного: что бы мне хуже не было. Мои врачи утешают меня, находят, что сердце работает лучше, а все таки я еще хорошо себя не чувствую.

А главное — не работаю. Это меня угнетает. Наконец, становится опасным и с материальной стороны. Ведь содержание мое здесь стоит более 100 руб. в месяц, а я ничего не зарабатываю. Бюджет не выдержит. Не думай, впрочем, дорогая моя, что я кисну, унываю. Мое легкомыслие — как ты называешь это или философское отношение к жизни, как я смею думать — избавляет меня от трагических мин.

Все будет хорошо — вот мой девиз.

Однако, голубка, должен кончать письмо, пришел врач на беседу и отнял массу времени. Целую и обнимаю тебя крепко-прекрепко. Люблю тебя, мое сердце. Напишу в воскресенье или в понедельник. Еще целую. Не забывай твоего.

11.XII 912. [Київ.]

Милая Шурочка! Получила ли ты мое последнее письмо в Петербург от 5-го? Ты должна была получить его 7 или 8, в день отъезда. В этом письме я приглашал тебя приехать ко мне в воскресенье 16 с. м. Это, кажется, единственный день (ведь в будние дни ты едва ли можешь приехать),

который удобнее всего видаться нам, т. к. возможно, что на рождество я смогу оставить клинику. Здоровье мое в последние дни заметно поправляется, я сплю, чувствую некоторый аппетит и сравнительную бодрость,, указывающую на правильную деятельность сердца. Мне разрешили на полчаса вставать с постели и я уже 4-й день просиживаю эти полчаса в кресле. Если никаких неожиданных осложнений не будет, возможно, что к рождеству мне разрешат уехать домой. Вот я и говорю о воскресенье 16 с. м., как об единственном удобном для свидания дне. Ты могла бы придти ко мне раньше 3-х часов, напр. в 2 ч., а я, зная наперед о твоём приезде, взял бы для тебя разрешение на внеурочное посещение. Зайти надо с подъезда, раздеться в первом этаже и подняться на второй, спросивши, где палата № 9. Если бы тебя не допускали, скажи, что имеешь разрешение д-ра Рафиева. Но только предварительно я должен знать, что ты приедешь, чтобы предупредить возможные встречи у меня со знающими тебя черниговцами, которые, все таки, посещают меня. Если тебе почему-либо нельзя будет собраться на воскресенье в Киев, не горюй, мое сердце. У меня есть надежда, что в Чернигове мы не раз увидимся. Я все ожидал обещанного письма с дороги, но до сих пор не дождался. Как-то ты поехала, здорова ли, не очень ли устала? Хотелось бы мне хоть взглянуть на тебя, поцеловать и прижать к сердцу. Если не удастся сделать это в Киеве — остается Чернигов.

Смотри, моя голубка, ответь мне обстоятельно на это письмо сейчас же, да и, вообще, напиши, как доехала, как себя чувствуешь, что нового

увидела, услышала и узнала. Я в своей палате точно в заточении вот уже скоро 2 месяца. Очень мне тяжело это разобщение со всем миром, невозможность движения, отсутствие свежего воздуха — а еще тяжелее вынужденное бездейс[тв]ие. Ну, будь здорова, мое сердце. Люби меня так, как люблю я тебя и целуй меня крепко в ответ на мои крепкие поцелуи.

До свидания! Пиши. Твой.

319.

13.XII 912. [Київ.]

Зачем ты, мой дорогой Шурок, так волнуешься и огорчаешься, да еще просишь меня в чем-то простить тебя! Разве ты виновата, что заболела, разве можно сердиться или не сердиться на болезнь? Правда, вышло очень досадно и даже немножко тяжело и для меня, но что же делать. Несколько дней, ожидая твоего приезда, я от радостного волнения не мог ни есть, ни спать. Много мне стоило труда, чтобы обеспечить тебя от неудобных встреч, взял тебе разрешение явиться ко мне в 2 ч. — и врач так старался, что скоро вся клиника знала; что ко мне кто-то приедет и будет допущен в неурочное время. На твои письма я не мог уже ответить: 1-е получил в пятницу вечером, когда можно было думать, что ты уже в поезде, а второе в субботу днем. Со вторым письмом целая история, и я уверен, что его кто-то читал. Но кто и где — вот вопрос. Написано оно было по твоему признанию 12-го вечером, а Черниго[вский] штампель от 14-го. Где же оно было 13-го? Если ты его 13-го утром бросила в ящик, то оно должно было быть заштемпелеванным 13 и получить здесь 14-го. Письмо пришло распечатанное с явными следами этого на одной из коротких сторон конверта, подложенной затем аккуратно на свое место. Но где и кто его читал? Не брала ли ты его с собой в бюро и не оставляла ли в кармане пальто? Тогда все объясняется. А, может быть, на почте кто-нибудь поинтересовался. Припомни, как было, где письмо пробыло 13-го и напиши мне подробно. Это меня интересует.

Возвращаюсь к ожиданию тебя. Два дня — в субботу и в воскресенье я одевал свой костюм, чтобы не быть похожим на больного, сидел и ждал. И сколько раз слышал шаги в коридоре, столько раз выходил навстречу и, наконец, от движения и напряженного ожидания уставал страшно и не мог спать. Когда же и в воскресенье тебя не было и не получилось письма, я очень беспокоился — все ли благополучно с тобой, дорогая. Наконец вчера вечером было письмо от 14-го. Неужели оно шло до Киева так долго, что получилось на 4-й день? Что это с письмами твоими? Да, досадно вышло, но я и на одну секунду не обвинял тебя ни в чем. Я знаю, что если бы ты могла, ты приехала бы ко мне. Теперь это уже, пожалуй, не удастся. Я чувствую себя настолько хорошо, что могу рассчитывать на скорое возвращение домой. Но когда это будет — на рождество или к новому году — еще не знаю. В субботу или в воскресенье (23) приедет В[ера] И[устиновна] и останется здесь все праздники. Так что писать ты можешь мне до 20-го с. м. и то в таком случае, если 20-го своевременно бросишь письмо на почту. Видишь, как долго идут письма из Чернигова, дольше, чем из Петербурга или даже из заграницы.

Как-то ты себя чувствуешь, моя дорогая? Хотел бы быть

с тобой, чтобы утешить тебя после неудачи и до тех пор

целовать, пока мои чудные глазки не сделаются веселыми и

довольными. Будь здорова, моя единственная, сердце мое.

Помни, что я тебя люблю и буду любить, что бы ни случи-

лось. ()

Твой,

320.

Сердце мое! Как же ты себя чувствуешь, лучше уже? Получила ли ты мое последнее письмо от 18-го, в которого я просил тебя не огорчаться неудачей, примириться с фактом и не терять надежды на лучшее будущее? Смотри же, моя голубка добрая, исполни мою просьбу. I

Я, как уверяют врачи, на пути к выздоровлению. Субъективно же не могу похвалиться хорошим самочувствием. Почему-то не тверд на ногах, менее тверд, чем был неделю назад. Какая-то слабость во всем организме. Врачи улыбаются и уверяют меня, что это так кажется. Может быть, и кажется, только уж слишком упрямо и долго. Сплю опять лучше и ем больше. Особенно много уничтожаю фруктов и думаю, что фрукты разорят меня, тем более, что ничего не зарабатываю. Хотя это не совсем правда: уже три дня, как я понемногу занимаюсь: просмотрел перевод рассказа своего для журнала "Заветы*1142 и продержал корректуру своей новой вещи (На острове) для "Літерат.-Науков. Вістника**143. Устал отчаянно от этой такой легкой работы, делал бесчисленное количество антрактов, но все же кончил. "На остров!" пойдет в январь-ской книжке. Теперь очередь за всякими деловыми письмами (а их не мало). Я, кажется, писал тебе о том, что ухожу из "Знания" и буду печатать следующие томы в Москве, в "Издательстве писателей*1144. Там условия гораздо выгоднее и меня очень просят войти в этот издательский ;кружок. Недавно очень мило писал Вересаев ЩІ Вот и придется собирать рассказы, разбросанные в разных русских журналах, кое-какие заказать перевести, входить в переписку с "Знанием", с переводчиком и т. п. Я уже не доволен, что согласился.

Вчера поздно вечером явился ко мне один из моих врачей — Стражеско, самый большой специалист в Киеве по сердечным болезням и заявил, что он приехал только ради меня (у них теперь терапевтический съезд и вчера вечером была встреча врачей и концерт, а Стражеско — секретарь съезда и докладчик). Он остался мною доволен, нашел, что сердце работает очень хорошо и обещал к новому году разрешить мне уехать. Если, конечно, не будет осложнений.

Как видишь, я своей персоной занял все письмо, а, между тем, мне хотелось расспрашивать тебя о тебе и твоих делах. Непременно напиши мне все о себе. На празднике ты должна веселиться, брать хотя бы те удовольствия, какие доставляет черниговская жизнь. Петербургские развлечения, вероятно, уже испарились, надо заменить их местными. Ну, будь здорова, сердце мое. Я еще надеюсь написать тебе до рождества. Целую тебя и обнимаю и люблю голубку мою, моего доброго, хорошего друга, мою дорогую деточ[к]у.

Еще целую. Будь здорова. Твой.

22.XI! 912. [Кн1в.] X.^^

Что-то нет мне ответа от тебя, мой милый Шурок. Здорова ли ты? А, м. б., ты не получила моих двух последних писем? В одном из них я просил тебя не писать мне позже 20 декабря до тех пор, пока я не уведомя тебя, т. к. с 23 у меня будут наши (В. И— и кто-то из детей).

В последние дни чувствую себя немножко хуже: плохо сплю, аппетит отсутствует и порой чувствую усталость сердечную. Может быть, это оттого, что больше двух недель мне не давали сердечных средств. Конечно, такой метод лечения хорош, надо приучать сердце к самостоятельной работе, не вечно же мне лечиться, но, вероятно, я еще не могу считаться излеченным и надо было следить, когда придти сердцу на помощь, чтобы оно все время стояло на должной высоте. А врачи и не уследили, теперь у них съезд, при чем Образцов организатор его, а Стражеско — читает свои доклады и секретарствует. В клинике никого нет. Один турок забегает на несколько минут, но ведь он не лечит меня. И все же, вынужден был записать сердечное средство, которое, наверное, поможет мне. Мне разрешили гулять по комнате. Вопрос же о том, когда я поеду домой — довольно неясен. Возможно— на новый год, возможно позже. Потом другой, более сложный, вопрос. Мне необходимо уехать до весны на юг. Я все время думаю о Египте, но есть одно серьезнее затруднение: мне нельзя ехать одному, об этом говорят все мои врачи. А вдвоем— дорого невероятно, не по силам.

Теперь я собираю справки о Батуме и Сухуме (там тоже теплая зима) и если окажется, что климат там сносный, поеду туда. Впрочем, окончательно еще ничего не решаю. Если бы была все время такая зима, какая стоит теперь, может быть я рискнул [бы] никуда не уезжать. Такая досада: обещали меня пустить вчера в заседание жюри по присуждению премий за проект памятника Шевченку — и не пустили. Хотя, судя по газетам, конкурс был неудачен¹⁴⁶.

Голубка! Неужели я не получу от тебя письма ни сегодня, ни завтра и не буду знать как ты себя чувствуешь? Милая моя, как я хочу взглянуть в твои глазки, поцеловать их. Ведь я уже забываю вкус твоего поцелуя. Да, черные дни настали для нашей любви, но я чувствую, что все же мое сердце вынесет их — и наше чувство нисколько не пострадает, а, быть может, закалится даже. Как ты думаешь? Напиши мне об этом.

Желаю тебе веселых праздников. Помни, что я советую тебе веселиться, горя и так много, надо побеждать его веселостью и бодростью. Целую крепко и без конца. Люблю, мое сердце.

♦ >ГУ 322. 28.XII 912. (Київ.)

Дорогая Шурочка! Как ты, моя детка, провела праздники? Веселилась ли? Здорова ли? Мне не повезло. Я все время нездоров желудком — и все от лекарств, возбуждающих деятельность сердца, но расстраивающих желудок, вызывающих тошноту, головные боли и вообще скверное самочувствие. Вот и сегодня не спал всю ночь, голова трещит, тошнит, есть ничего не могу, а профессор утешает, что все хорошо, все объективные признаки говорят в пользу здоровья, а на субъективные не советует обращать внимания. И всегда Образцов утешает меня (очень слабо) тем, что и он не спал, что и у него с сердцем плохо, хуже во много раз, чем у меня. Несмотря на утешения—все таки не собираются отпустить меня на новый год, придется сидеть здесь чуть ли не до 8 января, 5-го января приедет за мной В. И. и заберет меня домой. (Если, конечно, все будет благополучно). Просто не знаю, как и беречься. Чаще всего испытываю тошноту, не могу есть, худею и не

сплю. Я, вероятно, сильно надоедаю тебе описанием своих болезней, но сейчас они наполняют мою однообразную жизнь. Ведь работать не могу. Попробовал немножко работать, но устаю. С I кн. "Літерат[урно]-Наукового Вістника" начал печатать свое "На острові"; вещь еще не окончена, но меня так просили, что я, против правил своих, решил дать первую половину в январьскую книжку. Кроме того, просмотрел и исправил перевод своего рассказа для "Заветов", Не помню, писал ли я, что дальнейшие томы своих рассказов на русском языке буду печатать не в "Знании" а в московском "Издательстве писателей". Мне сделали оттуда предложение, сравнительно выгодное ("Знание" дает 25 коп. с каждой проданной книжки, а "Издательство писателей"—40 коп.). "Вересаев, состоящий там редактором, написал мне очень любезное письмо. Кроме того, в "Знании" нет хозяина (оба живут за границей) и все дело ведется конторщиком довольно безобразно, отчего я несу материальные убытки. Опять расписался об издательских делах, а мне нужно место, чтобы поцеловать тебя крепко и обнять свою дорогую деточку. Любишь ли ты меня? Я тебя очень. Еще целую. ^1

Твой.

323.

30.XI 912. [Київ]

Целую и обнимаю тебя, дорогая Шурочка, и поздравляю с новым годом. Больше чем себе желаю тебе здоровья и хорошего самочувствия, а нам вместе (мне трудно отделить себя от тебя) — более счастливого года, чем был прошедший. Дай же еще твои губки и ручки, пусть их поцелую с такою любовью и уважением, какие чувствую в сердце. Желаю тебе встретить новый год удачно и весело. Не хочется мне огорчать тебя (да ты не огорчайся, незачем), но здоровье мое очень неровно. Ряд подъемов и падений и нет уверенности, что налаживаешься. За последнюю неделю потерял 8 фунтов весу, хотя мне не разрешалось этого делать. А все оттого, что сердце работает неисправно и вызывает всякие расстройства, плохо питаюсь, а подчас и

совсем не могу ничего есть, плохо сплю (напр., прошлую ночь). А, между тем, мои посетители находят, что я поправился и выгляжу недурно. Впрочем, и мой пессимизм вызван, кажется, больше бессонной ночью и головной болью после нее.

Хуже всего, что я не знаю, когда меня отпустят. Раньше обещали на новый год, а теперь это откладывается на неопределенное время. Нет, я таки решительно поговорю с профессором, что он думает, и хотя по твоему совету сам не буду настаивать на скором уходе из клиники, но все же хочу знать мою судьбу. Ты, вероятно, зеваешь, читая мои письма с больничным настроением. Потерпи, дружок. Скоро я воспряну телом и душой и буду много веселее. Хотя, кажется, я только в письмах жалеюсь, а в разговорах более бодр.

Читаю без конца, а еще чаще, еще в большем размере пишу письма. Казалось, ушел я от моих корреспондентов, но благодаря газетам, сообщившим зачем-то даже мой адрес, ко мне пишут, кроме знакомых, и незнакомые досужие люди, а я должен всем отвечать. Правда, я пишу всего несколько слов благодарности за добрые пожелания — но этих пожеланий довольно много и моя корреспонденция утомляет меня. Тем более, что пишу я лежа, а это неудобно. Получила ли ты мое письмо, посланное позавчера? Напиши мне побольше о себе и обо всем: ты ходишь по улицам, что-то видишь, встречаешься со знакомыми и многое знаешь. Не забывай меня. Целую тебя крепко, моя зорька, моя любимая Шурочка. Пиши. Еще целую.

Твой,

324.

2.1 913. [Київ.]

Спасибо тебе, дорогая, за письмо от 30-го. Я его получил вчера вечером, все таки на новый год. Получила ли ты оба мои письма? В

последнем я поздравляю тебя с новым годом. На всякий случай еще целую и обнимаю горячо. Не приглашал я тебя приехать на праздники только потому, что это

тебе было бы неудобно. () В. И. собирается,

кажется, на крещение, т. е. 4—5. Вот и нельзя нам было встретиться. Но я, все таки, не теряю надежды увидеться с тобой здесь. Дело в том, что после рождества состояние моего здоровья ухудшилось. Ничего особенного, но все же я всю неделю не встаю с постели. Сердце заикалось, перестало исправно работать, отсюда всякие расстройства; бессонница, диета и прочие прелести. 31-го проф. Образцов внимательно осмотрел меня и заявил, что он настаивает на оставлении меня в клинике на неопределенное время. "Я не уверен в Вас. Этот ряд ухудшений не позволяет мне со спокойной совестью отпустить Вас. Я хочу поставить Вас на ноги—оставайтесь в клинике, пока я сам не заговорю о Вашем выезде". Что мне было делать? Конечно, согласился. Таким образом — вопрос когда и куда я поеду зимой, остается и для меня неясным. Предполагал я поехать в Египет, но одному мне нельзя ехать сейчас, после такой продолжительной болезни, а вдвоем невыносимо, дорого. Ведь я уже полгода ничего не зарабатываю, а только расходую на лечение.

Возможно, что поеду на Кавказ — в Сухум или Батум (мне кажется, что я уже писал тебе об этом). Дорога дешевле и отвезут меня, по всей вероятности, кто-нибудь из домашних. В Чернигове я, во всяком случае, пробуду недели две — и мы увидимся. Увидимся, надеюсь, и здесь, я напишу тебе, когда приехать. Можно, конечно, и в будень. Теперь же ты не пиши мне (до уведомления), так к[ак] собирается сюда В. И.

Утомляют меня посетители, но с этим бороться трудно. На новый год столько получил поздравлений, что нет физической возможности всем ответить,—поэтому не отвечаю никому.

Уже третий день сегодня мне лучше. Могу есть — вчера пообедал даже и съел целого рябчика. Две последние ночи спал и самочувствие лучше. Вчера была у меня черниговка — В. Юркевич (скрипачка) и нашла, что я выгляжу совсем недурно. А, между тем, я опять потерял в весе за последнюю неделю 8 ф.

Однако — странно: я ничем не огорчаюсь. Две только вещи тяжело переносятся: разлука з тобой и невозможность писать. В мае этого года я начал писать каприйские картинки, но за выездом за границу прервал работу и не успел до сих пор ее окончить. Теперь редакция "Ватника" буквально вырвала у меня для январьской книжки эту незаконченную вещь и напечатала ее¹⁴. Когда буду иметь оттиск, пришлю тебе.

В XII кн. " Современника" есть мой рассказ¹⁴⁸. Кажется, Вы получаете журнал этот?

Неприятно мне, что ты не веселишься. Так нельзя, голубка. Может быть, вечеринка 5-го развлечет тебя. До следующего письма, мое сердце. От тебя не скоро получу—придется тебе несколько дней воздержаться от переписки. Целую тебя, моя Шурочка. Люблю тебя. И ты мне снишься, при чем довольно часто. Обнимаю.

Твой.

325.

5.1 913. [Київ.]

Спасибо тебе, дорогой Шурок, за поздравления и пожелания на новый год. Целую тебя крепко за них, за все и даже без всякого повода, потому только, что хочется поцеловать. Я уже писал тебе, что в эти дни тебе неудобно приехать. Боюсь, что я тебя так же обманул, как и меня, хотя еще не уверен. Мне очень хочется видеть тебя и почему-то кажется, что даже больше, чем тебе — меня.

Я опять постепенно поправляюсь. Больше и спокойнее сплю, возвращаются аппетит и силы, за последнюю неделю прибавился в весе на 4 ф. Ты интересуешься, почему то хорошо, то плохо прибавляться в весе. Видишь ли, когда я вначале терял — это потеря была за счет опухли ног, вследствие плохой деятельности сердца, но когда опухоль сошла и я дошел в весе до 3 п. 23 ф. — мне сказали больше худеть не следует — и я поправился. А потом опять похудел на 8 ф. значит — плохо. Сегодня я взвешивался и оказалось, что за неделю прибавил 4 ф. Это уже хорошо. Собственно, я никогда (за исключением 3—4 дней) не лежал целый день, не вставая. Утром, в часов 7, я подымаюсь, обуваюсь и надеваю больничный халат. Совершаю свой туалет и пью молоко. Это все занимает 3/3 ч. — 40 минут. Вечером я умываюсь, приготавливаю ко сну — точно также на ногах и, приблизительно, столько же времени. Вот уже час или 1 1/2 в сутки я не лежу. Когда здоровье мое улучшилось, мне разрешили надевать халат и сидеть час в кресле, но я позволял себе, смотря по самочувствию, сидеть и 2 часа. В последнее время я весь день проводил в постеле, но вчера уже встал среди дня и сидел в кресле. Самое большее неудобство — с едой. Кормят чрезвычайно однообразно, невкусно, по-казенному. Как сестра милосердия ни старается (она очень заботится обо мне) — все же выходит плохо. Утром, в 7 1/2, я пью молоко с сухарями, а когда аппетит лучше, то сверх молока еще стакан ячменного кофе. В 10 часов завтрак. Дают — макароны, бульон, пудинг из рыбы, котлету куриную, кашу (одно что-нибудь, конечно). В час — обед из 2 блюд + сладкое. Всегда куриный суп, засыпанный манной крупой (невкусно), куриную котлету, рыбу, вареники с сыром, котлеты из картофеля или из рису — по большим праздникам — рябчика или осетрину. На сладкое — муссы фруктовые, желе, компот. На ужин — в 5 часов — каши всякие, протоквашу, бабку из рису или из вермишеля. А главное, что все это не особенно хорошо приготовлено и раз навсегда установлено по дням. Цикл замыкается одной неделей. На следующую неделю — опять тоже и так все время. Придается невозможно. Я стараюсь разнообразить пищу (если мне лучше) фруктами — яблоками, виноградом, мандарин [ами] или сладким печеньем и мармеладом. Ну, кажется, отвечая на твои вопросы, я перестарался и наполнил мелочами все письмо. Прости, голубка. Не пиши мне, пока я не уведомяю тебя.

Напишу тогда тебе, также, когда ты могла бы приехать, а ты уведоь меня предварительно о дне приезда. До скорого свидания, мое сердце. Как-то ты выглядишь, моя хорошая? Целую тебя крепко, как люблю.

Твой.

7.1 913. [Київ.]

Дорогой Шурок! Такая досада, что ты не приехала 3-го. У меня никого не было из домашних. Но ведь я не знал, ведь собирались — и, главное, я не успел бы написать тебе о возможности приехать. Письма идут сюда безобразно. Например, последнее, от 2 янв., имеет штемпель Черниговск. почты 4, Киевск.— 5, а получил я 6-го, т. е. на пятый день по написании письма. И так почти всегда. Ты знаешь, моя голубка, что я скоро могу очутиться дома. Проф. Образцов оставил меня здесь на неопределенное время, а другой врач, прив.-доцент д-р Стра-жеско, главный знаток сердца, не соглашается с ним: он говорит, что сердце мое значительно исправилось и что, лежа в клинике, я никогда не поправлюсь, т. к. однообразная обстановка, отсутствие воздуха и впечатлений, а также прискучивший стол— действуют на мою психику угнетающим образом. Что домашняя обстановка с несколькими комнатами, знакомыми предметами, лучшим уходом и разнообразным столом ускорит мое выздоровление. Режим и способы лечения (в сущности очень однообразного) мне хорошо известны и я могу и контролировать свое сердце и лечить его без врача, при помощи рецептов, которые мне будут даны здесь. Сегодня или завтра состоится консилиум — и если все согласятся — я уеду домой. Не сейчас, конечно, а дней через 10, чтобы иметь возможность освоиться с наружным воздухом и не простудиться в дороге. Чувствую себя в последние дни значительно лучше, сплю, имею аппетит, самочувствие довольно порядочное, встаю с постели. Ты бы, голубка моя, могла воспользоваться этой неделей и приехать ко мне. Хорошо было бы, если бы ты успела уведомить меня о дне приезда. Ты рассчитывай так, чтобы наше свидание состоялось до субботы на этой неделе, т. к. в субботу могут приехать за мной. Когда приедешь, приходи в 2 часа, раздевайся

внизу и если бы кто тебя останавливал, скажи, что ты имеешь разрешение от д-ра Рафиева. Боюсь только, что с трех нам будут мешать визитеры. Предупредить всех не могу — их много, а бывают и неожиданные. Могут быть встречи и с черниговцами, на это надо быть подготовленным. Ну, как-нибудь будет. Я так рад, так счастлив при одной мечте о свидании с тобой. Соскучился, стосковался до невозможности. Повторяю, хорошо, если успеешь предупредить о дне приезда, а если не успеешь, так и будет. Приезжай только. В случае каких-либо инцидентов с прислугой в клинике или с кем-нибудь, напиши мне карандашом несколько слов и отошли со швейцаром или др. служителем ко мне, в палату № 9, а я все сейчас устрою. Но думаю, что ничего не будет. Целую тебя, мое сердце. Пиши мне, любимая моя, голубка моя Шурочка. Жду тебя. Пока целую мысленно.

Твой.

х м 327.

11.1 913. [КиГа.]

Ах, ты, моя детка, мое ты огорчение родное! Зачем ты так часто болеешь, чаще, чем полагается? Теперь я уже не знаю, когда мы увидимся, разве мне станет хуже и я принужден буду остаться в клинике. Но, кажется, будет иначе,—я поправляюсь и позавчера выезжал даже на извозчике на несколько минут. Сплю, ем, обхожусь без лекарств и, по всей вероятности, 15-го с. м-, т. е. через пять дней, отправлюсь домой. В. И. приедет за мной завтра или в воскресенье. Скоро ли удастся нам увидеться — наперед трудно сказать, напишу из Чернигова.

Ты уже больше не пиши мне в Киев. Если я здесь останусь еще (все может быть), сообщу сейчас и тогда ты, б. м., сможешь приехать ко мне или продолжать переписку. Сейчас пишется мне невозможно плохо. Только что прочитал твое письмо вторично — и натянутые нервы не

выдержали — стало мне плохо, невыносимо больно в груди и пот облил меня с ног до головы. Но через Ці часа все прошло, осталась только усталость, вялость и плохо соображающая голова. Конечно, нехорошо это, но оправдывается: 1/2 года болен, 3 м. в больнице и стосковался по тебе.

На будущее время постараюсь укрепить свои нервы и буду легче переносить огорчения.

И ты не огорчайся, голубка. Такова, видно, наша судьба. Но я имею надежду, что дальше все пойдет лучше.

А я так мечтал, что ты приедешь сегодня, мы побудем часик вдвоем, затем в три ты повезешь меня по городу, а тем временем визитеры, не застав меня дома, разбредутся и мы будем опять одни.

А все вышло не так, как рисовало воображение — и то второй раз уже. Ну, не будем вспоминать об этом, расстраивать себя.

В Черн[игове] я пробуду недолго. Если в состоянии здоровья замечу ухудшение — отправлюсь обратно в клинику до выздоровления. Если же мне будет лучше — недели через две поеду на юг. Я уже писал тебе о своих планах — Египет или Кавказ, скорее последнее. Денег нет, ничего не заработал, а болезнь съела массу денег.

До свидания, мое сердце. Надеюсь, что наше свидание в Ч[ерниго]ве будет удачнее, чем здесь. Лишь бы морозов больших не было. Целую тебя, мое сердце, моя родная и милая, моя добрая голубка. Люби меня, если можешь. Я тебя крепко люблю и крепко целую. Огорчен сильно, что долго не буду иметь известий о тебе. Еще целую и еще. Не забывай меня.

Твой.

21.1 913. [Київ.]-

Прости, дорогая детка, что не писал. В течение целой недели я ежедневно собирался уехать, но каждый день оканчивался неудачей — сердечными припадками, настолько

сильными и утомительными, что врачи (кажется опытные!) теряли голову и держали меня в постели. Но самочувствие иногда лучший учитель: я осмелился высказаться, что вся суть тут не в сердце, что оно ни при чем в этих припадках, а виноват желудок—предложил собственный метод лечения. Конечно, надо мной добродушно посмеялись и снисходительно разрешили применять метод профана, т. к. он невинен и безвреден. И я блестяще доказал, что не ошибаюсь. Если я применял свой метод, припадков не было. Не применял—и имел их 2 в день. Пришлось согласиться со мной, но тут пошел спор между 2-мя профессорами, можно ли меня отпустить домой. Один за, другой против. Наконец это меня рассердило и я просил составить консилиум для выяснения вопроса. Вчера совещание состоялось и мне разрешили, без ущерба для здоровья, уехать во вторник 22, но с предосторожностями: до вокзала каретой, в поезде купе 1-го класса и в Чернигове опять карета. Буду чувствовать себя архиереем и благословлять обеими руками. Дома надеюсь поправиться быстрее и увидеться с тобой. Я стосковался до невозможного. Хоть бы одним глазком увидеть тебя. Из Чернигова напишу, когда буду иметь возможность выехать на прогулку. Как же ты, моя любимая? Здорова ли, не скучаешь ли? Целую тебя — если может это утешить тебя в чем, и обнимаю. Пишу мало, мешают, вообще было неудобно. Еще целую.

Твой.

Аплаксiна. СТОРiНКИ СПОГАдiВ

Моя перша зустріч з Михайлом Михайловичем сталася в 1902 році.

Якось у січні, в суботу, я зайшла до своєї приятельки, Зіни Солонини, батько якої був членом губернської земської управи. В яскраво освітленій кімнаті зібралося вже кілька чоловік гостей. Через деякий час після мого приходу у дверях з'явилася пара, що відразу притягла мою увагу.

Вона — з підстриженим волоссям (у ті роки це було рідкістю), високого зросту, з квітучим, цікавим обличчям, з рішучими, трохи різкими манерами. Він — стрункий, елегантно одягнений. Вражали матова блідість його обличч'я і темні очі, що дивились уважно і вдумливо. Це були Коцюбинські— Михайло Михайлович і дружина його Віра Іустинівна.

Коли мене знайомили з ними, Зінина тітка зауважила Коцюбинському:

— Це ваша майбутня співробітниця, Михайле Михайловичу!

Коцюбинський нічого не відказав на це, очевидно не звернувши на мене ніякої уваги. Він сів біля господаря дому і вони поринули в ділову розмову про збірники, друкарні тощо, не беручи участі в загальній, досить жвавій, розмові.

Сиділи Коцюбинські недовго. Я помітила, як Михайло Михайлович зирнувся з Вірою Іустинівною, вони разом повставали і стали прощатися. На вмовляння хазяїв залишитися, Коцюбинський відповів, що йому лікарі заборонили пізно лягати; це енергійно ствердила і Віра Іустинівна.

А, між тим, ще не було й 10 годин.

Коли Коцюбинські пішли, ті, що залишилися, заговорили про них. Я запам'ятала характеристику, дану господарем дому подружжю Коцюбинських: "Михайло Михайлович — людина з "хитрецю", а ось Віра Іустинівна.—проста й відкрита душа".

Пригадуючи згодом не раз цю оцінку, я дивувалася з її поверховості.

Через кілька днів після цієї зустрічі я вперше пішла на роботу в статистичне бюро губерніального земства, де працював у цей час і Михайло Михайлович.

Скажу кілька слів про статбюро, поскільки багато років життя Михайла Михайловича і мого тісно були зв'язані з цією установою.

Службова обстановка у земстві, як відомо, значно відрізнялася від решти установ того часу. Традиції бюрократизму і чиновницький дух, що міцно в'ївся в уклад державних установ, у земстві менше відчувалася. Дихалося тут трохи вільніше.

Наприклад, у нас, в статбюро, деякі співробітники відзначали день 1 травня: у цей день ми не виходили на роботу. Організовували добровільне збирання пожертв для політичних засланців, або на якусь іншу громадську справу. Пам'ятаю, в 1908 році Михайло Михайлович організував збір для галицького письменника Із. Франка, який після затяжної хвороби, зазнав матеріальної скрути, Практикувалися у нас виробничі наради і навіть товариські суди.

Група співробітників, до якої належав Михайло Михайлович і я, організувала при бюро бібліотеку. Ми вскладку передплачували нові журнали: "Русское Богатство", "Современный Мир", "Былое", збірники "Знание", "Альманах". Вскладку купували і всі новини російської та іноземної літератури. Згодом у нас утворилася досить велика бібліотека, яка проіснувала майже до 1916 року. Іноді ми частину книжок пересилали в тюрму для політичних в'язнів.

Адміністрація міста тримала бюро під особливим наглядом: труси робилися у нас у самій установі досить часто; такий стан, мені здається, значною мірою визначався складом співробітників статбюро. У період, коли я поступила в бюро, серед співробітників було кілька осіб, які

відбули політичне заслання. Були українці, які навіть на роботі гозорили тільки по-українському, що в ті часи було рідким явищем, а Михайло Михайлович на роботі завжди говорив тільки російською мовою.

Була в нас і група молоді, що лише недавно залишила шкільну лаву. У літній час ця група іноді поповнювалася студентами, що приїжджали на канікули і заробляли у нас на тимчасових роботах. Весь цей народ і вносив в одноманітне і монотонне життя дореволюційної установи невловимий, проте відчутний, струмінь протесту і скептицизму, який, природно, турбував місцеву владу.

Очевидно, зважаючи на всі ці причини, поліція і вважала за необхідне час від часу перевіряти зміст наших столів.

Труси бували часто і в нашому домі, особливо в 1907 і 1908 роках. У нас зберегалася іноді нелегальна література, друкарський шрифт. На ім'я сестри Зіни надходила з Женеви газета "Искра". Проте, труси минали благополучно.

Пригадую такий випадок: пристав, що робив у нас трус, звернув увагу на мій письмовий стіл, в якому знайшов багато листів. Відклавши пачку листів на столі, він сказав: "Це я візьму з собою". Це були листи Михайла Михайловича. Я не хотіла, щоб вони потрапили в поліцейний участок і ламала голову, як би мені цьому перешкодити. ^^^^

Однак, мені пощастило. Переходячи в другу кімнату для тусу, пристав залишив листи на столі. Я швидко схопила їх і заховала в стіл подалі, а на їх місце виклала іншу пачку листів. Повернувшись за листами, пристав з деяким сумнівом покрутив у руках відкладену пачку,, проте нічого не сказав і поніс їх з собою. За два-три тижні листи мені повернули.

У ті часи влаштуватися на службу, особливо жінці, було справою нелегкою. Моя мати після смерті батька-землеміра одержувала пенсії

всього 8 карбованців на місяць. Природно, що мені, як старшій у сім'ї, по скінченні гімназії, довелося разом з матір'ю піклуватися про виховання молодших дітей, яких, крім мене, було ще шестеро. Перші два роки після гімназії я влаштувалася на урок у від'їзд до одного з чернігівських поміщиків, що давало мені змогу грошову плату за роботу цілком пересилати матері.

Однак, необхідно було думати про щось більш стаке і постійне. Коли мені пощастило поступити на службу в стат-бюро при земстві, я з радощів, як то кажуть, ніг під собою не відчувала. Я чула, що в бюро — непогана обстановка і є цікаві люди.

Прийшовши на роботу, я з жадібною увагою спостерігала нове для мене життя. Освоїлася я швидко. Проте, так само швидко і розчарувалася. Загалом це було, все таки, вузьке коло людей з монотонним і нудним життям, одноманітність якого значною мірою "оживлювалася" плітками.

У рік мого вступу робота в статбюро тільки но розгорталася. Завідувача бюро не було. Його обов'язки виконував один із членів губерніальної земської управи, але в бюро він ніколи не заглядав, папери на підпис носили йому в управу.

Роботи в статбюро було небагато, і працювали не поспішаючи. Винятком був відділ сільськогосподарської поточної статистики, де робота завжди кипіла, особливо перед земськими зібраннями і виданнями с/г. статистичних збірників, які виходили, якщо не помиляюсь, три-чотири рази на рік. Завідував цим відділом М. М. Коцюбинський. Штат у нього був невеликий — на початку 2, а потім 4 чоловіки. Через те Михайло Михайлович часто мобілізував співробітників інших відділів, серед них у перші два роки і мене.

Статбюро містилося на Петербурзькій вулиці (тепер Червоноармійська). Це був край міста, що весь потопав у садках.

Одноповерховий будинок з 6 кімнат був збудований в глибині двору. З обох боків до будинку прилягав невеличкий парк з чудовою тінистою алеєю з кленів, куди навіть у най-сонячніший літній день не проникало сонячне проміння.

Я сиділа в кімнаті, через яку Коцюбинський проходив щодня до телефону, що висів у передпокої побіч. Проходячи через нашу кімнату, Коцюбинський завжди затримувався на хвилину, щоб привітатися з співробітниками. Він кожному привітно стискав руку.

Пам'ятаю, в перший день моєї роботи в бюро Михайло Михайлович, вітаючись зі мною, назвав своє прізвище. Не знаю чому, але мені було неприємно, що він забув про нашу зустріч у Солонин кілька днів тому.

Поводився Михайло Михайлович з співробітниками просто, по-товариському, проте тримався відокремлено і дуже стримано. Близьких, приятельських взаємовідносин у бюро у нього не було ні з ким. Але, якщо треба було когось визволити з біди, чимнебудь допомогти, Коцюбинський виявляв незвичайну чутливість.

Приміром, у нас в бюро працювала Ганна Трохимівна Белкінд, сестрі якої, після відбуття політичного ув'язнення, треба було виїхати закордон. Коцюбинський не тільки дав їй листи до своїх знайомих, а й особисто писав закордон, прохаючи допомогти їй влаштуватися. Були й інші аналогічні випадки.

На роботі Михайло Михайлович був з усіма надзвичайно ввічливий, чемний. Його витримка завжди вражала мене.

Уже в той час, коли я була добре знайома з ним, я якось запитала у нього:

— Як це ти можеш бути з усіма однаковий? Я не можу затаїти від людини, якщо вона мені неприємна. Та й не вважаю за потрібне таїтися. А ти з усіма чемний і ласкавий.

Він відказав:

— А на що ж ображати людей? Я не люблю бути грубим з людьми, але й не дозволю підійти до мене близько людині, мені неприємній.

Подумавши, додав:

— Маленька пташка може відпочити навіть у кущі шипшини, а корова близько до нього не підійде.

Проте, стриманість Михайла Михайловича аж ніяк не пояснювалася флегматичністю. У нього була жвава, вразлива і навіть запальна вдача. Але він, за рідкими випадками, прекрасно володів собою.

Пригадую такий випадок... Якось під час нашої прогулянки за містом на нас напав хуліган (чи божевільний). Він так же раптово зник, як і з'явився.

Я страшенно злякалась. Михайло Михайлович мабуть теж

був схвилюваний, але й далі розмовляв зі мною так, ніби нічого не

сталось. Я позаздрила його спокоеві, про що й сказала вголос. Він відповів задумливо:

— А, знаєш, зі мною був такий випадок: я кинувся з ножем на батька!

І Михайло Михайлович розповів мені, як це сталося. Його мати вийшла заміж проти волі батьків, з пристрасного кохання. Перші роки

вони з батьком жили добре, але згодом він почав пити, кілька разів кидав матір. Яюсь під час сварки батько боляче образив матір. В нестямі Михайло Михайлович схопив з стола ніж і кинувся до батька. З того як розповідав Михайло Михайлович видно було, що й тепер без болю він не може згадувати про це.

У бюро мені не раз доводилося чути, що Коцюбинський — людина, що дуже захоплюється. Не знаю, наскільки це було вірно; я не мала нагоди перевірити ці чутки.

Правда, незабаром після мого вступу в бюро я звернула увагу, що Михайло Михайлович виявляє помітний інтерес до Віри Гаврилівни Божко-Бажимської, яка сиділа в одній кімнаті зі мною. Під час перерви він з склянкою чаю виходив з своєї кімнати, і сідав поруч з нею. Після служби проводжав її додому. Через те, що ми жили з нею на одній вулиці, звичайно і я йшла разом з нею— Проте, інтерес до Бажим-ської яюсь швидко погас у Коцюбинського. У моїй пам'яті це єдиний факт, який нібито підтверджував репутацію Коцюбинського, як людини, що захоплюється.

Однак, я пояснюю його інакше: Михайло Михайлович завжди жваво цікавився людьми, був дуже чутливим до всього, що хоч трохи виділялося з рамок звичайної повсякденності.

А Віра Гаврилівна мимоволі звертала на себе увагу. Це була жвава блондинка, з поривчастими рухами і чудовими сірими променистими очима, в яких було щось шукаюче і неспокійне. До того ж, вона була дуже своєрідною людиною. Я спочатку теж відчула до неї потяг і симпатію, і ми потоваришували з нею.

Проте, її нервозність яюсь втомлювала, а неспокійна експансивність швидко набридала, і я поступово відійшла від неї. Спершу це її ображало, але потім вона примирилась з цим, і ми, кінець-кінцем, залишилися з нею не в поганих відносинах.

Коли я довідалась, що Коцюбинський — письменник, я дуже зацікавилась цим. Мені хотілося прочитати щось з його творів. Соромливість заважала мені попрохати особисто в Михайла Михайловича, а дістати його книжку на стороні було важко.

Все ж хтось приніс мені "Цвіт яблуні". Українську мову я знала дуже погано, вірніше зовсім не знала. Проте, живучи з семи років на Україні, мені доводилося чути українську мову і читати Шевченка. Через те я не тільки зрозуміла фабулу, а й відчула і красу стилю і глибину психологічного аналізу.

Я вже згадувала, що мені іноді доводилося працювати у відділі Коцюбинського, коли там було багато спішної роботи. Михайло Михайлович не раз відзначав, що я працюю добре й швидко,

У перший же рік моєї роботи в бюро (1902 р) Коцюбинський якось, вітаючись зі мною, сказав:

— Знаєте, яка досада: я давно хочу, щоб ви працювали у мене. Учора на засіданні розподіляли штати, про що мене не попередили. Я не міг прийти на це засідання, а сьогодні довідався, що вас призначили не до мене.

Під час земських зібрань в управі була сила роботи. Іноді когонебудь із співробітників бюро відкомандировували тижнів на два-три в управу. Під час другого року моєї служби в бюро (1903 р.) вибір припав на мене. Роботу мені доручили там найнуднішу — переписування якихось канцелярських папірців.

По закінченні робочого дня я йшла звичайно до будинку дворянського зібрання, де також відбувалися земські зібрання. Там я зустрічалася з іншими співробітниками бюро, які теж цікавилися

зібраннями. Заходив туди іноді й Коцюбинський, завжди з дружиною, Вірою Іустинівною. 1

Одного разу він підійшов до мене і, вітаючись, сказав:

— А ми без вас скучаємо!

— Я теж скучаю без бюро, — відповіла я.

Михайло Михайлович глянув на мене пильно і несподівано сказав:

— Знаєте, на кого ви схожі? На старовинний портрет. В той день я була одягнена в гладеньку темнобузькову

сукню з білим комірцем.

Цього ж року ми якось зустрілися з Коцюбинським у театрі. У Чернігові постійного театру не було, але будинок театру, дуже старий, був, і іноді до нас заїжджали непогані ансамблі акторів. Приїзд нової трупи завжди радісно хвилював чернігівців.

На цей раз відділ Михайла Михайловича був цілком представлений в його ложі. Місць для сидіння всім не вистачало, і Михайло Михайлович, з властивою йому делікатністю, поступився своїм місцем якійсь із жінок, а сам весь час стояв.

У нашій ложі теж було багато народу і я, так само, стояла. Ложа, де був Коцюбинський, була сусідньою, і ми весь спектакль простояли з ним поруч; нас розділяв лише бар'єр.

Йшла п'єса Зудермана—"Огни Ивановой ночи". Грала чудово. Особливо гарна була артистка, що виконувала роль Маріки —'героїні п'єси.

Ми з Михайлом Михайловичем час від часу обмінювалися враженнями.

Тепер я вже неясно пам'ятаю зміст п'єси, але суть її зводилася до того, що Маріка кохає жениха своєї зведеної сестри і він відповідає їй тим же. Почуття обов'язку перед нареченими батьками і зведеною сестрою спонукує Маріку зректися коханої людини.

По закінченні спектаклю Коцюбинський сказав мені:

— Кінець мусив би бути іншим. Їй слід було знехтувати все і піти з ним.

Тоді ми й не підозрювали ще, що конфлікт між почуттям і обов'язком постане і на нашому шляху.

З цього вечора я відчула, що не тільки мій інтерес до Михайла Михайловича посилювався, але що й він зацікавлений мною. Другого дня, як тільки він з'явився на порозі нашої кімнати, я мимоволі глянула і зустрілась з його поглядом, уважним і настороженим.

Влітку майже всі співробітники бюро під час перерви виходили в парк. Михайло Михайлович залишався сидіти біля свого столу, що стояв біля вікна, яке виходило в парк, і, звичайно, під час перерви проглядав газети.

Якось я не пішла в парк, а, взявши книжку Сельми Лагерльоф "Легенди про Христа", заходилася читати.

Увійшов Коцюбинський і, побачивши мене, спитав:

— Чому ви не гуляєте?

Помітивши на столі розкриту книжку, він підійшов до мене: . А

— Можна поглянути чим ви так захоплені?

— Гарна річ, — сказав він. прочитавши заголовок,— вам, мабуть, подобається!

Інтерес наш один до одного помітно зростав. Якось на початку 1904 року Михайло Михайлович, вітаючись зі мною, сказав:

— А, знаєте, я вчора був на маскарадї. Я люблю іноді побувати там.

І тут же він описав мені кілька костюмів, які йому сподобалися, з такою влучністю і наочністю, що мене, пам'ятаю, вразила його спостережливість і пам'ять.

Трохи схилившись до мене, він тихо сказав:

— Я думав і хотів зустріти вас.

Я відповіла, що ні разу не відвідувала маскарад і що мене ніщо не приваблює там.

— До мене підійшла одна маска, яку я був прийняв за вас. Але з її розмови і по очах я побачив, що помилився... У вас очі значно кращі, — додав він.

Вся ця розмова збентежила і схвилювала мене.

Незабаром після цього якось мені нездужалося. Був холодний лютневий день. У нашій кімнаті було порожньо —ніхто в такий мороз не прийшов на роботу. Від цього мені здавалось іще холодніше.

Я закуталася в теплу хустку, підійшла до пічки і притулилася до неї спиною. В цю хвилину увійшов Михайло Михайлович. Глянувши на мене, він сказав:

— У вас цілком хворий вигляд. І температура є, — зауважив він, взявши мене за руку...

А потім, обережно обійнявши мене однією рукою, сказав:

— Ідіть додому.

Ми мовчки постояли так кілька секунд... Потім я тихенько відсторонила його і пішла додому. ^ ♦

Весь вечір я була надзвичайно схвильована. На душі було радісно і тривожно.

З цього дня і почалися мої муки...

Я почувала, що в моє життя вривається щось велике і серйозне, прекрасне і болісне. Десь у глибині свідомості невиразно ворушилася думка, що я кохаю Михайла Михайловича. Але я відгонила цю думку...

Його ставлення до мене я довго не могла зрозуміти. То, пригадуючи все ним сказане, його погляди, відтінки голосу, коли він зі мною розмовляв, мені здавалося, що я не байдужа для нього. То я урезонювала себе тим, що Михайло Михайлович, як людина чутлива і делікатна, помітивши моє почуття до нього, м'якше й уважніше ставиться до мене, ніж до інших, боячись мене образити — і тільки.

Впливали в пам'яті розмови в бюро про те, що Коцюбинський— людина, яка легко і швидко захоплюється, і це бентежило мене. Думка, що Михайло Михайлович просто розважається, проймала мене болем і образою.

Нарешті й те, що Михайло Михайлович — письменник, так само бентежило мене, Я думала: чи не в шуканнях сюжету він придивляється до мене? Це, так само, чомусь мене ображало.

В результаті моїх сумнівів я вирішила, що мені необхідно взяти себе в руки і дати відчути Коцюбинському, що я не дуже схильна захоплюватись. Випадок для того швидко трапився.

Якось Михайло Михайлович пройшов до телефону. Незабаром він повернувся і, підійшовши до мене, сказав, що мене викликають до телефону. Я встала. Коцюбинський пішов за мною.

Узявши трубку і не діждавшись відповіді, я хотіла піти, голосно зауваживши, що мені ніхто не відповідає.

Коцюбинський стояв поруч зі мною. Я гадала, що він жде своєї черги до телефону.

Але коли я зробила рух, щоб іти, Михайло Михайлович схопив мене за руку і хотів поцілувати. Я прожогом вирвалась і втекла в свою кімнату.

Була страшенно схвильована і розгнівана. Сердилась на себе, вважаючи, що сама винна в тому, що викликала таке ставлення до себе. Гнівалась і на Коцюбинського. Сама не знаючи чому, я почувала себе ображеною.

Михайло Михайлович з'явився на порозі передпокою. Я знову почула телефонний дзвінок.

Коцюбинський повернувся до телефону, а за кілька секунд, ідучи до себе, голосно сказав:

— А вас все таки кличуть!

Поговоривши телефоном і, передбачаючи, що Михайло Михайлович може кожної хвилини прийти з поясненням, я взяла свою роботу і пішла в сусідню кімнату до своєї приятельки по бюро, до якої я часто перебиралася, коли мені бувало тоскно. Вона через це не здивувалася моєму приходові і привітно звільнила для мене половину свого столу.

Я не помилилась. За кілька хвилин почулися легкі кроки, і Михайло Михайлович увійшов до нас. Він спочатку звернувся з якимсь питанням до моєї приятельки, а потім до мене. Я відповіла, не підводячи голови. Коцюбинський постояв кілька хвилин біля нас і вийшов.

На другий день, проходячи через нашу кімнату, він поклав на мій стіл записку:

"Не сердитесь на меня. Я виноват только в том, что Вас люблю, горячо и искренно. Если же Вы, все таки, считаете меня виновным, я готов чем угодно заслужить Ваше прощение, только не сердитесь. В знак того,, что не сердитесь, взгляните на меня. Подымите же Ваши глаза, дорогая, любимая."

Але я не звела очей. Я твердо вирішила, що цьому треба покласти край.

На другий день, привітавшись зі мною, Михайло Михайлович узяв олівець з мого столу і став щось писати на полях моєї робочої таблиці. Я, не давши йому дописати й не читаючи, стерла гумкою написане. Коцюбинський відійшов.

Через деякий час він поклав на мій стіл другу записку:

"Я больше так не могу. Я окончательно измучен неизвестностью — простили ли Вы меня. Я очень сожалею, что не сдержал вспышки своего чувства, — но чувство мое искренне и глубоко. Если бы Вы захотели выслушать меня, ее/и бы Вы позволили мне встретить где-либо Вас—я

рассказал бы Вам целую поэму, или — если хотите — драму о том, как я Вас полюбил. И я уверен, что Вы тогда иначе отнеслись бы ко мне, чем теперь. Не мучьте меня, ответьте мне, напишите хоть несколько слов: неизвестность хуже самой ужасной действительности. Не мучьте же меня."

Не знаю чому, але ця записка мені здалася нещирою. Я відповіла:

■"За яку дурненьку дівчину вважаєте ви мене, думаючи, що я вірю всьому, що ви пишете."

Далі своєї відповіді я точно не пам'ятаю, але зміст її зводився до того, що я радила йому спрямувати свою увагу на когось іншого.

Другого дня Михайло Михайлович, роздаючи нам заробітну платню, разом з грішми вклав мені в руку записку:

"Вы роковым образом ошиблись. Но так, как Вы хорошее чувство мое считаете для себя оскорбительным, я никогда больше не позволю себе напомнить Вам о нем и даже о своем существовании."

Коли я прочитала це, то відчула, що все стало сірим і похмурим навколо мене.

Коцюбинський додержав своєї обіцянки. Він тижнями не приходив до нашої кімнати, навіть до телефону підходив з другого боку, обминаючи нашу кімнату. У ті рідкі дні, коли Михайло Михайлович заходив до нашої кімнати, він здавався мені таким чужим і холодним, як у тихий січневий вечір, коли я вперше зустріла його у Солонини.

Але поступово враження від нашої незлагоди розвіялося і в Михайла Михайловича і в мене. Він, як і раніше, сгав часто заходити до нас у кімнату, привітно вітався зі мяою, нібито нічого й не сталося. Проте, не виявляв уже тієї уваги до мене, яку я відчувала раніше.

Проте, я бачила, що ставлення його до мене залишилося попереднє. І я остаточно зрозуміла, що кохаю його. Інколи він знову уникав мене, був дуже замислений, заглиблений. Він помітно змінився і фізично. Говорили, що він дуже хворий, що в нього якась серйозна хвороба шлунку.

Весною 1905 року, взявши на два місяці відпустку, Коцюбинський поїхав закордон. Повернувся він схудлим, з запаленими очима і мав, як і раніше, поганий вигляд. Я дізналась стороною, що закордонні лікарі не знайшли в нього нічого серйозного, що всі його нездужання — на нервовому ґрунті. Лікарі порадили йому помандрувати, що він і виконав.

Згодом Михайло Михайлович мені говорив, що йому дуже хотілося написати мені з закордону і що це бажання було особливо сильне, коли його вражало щось красиве. Але він пам'ятав про свою обіцянку і ухвалив виконати її.

Якось наприкінці 1905 року одна з співробітниць бюро, Анна Трохимівна Белкінд, запропонувала мені піти на вечірку, де Коцюбинський мав читати свої твори. Я радо погодилася.

Відразу ж після занять, пообідавши наспіх, я зайшла за Ганною Трохимівною, 5 ми пішли. Іти треба було далеко, на протилежний бік міста, на Лісковичі. Ми дуже поспішали.

Коли ми прийшли, зібралося вже багато народу. Але найбільше було молоді.

Коцюбинський самотньо сидів у глибині кімнати. Ми попрямували до нього.

З неприхованою радістю привіталася я з Михайлом Михайловичем і помітила, як зрадів і він цій несподіваній для нього зустрічі. Він поступився мені своїм місцем, став за моїм стільцем і поклав руку на його

спинку. Проте, нам не вдалося промовити жодного словечка: до нього підійшли і попрохали читати.

Читав Коцюбинський гарно—спокійно й виразно. Читав він "Цвіт яблуні*.

Скінчивши читання, Коцюбинський підійшов до мене. Хтось приніс йому стільця. Я, між іншим, спитала Михайла Михайловича, чи вмирала в нього дитина.

— Ні, — відповів він.

— Мене часто запитують про це,—додав він потім.

У мене в цей час був тяжко хворий брат. Я дуже нер-увалася, погано спала. Від такої спостережливої людини, як Коцюбинський, не сховалася зміна, яка сталася зі мною.

— Ви дуже змінилися останнім часом. Є причини? Я поділилася з ним своїм горем.

Михайло Михайлович фак зворушливо і з таким співчуттям заспокоював мене, що мені легше стало на душі.

До нас підійшли і повідомили, що більше нічого не буде; боялися, що наскочить поліція. В місті була оголошена посилена охорона і всілякі збори та вечірки заборонялися. За Коцюбинським зайшла Віра Іустинівна, і вони пішли разом.

Я відчула, що цей вечір зблизив нас і що він не байдужий до мене. І дійсно, на другий же день я одержала від нього записку, хвилюючись розгорнула її і прочитала:

"Не выдерживаю и пишу Вам. Ведь я не могу ни повидаться с Вами здесь, ни поговорить. А, между тем, если бы Вы знали, как мне необходимо это, какую потребность я чувствую видеть Вас, слышать Ваш голос, быть вблизи Вас. Порой мне кажется, что Вы ненавидите меня и избегаете—тогда я стараюсь не показываться Вам на глаза. Иногда же мне сдается, что такое большое и сильное чувство не может, не должно пропасть бесследно. Как мне хочется поговорить с Вами! Но я у Вас ничего не прошу. Я всецело отдаю себя во власть Вашего доброго сердца. Захотите — ответите, не захотите — не ответите. Если Вам неприятно, что я пишу, порвите этот клочок и не отвечайте. Я больше не буду надоедать Вам." Я відповіла, що згодна зустрітися з ним. Добре пам'ятаю цей вечір... Це було 3 січня 1906 року. Погода була на диво тепла. Танув сніг. По дорозі блищали калюжі, що відбивали тьмянний світ ліхтарів. Низенькі будиночки з наглухо закритими віконницями, білі від снігу, що нещодавно випав, мирно дрімали у вечірній тиші. Тепле й вогке повітря, рідкий шепіт оголених дерев чимось нагадували весну.

Михайло Михайлович уже ждав мене. Він стояв на розі вулиці, очевидно, не знаючи, з якого боку я з'явлюся. Я привіталася з ним:

— Бачите, я прийшла! А ви запевняли, що я не зважуся. Михайло Михайлович нічого мені не відказав. Він помітно

хвилювався. Ми мовчки повернули до площі. Так само мовчки взяв він мене під руку. Обличчя його я не бачила — вулиця була погано освітлена. Мовчки пройшли ми квартал.

— Я розповім вам цілу поему, вірніше драму про те, як я вас покохав,
— сказав він уривчастим голосом. — А ви?

— Я не прийшла, коли б не кохала...

— Розкажи мені про себе, — попросив він.

І я здивувалася, як легко й довірливо стала я розповідати йому про своє дитинство і свою сім'ю: раніше я ніколи нікому нічого про себе не розповідала.

Я була дуже потайною й недовірливою до людей. Умови безрадісного життя зробили мене такою.

Михайло Михайлович теж розповів мені про своє дитинство, про матір, яку він дуже любив.

Він, так само, як і я, був старшим у сім'ї, залишившись 22-х років після смерті батька. Йому доводилося піклуватися про матір і молодших дітей. Розповів, що і тепер у нього велика сім'я — четверо дітей, сліпа матір і сестра, які живуть з ким.

Довго ми блукали цього вечора по безлюдних вулицях заснулого міста. Нам не хотілося розлучатися.

Нарешті Михайло Михайлович, поглянувши на годинника і зітхнувши, зауважив:

— Мені пора, моя рідна!

І ми попрощалися, умовившись побачитися другого дня.

Повільно, повільно верталася я додому... Мені хотілося якнайдовше бути насамоті...

Щаслива й схвильована прийшла я до себе, взяла була книжку, але не могла читати, нічого не розуміла.

Другого дня, прийшовши в умовне місце, я не зустріла Михайла Михайловича. Трохи почекавши, я пішла в бюро.

Цього дня у нас було засідання.

Зібралися у кімнаті, в якій я працювала — вона була найбільша. Біля зсунутих столів, освітлених газовою лампою, зібралася група співробітників, і серед них Михайло Михайлович з Вірою Іустинівною. Я зрозуміла, чому Михайло Михайлович не прийшов.

Я попрямувала до другої групи, що розмістилася в глибині погано освітленої кімнати. Стільці всі були зайняті. Коцюбинський приніс мені свій стілець, а собі взяв з другої кімнати*

Другого дня, вітаючись зі мною, Михайло Михайлович поклав мені на стіл листа в конверті, голосно сказавши при цьому:

— Спасибі, я прочитав. Ці слова були призначені для сусідів. Я довго не зважувалася розкрити конверт; боялася, щоб сусіди не зацікавилися, в чому справа. Нарешті, вибравши зручну хвилину, я прочитала:

"Я не знаю, как мне испросить у тебя прощение, моя дорогая, моя единственная. Но я был захвачен врасплох. Я знал, что я уйду один, но в то время, как я выходил, мне заявили: "Я иду с тобой на заседание"— и я был лишен свободы, не успев даже предупредить. Что я пережил в этот момент, как мне было досадно и больно, не буду рассказывать тебе. В это время я больше думал о тебе, о том, что ты ждешь меня и недовольна, что ты бог знает что можешь подумать обо мне. Не сердись же, голубка, на меня, ости: ведь я перемучился не меньше твоего. Те-ерь надо устраивать так, чтобы подобные случаи не пов-орялись. Но как мне ни тяжела такая продолжитель-гая разлука с тобой, я все же счастлив бесконечно, зная, что ты меня любишь. Это такое огромное, такое яркое, захватывающее счастье, что я, буквально, пьян от него. Ты меня любишь! Ты моя! Я могу целовать тебя, ласкать, слышать твой голос, видеть твои чудные глаза, любить тебя и отдать тебе свое сердце нераздельно. Я чувствую, что во мне что-то поет, что-то окрыляет мысль, очищает чувство. Мне хочется всем людям крикнуть в лицо: я счастлив!

И я едва сдерживаюсь. Что-то сильное и могучее захватило меня — и я никому не позволю отнять от меня мое счастье, так дорого, с такими жертвами доставшееся мне. Моя милая, моя дорогая, моя ты бесконечно добрая и ласковая голубка! Как я тебя люблю! Я весь дрожу, говоря эти слова. Как я хочу, безумно, мучительно хочу сейчас видеть тебя, слышать биение твоего сердца, почувствовать хотя бы маленькую ласку твою, еще раз услышать, что ты моя. Нет, ты должна еще сегодня, хоть на момент, на мгновение доставить мне счастье. Пусть я знаю, что ты не сердишься на меня, дорогая." Кілька разів я прочитала цього листа, й мені здавалося,

що кожного разу я читаю нові рядки. Голова моя закрутилася

від щастя.

З цього часу всі наші вільні вечори ми віддавали нашим зустрічам. Моє життя сповнилося сонцем і світлом. Я стала добріша, веселіша, привітніша.

Михайло Михайлович під час наших зустрічей був зовсім не той, яким я звикла його бачити.

Звичайно дуже серйозний, заглиблений в собі, на наших прогулянках він був такий веселий, так заразливо сміявся і жартував, що й мене, звичайно теж серйозну, заражав своїми веселощами. Часто я, жартуючи, запитувала, хто з нас старший.

— Я, — відказував він.

— Віком — так, але не поведженням! — сміялася я.

У відповідь Михайло Михайлович схоплював мене і швидко, швидко крутив. Я щиро почувала себе старшою, хоч мені у цей час було 26 років, а Михайлові Михайловичу 41 рік.

У нас дома у цей час збирався гурток самоосвіти, який ми організували з сестрою Зіною. Ми читали політекономію, історію культури, обговорювали, сперечалися. Я стала спізнюватися на збори гуртка, за що одержувала цілком заслужені докори. Проте, часто, і буди присутньою на цих зборах, я була відсутньою. Інколи мені було совісно так заглиблюватися в особисте життя. Але це було сильніше за мене.

Зустрічалися ми з Михайлом Михайловичем звичайно на вулиці, або влітку денебудь за містом і, дуже рідко, у нас дома, коли нікого з наших не було.

Час наших зустрічей був обмежений, бо Михайло Михайлович був дуже навантажений своєю роботою в статбюро, засіданнями, зборами тощо. Я так само часто працювала на вечірніх надурочних заняттях для приробітку. Нам не вистачало часу наговоритися, а бачити один одного хотілося дедалі частіш і довше.

Ми обоє страждали від цього, але я, як спокійніша, легше переносила ці незручності. Михайло Михайлович дуже від цього страждав. Але нічого видумати ми не могли.

Після першої нашої зустрічі Михайло Михайлович запро* понував мені класти записки в умовне місце. Поштова скринька була влаштована у вилозі мого жакета. Я роздягалася в передпокої, де висів телефон, яким Михайло Михайлович часто користувався.

Листувалися ми дуже часто, іноді щодня. Звичайно, вранці, перед тим як піти на службу, Михайло Михайлович писав мені і, прийшовши в бюро, клав записочку в нашу іпровізо-вану скриньку.

Перші часи ми були так захоплені своїм щастям, що ні про що інше й не думали, нічим не мучилися. А потім мене

охопили сумніви.

Я завжди вважала себе негарною, була дуже серйозною, малорухливою. Я не вміла зовнішньо виявляти свої почуття.

А Михайло Михайлович був з цього погляду різким контрастом. Він так красиво, так ніжно й яскраво виявляв своє кохання, що мені інколи здавалося, що я не можу подобатися людині з такою багатою і глибокою душею.

Я напівжартома, напівсерйозно говорила йому, що дивуюся його смакові, дивуюся тому, що він покохав таку малоцікаву, як я. У відповідь сипався потік пристрасного захоплення: я й красива, я й добра, і чула, й ніжна тощо. Мені тільки залишалося сміючись відмахуватися від цього каскаду ніжних, хвилюючих слів.

І все таки, коли я залишалася одна, до мене знову поверталися думки про те, що Михайлові Михайловичу тільки здається, що він мене кохає, що він, як письменник і людина з палкою уявою, кохає не мене, а іншу, вигадану ним.

От чому, коли він починав говорити щось цілком виняткове, наділяючи мене всіма гідностями, які в мене були і яких не було, я, щоб охолодити його, називала його коміком. Та йому й це було до вподоби. І в листах він почав підписуватися— "твій комік".

З своїми думками і сумнівами я ніколи не таїлася від нього, та це й неможливо було. Чутливий і спостережливий, він негайно по виразу обличчя, погляду, раніш, ніж я встигала поділитися з ним, угадував, що зі мною.

Він завжди був щирим зі мною, навіть у тих випадках, коли ризикував щирістю зробити мені боляче. Я дуже це цінила й платила йому тим же.

Гадаю, що це була одна з причин, які зв'язали нас міцно і назавжди.

Поступово передо мною розкривалося життя Михайла Михайловича. Він ділився зі мною своїми турботами, скаржився на неможливість уділяти досить часу улюбленій роботі — літературі. Потроху розкривав він передо мною свої сімейні обставини, говорив, що дружини він не кохає і що вона знає про це.

Мене часто турбувало, що наші прогулянки забирають багато часу у Михайла Михайловича, що він через те мало пише. Проте, Михайло Михайлович завжди переконував мене, що наші прогулянки освіжають його й необхідні йому, як відпочинок.

Якось він сказав мені, що Віра Іустинівна незадоволена з його щоденних прогулянок, робить йому натяки.

— Але знаєш,—додав він, — мені це прикро лише постільки, поскільки заважає моїй роботі й нашим зустрічам.

Відпустку ми вирішили взяти в один час, щоб не продовжити розлуки. П'ятого червня я поїхала з сестрою (Зіною), яка теж у цей час служила в бюро, у Мінську губернію до нашої приятельки по гімназії.

Свою відпустку я провела гарно. Затьмарило її тільки те, що я не могла відповідати на листи Михайла Михайловича.

А сталося це так. Він не дав мені своєї адреси, бо й сам не знав, куди поїде. З грошми у нього було скрутно. Тим то половину відпустки він пробув дома, а на решту— два тижні — поїхав до свого знайомого В. Г. Боровика у Кременець, Волинської губернії, звідки поїхав ще до брата.

Пошти в селі, де я гостювала, не було, за листами доводилося посилати за кілька верст. Часто турбувати свою приятельку мені було

незручно, через те я листи одержувала з запізненням, так що на вказану адресу вже не могла відповідати.

Це хвилювало мене, бо, знаючи Михайла Михайловича, я уявляла, як його турбує моє мовчання. Це так і було. Він писав:

"Представь себе хоть на минуту всю тревогу и беспокойство, наконец, нетерпение, с каким я ожидаю твоих писем — и тебе понятно будет мое состояние. Все мои предположения одно другого печальнее."

Михайло Михайлович не відпочив того літа. Повернувся він дуже схудлим. Хоч він і писав, що далекі подорожі кіньми, зміна вражінь, краса природи і дружні піклування людей, до яких заїжджав, освіжили його, проте все це і втомило його. Тим більше, що спав він за цей час не більше як 4 — 5 годин на добу.

Але він ніколи не сумував. Під час наших зустрічей він був, як і раніше, веселий, багато пустував і сміявся.

Наприкінці 1906 року в Чернігові було організовано культурнопросвітне товариство "Просвіта".

Коцюбинський брав найдіяльнішу участь в організації цього товариства. Він дуже боявся, що його оберуть головою "Просвіти" і заздалегідь говорив мені, що не погодиться на це, бо робота в бюро і це нове навантаження тоді зовсім позбавлять його змоги писати.

Я ж пророкувала, що його неминуче оберуть. І дійсно, так і сталося.

Його так одностайно й наполегливо умовляли, що він не зміг відмовитися. А, погодившись, він, як то кажуть, з головою поринув у роботу. Михайло Михайлович звичайно всякій справі, за яку брався, віддавав усього себе, без останку.

У день відкриття "Просвіти" Михайло Михайлович оголосив привітання від філій Львівського товариства "Просвіти". Ці привітання були надіслані на його ж прохання, бо він вважав, що привітання з Галичини створять моральне піднесення серед членів молодого чернігівського товариства.

Згодом Коцюбинський багато попрацював, щоб передплатити з закордону літературу для "Просвіти", організовував концерти, ялинки для дітей, вечори самодіяльності тощо.

Я запам'ятала грандіозний концерт у січні 1907 року, на який Михайло Михайлович запросив з Києва композитора Лисенка, співачку Дейш-Соницьку і співця Мишугу.

Для "Просвіти" заорендували невеличкий будинок (Богданова) по Миколаївській вулиці (тепер ім. К. Лібкнехта), з 5 — 6 кімнат. Для членів "Просвіти" була відкрита бібліотека. Коцюбинський хотів ще організувати кілька лекцій, але дозволу від поліційної влади на це не було одержано.

Працював Михайло Михайлович для "Просвіти" багато* але морального задоволення від роботи не відчував. Йому було прикро, що решта членів "Просвіти" працювали мало й мляво. Михайлові Михайловичу доводилося провадити не тільки всю організаційну роботу, а часто й чорнову.

Жваву участь у роботі "Просвіти" брала й Віра Іустинівна, яка була скарбником товариства. Було ще два-три активних члени товариства. А більшість швидко охолола.

Пам'ятаю, в дні моїх чергувань у бібліотеці туди часто ніхто за весь вечір і не заглядав.

Робота в "Просвіті" дуже стомлювала Михайла Михайловича. Нерви його були надзвичайно напружені. Він почав скаржитися мені на

безсоння. Його мучили тривожні й тяжкі сні, враження від яких іноді мучили його кілька днів.

Зустрічалися ми з ним, як і раніше, тільки під час після-обідніх прогулянок. Якщо не бачилися день-два, передавали один одному листи. Проте Михайло Михайлович дуже нерву-вався, як щось заважало нам зустрітися.

Однак і умови наших зустрічей звичайно не могли не нервувати нас, а особливо Михайла Михайловича при його надмірній вразливості. Поскільки ми зустрічалися на вулицях, ми, насамперед, залежали від погоди. І в Михайла Михайловича з'явилося якесь забобонне ставлення до погоди, що він дуже яскраво відбив у своїх листах.

Якщо перший час ми жили тільки теперішнім, не дбаючи про майбутнє і не думаючи про минуле, то, чим далі ми зближувалися, питання про наше майбутнє, питання про влаштування спільного життя наполегливо постало перед нами.

Михайло Михайлович часто говорив і писав мені про те, що не може жити без мене, що задихається в таких умовах. Не раз говорив мені про те, що й робота в нього йшла б краще, й здоров'я поправилося б, якби ми жили вкупі.

Але який вихід ми могли знайти з того становища, що створилося?

Єдина можливість — виїхати з Чернігова. Якось Михайло Михайлович мені сказав:

— Хочеш, поїдемо завтра? Ось так, як стоїмо! Я засміялась:

— А куди ми поїдемо?

— Куди очі бачать.

— А якщо не влаштуємось? Ні. я так не можу!

Тепер, за радянського часу, це звучить дико, але тоді це мало реальну основу.

Я знала, що й Михайлові Михайловичу не так легко було влаштуватися на роботі в Чернігові — губернатор не затверджував, та й мені ледве вдалося поступити на службу.

— Треба спочатку підшукати щось, а потім уже їхати,— сказала я Михайлові Михайловичу.

Тоді він згадав про одного свого знайомого в Катерино-дарі, який міг би допомогти в цій справі. Він написав йому. Відповіді довго не було. Михайло Михайлович нервувався й хвилювався.

В 1907 році Коцюбинський на час відпустки поїхав з сестрою і дітьми до брата на Волинь.

Незадовго до його від'їзду трапилося таке: вранці Михайло Михайлович передав мені записку:

"Если получишь неприятное письмо, вызванное анонимом, не отвечай, не посоветовавшись со мной."

Через деякий час того ж дня сторож бюро приніс мені листа від Віри Іустинівни (вона служила теж у бюро):

"Мною одержано анонімного листа про Вас, відносно Михайла Михайловича. Звичайно, анонім—гідота, але кому охота бути об'єктом паскудних розмов як у бюро, так і в місті?"

Хоч Михайло Михайлович і прохав мене не відповідати, не порадившись з ним, але я тут же написала й передала сторожем:

"Не розумію змісту вашого листа. Анонім був для Вас і, мені здається, я про нього й не повинна була знати. Щождо паскудних розмов, то про кого не говорять у нашому болоті?"

На Михайла Михайловича ця Історія начебто не зробила сильного враження. Він написав мені:

"Не огорчайся случившимся. Все это пустяки по сравнению с нашим чувством. Я уклонился от объяснений— ни да, ни нет. Так пока лучше. На все придет время."

У другій записці він додав:

"Письма к тебе не читал, но твой ответ видел: ты написала так хорошо, что я не удержался и похвалил тебя вслух."

Але, звичайно, історія з анонімом схвилювала не тільки мене, а й Михайла Михайловича. Нам і без того важко було через те двоїсте життя, яким доводилося жити, і від того, що треба було обманювати когось і таїтися з нашими відносинами.

Михайло Михайлович був оптимістом і потішав мене, що, кінець-кінцем, все влаштується.

"Не грусти, моя дорогая, — писав він незабаром після цього випадку. — Все будет хорошо, мы будем счастливы и вознаградим себя за лишние — порукой тому наша любовь/^^^ Поїхавши у відпустку, він по дорозі з Києва писав мені:

"Я все думаю — с чем ворочусь — с победой или с поражением. Беспокоит меня, что до сих пор не получаю письма из Екатеринодара. Быть может, оно ждет меня в Славуте."

Михайло Михайлович мав на увазі відповідь від приятеля на своє, прохання допомогти йому влаштуватися на роботі донебудь у другому місті.

В Славуті дійсно його ждав лист від приятеля. Проте, цей лист не потішив, а засмутив його. Приятель писав не з Катеринбдару а з закордону, з лікарні. Писав, що лікується в Німеччині і повернеться в Росію не раніш, як у вересні, й тоді обіцяв щось зробити.

"Печально погибли надежды на скорую ликвидацию того тяжелого положения, в котором находимся мы оба, — писав Михайло Михайлович із Славуті.— Теперь опять приходится ждать, а мне, поверь, так трудно мириться с этим, так тяжело и горько."

І все ж надія його не залишала:

"Но не огорчайся очень, любимая. Чем больше стрс^даешь, тем больше наслаждения доставит счастье, тем ценнее оно будет. А оно будет, я в этом уверен."

Однак, все таки це турбувало його більше, ніж він хотів визнати. У тому ж листі він признається:

"Хочу как-нибудь успокоиться и не могу. Такой тяжелый год выдался, столько неприятных переживаний, что я не могу успокоиться, хотя очень желал бы этого и насильно прогоняю от себя невеселые мысли."

І в дальшому листі знову:

"Стараюсь отвлечься от печальных мыслей и хотя несколько успокоить нервы, освежиться. Не знаю, удастся ли мне это и в какой степени. Однако, делаю, что могу."

Його приятель незабаром помер, так і не встигши нічого зробити для нас.

Відпусткою своєю цього року Михайло Михайлович залишився незадоволений. У Славуті, крім листа, що його засмутив, його неприємно зустріла погода—дощі й холод, — чого він так не зносив:

"Не смотря на красоту окружающей природы, приходится томиться в комнате", — скаржився він на початку відпустки. V

Згодом він трохи розважився поїздкою до одного польського поета і побаченням з українським письменником Марковичем, якого згадував з почуттям симпатії.

Приїхавши до Чернігова, він писав мені в Боромики, де я відпочивала у приятельки:

"Отпуск мой прошел скверно, как никогда. Я скучал, злился и не отдохнул. Тем не менее, все говорят, что я поправился и находят, что даже помолодел. Чувствую себя лучше, почти здоров. На днях думаю приняться за работу, за новый рассказ, хотя буду послушным и исполню все твои желания: не буду засиживаться поздно и переутомляться-"

Після відпустки Михайло Михайлович знову потрапив у лещата між "Просвітою" і бюро, що, звичайно, незабаром відбилося на його здоров'ї.

"Меня уже поглотила "Просвіта" и начались занятия, дежурства, заседания, подготовка к вечерам... За эти дни я опять устал и не совсем хорошо себя чувствую. Экстренные работы портят мое здоровье",— пише він мені в липні*

У такому вирі, звичайно, трудно було приділяти час для літератури. Це турбує і хвилює Михайла Михайловича:

"Занят мыслями о теме для нового рассказа, а ее как раз и нет. Хоть бы ты помогла."

У листі від 27 липня він скаржиться:

"Не могу выбрать темы для нового рассказа, из десятка сюжетов до сих пор не остановился ни на одном. А мне необходимо к 1-му сентября отослать уже готовую вещь — обещал. Наступают три дня отдыха— и если за это время ничего не придумаю, приду в отчаяние. Если бы ты была вблизи меня — фантазия бы моя работала живее и тема была бы придумана давно."

Михайло Михайлович завжди ділився зі мною думками про те, що він задумав писати і як буде писати. З змістом задуманих творів я була знайома задовго до того, як вони були написані. Звичайно Михайло Михайлович розгортав передо мною схему майбутніх творів, ділився своїми сумнівами, просив поради. Проте, я була поганою помічницею в цій справі. Я не вміла критично поставитися до його творів — мені все, що він задумував, здавалось цінним і цікавим. Михайло Михайлович, звичайно, говорив на це:

— Я радий, що тобі подобається.

Шукання сюжету завжди дуже хвилювало Михайла Михайловича. Якось він мені сказав:

— Знаєш, я хочу відвідати публічний дім. Я там ні разу не був, і мені цікаво подивитися, поспостерігати, мені це придасться.

Не знаю, чи здійснив він цей намір; очевидно—ні, інакше він розповів би мені.

Задуми Михайла Михайловича були широкі. Він мріяв написати роман, подумував про п'єсу. Проте, умови його життя були такі, що ці мрії так і залишилися нездійсненими. Робота в бюро і "Просвіті" відбирали у нього майже весь час і багато сил. Здоров'я його теж заважало йому працювати.

Він часто нездужав. Одного разу, гуляючи зі мною, він попросив:

— Давай, постоїмо!

— Що з тобою, — стурбувалася я,—серце?

Він, як завжди, намагався відповідати жартами. Проте, я була серйозно занепокоєна і наполягла, щоб він звернувся до лікарів. Вони не знайшли нічого, крім нервового розладу.

Непомітно настав 1908 рік. Це був тяжкий рік у нашому житті. Михайло Михайлович часто хворів. Він скаржився мені на неможливість приділяти час літературі, на відсутність натхнення, на втому від людей.

Наближалось літо, треба було думати про відпочинок, а з грошми, як і завжди, було скрутно.

Нарешті, Михайлові Михайловичу вдалося списатися з одним своїм знайомим, Чикаленком, який запропонував йому провести відпустку в його маєтку, в селі Кононівці, по Київ-Полтавській залізниці.

Щодо природи умови там були неблизкучі — рівний степ, низинна місцевість. Але Михайло Михайлович був радий тому, що він опинився зовсім один—навіть хазяї маєтку були відсутні. Він сподівався, що в такій обстанові йому пощастить відпочити:

"С тех пор, как я очутился в полном уединении — чувствую, как я страшно устал душою,;—писав він мені з Кононівки.—Не физическая

усталость, а душевная. Не хочется видеть людей, вести разговоры. Хочется сбросить с себя всю волну людской грязи, которая незаметно заливала твоё сердце, хочется очиститься и отдохнуть."

Але як слід відпочити Михайлові Михайловичу не пощастило. Поперше, він простудився і перехворів на бронхіт, подруге, "хвиля людського бруду" не забувалася й на самоті. Думки і настрої цього періоду він відбив у своєму "Інтермеццо".

І все ж самотність і єднання з природою, з якої Михайло Михайлович завжди черпав бадьорість і сили, трохи освіжили його, і він заходився коло улюбленої роботи:

"Ещё не пишу, но привожу в порядок свои каникулярные записи и, как только зубы позволят (Михайло Михайлович знову простудився), сейчас же сажусь за стол серьёзно. Так хочется мне, чтобы вещь вышла удачной, что я задолго до начала работы волнуюсь."

Проте, не судилося йому плідотворно працювати цього року. Знову неприємності, надовго вибили з колії Михайла Михайловича.

Перша неприємність, як хзиля, захльоснула нас обох, несподівано і назавжди змивши нашу ілюзію про спільне життя.

Я вже згадувала, що непевне становище, в якому ми були з Михайлом Михайловичем, було дуже важким і мучило нас. Наш план про виїзд з Чернігова не вдався, однак Михайло Михайлович був твердо впевнений, що ми, кінець-кінцем, будемо жити вкупі.

Я була настроєна менш оптимістично: в глибині душі у мене весь час таїлася свідомість, що з наших планів про спільне життя нічого не вийде. Я не крилася з цим перед Михайлом Михайловичем і завжди, коли він, захоплюючись, малював картину нашого майбутнього життя, говорила:

— А мені не віриться!

Проте і Михайло Михайлович іноді втрачав терпіння, проклинав своє життя, скаржився, що не може працювати. Особливо бувало тяжко, коли він хворів. Тоді ми не могли зустрічатися, і це нервувало його.

На початку 1908 року трапилося так, що одночасно захворіли він і я. Він прислав мені листи поштою, але мені ніяк не можна було передати йому звістки про себе. Не зважаючи на свою хворість, Михайло Михайлович вийшов на наше звичайне місце і тільки тому, що два рази мене не зустрів там, догадався про те, що я хвора.

Я одержала від нього листа, сповненого турбот і відчаю:

"Как я могу узнать, что либо о тебе",—пише він.— "Ведь это ужасно ничего не знать о любимом человеке. Я хотя могу писать тебе, а как я получу что-либо, хотя одно слово, от тебя?"

У березні, вітаючи мене з днем народження, він висловлює побажання в майбутньому році вже бути вкупі:

"Мне так хочется поскорее увидеть тебя вполне счастливой, мне хочется и самому счастья, я измучен долгими ожиданиями его. С каждым днем мне труднее, тяжелее становится ждать его. Для меня невыносима просто разлука. Особенно последнее время я страдаю., и здесь не помогают ни разум, ни логика, ни терпение. Чувство властно требует удовлетворения, сердце жаждет полного счастья — и я ничего не могу поделать с собой."

Михайло Михайлович якось сказав мені, що перші два роки вони були щасливі з дружиною, але згодом спільне життя стало йому в тягар.

Наприкінці липня була заарештована сестра Коцюбинського, і в зв'язку з цим він раптово виїхав.

Я була тоді у відпустці й мій лист, надісланий Михайлові Михайловичу до Чернігова, потрапив до рук Віри Іустинівни.

З цим листом Віра Іустинівна прийшла до моєї матері, прочитала її листа, попрохала матір і сестру (Зіну) вплинути на мене, скаржилася, загрожувала, що не зупиниться ні перед чим, аж до вбивства тощо. При тому сказала, що особисто зі мною розмовляти не буде, бо я минулого року зухвало відповіла на її записку про анонімний лист.

І мати і моя сестра були приголомшені. Я не розповідала їм про мої взаємовідносини з Коцюбинським, і для них усе це було несподіванкою. Одночасно одержала я листа і від Михайла Михайловича. Він, приїхавши додому, ще до розмови з Вірою Іустинівною, написав мені, що сторож стат-бюро відніс їй мого листа:

"Вера Иустиновна зловеще молчит, но что-то готовится. Последствий случившегося не могу предвидеть. Волнуюсь." Я теж страшенно хвилювалася, чекаючи дальшого листа від Михайла Михайловича. Мені здавалося—час зупинився...

Через день я одержала листа. Я приготувала себе до найгіршого, але лист Михайла Михайловича мене вразив.

У першу хвилину я скам'яніла. Боліла голова, плуталися думки...

Ось цей лист:

"Пишу тебе после объяснения, мой друг. Мне предъявлено было твое письмо с добавлением, что это письмо от тебя. Я прочитал и не отрицал. Не смотря на ожидания—никаких упреков, никаких сцен. Наоборот — столько выказано было благородства, участия и доброты, — что я был сражен. Оказалось, что Вера Иустиновна очень любит меня, чего я не подозревал. Она умоляла меня не бросать семьи, не губить всех. Мне было так страшно тяжело, так невыносимо, что я плакал. Теперь у меня

туман в голове. Не знаю, переживу ли я тяжелую душевную драму, этот конфликт между долгом и чувством. Что делать? Мучительно тяжело. Неужели я могу приносить только одно горе окружающим меня и себе самому? Не могу сейчас соображать, не могу писать Сообщаю тебе только факт и жду от тебя ответа..."

Я була так пригнічена, приголомшена, що не мала сил щось відповісти Михайлов! Михайловичу.

Через чотири дні я знову одержала від нього листа, в якому виразніше, ніж у попередньому, він підсумовував, те, що трапилося:

"Когда я рассуждал теоретически, оставить семью мне казалось делом, хотя и не легким, но возможным. Теперь же на практике это оказалось настолько трудным, настолько серьезным, что у меня не хватает сил. То, что я этим разбиваю свою жизнь,—это неважно. Больше всего сердце мое болит за тебя и хотя ты всегда относилась недоверчиво к возможности новой жизни — все же катастрофа нелегко даётся тебе."

Я відповіла, що нам необхідно розстатися, що коли раніш невдоволеність з нашого життя скрашувалася надією на краще майбутнє, то після того, що сталося, продовжувати й далі зустрічатися нам буде нестерпно важко. Радила Михайлові Михайловичу заспокоїтися, не хвилюватися і примиритися з неминучістю.

У дальшому листі (від 7 серпня) він пише, що без мене він нічого не вирішує:

"Как я могу решить без тебя, я только сознаюсь перед тобой, также откровенно, как и перед собой, что мне трудно, труднее чем я думал, разбить семью, что я чувствую, как обязанности тянут меня в сторону жертвы, говорят принести в жертву личное счастье. Может быть ты осудишь меня за то, что я до сих пор жил надеждами на иное и заразил

этими надеждами и тебя. Но верь, что я всегда, как и теперь, был искренним."

Я знала, що Михайло Михайлович щирий, в цьому я мала нагоду переконатися не раз. Однак, безвихідне становище приводило мене в розпач.

Адже в умовах дореволюційного часу страшенно тяжко було продовжувати наше життя. Ми весь час повинні були таїтися з нашими зустрічами. Весь час були наготові. Зустрічатися в мене було неможливо через те, що я не хотіла хвилювати свою матір, яка і без того зазнала в житті чимало турбот і горя.

І ось, передумуючи все знову й знову, я все ж вирішила, що нам необхідно розстатися, і знову написала про це Михайлові Михайловичу. ,
^

Коли я повернулася з відпустки, я не хотіла зустрічатися з Михайлом Михайловичем, щоб допомогти йому звикнути до думки про необхідність розлуки. Але, коли я побачила його змучене обличчя, нестерпний жаль охопив мене. Він був схожий на людину, що встала після тяжкої хвороби. Я зрозуміла, що розлучитися з ним не зможу. І все ж деякий час я намагалася це зробити— Але Михайло Михайлович був такий замучений, писав такі зворушливі листи, що я, кінець-кінцем, не витримала і все залишилося по-старому.

Тільки Михайло Михайлович став іншим: тепер він майже не сміявся, був завжди замислений, часто мовчав. Припинилося його кумедне пустування під час прогулянок, зникли його невичерпні раніш веселощі.

Друга неприємність цього року (1908), яка коштувала Михайлові Михайловичу немало нервів і болісно відбилася на його здоров'ї,— це враження від 14 археологічного з'їзду в Чернігові.

Цей з'їзд відбувався під головуванням чорносотенниці графині Уварової. Чорносотенно-патріотичні виступи окремих учасників з'їзду, адреса, піднесена графині Уваровій місцевими чорносотенцями, на чолі з Шелухіним, і загальний дух з'їзду так обурили Михайла Михайловича, що він виступив з відкритим протестом.

Результатом цього було виключення у вересні з "Просвіти" Коцюбинського і ряду інших осіб, з доручення губернатора.

...Поступово життя увійшло в звичайну колію, ми, як і раніше, знову стали зустрічатися. Михайло Михайлович дедалі менше зважав на погоду. Я теж навчилася не звертати на неї уваги.

Пам'ятаю, якось цієї зими йшов великий сніг. Здавалося, він хотів засипати місто. Я вийшла на нашу звичайну прогулянку. Пройшовши кілька кроків від дому, я хотіла повернутися, бо безумством було йти гуляти в таку погоду: за кілька хвилин я стала схожа на білий стовп. Але, знаючи Михайла Михайловича, я вирішила все ж піти йому назустріч.

Одягалася я досить легко. Сніг, що невпинно засипав мене, був дуже неприємний. Я спробувала кілька разів струсити його з себе, але це була марна робота. На вулиці не було ані душі.

Ще здалека я побачила Михайла Михайловича, що поволі наближався... Він був білий з голови до ніг. Я підійшла ближче і дзвінко розсміялася. Розсміявся і Михайло Михайлович: він був схожий на снігову статую.

— Я певна, — сказала я, — що таких божевільних, як ми, не знайдеться більше в цілому світі.

Тим часом сніг сипав і сипав...

Ми бачились на цей раз не більше п'яти хвилин. Прощаючись, Михайло Михайлович сказав:

— Ну, я тепер піду додому і буду працювати: у мене є настрої.

Я теж повернулася додому з почуттям тихої радості, якогось втихомирення і заспокоєння... І довго ще перед очима стояла біла постать Михайла Михайловича, з його добрим і ласкавим поглядом темних очей.

* # *

Настав 1909 рік. Михайло Михайлович, як і раніше, почував себе недобре: нервувався, скаржився на серце. Тяжкі враження 1907 і особливо 1908 року, посилена робота в бюро і "Просвіті"¹ надломili і без того кволий організм Михайла Михайловича. Але, не зважаючи на хворість, він у цей час працював над досить великим оповіданням "Дебют", яке й закінчив цього року.

Михайло Михайлович відчував, що йому потрібно негайно відпочити не тільки фізично, а й морально. Він задихався в сіренькому оточенні маленького провінціального міста, в вузькому колі осіб, що йому надокучили; необхідно було поринути хоч на короткий час у широкий світ, відчути пульсування іншого життя, освіжитися зустрічами з новими людьми.

Михайло Михайлович дуже любив сонце. Він не раз називав себе "сонцепоклонником". "Мій бог — сонце", — писав і говорив не раз він мені. Мрія про подорож на південь опановує ним.

Грошей у нього, як і завжди, не було. Проте, це бажання було у нього непереможне, і вихід був знайдений. У нас в бюро була каса взаємодопомоги. Михайло Михайлович був постійним її боржником: сплачуючи раніше взятую позику, він тут же знову брав аванс. Ця каса

допомогла йому і цього разу. Крім того, він одержав аванс за оповідання "Дебют*.

Їхати Михайло Михайлович вирішив на Капрі, де жив на той час О. М. Горький, — через Львів, Відень, Рим, Неаполь. Цей маршрут, крім Капрі, був трохи знайомий йому, — він проїжджав ці міста в 1905 році, а у Львові був ще раніше, за юнацьких літ.

Виїхав Михайло Михайлович не зовсім здоровим: він перед самим від'їздом захворів на бронхіт.

З першого ж закордонного міста починається круговорот сили вражінь— радісних, підбадьорюючих і в той же час стомливих. Із Львова він пише мені:

"Уже третий день, как я заграницей, и эти дни, как и все время, пока я не выеду из Австрии, наиболее утомительны. Дело в том, что я, к сожалению, пользуюсь здесь большой известностью и со мною так возятся, меня все время окружает такая масса народа, что я смущен и утомлен."

У Відні і Кракові Михайло Михайлович був теж оточений увагою, яка, хоч була і приємна, але в той же час стомлювала його. Вдачею він був дуже скромний, та, до того ж, у себе на батьківщині не звик бачити такого ставлення до себе: увагою земляків Михайло Михайлович не був збалуваний. Багато дехто в Чернігові не знали його, як письменника, і не читали його творів.

Напередодні від'їзду Михайла Михайловича ми умовилися, що через те, що закордоном спальних вагонів немає, він, щоб не стомлюватися, вночі їздити не буде. Цю обіцянку Михайло Михайлович виконав лише тому, що під час зупинок оглядав міста:

"Эти остановки на один день, в сущности, утомляют, так как желаешь как можно лучше использовать время и больше увидеть. Я совсем отказался бы от них, если бы не стеснялся нарушить данное тебе обещание не ездить ночью. А как только сделаешь перерыв на ночь, хочется остаться и на день.⁴¹

З ненаситною жадобою вбирає в себе Михайло Михайлович красу і чарівність пам'яток стародавньої культури, музеїв, чудес архітектури. Всі його листи сповнені цим зачаруванням.

Ці зупинки по дорозі зле відбилися на здоров'ї Михайла Михайловича.

Так само нерозсудливо веде себе Михайло Михайлович і на Капрі. Краса південної природи захопила його цілком. Він пише з Капрі схвильовані листи, признаючись, що в нього не вистачає слів описати все, що його вражає:

"Я попал в земной рай. Более удачного места для отдыха не умею и представить себе. Не верится, чтобы на земле было такое чудо, как Капри."

Але використав він цей земний рай для відпочинку дуже погано. Жадоба до краси, непереможне прагнення якнайбільше побачити і пережити примушує його допізна засиджуватись, багато ходити, — тобто все те, що було згубним для його серця.

Другого дня по приїзді на Капрі, Михайло Михайлович пішов знайомитися з Горьким. Він був у захваті від гостинного прийому, який виявили до нього Горький та його сім'я. Візит у Горького був дуже тривалий — від 2 годин дня до 11 години ночі, і проходив у хвилюючих розмовах про літературу.

Зюдом Михайло Михайлович пише, що він близько зійшовся з Горьким:

"Мы сжились, сдружились на чужбине, много имеем общих интересов, много ведем бесед на близкие нам литературные темы."

У Горького Михайло Михайлович зустрічається з цікавими людьми — артистами, письменниками, художниками, знайомиться з скульптором Гінцбургом, Буніним, Луначарським та іншими. Горький влаштовує для нього цікаву ночну ловлю риби.

Загалом же подорож на Капрі, не зважаючи на втому, дуже освіжила Михайла Михайловича. Навіть фізично він трохи за цей час зміцнів: загорів, помолодів, став життєрадісний і не такий нервовий.

Проте, з холодами Михайло Михайлович знову почав хворіти: кашляв, скаржився на серце і нерви.

Сиреньке, одноманітне життя Чернігова після барвистих капрійських вражень особливо важке було для Коцюбинського. Він знову почав скаржитися, що йому не пишеться, що немає настрою працювати. Але все ж працював уперто.

В листопаді я взяла відпустку й виїхала у Вільно до своєї приятельки. Михайло Михайлович писав мені з Чернігова: ^

"Очень трудно переносу твое отсутствие и чувствую себя прескверно. Три дня был даже болен* нервы и боль в груди. Хуже всего, что болезнь мешает мне работать. Я уже совсем было приготовился к работе и не мог начать. Теперь мне лучше и сегодня начинаю*."

Як завжди, він, починаючи нову працю, заздалегідь хвилювався за якість роботи. Тоді ж він пише: "Боюсь за успех работы и так хочу, чтобы она удалась мне".

Про те, як наполегливо працював Михайло Михайлович у цей час, видно з того ж листа:

"Своей жизни не буду описывать, она очень однообразна с внешней стороны и вся сосредоточена сейчас на работе. А это заполняет жизнь/*

Робота в цей період поглинула його цілком; він зовсім відійшов від свого оточення. На моє прохання написати мені у Вільно, що нового в Чернігові, Михайло Михайлович відповів:

"В бюро — не знаю что творится. Я ведь далек от него. О себе нечего сказать. Дни проходят в работе, которая пока не удовлетворяет меня. Может быть, распишусь."

Але ж Коцюбинський завжди був незадоволений з своїх творів, йому завжди хотілось чогось кращого і досконалішого. Через кілька днів він знову пише мені: ^^^^

"Работается мне плохо. Я недоволен своей работой. Нервничаю, сержусь, но все же аккуратно пишу. Никуда не хожу, ни в концерты, ни в оперетку. Бегу от всех соблазнов. Писем набралась такая уйма, целая гора выросла на столе, а я никому не отвечаю, чтобы не отвлекаться от работы."

У дальшому листі знову на моє запитання, що робиться в Чернігові, пише: "До того серенько, однообразно живут люи, что ничего о них не скажешь". І далі, повідомляючи про приїзд оперетки, непоганої на думку чернігівців, зауважує: "Я вообще никуда не хожу, все время пишу. Ничего не читаю даже, так занят". І тут же додає: "Работа подвигается медленно, я недоволен, волнуюсь".

Коцюбинський так захоплений роботою, що навіть нездійснена подорож до Києва через брак грошей, про яку він раніше мріяв, не дуже засмучує його: "Может быть это и к лучшему, т. к. на праздники поработой больше". І далі в тому ж листі знову згадує; "Попрежнему работаю ежедневно, ничего, кроме газет, не читаю, никуда не хожу. Веду скромную, трудовую жизнь".

Працював Михайло Михайлович цього року (1909) над оповіданням "Дебют*1 і повістю "Фата моргана".

Як і завжди, робота не задовольняла його: він нервував, хвилювався. Та й не дивно, часу для літературної роботи в нього було дуже мало. Статбюро забиравало весь день, а іноді й вечори. Наші прогулянки теж відбирали час. Але відмовитися від них Михайло Михайлович не хотів. Він запевняв мене, що почуває після них бадьорість і гарний настрій, який йому необхідний для творчої роботи.

Тим часом здоров'я Коцюбинського ставало помітно гіршим. На мої розпитування він відповідав жартами і запевняв, що нічого серйозного в нього немає, що все це нерви — не більше. Однак, стомлений вигляд і запалі очі свідчили про інше. Я бачила, що він хворий і наполягала, щоб він звернувся до хороших лікарів. Михайло Михайлович дав слово виконати моє прохання, проте зауважив, що все це дурниці, що коли б у нього було інше життя, він був би цілком здоровий: "Кроме того, мне нужно солнце. Вот поеду на Капри и буду здоров".

Запрошував Михайло Михайлович і мене з собою. Але це було нездійсненне. Я заробляла так мало, що мені ледве-ледве вистачало на життя, а в нього завжди була гостра нестача в грошах. Хоч Віра Іустинівна працювала також, та одержувала вона небагато, а сім'я у них була чималенька.

За станом здоров'я Михайло Михайлович взяв двомісячну відпустку і поїхав на Капрі. Але хвороби чіплялися за його ослаблений організм: у дорозі він захворів на гастрит. День Михайло Михайлович пролежав у Києві, а потім виїхав до Одеси. По дорозі в Одесу він пише мені:

"Врачи огорчили меня. Нашли у меня болезнь сердца, запретили много приятных вещей—волноваться, купаться, много ходить и утомляться. Но, конечно, — додає він, — я не очень послушен, лишь би

только очутиться мне на воле, вырваться из объятий вагонов и пароходов — забуду о всех болезнях."

Але всієї правди про своє здоров'я на цей раз Михайло Михайлович мені не сказав, очевидно^ побоюючись, щоб ця звістка мене дуже не засмутила. І тільки вже з Одеси він сповіщає, що лікарі констатували у нього порок серця і астму на сердечному ґрунті. І хоч в листі він заспокоює мене, що діагноз цей він зустрів цілком спокійно — "ведь это в тысячу раз

лучше, чем какая-нибудь чахотка, с плохим сердцем можно все таки жить хорошо", — я відчула як тяжко це йому. В цьому ж листі він ясно викриває свій фізичний і моральний стан:

"В голове у меня как-то пусто, впечатлений почти не воспринимаю... Усталость, усталость и усталость. И даже безразличие какое-то. Не думаю, чтобы диагноз врачей меня обескуражил."

Любов до життя у цієї людини була така велика, що вже в дорозі він відчув себе краще і зараз же забув про всі поради лікарів. З Константинополя Михайло Михайлович пише:

"В последнем письме я, кажется, огорчил тебя своею болезнью. Теперь мне гораздо лучше. Как только сел на пароход, сейчас же почувствовал себя превосходно."

Коцюбинський на цей раз вирішив проїхати на Капрі морем, бо такий шлях спокійніший і дешевший. Знов повторюється те ж, що й минулого року. Михайло Михайлович не минає жодного міста, де зупиняється його пароплав (італійський пароплав Беуаппо). Жадоба ввібрати в себе всі враження нових місць, потреба бачити життя в усіх його виявах цілком опановують його. Про здоров'я йому думати нудно та й часу для цього немає. Він захоплений життям. Він повинен все бачити, чути, спостерігати. І він жадібно вивчає навколишнє життя. ^^^^ ^

"Что за чудный город!" — пише він мені про Константинополь,— "такую красоту не легко отыскать". І Михайло Михайлович втішається цією красою. Бере провідника і оглядає все, що тільки можна оглянути за один день стояння пароплава. Спочатку Коцюбинський відвідує європейську частину міста — Пера. Проте, тут довго затримуватися нічого: "грязная улица, смесь Европы и Азии—поскорее отсюда!". По дорозі він купує феску й їде далі в Стамбул — "старый мусульманский свет, где поражает своим величием Ая-София". Він втішається чудовими мозаїками, архітектурою величного будинку, відвідує ще й інші мечеті і, нарешті, заходить до старовинної кав'ярні:

"Ложусь на диван, подают мне сладкий, ароматный кофе, горящий уголь для папирос. Лежу и наблюдаю эту своеобразную, азиатскую жизнь."

По обіді Михайло Михайлович маленьким пароплавом їде в околиці Константинополя, вилазить на гору, вкриту надгробними пам'ятниками, і милується такими краєвидами, "каких обычный турист, толкущийся в центре и боящийся забираться так далеко за город, никогда не увидит." Тільки ввечері він повертається на свій італійський пароплав. І так діє людина з хворим серцем і астмою, якому лише кілька днів тому лікарі заборонили багато ходити, стомлюватися!

Те ж саме повторюється в Салоніках, в Афінах, на острові Криті, Сіцилії. Проїжджаючи Мессіну, що недавно зазнала жахливого землетрусу, який засипав 40 тисяч чоловік, Михайло Михайлович не може залишитися на пароплаві, як інші пасажери. Він їде туди, де на руїнах міста відбуваються розкопи. "Какая картина!—пише він мені, — всю жизнь не забуду!".

Описуючи жахливу картину руїн, він далі розповідає:

"На горах из мусора сидят городовые. Но вот видишь, как городской встает и делает под козырек: это отрыли человеческое тело. При мне извлечена была какая-то женщина. Я уже не смотрел, пошел далее по

улице-кладбищу. Но вдруг — ужас! Почва заколебалась подо мной, развалины двинулись, раздался треск. Землетрясение! Оно продолжалось один момент, секунды три-четыре, но люди онемели. Я думал, что уже конец мне."

Проте землетрус минув і Коцюбинський продовжує далі оглядати загинуле місто, спостерігаючи "упертість людей", які будують поруч із зруйнованими будинками нове житло — маленькі, незручні двоповерхові будиночки. "На улицах движение, но в глазах у всех ужас,"—додає він далі і сумно дивується: "Как здесь живут люди, как не ссорятся в тесноте, где слышно, что делается и говорится у десятого соседа".

Але з чутливістю художника Коцюбинський на цьому сумному кладовищі помітив не тільки жах і горе людей, але й людську упертість, їх жадобу і енергію до життя. І останнє було дужче за смерть і руїни.

Чудову своєю художньою витонченістю новелу "Хвала життю", присвячену спогадам про Мессіну, Михайло Михайлович закінчує бадьорим і радісним акордом.

Художник помітно переважав в ньому над людиною: він жадібно сприймав життя, що вирувало навколо нього, вбираючи завжди всю барвистість і різноманітність його, усі його суперечності.

Питання власного, особистого не тільки відходили на задній план, а й зовсім забувалися. А він навіть не помічав цього. Наприклад, закінчуючи листа з описом Мессіни, він по-дитячо.му щиро обіцяє слухатися усіх моїх порад, не помічаючи того, що вся його поведінка з моменту від'їзду пароплавом з Одеси є різким порушенням не тільки моїх порад, а й порад лікарів. Але надто багато життя було в ньому, надто сильно кипіло це життя, щоб він міг клопотатися хворобами. Ще раніше, по дорозі з Києва до Одеси, він писав мені:

"Лишь бы только очутиться мне на воле, вырваться из объятий вагонов и пароходов — забуду о всех болезнях."

І він завжди забував про них, як тільки виривався з буденної обмеженості маленького провінціального міста. Ось чого і на Капрі він відчуває себе непогано.

Щира зустріч з Горьким, якого він полюбив уже з минулого року, його бог — сонце і чудова природа Капрі — бадьорять і дають йому натхнення. Він робить далекі прогулянки, забувши, звичайно, про обіцянки слухатися моїх порад. Усе його захоплює, все йому подобається: і готель, в якому він зупинився, і кімната з краєвидом на море, і обіди, якими його годують: "Нельзя желать ничего лучшего, — пише він у першому листі з Капрі,— здесь все прекрасно".

На мій лист, сповнений турбот про його здоров'я, він відповідає:

"Не надо переувеличивать, друг мой. С каждым днем чувствую себя лучше, бодрее, начинаю понемножку присматриваться и заносить впечатления в книжку. Пригодится/*

Місячні ночі на Капрі захоплюють його:

"Ты не знаешь, что это такое лунная ночь на Капри. Напрасно описывать! Это волшебство, это сон, а не действительность. Вообще красота умопомрачительная."

Він признається, що полюбив цей куточок землі, що кожний камінчик на Капрі дорогий йому. І, звичайно, він уже мріє щось написати про Капрі. "Было бы грешно не написать о нем". Для цього він бажає вдосконалити знання італійської мови:

"Хочу заняться итальянским языком и сделать записи своих впечатлений от Капри, быть может пригодятся для работы".

Його захоплює не тільки розкішна краса природи, з таким же захопленням придивляється він до місцевого побуту, звичаїв, свят. В одному з листів він дає блискучий опис релігійного свята на Капрі, вражаючи влучністю спостережень і витонченим гумором.

"Прежде должен сказать, — пише він,—что религиозность итальянцев — не больше, как любовь к театру. Актерами являются попы^^Ж І закінчує з властивою йому скромністю:

"Прости, что я так кратко и бледно описал тебе праздник, так как спектакль все же был интересный."

З зовнішнього боку життя його скромне. Вчорі — у Горького, або ловля риби з сім'єю Горького. Але внутрішнє життя таке інтенсивне, що йому не вистачає часу.

"Жизнь моя тихая и скромная, — пише він, — весь день ничего не делаю и в тоже время мне ужасно некогда. Как это случается—не знаю."

Про своє здоров'я він згадує рідко і хоч в одному листі пише, що "живется в общем однообразно, больше для здоровья", та це тільки для заспокоєння — не стільки свого, скільки мого.

Решта листів свідчать про цілком інше. Наприклад, він надумав брати сонячні ванни і так зловживав ними, що обпik собі шкуру. Для його серця це було згубним.

Але характерно, що сам він не помічав суперечностей у своїх листах. Ось він пише:

"Обо мне не беспокойся, я чувствую себя хорошо, солнечные ванны помогают мне. Скучно только беречься солнца, оно здесь предательское. Кажется ласковым, не горячим, а только зазеваешься, сейчас обожжет, сделает раны, которые трудно залечиваются и

вызывают лихорадку, от которой так нездоровится, что приходится лежать в постели. Я берегу, но все же сегодня так нагрело меня, что все тело горит и покалывает мелкими уколами."

І в другому листі:

"Не знаю, что со мной, но у меня прескверное настроение, с трудом даже пишу тебе. Может быть это от усталости, так как я начал брать солнечные ванны,"

Далі продовжує:

"Не могу сосредоточиться. Какой-то туман в голове и апатия. Никуда сегодня не пойду, буду лежать У себя в комнате." А щоб виправдатися переді мною, він додає:

"Я слушаюсь твоих советов, берегу, но бывают внешние обстоятельства, независимо от моих желаний действующие на меня." А які це обставини, він замовчує. Насправді ж він згадує про мої поради лише тоді, коли йому стає погано й доводиться лягати.

Здоров'я час від часу дає знати про себе: він стомлюється у товаристві, не зважаючи на те, що любить його і цінує товариство цікавих людей. Він дуже цинив і любив Горького, про що не раз пише в листах Із Капрі. Сім'я Горького, очевидно, також з симпатією ставиться до Михайла Михайловича. "Почти каждый день, часа в три, моя комната наполняется людьми — это заходит ко мне Горький с семейством и мы вместе направляемся на море."

Крім сім'ї Горького, навколо Михайла Михайловича зосереджується коло знайомих, серед яких є і поклонники, що знають твори Коцюбинського з перекладів.

Втома й турбування про роботу примушують Михайла Михайловича уникати товариства. Та й напади незрозумілої туги, на яку він страждав ще замолоду, інколи опановують його, і тоді йому нікого не хочеться бачити.

Проте, Коцюбинський приваблює людей і йому рідко вдається бувати на самоті:

"Сегодня второй день у меня скверное настроение. Не хочется никого видеть, не хочется гулять. Прекрасно знаю, что все это пройдет, что опять я буду наслаждаться природой и хорошими людьми, но сейчас скверно, тоскливо и мрачно."

Розповідаючи, що напередодні він відмовився від запрошення на Анакапрі, на свято Івана Купала, вважаючи за краще залишитись вдома читати, бо й сьогодні йому теж нікуди не хочеться, „хотя его усиленно тянут соседи по отелю" — Михайло Михайлович скаржиться, що йому з ними скучно.

"Больше всего меня прельщает перспектива работы, — продовжує він. — Хочется сделать как можно больше записей, собрать возможно больше материала, ведь все это пригодится. Я в этом отношении Плюшкин. Все хочется собрать целую кучу наблюдений."

Однаке він цінує товариство цікавих людей і, коли йому дозволяє здоров'я, радо віддає їм свій час:

"Два последних вечера я засиживался подолгу в гостях и поздно ложился. Не сердись. Ведь это последние дни. Хочется побыть дольше с интересными людьми. Ведь не часто встречается подобное общество."

Думки його дедалі частіше і наполегливіше зосереджуються на роботі:

„Записная книжка понемногу заполняется, продол-аю делать заметки в записной книжке, как пчела собираю мед с Капри, Сделал уже БО заметок."

Наприкінці свого перебування на Капрі, під враженням холодного дня, він пише мені: "с ужасом думаю о зиме". Але думка, що взимку він працюватиме, трохи заспокоює його:

"Но, опять таки, и в зиме есть утешение: буду работать, а это наполняет меня радостью и страхом, который я всегда испытываю, принимаясь за новую работу."

Очевидно збентежений своїми суперечливими почуттями, він продовжує; "Ты, верно, смеешься надо мной, но что же делать, таков я". І тут же скаржиться на невдоволеність з своєї роботи: "Вечное желание работать, порыв — и вместе с тем неудовлетворенность, стыд перед собою за плохую работу."

Час його відпустки минав. З сумом прощається Михайло Михайлович з улюбленим Капрі:

"Я еще не дочитал этой сказки, которая так захватывает. Все здесь бесконечно прекрасно и увлекательно, и чем больше пьешь красоту природы, тем большую жажду испытываешь."

Думка про те, що, може, він більше не побачить улюбленого острова, засмучує Михайла Михайловича.

Повертаючися додому, Коцюбинський заїжджає в Карпати, де також потрапляє в мальовничі місця: "Здесь так красиво, что я не могу досыта налюбоваться".

По дорозі в Карпати Михайлові Михайловичу влаштовують урочисту зустріч "с речами, песнями и факельцугом". Це приємно йому, хоч через

виняткову вразливість і сприйнятливість й це стомлює його. "Здесь я нарасхват, а это утомляет". Крім того, стомлюється він і через власну необережність: мало спить, підіймається на гори тощо.

"Позавчера я сделал глупость и раскаиваюсь: забрался на высокую гору, 1200 метров, шел четыре часа, устал и вчера и сегодня чувствую себя плохо." Але загалом подорож цього року позначилася гарно на здоров'ї Коцюбинського. Приїхав він до Чернігова помолоділий, бадьорий і засмаглий як араб, що надзвичайно личило йому. На вулиці всі на нього звертали увагу.

У літературних його справах цього року теж намітився деякий злам: не тільки закордоном йому влаштовують овації і врочисті зустрічі, а професор Празького університету присвячує його творчості навіть лекцію, про що з почуттям задоволення пише мені Михайло Михайлович. В Росії також його починають визнавати, цікавляться його творами. Ще з Неаполя, повертаючись до Капрі, він сповіщає мене:

"Поздравь меня с маленьким успехом: Петербургское издательство "Знание" (помнишь Сборники

и издание лучших авторов?) купило у меня право на издание всех моих произведений в русском переводе. Первый том должен печататься в конце этого года. Я уже подписал соглашение на довольно выгодных условиях. Это очень кстати, так как деньги нужны и нужны. Кроме того приятно, что издает солидная, хорошая фирма."

У цьому ж листі він повідомляє, що майже одночасно до нього звернулася з такою ж пропозицією московська фірма "Польза": "Но я, конечно, предпочел "Знание"".

У листопаді, коли я була у відпустці в Петербурзі, Михайло Михайлович запитує у мене, чи не бачила я у вітринах книгарень його книжку у виданні "Знание", бо вона вже вийшла: "Интересует меня, как я

буду встречен русским читателем и критикой. А вдруг провал?". І тут же заспокоює себе: "Увидим".

Через п'ять днів Михайло Михайлович пише мені в Петербург (30 листопада):

"Моя русская книжка уже вышла. Недавно получил с Капри от Пятницкого (издатель) письмо. Он пишет: "Получил корректурные листы Вашей книги. Читаю с великим наслаждением. Книга должна иметь большой успех" ("большой" підкреслено Михайлом Михайловичем) и просит немедленно приготовить к печати 2-й том."

У листі до мене в Петербург, писаному в грудні, Коцюбинський знову розповідає:

"Недавно получил от Амфитеатрова приглашение сотрудничать в большом журнале "Современник", имеющем выходить с нового года в Петербурге. Судя по составу сотрудников — журнал обещает быть очень интересным. Готовы печатать даже по-украински, лишь бы писал. Это результат ознакомления с моей книжкой в издании "Знание". Как видишь, мне начинает везти."

І тут же гірко додає: "В литературе, конечно, больше ни в чем".

Наше особисте життя залишалося, як і раніше, невпоряд-кованим. Михайла Михайловича це турбує і нервує. Ще в

ш

одному з перших листів з Капрі він, не одержуючи від мене кілька днів листів, починає хвилюватися і непокоїтися — "не случилось ли чего?". "Поневоле становишься мнительным, когда жизнь наша так беспокойно течет, вечно что-нибудь чуждое ей и ненужное вторгается", — пише він.

У дальшому листі, розповідаючи про свої плани щодо подорожі на майбутній до Єгипту, він додає, що поїде тільки зі мною: "Один не хочу. Так и знай и готовься к путешествию*.

І далі, у відповідь на мій лист, в якому я висловлюю надію, що наступної зими ми зможемо бачитися у сприятливіших умовах, через деякі передбачувані у мене зміни вдома, Михайло Михайлович гірко зауважує:

"Так мне и кажется, что все надежды на твое освобождение из плена домашнего—останутся только на" деждами, как это было уже неоднократно. Я изверился/

І в другому листі знову:

"Жизнь научила меня осторожности и недоверию, этим двум врагам непосредственной радости".

У дні, коли він нездужав, думка про невпорядкованість нашого життя з особливою силою опановувала його:

"Уже два дня нет от тебя писем. Они как раз наиболее пригодились бы мне, так как уже второй день у меня скверное настроение. Рекомендую себе терпение, но остаюсь в скверном настроении."

І в тому ж листі, скаржачись на нудьгу, зауважує:

"Странно, я только что приехал, а уже мечтаю о возвращении. Я пропадаю буквально без тебя."

Пізніше, у відповідь на моє повідомлення про нездійсненність його планів на зиму, Михайло Михайлович пише:

"Я угадал. Перспектива блужданий зимою опять перед нами. Да, нечего сказать, мы с тобой поистине "лишенные крова"."

Тим часом я теж змучилась. У мене на нервовому ґрунті з'явилися гострі болі в грудях. Особливо мене хвилювало, що таке напружене і неспокійне життя не тільки позначається на літературній роботі Михайла Михайловича, а й, безумовно, руйнує його кволе здоров'я.

Я знову вирішила, що нам необхідно, раз не можна розв'язати цього вузла, розрубати його — тобто припинити наші зустрічі. Усе це я висловила в листі до Михайла Михайловича. Він відповів: "Разлука для меня (и для моей болезни, если хочешь) была бы тягостнее, чем такая жизнь, какую мы ведем. Думала ли ты об этом?".

... ?ж.

Здоров'я Коцюбинського вже було так підірвано, що ні двомісячна відпустка, ні перебування на Капрі відновити його не змогли. Піднесення й бадьорість, привезені з Капрі, помалу зменшувалися.

Михайло Михайлович знову став хворіти. Після яскравих вражень, після зустрічів з цікавими людьми його особливо стала пригнічувати буденна обстановка, остогидла служба в бюро. Коли я під час відпустки розпитувала його про новини, він завжди відповідав приблизно так:

"Новостей у нас никаких. Впрочем, быть может и есть, но ты знаешь, что я всегда узнаю последним, или даже совсем ничего не знаю. Живу я всегда в своем мире, если окружающий мало интересен."

Або: "Новостей местных не знаю".

-А, тим часом, Михайло Михайлович був чутливим до вражень зовнішнього життя, якщо воно його цікавило, доказом чого є його листи з Києва, Капрі, Волині, з закордону. Але коли навколишнє життя було

вбоге, одноманітне, намагався не помічати його і заглиблювався у свій внутрішній світ.

Як людина вразлива й нервова, Коцюбинський був дуже чутливим до зміни оточення. Варто було йому виїхати з Чернігова, як він почував себе бадьоріше, краще. У лютому 1911 року він пише мені з Києва, куди він їздив у справах конкурсу на кращий проект пам'ятника Шевченкові:

"Как только попал я в новую обстановку, сейчас почувствовал себя гораздо лучше, несмотря на то, что жизнь веду не очень правильную и мало сплю".

Подорожі останніх двох років закордон дали Коцюбинському багатий матеріал для роботи. Нові враження і думки вимагали втілення їх у творчості. Тим часом, робота в статбюро, кропітка, стомлива, забирала у нього багато часу й сил. На літературну роботу часу залишалося мало, і Коцюбинського це дуже пригнічувало.

Незабаром після повернення з Капрі, він пише мені в Петербург:

"Грусть моя усугубляется еще и тем, что никак не могу взяться за работу. Кажется совсем был готов, сюжет обдуман, тема есть, а теперь все мне не нравится. Нужно брать что-нибудь другое. Вообще, неважно чувствую себя, хотя и здоров."

Як художник, Коцюбинський був дуже вимогливий до себе. Він завжди старанно опрацьовував свої твори. Питання про якість написаного завжди хвилювало його.

У листі з Капрі 1911 року він пише мені:

"Не помню, хвалился ли я тебе в прошлом письме, что уже закончил свой рассказ. Помнишь—"Пасха"? (вийшов під заголовком "Лист").

Отложил его в сторону, не хочу никуда сейчас посылать, пусть полежит, тогда исправлю, переделаю, а тем временем буду писать другой."

В 1910 році, теж з Капрі, він писав:

"Столько лет работать и не создать ничего порядочного, ничего, что удовлетворяло бы тебя, отвечало твоим художественным запросам и вкусам—ведь это же ужасно, ведь в этом целая драма. Если бы не какая-то неведомая сила, вечно толкающая тебя вперед, вечно приказывающая: пиши!—я бросил бы перо и искал бы применения сил на ином поприще."

І це дійсно була тяжка драма, безглузда жорстокість умов епохи, що примушувала людину з таким глибоким обдарованням, заради шматка хліба для своєї сім'ї, занапащати таланти, сили і здоров'я на найнуднішій роботі в статбюро, яку з успіхом могла б виконувати будьяка рядова людина.

Михайло Михайлович прагнув всіма силами своєї багатії натури віддатися улюбленій роботі — творчості. Але він думає про це, як про недосяжну мрію.

В 1911 році Київське товариство допомоги українській літературі і науці ухвалило видавати Коцюбинському дві тисячі річного утримання. Я добре пам'ятаю день, коли Михайло Михайлович поділився зі мною незвичайною радістю.

Була весна 1911 року. Ми зустрілися на краю міста й пішли до свого улюбленого місця. Це був красивий куток старого занедбаного кладовища. Там ми ніколи нікого не зустрічали.

Величезні старі берези і липи з похилими гілками закривали з усіх боків невелику галявину, вкриту густою травою і польовими квітами. Місце було огорожене невисоким тином. З одного боку його оточувало

кладовище з густими деревами, з другого боку розляглося засіяне поле. Вдалині відкривався краєвид на старовинний Троїцький монастир, розташований на горі.

Тут було затишно й тихо; тишу порушувало хіба невгамовне щебетання пташок. Самітна і забута могила серед галявини нагадувала, що й тут колись було кладовище. На плиті цієї могили було наше улюблене місце. Тут ми любили сидіти, ділячись враженням пережитого, вирішуючи хвилюючі питання. Іноді нам хотілося разом почитати, але книжка кожного разу, як ми брали її з собою, лишалася нерозкрита. Час минав так швидко, що ми не встигали навіть поговорити про найнеобхідніше.

Пам'ятаю один день... Михайло Михайлович цього разу мав якийсь особливий урочистий вигляд. Я, що так добре знала його, по виразу обличчя вгадала, що він хоче мені розповісти про щось незвичайне. Проте, я ні про що його не розпитувала, чекаючи поки він сам мені про це розповість. Михайло Михайлович тим часом закидав мене питаннями: про моє здоров'я, про дні, проведені без нього, про моє самопочуття. Розмовляючи, ми підійшли до "нашого місця", як ми називали улюблений куточок старого кладовища.

Нарешті, Михайло Михайлович сказав мені:

— Ти знаєш, у мене новина! Я можу тепер віддатися тільки літературі й кинути службу!..

Говорячи це, він був незвичайно щасливий, помолоділий, глибокі, гарні очі його сяяли. У мене теж радісно забилося серце від такої щасливої звістки.

Ми довго розмовляли на цю тему. Михайло Михайлович говорив про те, як багато йому хочеться написати, як тепер він сподівається здійснити свої задуми і мрії.

Лише тепер я висловила йому своє здивування, як міг він мені не говорити так довго про цю важливу новину, адже всю дорогу до кладовища ми розмовляли про інше. Коцюбинський усміхаючись відказав:

— У мене був план: я вирішив, що я тебе перше поцілую, а потім розповім.

І так багато тепла й ласки було при цих словах в його голосі й очах! Взагалі в Михайла Михайловича, при всій його серйозності, було багато чогось зворушливо-дитячого.

Цього року Коцюбинський вирішив відвідати Крим. Проживши там з місяць, він поїхав до Карпат, бо ще під час своєї першої подорожі в Карпати дуже зацікавився пастушачим племенем гуцулів-номанів, які жили у диких гірських місцевостях і зберегли первісний побут, звичаї, вірування. Михайло Михайлович мав намір зібрати в горах матеріал і щось написати з життя гуцулів: "Я должен поработать в Карпатах и вывезти оттуда тему",— пише він мені в останньому листі з Криму.

Весь другий місяць своєї відпустки Коцюбинський живе у Карпатах, вивчаючи життя гуцулів, що так вабило його своєю первісною незайманістю, з властивим йому запалом.

Михайло Михайлович поринає в цю роботу. На здоров'я своє, звичайно, не зважає. Але, знаючи, що я хвилююсь про нього, він майже у кожному листі заспокоює мене.

В Карпатах Коцюбинський відвідує далекі, майже неприступні гори, де треба перепливати і переходити вброд річки і гірські потоки, ходити ледве помітними стежками, приступними лише гуцульському коневі і, заспокоюючи знову мене, він пише:

"Не беспокойся, я не переутомляюсь, я помню твои наставления и желания."

Але ця дика, сповнена незвичайної краси, місцевість вабила його непереможно, і він знову ділиться зі мною своїми планами:

"Возвратясь. отдохну несколько дней и опять уеду из цивилизованного края. Чувствую себя хорошо, чувствую силы рискнуть на такое путешествие.*1

І далі, розповідаючи про своє життя, він пише, що "не слазил с коня весь день и половину ночи¹¹, хоч "когда подымался на вершину горы, меня, не смотря на лето и солнце, обнял такой резкий холод, что пришлось надевать шубу", що "пробирался с риском для жизни по таким тропинкам, чго, оглянувшись, не хотел верить, что был там". І, як завжди, знову заспокоює мене:

"Не думай только, что забываю твои советы. Не утомляюсь слишком, не работаю, живу впечатлениями и кое что записываю в книжку."

Ця подорож для нього — відпочинок: "Все таки, это каникулы, отдых, а работа предстоит дома". Михайло Михайлович такий задоволений, такий захоплений своїм життям, що навіть не помічає, що свою відпустку проводить в найнапруженішій роботі над збиранням матеріалу.

"Не буду описывать тебе своих впечатлений, — пише він, — скажу только, что я доволен и собираюсь еще через несколько дней, после отдыха, в горы. Хочу собрать материал."

В останній тиждень життя Михайла Михайловича в Карпатах погода зіпсувалася і шлях в гори був відрізаний. Але Коцюбинський, відрізаний повеню річок "от почты, от лавок, от всего света", як завжди, не сумував, а, зберігаючи бадьорість навіть у найважчих умовах і знаходячи у всьому красу, милується диким пейзажем залитих дощем гір.

Творче життя викликає нове піднесення у Коцюбинського і він знову почуває себе майже здоровим. В останньому листі з Криворівні він пише мені: "Я здоров, серце молчит, усталости Ц&Т А З

Повернувшись з Карпат, Коцюбинський назавжди залишив службу, яка так довго була для нього джерелом мук. Тепер він вільний перший раз у житті, може творити, може весь віддатися улюбленій роботі. Коцюбинський знову поривається на південь, на свій улюблений острів Капрі ^дочитувать захватывающие сказки". Мрія з і здоров'я зміцнити для нового, творчого життя, що відкривало для нього такі привабливі творчі перспективи, поїхати подалі від холоду, якого так не любив Михайло Михайлович.

Це була перша довга наша розлука. Для мене вона була незвичайно тяжка, бо Михайла Михайловича все ж чекала попереду улюблена робота, чудовий край. Я ж залишалася самотня серед нудного оточення, яке без нього було для мене нестерпно тяжким. Особливо я нудьгувала на роботі, звикнувши бачити там щодня Коцюбинського. Я тепер відчувала його відсутність гостро, до відчаю. В мене не вистачало сил навіть примусити себе працювати. Проте, працювати було треба, і я докладала всіх сил, щоб зберегти рівновагу.

Усі думки Коцюбинського, всі його прагнення тепер були спрямовані на улюблену роботу. По дорозі на Капрі з Львова він пише мені:

"Я все стремлюсь вперед, меньше обращаю внимание на окружающее. Хочется поскорее доехать и сесть за работу, которая становится все более и более привлекательной для меня, хочется работать, а все остальное (путешествие и внешние впечатления) только придаток.и Його листи з дороги квапливі. Він весь тепер заглиблений у своєму внутрішньому, такому глибоко змістовному, житті.

На Капрі Коцюбинський цього разу зупиняється в Горького, який не дозволив йому жити в готелі.

У Горького Коцюбинський, як і раніше, зустрічається з цікавими людьми, з письменниками. Але він поривається до роботи і прогулянок, що дають йому матеріал для спостережень:

"Здесь собирается очень интересное общество, большей частью литераторы, и ведутся оживленные споры и разговоры. Но все таки — луч нее время дня — прогулки."

На Капрі, усі знайомі, а особливо Горький і його сім'я, ставляться до Коцюбинського так привітно, з такою увагою, що це навіть бентежить його:

"Принимают меня здесь больше чем хорошо, все говорят комплименты, восхищаются моими работами, чем не мало смущают меня. Я не привык играть такой роли, мои соотечественники ведь не балуют меня таким вниманием."

І дивується:

"Не могу понять, почему моя особа вызывает такой интерес у Горького и вообще у здешней публики, но это факт, от которого подчас я буквально страдаю."

Ты знаешь, я не люблю возбуждать большого внимания к себе, это меня стесняет,"

Життя на Капрі, таке багате різноманітними враженнями, сприятливо впливає на Коцюбинського. Він завжди чутливий і сприятливий до краси, яку хотів і умів знаходити у всьому. Він милується красою природи, любить квіти, любить і уміє гарно вдягатися, любить красиві меблі в кімнаті.

Пригадую я такий випадок. Якось гуляли ми з Михайлом Михайловичем у полі, за містом. Зірвавши польову гвоздику, він простяг її мені і сказав:

— Поглянь, яка вона чудова, як красиво одягнена. Треба, щоб і люди також були гарні й вміли красиво одягатися.

А на Капрі все навколо сповнене краси, і Михайло Михайлович почував себе прекрасно:

"Сижу и работаю, — пише він мені, — нервы успокаиваются, вокруг тишина, чистота и красота. Надо мной острят, уверяя, что у меня комната, как у невесты, а, между тем, это сущая правда."

Життя Коцюбинського тепер глибоке, заповнене й інтенсивне. Він у товаристві цікавих людей слухає нові твори знайомих літераторів, обговорює їх, сперечається. У Горького велика бібліотека і Коцюбинський бажає добре ознайомитися з нею.

Напружено працюючи, Коцюбинський обмежує себе навіть в часі на звичайні прогулянки, які так любить і які потрібні йому для роботи; єднання з природою освіжає його, в ній він черпає натхнення.

"Часто испытываю чувство досады: по утрам солнце греет и светит, море удивительно синее, а я должен сидеть лучшую часть дня за столом, за работой, только изредка бросая взгляд на красоту эту, глядящую на меня из стеклянной двери. Нет, надо сделать хоть небольшой перерыв и погулять на воле. Может быть, солнце посеет что-то в душе, и я использую, собираю жатву", —

пише він; і в другому листі знову:

"Хочу опять побродить по острову, может солнце сделает новый посев в моем сердце, а я потом у себя в кабинете собираю жатву".

Проте Коцюбинського вабить не тільки природа, люди також цікавлять його, хоч він і скаржиться іноді на втому від них. Він яскраво описує, як проходить на Капрі переддень Різдва, відвідує костьол, побіжно відзначаючи, що "орган играет оперные вещи, шесть ксендзов ревут по-латыни, а тут же, среди молящихся, маленькая собаченка вычесывает блох".

Приєднується до натовпу, що йде з церковною процесією, спостерігаючи, що в одній процесії "маленький мальчик, кудрявый как херувим, в белой рубашке, несет корзину цветов, среди которых голы л ребенок—Христос", у другій—"Христа благоговейно песет старик, самый старый каприйский столяр, изображающий Иосифа*". "Ого!"—жартує він, —здесь дева Мария родила сегодня двойни". Йому весело серед натовпу, він з цікавістю спостерігає його: "Процессия среди треска петард, шумих и клубов дыма ходит по улице с пением, иду за ней и я. Весело!". У русі натовпу, серед його метушні він відчуває рух життя. "И чувствуешь себя одним из звеньев большого кольца человеческой жизни",— закінчує він опис свята.

На масляній Коцюбинський бере участь у капрійському карнавалі, щиро поділяючи радість і веселощі натовпу:

"Вся площадь превратилась в один большой зал, в громадный маскарад под открытым небом. Крик, шум, веселье и тарантелла. Везде стучат кастаньеты и деревянные башмаки, горят огни, море ритмично шумит, звезды дрожат на весеннем небе ~ и всем радостно и хорошо."

Коцюбинський пристрасно любить життя і вміє відшукувати у всіх його проявах красиве і хороше. Він писав мені якось з Одеси:

"Я не из тех, кто вечно всем недоволен, наоборот— я везде и всегда со всего собираю самое красивое и интересное и, если бы покопаться в моей душе, то даже бесцветная жизнь, наверно, отложила в ней много интересного, что когда-нибудь, при случае, неожиданно всплывет."

Якось раз я, жартуючи, поскаржилася йому, що, очевидно, не для радості я народилася 13 числа. Михайло Михайлович відповів: "И как тебе не стыдно! Когда я вспоминаю о дне своего рождения, я благословляю его". Така глибока життєрадісність Коцюбинського при постійному нездужанні, за скрутних матеріальних обставин завжди вражала мене.

Душа у цієї людини була така мужня, що він відкидав від себе всі злигодні життя, вбираючи з нього найпрекрас-ніше, а любов до прекрасного — така велика, що змушувала забувати про всякі дрібниці і неприємності:

"Ты напоминаешь мне о каких-то неприятных, по твоему, минутах во время наших свиданий,— пише він з Капрі,— а я забыл о них. Помню только хорошее, приятное."

Вдача у Коцюбинського була надзвичайно діяльна. Він всього хоче зробити якнайбільше і якнайкраще, йому завжди не вистачає часу:

"Не хватает дня — вот мое вечное горе. Так много надо сделать — жизнь коротка, не успеешь, а время мчится с поразительной быстротой."

Але, бажаючи зробити якнайбільше, Коцюбинський, в той же час, дуже вимогливий до своїх творів: переробляє їх, відкладає, чекаючи на кращий творчий настрій, на кращу працездатність.

У 1912 році він пише мені, що його "атакуют не только украинские, но и русские издательства с просьбой сотрудничать" і, що він відмовляється від цих пропозицій, не бажаючи зв'язувати себе:

"Боюсь обязательных спешных работ, что всегда связывает и понижает качество работ. Что же, будет меньше денег, но лучше работа."

А тим часом, гроші, як він пише в іншому листі, йому завжди потрібні, їх завжди не вистачає.

Завжди уважний до людей, чутливий і делікатний у стосунках з ними, Коцюбинський дуже цінує щире ставлення до себе, вміє в людях відшукувати найкращі якості, найцікавіші риси. Скромний до себе, він навіть думки не припускає, щоб до нього люди ставилися особливо щиро через його особисту привабливу вдачу.

З Капрі він пише мені:

"Относятся ко мне вообще хорошо, это правда, в этом отношении я считаю себя очень счастливым,

т. к. люди всю мою жизнь относились лучше ко мне, чем я того стою, и я большею частью встречал хороших людей, а дурных — реже. Но из этого ничего не следует, выводов в мою пользу сделать нельзя."

На Капрі Коцюбинський пробув цього разу чотири місяці— з 20 листопада 1911 року по 20 березня 1912 року. Працював він у цей час, як я вже згадувала, багато й інтенсивно. Тут він написав "Лист", який він переробляв, "Подарунок на іменини" і "Коні не винні".

"Подарунок на іменини" в російському перекладі Коцюбинський прочитав у сім'ї Горького.

"Этот рассказ, — пише він мені, — так понравился моим хозяевам, что они оба плакали и всем расхваливают напропалую мою вещь. А мне стыдно за нее, настолько плох перевод."

Тут же Коцюбинський зібрав матеріал для своєї новели "На острові", яка, через його смерть, залишилася незакінченою. Він давно мріяв про свій улюблений острів і цього року почав працювати над здійсненням своїх задумів.

"Не помню, — писал ли я тебе об этом, но мне хочется собрать с острова мед и перенести, как сумею, на бумагу", — писав він мені в 1912 році.

Але Михайло Михайлович, як завжди, незадоволений з малої продуктивності:

"Ты, как будто, насмехаешься надо мной, когда пишешь, что я много сделал за зиму,—пише він мені,— а, между тем, я очень мало написал за зиму, всего два небольших рассказа и думаю закончить третий. Для четвертого только успел собрать материал. Это очень мало, поразительно мало, и я краснею, когда вспомню о такой малой производительности."

Здоров'я Коцюбинського в цей час, було, як і раніше, погане, хоч перші півтора місяці життя на Капрі, завдяки зміні вражень і нервовому піднесенню, він відчував деяку бадьорість і майже не помічав своєї хвороби. У першому своєму листі з Капрі Михайло Михайлович ще скаржиться:

"Устал с дороги и от вечного общения с людьми, сплю плохо и нервы не в порядке."

Але вже через тиждень пише:

"Я здоров и начинаю приходит в себя после дороги и от первой усталости на Капри. Кашель почти совсем прошел, только по утрам кашляю, но это не надоедает мне, и я даже не замечаю."

Як завжди, він і в цей час не дуже уважний до себе і живе таким життям, яке для його здоров'я було явно згубним. У перших числах грудня він пише мені: "Я двенадцать часов в сутки на людях (у Горького), среди облаков дыма, возбуждения и без движения". Ізнову — через чотири дні: "Кашляю я меньше, хотя уже два дня, как слегка

простудился и опять кашель". І додає: "Сердечные припадки отошли в область преданий".

З березня здоров'я Коцюбинського починає різко гіршати. Він застудився і весь час, аж до повернення в Чернігів, хворіє.

2-го березня 1912 року він пише з Капрі:

"Мне не повезло: простудился, прохватил меня где-то сквозной ветер и я пролежал в постели несколько дней, а теперь, хотя уже и выхожу на воздух, но никуда не гоюсь, устаю страшно, исхудал, едва держусь на ногах/

І тут же намагається заспокоїти мене:

"Не тревожься только, ведь я поправился уже, начал работать и сегодня закончил даже рассказ."

У листі від 11 березня він знову скаржиться:

"Все хвораю. Только что было поправился несколько-о, как опять простудился — где и как — не знаю. Опять пришлось слечь в постель, припадки астмы, кашель и повышенная температура.*

20-го березня Коцюбинський виїхав з Капрі. В дорозі він схопив плеврит і, приїхавши до Чернігова, три тижні пролежав у ліжку.

Проте, вже у половині червня Коцюбинський знову виїхав до Карпат, бажаючи продовжити свої спостереження над життям гуцулів. У Карпатах його в перші дні зустріли холод і дощі. Втомлений від подорожі, під час якої він, за його

виразом, "не умел спать",— він був пригнічений холодом і дощами, через які не можна було вирушити в гори.

"День кажется годом,— скаржиться він у цей час,— если бы не холод и дожди, у меня было бы лучшее самочувствие. Сейчас же головная боль и недовольство."

Через кілька днів погода покращала, і Михайло Михайлович знову оживає:

яПри хорошей погоде и я чувствую себя здоровым, имею великолепный аппетит и работоспособность моя повышается."

І хвороби забуті, несприятливі умови зовнішнього життя, незручності його мало турбують. На них не звертає він уваги. Всі думки, всі бажання зосереджені на роботі. Він захоплений нею цілком:

"Живется мне хорошо, несколько напряженно и нервно, но это пустяки. Вначале я плохо спал, теперь уже сплю хорошо, должно быть, устаю после работы. С самого утра я уже отправляюсь в гости, к знакомым гуцулам, или завожу новые знакомства при всяком удобном случае: на дороге, у реки, в лесу и т. п. Моя записная книжка быстро заполняется."

Він запрошує з далеких сіл на допомогу під час подорожі в гори двох знайомих гуцулів і знову збирається в гори верхи:

"Если припоминаешь,— пише він мені,— мне хочется познакомиться со своеобразной философией гуцулов, с их взглядами на жизнь и любовь. Уже теперь чувствую под собой почву, так как оправдывается то что я предполагал раньше в виде догадки."

А покищо він робить далекі прогулянки пішки "для зна*комства с природой", записуючи свої враження. Ходить він. звичайно, один:

"Знакомых пока немного, но и наличные претендуют на мое общество. Но я не поддаюсь: без церемонии заявляю всем, что я приехал сюда не для личных удовольствий, а на работу".

т

Але погода знову зіпсувалась і заважала Михайлові Михайловичу збирати матеріал:

"Холодно, сыро, нет солнца. Я почти не гуляю и до головных болей беседую с гуцулами. Но беда в том, что выбор собеседников ограничен ближайшими соседями и не всегда интересен. Я не могу выехать никуда и ко мне никто не решается приехать."

Він мріє подорожувати річкою через пороги на Буковину. ..Это восхитительное, хотя немножко опасное, путешествие: бывают случаи, когда "дарабы" (плот) разбиваются о скалы". Лє небезпека його найменше зупиняє: "Волков бояться — лес не ходить. Надеюсь быть целым и невредимым и, кроме того, с запасом впечатлений".

А погода, тим часом, ставала все гірша.

"Вот уже скоро месяц, — пише мені Михайло Михайлович,— как здесь днем и ночью льют дожди, часто холодные, осенние, сырость такая, что одежда никогда вполне не высыхает, мы все тут кашляем, сердимся и даже болеем. Схватил жестокий бронхит. Сплю очень плохо, страдаю бессонницей и неэнаю причин."

Треба було залишати Карпати: бронхіт викликав ускладнення на серце. Коцюбинський змушений був виїхати. Він почував себе в цей час так погано, що вже у Львові хотів ля; ти в лікарню. Проте, все ж зібрав сили й поїхав далі. Ледве доїхавши до Чернігова, відразу ж зліг. Ця хвороба була фатальною для Михайла Михайловича, вона остаточно підірвала його і без того виснажений організм. Три тижні він лежав, не

встаючи, а потім, хоч і намагався вставати, та не надовго. Незабаром знову зліг на місяць.

У ті рідкі тепер дні, кои Михайло Михайлович напівхворий виходив зустрітись зі мною, на нього страшно було дивитися, такий він був жахливо схудлий.

Було вирішено, що Коцюбинський поїде лікуватися до Києва, де й ляже в клініку. Тут, у київській клініці, Михайло Михайлович пролежав три місяці —з кінця жовтня 1912 року по кінець січня 1913 року.

Київські лікарі теж не могли допомогти Коцюбинському. Не зважаючи на виняткову увагу до Михайла Михайловича кращих київських спеціалістів—професора Образцова та його помічників Стражеско і Рафієва, не зважаючи на добрий догляд і уважне ставлення до нього обслуговуючого персоналу, здоров'я Коцюбинського згасало...

Мене Михайло Михайлович умовив на час його лікування в Києві виїхати до Петербурга, бо саме в цей час я була в відпустці. У цьому виявилось його піклування й увага до мене.

Період хвороби Коцюбинського в Чернігові був важким часом і для нього й для мене: мене тільки не могли бачитися, а й листуватися нам рідко щастило. Отже, щоб трохи розважити мене, Михайло Михайлович і переконав поїхати з Чернігова: "Все равно, пока я болен, видаться мы не сможем. Ты поезжай в Петербург, а я за это время подлечусь в Киеве.*

У клініці Коцюбинський увесь час почував себе погано: безсоння, болісні сердечні припадки, різкі болі на ґрунті розладу сердечної діяльності. Але коли йому ставало трохи легше, він нудьгував по улюбленій роботі, яку йому забороняли і для якої він сам не мав сил.

"Чувствую тоску по работе,— писав він мені до Петербурга.—Так хочется сесть за стол и взять перо в руки". Але сил вже не було:

"Не могу работать, голова не свежа и фантазия потеряла крылья."
Проте, вражлива, кипуча вдача Коцюбинського не виносила
бездіяльності. Нишком, криючись від лікарів, він, як тільки йому ставало
трохи легше, відшукував собі якесь заняття.

Пишучи мені 4 листопада про те, що повідомлення у газетах про
поліпшення його здоров'я "довольно правдоподобны на этот раз", він
досадує на лікарів, які тримають його в постелі, "запрещают волнения,
движения — все, чем проявляется жизнь" і нарікає на неможливість
покищо працювати:

"Работать еще не могу, но много читаю... Вокруг меня лежат новинки
книжного рынка, и я предвкушаю много удовольствия от ознакомления с
ними. Хочу воспользоваться также университетской библиотекой (він
лежав в університетській клініці) и почитать по ботанике и
зоопсихологии, т. к. в последнее время я совершенно отстал в этих
любимых мною науках".

Але думки про улюблену роботу не залишають його: "Не подумай,
однако, что я собираюсь лежать здесь всю зиму. Как только позволят
мне встать с постели" укачу домой и за работу." Громадськість не
забуває його. Щодня Коцюбинський одержує листи, на які намагається
відповідати акуратно.

"Внешних впечатлений я еще не получаю,— виправдовується він,— а
для того, чтобы жить запасами, черпать из себя, нет еще надлежащей
свежести организма. Вот я и чувствую себя в этот неблагодарный
период особенно бедным и всем моим корреспондентам отвечаю на
письма краткими открытками, дающими мне возможность скрыть эту
бедность впечатлений."

Але ця кореспонденція втомлює його:

"Казалось, ушел я от моих корреспондентов, но благодаря газетам, сообщившим зачем-то даже мой адрес, ко мне пишут, кроме знакомых, и незнакомые досужие люди, а я должен всем отвечать. Правда, я пишу всего несколько слов благодарности за добрые пожелания,— но этих пожеланий довольно много, и моя корреспонденция утомляет меня."

У грудні він повідомляє мене:

"Я, как уверяют врачи, на пути к выздоровлению. Субъективно же не могу похвалиться хорошим самочувствием. Почему то не тверд на ногах, менее тверд, чем был неделю назад. Какая-то слабость по всем организму."

"Три дня как я понемногу занимаюсь: просмотрел перевод рассказа своего для журнала "Заветы* и продержал корректуру своей новой вещи "На острове". Устал отчаянно от этой такой легкой работы. Делал бесчисленное количество антрактов, но все же кончил".

Втомлюють його і відвідувачі і він скаржиться мені на це: "утомляють меня посетители, но с этим бороться трудно".

Вражає самовладання цієї людини. Він не занепадає духом, не скаржиться. Навпаки, він знаходить сили навіть жартувати. "Я еще удивляюсь, как я не сделался брезгой, раздражительным, мрачным",— пише він мені в одному з грудневих листів 1912 року:

"Все таки, я в снисходительно благодушном настроении и часто подсмеиваюсь над всем своим злополучием. Ничего! Когда-нибудь будет и лучше! Пустяки!"

Така бадьорість дивувала навіть лікарів, які лікували його. Ця бадьорість — не легкодухість: Михайло Михайлович глибоко почував всю серйозність своєї хвороби. Але він любив життя і, навіть відрізаний від нього, намагається вловити радісний його пульс:

"Судьба так часто и жестоко колотила меня Б последнее время, что я вынужден для примирения с жизнью вспоминать и все доброе, когда-нибудь подаренное ею. А теперь я благодарен ей, когда она приносит мне письмо от тебя, луч солнца или цветок." Але надія на краще не залишає Коцюбинського в ці трагічні хвилини:

"Не думай, впрочем, что я кисну, унываю,— пише він мені,— мое легкомыслие, как ты называешь это, или философское отношение к жизни, как я смею думать,— избавляет меня от трагических мин. Все будет хорошо — вот мой девиз."

"Две только вещи тяжело перекосятся: разлука с тобой и невозможность писать".

Його спокій, органічна жадоба до життя, воля дужої людини змушували організм довго боротися за життя. Але надій ставало все менше. За моментами тимчасового покращання наставали різкі погіршення.

"Здоровье мое очень неровно,—пише він мені 30 грудня 1912 року, — ряд подъемов и падений..."

Кінець-кінцем, навіть в сильного волею Михайла Михайловича терпіння вичерпалося. Він став нервуватися, проситися додому. Його нарешті додому відпустили (23 січня 1913 року).

З переїздом Михайла Михайловича до Чернігова ми не могли не тільки бачитися, а й листуватися.

Надійшли для мене жахливі дні. Я божеволіла, не маючи листів від Михайла Михайловича, не маючи змоги діяти...

Одним з близьких знайомих Коцюбинського був художник Михайло Іванович Жук. який останніми роками жив в одній садибі з нами (у цій квартирі Михайло Іванович малював портрет Коцюбинського).

Я була знайома з Михайлом Івановичем і його дружиною Анастасією Григорівною. Знаючи, що Михайло Іванович часто відвідує Коцюбинського, я щодня знаходила якусь нагоду відвідати їх і довідатися про здоров'я Михайла Михайловича.

Але передати листа через Жука я не зважувалася. Коцюбинський знав, що я бачуся з Михайлом Івановичем, але також чомусь не писав до мене. Не знаючи як поставиться Михайло Михайлович до передачі листів через Жука, я також не зважувалася писати перша.

Це були нестерпно тяжкі дні: понад два місяці я не мала жодного рядка від Коцюбинського. Проте, думка про трагічний кінець ні на одну хвилину не приходила мені в голову. Оптимізм Михайла Михайловича, його впевненість у тому, що все буде добре, посіяли і в моїй душі надію.

Смерть була несподіваним жахливим ударом...

Це трапилося у п'ятницю 12 квітня (25/IV за нов. ст.). Нас відпустили на пасхальні канікули. У мене був звичайний за останні місяці тривожний стан, я не мала сил залишатися вдома і поїхала з сестрою Зіною велосипедами за місто, сподіваючись, що швидка їзда втомить і хоч трохи заспокоїть мій біль.

Виїхали ми годині о 12, а о 4 вже були вдома.

Я саме витирала велосипед на терасі, не сподіваючись, що зараз одержу жахливу звістку, коли до мене підійшла служниця Жуків і подала записку.

Розгорнувши, я прочитала: "Сьогодні в 21/3 год, дня помер Михайло Михайлович. Настя" (дружина Жука).

... Відразу я не повірила:

"Не може бути! Це помилка!"

Потім якась отупіння до непритомності опанувало мною. Настирливо ворушилася десь думка, що я повинна щось зробити, щось закінчити:

"Ага! витерти велосипед і поставити на місце..."

... Всю ніч пролежала я з розплющеними очима, без думок і почуттів. Такого горя не передати словами.,.

Другого дня Анастасія Григорівна, дружина Жука, попрохала допомогти робити вінки на труну Коцюбинського.

Я поїхала на Лісковицю, до садівника Зборовського, де Михайло Михайлович завжди купував квіти для мене. Тут я хотіла купити квітів в його останню подорож...

На східцях будинку Жуків ми робили вінки. Але я не могла зосередитися, вінки в мене не виходили.

Анастасія Григорівна брала їх з моїх рук і швидко та майстерно переробляла.

Квіти приносили безперервно...

Хтось приніс кошик білорожевого цвіту яблуні.

"Цвіт яблуні!" — скорботно промайнула думка...

Я згадала, що Михайло Михайлович писав мені з Капрі під час своєї останньої подорожі, як приємно було йому там бачити розквітлу яблуню.

Я присунула до себе кошик з гілками розквітлої яблуні і швидко сплела вінок з самого цвіту яблуні. Він був най' красивіший від усіх вінків...

Анастасія Григорівна потім розповіла мені, що саме цей вінок хтось поклав у труну в головах Михайла Михайловича.

— А знаєте,— сказала вона, — Віра Устинівна прохала від вас не приймати ні вінків, ні квітів,

15 квітня Михайла Михайловича ховали...

За труною йшла сила людей, стільки я ще ніколи не бачила. Труну несли на руках від церкви аж до Троїцької гірки старовинного Троїцького монастиря, де над кручею і поховали Коцюбинського.

Вінків принесли силу—кожен намагався послати останній привіт людині що так завчасно зійшла в могилу...

Були вінки і з червоними стрічками.

Навкруги в натовпі швеньдяли городові, метушилися фотографі... >

Тягнув за душу тужливий церковний спів. Я пригадала, як Михайло Михайлович якось сказав мені: "Коли я помру, поховай мене без попів..."

...Я йшла в натовпі. Сліз не було, як і раніше. Горе було глибоке, неймовірне... Навкруги чулося: "Залишив матір, дружину й четверо дітей. Є невидані твори ..."

А весняне сонце світило незвичайно яскраво, неначе й
воно прощалося з тим, хто так любив його за життя...

Травень — жовтень 1937 р. Москва — Чернігів.